

АДЫГЕЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

80 лет

**ЛИЧНОСТЬ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОБЛЕМ
РАЗЛИЧНЫМИ НАУЧНЫМИ ШКОЛАМИ**

Майкоп – Краснодар
2020

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Российский фонд фундаментальных исследований
Адыгейский государственный университет
Кубанский государственный университет
Психологический институт Белорусского государственного
педагогического университета им. М. Танка
Российское психологическое общество

**ЛИЧНОСТЬ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОБЛЕМ РАЗЛИЧНЫМИ
НАУЧНЫМИ ШКОЛАМИ**

Майкоп – Краснодар
2020

УДК 159.923:316:6
ББК 88.52
Л 66

Редакционная коллегия:

А.А. Алдашева, А.С. Горбачева (тех.ред.), А.Н. Демин, З.А. Жаде, **В.В. Знаков (отв. ред.)**,
Н.В. Ковалева, Ю.Э. Макаревская, Л.Н. Ожигова, **З.И. Рябикина (отв. ред.)**, Б.А. Ясько

Л 66 **Личность и вызовы современности: интерпретация проблем различными научными школами** / Под ред. З.И. Рябикиной и В.В. Знакова. – Майкоп: Адыгейский гос. ун-т; Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. – 348 с.

ISBN 978-5-91692-766-5

Предлагаемое издание содержит результаты фундаментальных и прикладных исследований проблем личности как субъекта бытия в обстоятельствах современной реальности, анализируемых с позиций различных научных подходов и в рамках актуальных исследовательских направлений, среди которых психологический, философский и социологический анализ проблем идентичности, со-бытийности, психических состояний личности, здоровья, гендерных аспектов бытия и со-бытия личности, социальной психологии внешнего облика и экспрессивного поведения, преобразования мира профессий и психологии образования.

Адресуется психологам, философам, педагогам, социологам, политологам, а также всем исследователям проблем личности в условиях вызовов современности.

УДК 159.923:316:6
ББК 88.52

*Сборник статей издан при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-013-22065*

ISBN 978-5-91692-766-5

© Адыгейский государственный университет, 2020
© Кубанский государственный университет, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	10
---------------	----

ЛИЧНОСТЬ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД)

ФЕНОМЕН ВИЗУАЛИЗАЦИИ УЧЕБНОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ВЫЗОВ В СТАНОВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИЧНОСТИ.....	11
--	----

Аранова Светлана Владимировна

ПСИХОЛОГИЯ ВОЗМОЖНОГО – КОНТУРЫ НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	16
---	----

Знаков Виктор Владимирович

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ ПРОЦЕССОВ ИНФОРМАТИЗАЦИИ	21
---	----

Ивлева Марина Левенбертовна, Иноземцев Владимир Александрович, Ивлев Виталий Юрьевич

ЛИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СЛОЖНОСТИ ЦЕННОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ	26
---	----

Ильинова Надежда Александровна

ВЫЗОВЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ	30
---	----

Иноземцев Владимир Александрович, Ивлев Виталий Юрьевич, Иноземцева Юлия Владимировна

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА РОССИИ.....	34
--	----

Карабущенко Наталья Борисовна, Штырев Михаил Михайлович

СУБЪЕКТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И КРИЗИСА	38
--	----

Ковалева Наталья Владимировна

ПАНДЕМИЯ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ РИСК: НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ УГРОЗЫ И РЕАКЦИЯ НА НЕЕ.....	43
--	----

Куква Елена Сергеевна

ПРОАКТИВНОЕ СОВЛАДАНИЕ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ФАКТОРЫ	45
---	----

Маленов Александр Александрович

ФЕНОМЕН СУБЪЕКТНОСТИ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ	49
--	----

Мухаметзянова Флёра Габдульбаровна, Лушпаева Ирина Игоревна, Хайрутдинов Рамиль Равилович

ТИПЫ СУБЪЕКТНОЙ АКТИВНОСТИ: СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНЫЙ ПОДХОД	54
<i>Петросьян Светлана Николаевна, Рябикина Зинаида Ивановна</i>	
ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТОВ НА ПРЕДМЕТ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	58
<i>Рева Галина Вячеславовна, Цергой Тереза Александровна</i>	
ИНОЙ МИР, ИНОЙ ЧЕЛОВЕК, ИНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ.....	64
<i>Рябикина Зинаида Ивановна</i>	
ЛИЧНОСТЬ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ И СИСТЕМНО-СУБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД.....	70
<i>Сергиенко Елена Алексеевна</i>	
САМОПОНИМАНИЕ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ	75
<i>Тарасова Валерия Витальевна</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ: ВОЗМОЖНОСТИ ФИЛОСОФИИ	80
<i>Шадже Асиет Юсуфовна, Ильинова Надежда Александровна</i>	
ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОЙ ФОРМЫ СУБЪЕКТНОСТИ И РЕСУРС В ПРЕОДОЛЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕСТРУКЦИЙ	85
<i>Шиповская Виктория Владимировна, Гусейнов Александр Шамильевич</i>	
ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ СО-БЫТИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ	
ПРИЕМНОЕ РОДИТЕЛЬСТВО КАК ВИД ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ.....	90
<i>Алдашева Айгуль Абдулхаевна, Понамарева Елена Александровна</i>	
ДОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД И «ГОЛОС» ЧЛЕНОВ ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЕЙ КАК ОСНОВА ИХ КАЧЕСТВЕННОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ.....	94
<i>Арчакова Татьяна Олеговна, Гарифулина Эльвира Шамильевна</i>	
ПОКАЗАТЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ У ПРИЕМНЫХ ДЕТЕЙ ДО И ПОСЛЕ УЧАСТИЯ В ПРОГРАММЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА	99
<i>Асламазова Лилия Артуровна, Мухамедрахимов Рифкат Жаудатович</i>	
ОБРАЗ МИРА И СТИЛЬ КОНФЛИКТНОГО ПОВЕДЕНИЯ У МОЛОДЕЖИ.....	103
<i>Богомолова Екатерина Ильинична, Лихтенштейн Татьяна Николаевна</i>	
ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИЙ ТРЕНИНГ КАК ТЕХНОЛОГИЯ СОПРОВОЖДЕНИЯ ЗАМЕЩАЮЩЕЙ СЕМЬИ	107
<i>Гапченко Елена Александровна</i>	
ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ ВИДЕОБЛОГОВ	113
<i>Грушевская Вероника Юлдашевна</i>	

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ НЕУДАЧНОГО ЖИЗНЕННОГО СЦЕНАРИЯ В КОГНИТИВНЫХ СХЕМАХ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ СЕМЬИ.....	119
<i>Макаревская Юлия Эдуардовна, Нещеретняя Мария Сергеевна</i>	
СВЯЗЬ ПЕРСОНАЛЬНОГО И СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В СТУДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ	125
<i>Маленова Арина Юрьевна, Федотова Елизавета Евгеньевна</i>	
МОТИВАЦИОННАЯ СФЕРА И РОДИТЕЛЬСКИЕ УСТАНОВКИ УСЫНОВИТЕЛЕЙ .	130
<i>Маркина Ольга Александровна</i>	
ВИРТУАЛИЗАЦИЯ БЫТИЯ КАК СРЕДСТВО УХОДА ОТ СУИЦИДА В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ.....	135
<i>Ткаченко Ксения Анатольевна</i>	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МАТЕРЕЙ С ДЕТЬМИ В ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЬЯХ, УЧАСТВУЮЩИХ В ПРОГРАММЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА «АВС»	138
<i>Туманьян Карина Георгиевна, Дожер Мэри, Черного Дарья Ивановна, Мухамедрахимов Рифкат Жаудатович</i>	
ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДЕТЕЙ С БЛИЗКИМИ ВЗРОСЛЫМИ НА ВЫХОДЕ ИЗ ДОМА РЕБЕНКА И В ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЬЯХ	143
<i>Шабалина Екатерина Владимировна, Мухамедрахимов Рифкат Жаудатович</i>	
THE QUALITY PARENTING INITIATIVE: SUPPORTING EXCELLENT PARENTING IN THE UNITED STATES	148
<i>Carole Shauffer</i>	
THE MOCKINGBIRD FAMILY MODEL A SUPPORT FOR FOSTER CARERS	151
<i>Kevin Williams</i>	
TRAINING AND SUPPORTING FOSTER CARERS AND ADOPTIVE PARENTS IN ESTONIA.....	153
<i>Liis Saarna</i>	
ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ НА СТЫКЕ КУЛЬТУР, СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК И ПОЛИТИЧЕСКИХ СЦЕНАРИЕВ	
СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА СОЦИАЛЬНЫХ ВОСПИТАТЕЛЕЙ	156
<i>Алдашева Айгуль Абдулхаевна, Зеленова Марина Евгеньевна</i>	
РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ	161
<i>Аполлонов Иван Александрович, Тучина Оксана Роальдовна</i>	
ВОЗРАСТНАЯ ДИНАМИКА ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	165
<i>Гудзовская Алла Анатольевна</i>	

ПРОГРАММА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЕЖИ С ДЕСТРУКТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ СУБЪЕКТНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ.....	170
<i>Гусейнов Александр Шамильевич, Шиповская Виктория Владимировна</i>	
ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИЕТАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ	176
<i>Жаде Зуриет Анзауровна</i>	
ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МИГРАНТОВ КАК ФАКТОР ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ РИСКОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН	179
<i>Зинурова Раушания Ильшатовна, Шакирова Алла Юрьевна, Никитина Татьяна Николаевна</i>	
ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ ФЕНОМЕН ИДЕНТИЧНОСТИ	183
<i>Кимберг Александр Николаевич</i>	
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МОТИВАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ	187
<i>Котлярова Любовь Николаевна</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)	192
<i>Кумпилов Тагир Маратович</i>	
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ ИНЖЕНЕРОВ).....	196
<i>Тучина Оксана Роальдовна, Тарасова Валерия Витальевна</i>	
ЛИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ МИРА ПРОФЕССИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	
САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ (НА ПРИМЕРЕ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)	200
<i>Багадирова Сусанна Кимовна</i>	
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОФЕССИИ ИНЖЕНЕРА).....	205
<i>Бафанова Валентина Евгеньевна, Чемулова Алена Валерьевна</i>	
РОЛЬ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ БЛАГОПОЛУЧИИ ПЕДАГОГОВ ПОЗДНЕГО ВОЗРАСТА	209
<i>Борисов Георгий Игоревич</i>	
ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДИНАМИЧНЫХ УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЫ ОБЩЕСТВА.....	212
<i>Бурлаченко Лариса Сергеевна</i>	
ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ФИНАНСОВЫХ ТРУДНОСТЕЙ	217
<i>Дёмин Андрей Николаевич, Матвеева Александра Сергеевна</i>	

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ВЛИЯНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ НА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ РАБОТНИКОВ ИНДУСТРИИ 4.0.....	221
--	-----

Коропец Ольга Анатольевна, Федорова Алена Эдуардовна, Поленц Илона Артуровна

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ И СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОГО СТАТУСА	226
--	-----

Помазан Игорь Александрович, Дёмин Андрей Николаевич

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ УПРАВЛЕНЦЕВ.....	229
--	-----

Скрипниченко Людмила Сергеевна

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ТРУДОМ В СИСТЕМЕ УСЛОВИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ	233
--	-----

Ясько Бэла Аслановна

ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ И РЕГУЛЯТОРНЫЕ АСПЕКТЫ

ДИНАМИКА РЕГУЛЯЦИИ ПСИХИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В УСЛОВИЯХ ДОЛГОВРЕМЕННЫХ СТРЕССОВЫХ ВОЗДЕЙСТВИЙ.....	237
--	-----

Горская Галина Борисовна

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УЯЗВИМОСТЬ: АДАПТАЦИЯ МЕТОДИКИ	241
--	-----

Куфтяк Елена Владимировна

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МЕНТАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ.....	245
--	-----

Прохоров Александр Октябрьнович

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА И ЭКСПРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

ЦЕЛОСТНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЖЕНЩИН: ФОРМУЛА «ЭФФЕКТА ОМОЛОЖЕНИЯ».....	249
---	-----

Воронцова Татьяна Алексеевна

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ЛИЧНОСТИ С ПОЗИЦИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА	254
---	-----

Лабунская Вера Александровна

УСТОЙЧИВЫЕ ПАРАМЕТРЫ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА КАК ОБЪЕКТ ЛУКИЗМА.....	258
--	-----

Погонцева Дарья Викторовна

ПРОБЛЕМА ИНТОЛЕРАНТНОСТИ К ОЦЕНКАМ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА: ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ К ПРАКТИКЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ.....	262
---	-----

Сериков Геннадий Витальевич, Дроздова Ирина Ивановна

ЗДОРОВЬЕ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

**ЗДОРОВЬЕ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ЖИЗНИ
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ** 267

Вержибок Галина Владиславовна

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ 271

Жаде Зуриет Анзауровна

**ИНТЕНСИВНАЯ ТРЕВОГА КАК ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ
НА УГРОЖАЮЩЕЕ ЖИЗНИ ЗАБОЛЕВАНИЕ** 275

Харламенкова Наталья Евгеньевна, Никитина Дарья Алексеевна

**ОБЪЯСНЕНИЕ ПРИЧИН ЗАБОЛЕВАНИЯ ПАЦИЕНТАМИ
С ДИАГНОЗОМ «МЕНИНГИОМА»** 280

Шаталова Надежда Евгеньевна, Никитина Дарья Алексеевна

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ БЫТИЯ И СО-БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ

**УЧЕБНАЯ МОТИВАЦИЯ И СМЫСЛ «Я»: ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА
СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ** 284

Вартанова Ирина Ивановна, Маркина Наталья Юрьевна

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГЕНДЕРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ** 289

Воронцов Дмитрий Владимирович

**ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ЛИЧНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ)** 294

Евстафеева Евгения Александровна

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОЦЕНОЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ О СУБЪЕКТЕ 299

Куликов Леонид Васильевич

**МАСКУЛИННОСТЬ/ФЕМИНИННОСТЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
МОТИВАЦИЯ У СТУДЕНТОВ** 303

Лупенко Наталья Николаевна

**ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ГЕНДЕРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ХАРАКТЕРИСТИК
ЛИЧНОСТИ ПРЕДИКТОРОМ ЕЕ АДАПТИВНОСТИ
В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ?** 308

Титова Ольга Ивановна

**ГЕНДЕРНАЯ САМООЦЕНКА И ГЕНДЕРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК** 312

Ярьсько Ирина Вадимовна, Ожигова Людмила Николаевна

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕМЕН: РИСКИ И ВЫЗОВЫ ИННОВАЦИЙ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ К ЛИЧНОСТНО-ЦЕНТРИРОВАННОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ	316
<i>Берберян Ася Суреновна</i>	
ВЕДУЩИЕ МОТИВЫ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ МАГИСТРАТУРЫ.....	321
<i>Босенко Марина Вилоровна</i>	
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ ПЕДАГОГОВ К ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ	326
<i>Бубнова Ирина Сергеевна</i>	
РИСКИ В РАЗВИТИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ.....	330
<i>Панченко Ольга Львовна</i>	
ЛИЧНОСТНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ КАЧЕСТВА ПЕДАГОГА, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ	333
<i>Суннатова Рано Иззатовна</i>	
ПРОКРАСТИНАЦИЯ КАК ФЕНОМЕН И ОБРАЗ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА, ОСОБЕННОСТИ КОРРЕКЦИИ	338
<i>Юрина Алла Анатольевна</i>	
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	342

ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемом научном сборнике обсуждаются актуальные проблемы бытия личности в обстоятельствах современной реальности с позиций различных психологических научных школ и междисциплинарных подходов.

В последние десятилетия к характеристикам общих трендов современного общественного процесса относят: транзитивность, нарастающие цифровизацию и виртуализацию бытия, политическую реконструкцию, постмодернизацию общественного мировоззрения, гендерный транзит и пр., что создает основания для использования предложенной З. Бауманом метафоры – «текущая современность». Современный человек организует свое бытие в быстро меняющемся, «ускользающем мире» (Э. Гидденс). Проблемы еще более обострились из-за пандемии и карантинных мер, которые кардинально изменили уклад бытия личности, изменили практики обыденности. «Мир уже не будет прежним» – ключевое утверждение многих аналитиков. Значит ли это, что и человек уже не будет прежним? Насколько кардинально меняется личность? Остается ли корректным понимание личности в контексте сложившегося аппарата научного анализа, в контексте утвердившихся методологических принципов? Это – вопросы для большой дискуссии.

В предлагаемом издании представлены статьи, подготовленные участниками Международной научной конференции «Личность и вызовы современности: интерпретация проблем различными научными школами». В ней принимали участие психологи, философы, педагоги, социологи, юристы, представители др. областей научного знания. География участников: Екатеринбург, Казань, Краснодар, Красноярск, Майкоп, Москва, Омск, Ростов-на-Дону, Самара, Санкт-Петербург, Сочи, Челябинск, Минск (Беларусь), Ереван (Армения), Таллин (Эстония), Лондон (Великобритания), Ньюарк (США), Сан-Франциско (США) и др. Квалификационный уровень авторов статей (45% имеют ученую степень кандидата, 28% – доктора наук) свидетельствует как об актуальности рассматриваемых проблем и потребности исследователей в активных научных контактах, так и о перспективности этой области развивающегося научного дискурса.

Статьи в сборнике структурированы по содержательным разделам:

- «Личность и вызовы современности: возникновение и преодоление противоречий»;
- «Личность как субъект со-бытия в изменяющейся социокультурной реальности»;
- «Идентичность личности на стыке культур, социальных практик и политических сценариев»;
- «Личность в условиях преобразования мира профессий и экономических отношений»;
- «Психические состояния личности: феноменологические и регуляторные аспекты»;
- «Социальная психология внешнего облика и экспрессивного поведения»;
- «Здоровье в системе ценностей личности»;
- «Гендерный аспект бытия и со-бытия личности»;
- «Психология образования в условиях перемен: риски и вызовы инноваций»

Редакционная коллегия

ЛИЧНОСТЬ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД)

Аранова Светлана Владимировна
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург
svet-aranova@yandex.ru

ФЕНОМЕН ВИЗУАЛИЗАЦИИ УЧЕБНОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ВЫЗОВ В СТАНОВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИЧНОСТИ¹

Аннотация. В статье обсуждается необходимость педагогического осмысления феномена визуализации и культуросообразного формирования у учащихся умений визуального представления учебной информации. Приводятся некоторые результаты исследований феномена визуализации учебной информации научно-исследовательского института педагогических проблем образования РГПУ им. А.И. Герцена. Предлагается реализация широкого взгляда на феномен визуализации учебной информации как на междисциплинарную проблему с необходимостью обоснования философского, психологического, социального и других аспектов в школьном образовании.

Ключевые слова: феномен визуализации, культура визуализации учебной информации, современное образование.

Одним из вызовов времени, опосредующих заметные изменения в жизни общества, становится лавинообразное нарастание визуальной информации. Утверждается, например, что 90 % произведённой за всю историю человечества информации создано за последние два года, и 90 % данных, которые выложены онлайн, имеют визуальную форму [7]. Так называемый «визуальный поворот», как и зарождение своеобразной «экранной культуры» приобретают масштабы феноменов [4; 5], и их воздействие проявляется в доминирующем использовании визуальных средств коммуникации, в бурном развитии цифровых технологий визуализации, в появлении новых, визуально ориентированных, профессиональных навыков и компетенций. Закономерным – в силу этого – представляется философский взгляд на визуализацию информации как на феномен, содержащий проблемы общекультурного характера [8]. В теории феномен – это отношение перехода от части к целому, т. е., если рассматривать в отношении человеческого сообщества, переход от установок отдельных личностей к большим группам. Феномен визуализации имеет не только внешние, количественные проявления, но затрагивает разнообразные слои социума и области его существования, поэтому представляется «ведущим культурным процессом современности», который ориентирован на познание действительности личностью [3].

Такие обстоятельства оказывают влияние на школьное образование как на социокультурно обусловленную сферу формирования личности. Феномен визуализации

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00301 «Феномен визуализации учебной информации в современном образовании».

порождает целый веер разнообразных проявлений в учебном процессе: увеличивается доля визуального контента весьма разного качества и видов, изменяются требования к образовательным результатам в плане востребованных в визуалоцентричном обществе навыков, активно внедряются соответствующие цифровые технологии, повышаются запросы к профессиональной подготовке учителей. Согласно современным стандартам школьного обучения целый кластер метапредметных умений связан непосредственно с эффективным графическим представлением учебной информации. Многие исследователи (Ю.В. Громыко, Н.Г. Иванцовская, С.Е. Игнатьева, Н.И. Кальницкая, Ю.Ф. Катханова, Т.С. Комиссарова, В.В. Магалашвили, Н.Н. Манько, Н.А. Неудахина, Г.А. Никулова, А.Г. Рапуто, Н.А. Резник, Н.Г. Салмина, Т.А. Сырина, В.Э. Штейнберг и др.) актуализируют в своих работах различные аспекты становления навыков графической визуализации в обучении – методические, психологические, педагогические, социальные. В исследованиях подчёркивается влияние этих навыков на развитие когнитивной сферы личности, определяется проблематика данной области, связанная с её методической необеспеченностью и недостаточностью психолого-педагогического знания, несоответствием традиционного «принципа наглядности» современным условиям обучения, несовершенством и раздробленностью терминологического аппарата, касающегося наглядного представления информации и другими обстоятельствами. Возникают вопросы иного, личностного, характера: выстраивание взаимодействия реципиента с визуальным контентом, психологическое воздействие на него определённых образов и «табуированных» тем, понимание авторства и недопустимости заимствования чужих идей [1].

Школьное образование должно способствовать гармоничному развитию и самоопределению учащегося, поэтому приобретает особое значение выработка общего педагогического суждения о визуализации информации как о феномене, связанном с новыми компетентностями и навыками XXI века, а также с целым спектром вопросов философского, этического и эстетического толка. В рамках исследований НИИ педагогических проблем образования института педагогики РГПУ им. А.И. Герцена ведётся изучение феномена визуализации информации и управления им в школьном образовании в условиях перехода к постнеклассической научной парадигме, анализируются в этом ключе вопросы преемственности обучения. Учитывается специфика учебной информации, неотъемлемыми характеристиками которой являются научная достоверность, логичность, методическая обоснованность. В русле исследования предлагается культурологический подход к данной проблеме [1; 2]. Взгляд сквозь призму культурологического подхода даёт возможность рассматривать интересующие нас явления в образовательном процессе как феномены [6], т. е. изучать *феномен визуализации учебной информации* и разрабатывать стратегические пути формирования у учащихся *особой культуры визуализации информации* [1].

Данные исследования нацелены на анализ различных проблем, связанных с проявлением феномена в школьном обучении. Проиллюстрируем некоторыми примерами. Для выявления степени понимания учащимися современных тенденций визуализации и возможностей творческой графической интерпретации информации проводился анализ совокупности работ старшеклассников в стиле «инфографика», выполненных в рамках педагогической олимпиады РГПУ им. А.И. Герцена [2]. Анализ более 90 работ показал интерес и мотивацию выпускников использовать визуальную форму отражения мыслительных процессов. Между тем, несмотря на то, что в задании была определена форма инфографики, можно отметить непонимание большей частью участников сути задания: 50% работ выполнены как схематичный опорный

конспект, а не как «инфографика», имеющая собственные отличительные свойства. Очевидно, использование современных терминов в школе (инфографика достаточно часто упоминается учителями) не подкреплено педагогическим осмыслением и практикой. Кроме того, отмечается слабое присутствие в работах эмоционально-образной составляющей; крайне малое количество решений, где использованы цветовые или композиционные художественные возможности (27% и 26% решений соответственно). Это говорит об определённой творческой зажатости авторов, неготовности использовать освоенные в школе на уроках изобразительного искусства навыки для графического представления информации.

Другой вектор исследования направлен на определение оптимального соотношения цифровых технологий и рукотворных решений в визуализации учащимися собственных размышлений. «Визуальный поворот», естественно, способствует развитию компьютерных программ, появлению гаджетов – посредников, способных легко решить проблему визуального представления информации за человека. Однако они предоставляют уже разработанный профессионалами аппарат, что значительно уменьшает собственные мыслительные и деятельностные затраты учащегося, сводя к минимуму творческое начало визуализации. Были проанализированы материалы проектно-исследовательской деятельности более 80 петербургских девятиклассников. Состав практических продуктов, созданных учащимися (буклеты, маршрутные листы, путеводители, рекламные элементы, схемы, наглядные материалы к игре, 3D модель, временная шкала, комиксы и пр.), демонстрирует потребность наглядного, современного представления результатов. Школьники, как следует из ответов, осознают роль визуализации: «помогла представить результаты» – 39%; «сделала более понятной суть работы» – 35%; «помогла передать мои мысли» – 16%; «помогла сократить текстовую часть» – 10%. Однако диапазон форм, использованных учащимися в самих работах для иллюстрирования хода исследования, скуден: в 26% работ встретились фотографии и в 18% – рисунки; по 11% набрали таблицы, схемы, диаграммы и карты. В 8% работ были задействованы специфические визуальные формы (алгоритм, код и пр.). 4% работ не имели визуальных элементов вообще, что учащиеся объяснили неумением их создавать. На вопрос о том, «как были выполнены визуальные элементы» ответы распределились следующим образом: «сделан с помощью компьютерных программ» – 47%; «взят подходящий вариант из интернета» – 28%; «самостоятельно, "от руки"» – 25%. Как видим, визуализация информации в подавляющем большинстве работ выполнена с электронным «посредником» или заменена чужими готовыми решениями.

В этом плане представляют интерес результаты анализа работ учащихся параллели 8-х классов «Графическое представление идеи проектно-исследовательской работы». Восьмиклассникам было предложено в рамках двух уроков представить визуально свой замысел без использования компьютера, выбрав на свой вкус инструменты и материалы для изображения «от руки». Рассматривались следующие характеристики: «композиционное решение», «цветовое решение», «шрифтовое решение», «использование образных единиц» и «идея – передача мысли в графике». Успешность решений оценивалась в баллах – от низкой степени (0 баллов) до высокой (10 баллов) реализации данных характеристик. Анализ показал крайне неравномерное распределение результатов. Более 8 баллов не было начислено, 8 баллов получили 15% работ по характеристике «идея – передача мысли в графике». На 0-1 баллов были оценены: 73% работ по характеристике «цветовое решение»; 41% – по характеристике «использование образных единиц»; 40% – по характеристике «идея – передача

мысли в графике»; 38% – по характеристике «шрифтовое решение»; 33% – по характеристике «композиционное решение». В этих случаях потенциал характеристик не был раскрыт, и предложенные решения не соответствовали возрастным возможностям учащихся. В промежутке 2-5 баллов оказалось очень небольшое количество работ (в пределах 11% по разным характеристикам). Наряду с этим выявлен «всплеск» количества работ, оцененных уже на 6-7 баллов: 27% работ по характеристике «цветовое решение»; 33% – «использование образных единиц»; 33% – «шрифтовое решение»; 27% – «идея – передача мысли в графике»; 27% – «композиционное решение». Результаты свидетельствуют о том, что планомерного развития навыков графической визуализации не ведётся: с задачей более успешно справились учащиеся, наделённые выраженными художественными способностями, в то время как подавляющее большинство не смогло выполнить задание, не понимая, на какие знания и умения опереться. Наблюдение за восьмиклассниками во время работы показало, что необходимость придумать и реализовать на практике собственное рукотворное решение с применением цвета, композиции, шрифта, образов вызывает у большинства учащихся затруднения.

Данные исследований, частично представленные в статье, подтверждают необходимость психолого-педагогического осмысления феномена визуализации как культурного явления современности и разработки педагогической стратегии формирования культуры визуального представления информации уже в общеобразовательной школе. Феноменом визуализации учебной информации в образовании будут управлять цифровые технологии, если не ставится задача последовательного формирования такой культуры как у учащихся, так и у педагогов. Данный феномен может рассматриваться как междисциплинарное явление, оказывающее значимое влияние на разные сферы становления личности учащегося: социальную, когнитивную, эмоциональную и другие.

Библиографический список

1. Аранова С.В. Культурологическая тенденция визуализации учебной информации в школьном обучении // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2019. № 193. С. 107-115.
2. Аранова С.В. Формирование культуры визуализации учебной информации у учащихся: позиционный анализ // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (148). С. 43-48.
3. Казарина Т.Ю. Современная культура в визуальном пространстве // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 30. С. 39-48.
4. Катханова Ю.Ф., Корзинова Е.И., Игнатьев С.Е. Визуализация учебной информации как педагогическая проблема // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2018. № 4 (228). С. 51-59.
5. Кириллова Н.Б. Медиасреда российской модернизации. М.: Академический проект, 2005.
6. Мосолова Л.М. О задачах новой школы в контексте культурологии // Вестник Герценовского университета. 2011. № 5 (91). С. 38-42.
7. Роэм Д. Рисуй, чтобы победить. Проверенный способ руководить, продавать, изобретать и обучать. М.: ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2018.
8. Сазонова Н.И. Феномен визуализации в культуре: к проблеме происхождения и развития // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 2 (27). С. 77-84.

**THE PHENOMENON OF EDUCATIONAL INFORMATION VISUALIZATION
AS CHALLENGE TO THE MODERN PERSONALITY FORMATION**

Abstract. The article discusses the need for pedagogical understanding of the phenomenon of visualization and cultural formation of students' skills in visual representation of educational information. Some results of research on the phenomenon of visualization of educational information of the Research Institute of Pedagogical Problems of Education of the Herzen State Pedagogical University are presented. It is proposed to implement a broad view of the phenomenon of visualization of educational information as an interdisciplinary problem with the need to justify the philosophical, psychological, social and other aspects in school education.

Keywords: The phenomenon of visualization, culture of visualization of educational information, modern education.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20-013-00301.

ПСИХОЛОГИЯ ВОЗМОЖНОГО – КОНТУРЫ НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ²

Аннотация. Исследовано соотношение действительного и возможного в психологии. Психология возможного описана как новое перспективное направление исследований понимания субъектом мира человека. Возможное проанализировано как предмет современной науки в целом и психологии в частности. Психология понимания человеком мира исследована как такая интерпретация действительного, которая потенциально содержит в себе прогнозирование возможного. Диапазон рассматриваемых проблем включает два крайних полюса континуума «осознаваемое-неосознаваемое», на которых осуществляется когнитивная и экзистенциальная интерпретации психологического содержания личности. Когнитивный полюс интерпретации представляет собой решение познавательной задачи для получения новых знаний о личности. Экзистенциальная интерпретация направлена на анализ духовной составляющей личности как тайны. Между ними на шкале «сознательное-бессознательное» находится личностный кризис как невозможность осмысления трудной жизненной ситуации.

Ключевые слова: понимание, прогнозирование, действительное, возможное.

Современная психология достигла значительных успехов в изучении того, как субъект воспринимает, осмысливает, понимает мир человека, в том числе и самого себя. Другими словами, мы уже много знаем том, как познаётся действительность. Однако то, что мы называем «действительностью», включает не только реальное, но и потенциальное, нередко скрытое от прямого анализа доступными ученым средствами, т. е. возможное. Формирование и развитие психологии возможного сегодня становится непременным условием прогресса психологической науки.

Соотношение действительного и возможного, особенно в психологии понимания, является одной из актуальных задач психологической науки. С.Л. Рубинштейн говорил о том, что в любой момент времени человеческое бытие уже потенциально содержит то, чем станет в будущем. Иначе говоря, любая реальность человеческого бытия является возможностью и того, чем она станет, но пока еще не есть. На этом методологическом основании построен метод «анализа через синтез»: в процессе познавательной деятельности субъект, взаимодействуя с объектом, мысленно поворачивает его разными сторонами и таким образом выявляет некоторые неизвестные ранее свойства последнего, получает новые знания об объекте. Иначе говоря, человек выявляет не только действительные, уже известные ему свойства, но и так мысленно преобразует объект, что в сознании возникают новые его признаки, которые раньше были только потенциальными, возможными альтернативами познаваемой реальности.

Соотношение действительного и возможного, во-первых, уже в течение многих веков занимало мыслителей, ученых, и психологи не могут игнорировать такую тенденцию развития научного познания; во-вторых, актуальность и научная значимость этой проблемы особенно

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 19-013-00032 «Психология понимания: от когнитивных исследований к герменевтическому анализу и психологии человеческого бытия».

очевидна для психологии понимания. Во всех реальностях человеческого бытия (эмпирической, социокультурной, экзистенциальной) понимание представляет собой интерпретацию альтернатив, которые понимающий субъект обнаруживает в объекте понимания, в действительности. Любое понимание многовариантно, оно потенциально содержит в себе несколько возможных интерпретаций одних и тех же событий и ситуаций. Интерпретации – это конкретные способы понимания, чем их больше, тем выше степень полноты понимания. Другими словами, чем больше возможных альтернатив понимаемого выявляет субъект, тем полнее он понимает то, что пытается осмыслить.

Человек понимает мир во всей его полноте, соответственно, необходимость исследования возможного открывается пытливому уму в самых разных сферах психологического знания. Сначала я кратко опишу научные подходы к проблеме в философии, социогуманитарных и естественных науках. Затем перечислю направления психологической науки, в которых категория «возможного» играет ключевую роль.

Соотношение действительного и возможного для философии является одной из фундаментальных, базовых проблем. В ее решение заметный вклад внесли Аристотель, Гегель, Лейбниц, Кант, Франк, Хайдеггер и другие выдающиеся философы. В наше время ключевым является конструкт «возможных миров», в котором объединяются интересы естествоиспытателей и гуманитариев.

В современном социогуманитарном познании актуальность исследования возможного ясно осознавал У. Эко: «Раньше говорилось о неоднозначности как о нравственной установке и о противоборстве проблем, однако сегодня психология и феноменология говорят также о *неоднозначности восприятия* как о возможности, не порывая с общепринятыми правилами познания, уловить мир в той его первоизданной возможности, которая предшествует всякой стабилизации, обусловленной привычным, устоявшимся взглядом на него» [3, с. 93]. У. Эко полагал, что при анализе понимания литературы использование теории возможных миров очень помогает ученым объяснить, чем и насколько возможный мир отличается от действительного.

Одной из наиболее фундаментальных междисциплинарных работ, в которой анализируются и социогуманитарные, и естественнонаучные аспекты проблемы возможного, является статья М.Д. Хаузера в журнале «Nature». От эволюционной биологии до многообразия культур автор выстраивает единую картину «возможности невозможного» и пытается найти общие механизмы, в соответствии с которыми некоторые возможности развития не могут быть реализованы потому, что их место уже «занято» другими альтернативами [4].

Методологию современной науки, как естественной, так и социогуманитарной, характеризуют, по меньшей мере, два основополагающих признака. Во-первых, сознание ученого непосредственно включено в познавательные процессы и потому не может игнорироваться при интерпретациях их результатов. Во-вторых, наука всегда имеет дело с возможностями, альтернативами понимания исследуемой действительности. В начале XX в. невозможность понимания многомерного мира человека только одним, единственным способом стала очевидной в период возникновения квантовой физики и последующего развития методологии всех наук. «В итоге знаменитое декартово высказывание о существовании принимает следующий вид: "Существовать – значит мыслить возможное" (Esse ergo cogitare possibilia)» [1, с. 36]. Это означает, что модальное возможностное мышление направлено на действительность, открываемую познающим мир субъектом в виде многообразия возможностей.

Исследования возможного в психологии интересны и разнообразны.

В наиболее полном и развернутом виде категория «возможного» в психологии представлена в понятии «аффорданс». Большое число исследований направлено на психологический анализ предвосхищения и прогнозирования. А.В. Брушлинский изучал эти феномены применительно к мыслительной деятельности. Л.И. Анцыферова, анализируя трудные жизненные ситуации, рассматривала прием «антиципирующего совладания» и описывала феномен возможного будущего. О.К. Тихомиров в рамках разработанной им и развиваемой его учениками теории смысловой регуляции мышления анализировал феномен эмоционального предвосхищения. Сегодня одна из учениц О.К. Тихомирова, Т.В. Корнилова, рассматривает мышление как процесс движения к возможному, тому, что пока еще не мыслилось, не приходило в голову субъекту познания. Без этого изучение мышления оказывается неполным и поверхностным. Следовательно, главная идея заключается в направленности на исследование сопричастности человека к возможному. По существу, анализ не состоявшихся поворотов мысли, возможных мысленных преобразований ситуации, отраженной в решаемой задаче, содержательно сходен с позицией С.Л. Рубинштейна и А.В. Брушлинского.

Готовность к восприятию неожиданных возможностей очень важна в творчестве, рассматриваемом под углом зрения преодоления хаоса как такого преобразования незавершенности мира, которое способствует творческому совершенствованию субъекта: «Хаос в окружающем мире и во внутреннем мире человека – явление амбивалентное. Он может быть результатом распада тех или иных форм жизни и культуры, но он же несет в себе и предвосхищение будущего, неисчерпаемые возможности изменений, обновления, создания еще не бывшего» [2, с. 25].

Интересные данные о связи вероятностного прогнозирования с творческим мышлением получены в психологических исследованиях шизофрении. Больные шизофренией в стандартных ситуациях нередко видят больше возможностей, чем здоровые, потому что для них характерно увеличение частоты использования малозначимых «латентных», нестандартных свойств предметов.

Еще одной современной областью психологических исследований, в которой нельзя обойтись без категории «возможного», являются социальная перцепция и альтернативная идентичность в социальных сетях. Занимаясь психологией интернета, А.Е. Войскунский отмечает, что представленные в социальных сетях «виртуальные» возможные идентичности нередко отличаются от сформировавшихся в повседневной жизни «реальных» идентичностей.

Психология возможного – перспективное направление научного анализа понимания человеком мира, в котором значительное место занимают психологические исследования субъекта и личности. Основопологающей работой, в которой категория «возможного» была включена в научный арсенал психологии личности, стала статья Х. Маркус и П. Нуриус [5]. В ней «возможное» используется для объяснения влияния на образ Я потенциальных представлений о себе. В психологии личности категория «возможного» применима ко всему спектру интерпретации – от четко осознаваемого субъектом понимания-знания своего внутреннего мира до бессознательного понимания-постижения, с трудом поддающегося вербализации и осмыслению. Выражаясь метафорически, можно сказать, что при психологическом анализе личности на левом полюсе континуума «сознательное-бессознательное» оказываются осознаваемые субъектом и потому перечислимые альтернативные возможные Я, на правом – личность как экзистенциальная тайна. Между ними

находится личностный кризис, который Ф.Е. Василюк характеризовал как невозможность осмысления трудной жизненной ситуации.

Учитывая ограниченный объем статьи, кратко можно сказать, что спектр исследований возможного в психологической науке поистине безграничен.

Главный вопрос психологии возможного заключается в следующем: как, с помощью каких психологических механизмов человек научается распознавать альтернативные стратегии познания и поведения? Для ответа на него необходимо развести два варианта содержания «возможного» – его интерпретации как альтернатив, выбора вариантов (правда или ложь, альтруизм или эгоизм, оправдание или осуждение) и как раскрытия новых потенциальных возможностей уже, казалось бы, проанализированного предмета исследования. Современную психологию понимания возможное больше интересует не как множество альтернативных вариантов выбора, а как потенциальные возможности более углубленной интерпретации того, что мы уже знаем. Интерпретации как способы понимания направлены не только на понимаемое действительное, но и на потенциально возможное. Однако в ситуациях человеческого бытия, проявляющихся в разных реальностях, содержание возможного неодинаково. В эмпирической реальности понимание представляет собой ответ на вопрос: «Истинно высказывание или ложно?». Помимо оценки истинности понимание высказывания включает в себя большой спектр ложного, но потенциально возможного: столицей Испании ошибочно можно назвать Рим, Париж и множество других городов. Таким образом, условно говоря, в эмпирической реальности понятие «действительного» по содержанию и объему оказывается существенно меньше «возможного», которое редко полностью осознается понимающим субъектом. В социокультурной реальности, в которой большую роль играют не достоверные знания, а мнения, интерпретации – это осознаваемые субъектом альтернативные варианты понимаемого (среднесуточная температура в средней полосе России выше летом или зимой?). Понимание тем полнее, чем больше предвосхищаемых понимающим субъектом вариантов возможных контекстов, в которые можно включить понимаемое. В экзистенциальной реальности типичным является понимание-постижение таких событий и ситуаций, которые специфичны для способов бытия человека в мире, основанных на осознаваемом или неосознаваемом выборе субъективно значимых для него возможностей существования (аборт, эвтаназия и т. п.).

Современные социальные ситуации, например, повсеместное распространение постправды, побуждают ученых пересматривать соотношение действительного и возможного во всех реальностях. При этом даже первый приблизительный анализ обнаруживает их разный «удельный вес» в мире человека: в самом деле, метафорически можно сказать, что возможное является океаном, в котором действительное оказывается лишь маленьким островком.

Таким образом, очевидно, что психология возможного – не только интересное, но и научно значимое направление психологических исследований.

Библиографический список

1. Карпенко А.С. В поисках реальности: Исчезновение // Философия науки. 2015. Вып. 20. С. 36-72.
2. Мелик-Пашаев А.А. Хаос и творчество // Психологические проблемы смысла жизни и акме. М.: Психологический институт РАО, 2020. С. 25-30.
3. Эко У. Открытое произведение. СПб.: Симпозиум, 2006.
4. Hauser M.D. The possibility of impossible cultures // Nature. 2009. V. 460. N 9. P. 190-196.

5. Markus H., Nurius, P. Possible selves. *American Psychologist*, 1986. V. 41. N 9. P. 954-969.

Znakov V.V.

Institute of Psychology of the Russian Academy of Science
Moscow

**THE “POSSIBLE” PSYCHOLOGY: AN OUTLINE OF A NEW DIRECTION
IN PSYCHOLOGICAL RESEARCH**

Abstract. The correlation of the real and the possible in psychology is investigated. The psychology of the possible is described as a new promising area of research into the subject's understanding of the human world. The possible is analyzed as a subject of modern science in General and psychology in particular. The psychology of human understanding of the world is studied as an interpretation of the real, which potentially contains a prediction of the possible. The range of problems under consideration includes two extreme poles of the "conscious-unconscious" continuum, on which cognitive and existential interpretations of the psychological content of the individual are carried out. The cognitive pole of interpretation is the solution of a cognitive problem for obtaining new knowledge about a person. Existential interpretation is aimed at analyzing the spiritual component of the individual as a mystery. Between them, on the "conscious-unconscious" scale, there is a personal crisis as the inability to comprehend a difficult life situation.

Keywords: understanding, forecasting, actual, possible.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 19-013-00032.

Ивлева Марина Лебенбертовна
Российский университет дружбы народов
Москва
marinanonna@yandex.ru

Иноземцев Владимир Александрович
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
Москва
inozem_63@mail.ru

Ивлев Виталий Юрьевич
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
Москва
vitalijivlev@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ ПРОЦЕССОВ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ³

Аннотация. В статье изучается специфика информационного общества, которая в развитых странах оформляется как результат внедрения информационно-коммуникационных технологий и происходящих в современном техногенном социуме процессов информатизации. Эти процессы исследованы в работе как ключевые вызовы современности, выступающие в качестве детерминант формирования новой социальной реальности; устанавливаются позитивные и негативные тенденции формирования этой новой социальной реальности.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, процессы информатизации, показатели информационного общества, устойчивое развитие, новая социальная реальность.

В середине XX века происходит кардинальное изменение роли информационных процессов в жизни общества, эти процессы интенсифицируются и наращиваются в связи с формированием таких научных направлений, как теория информации [1] и кибернетика [2]. Возрастание роли информации в социуме в современных условиях детерминируется тем, что она становится важнейшим стратегическим ресурсом в обществе, благодаря возникновению и распространению новых технологий, и прежде всего информационно-коммуникационных [3]. Интенсификация информационных процессов с применением информационно-коммуникационных технологий приводит к появлению информационного общества [4].

Одной из кардинальных методологических задач современности становится анализ проблемы взаимодействия информационно-коммуникационных технологий и общества [5]. Развитие информационно-коммуникационных технологий коренным образом обновляет методологический арсенал научных исследований, которые в настоящее время основываются на математическом моделировании и вычислительном эксперименте. Информационно-коммуникационные технологии позволяют моделировать и прогнозировать развитие сложных глобальных процессов и систем (экологических, экономических, политических, социальных), что способствует рационализации и повышению их степени устойчивости.

Процессы информатизации общества представляет собой совокупность взаимосвязанных технико-технологических, экономических, социальных, политических и

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований на тему «Социальное знание: вызовы современной техногенной цивилизации» (проект № 19-511-44003).

духовно-культурных факторов. Эти факторы обеспечивают получение, обмен и применение информации в современном обществе в целях дальнейшего его развития. Процессы информатизации общества – это глобальные социальные процессы производства и повсеместного использования информации как общественного ресурса. Особое внимание при этом уделяется комплексу мер, направленных на обеспечение полного использования современного знания во всех видах человеческой деятельности. Процессы информатизации общества предусматривает массовое внедрение методов и средств производства, обработки, хранения и передачи информации, которые функционируют как средство преобразования социальных отношений.

Процессы информатизации общества выступают в качестве важнейшего условия формирования новой социальной реальности. Уже изобретение микропроцессорной технологии и персональных компьютеров приводит к появлению качественно новых средств и форм общественных отношений, а аудиовизуальных средств – к формированию интраперсональной коммуникации (человек – электронное средство передачи информации). Благодаря информационно-коммуникационным технологиям и инновациям становится возможным распространение информации на численно большие, рассредоточенные аудитории, то есть появляется возможность устанавливать одновременный контакт с большим количеством людей, удаленных друг от друга. В целом информационно-коммуникационные технологии позволяют достичь прозрачности информационных процессов.

Развитие современной техногенной цивилизации, в которой актуализируются процессы информатизации, приводит к пониманию информационного общества как качественно новой социальной реальности, которая предполагает формирование и потребление информационных ресурсов во всех системах жизнедеятельности общества посредством информационно-коммуникационных технологий, действующих в глобальных масштабах.

В качестве позитивных тенденций формирования новой социальной реальности, которые обуславливаются спецификой информационного общества, можно отметить следующие тенденции:

1) создание новой организации труда, новых форм занятости (появление «просьюмеров», в жизнедеятельности которых происходит ликвидация с помощью новейших технологий разрыва между производителями и потребителями, и «флекстаймеров» – работников со свободным режимом рабочего дня), это, в свою очередь, ведет к появлению новых профессий и новых требований профессиональной компетентности;

2) формирование нового класса – «класса интеллектуалов», который представлен профессиональными и академическими экспертами, то есть людьми науки и технотехники, участвующими в процессе управления и формирования информационных потоков;

3) выделение новой формы капитала – «паблицитной», которой обладает рыночный субъект, функционирующий в пространстве публичных коммуникаций, что, в свою очередь, позволяет укреплять позитивный имидж, приращивать общественное доверие и другие результаты, которые, в конечном счете, имеют вполне определенный экономический эквивалент;

4) возникновение «электронной демократии», которая предполагает реализацию политической активности посредством современных информационно-коммуникационных технологий.

Вышеуказанные позитивные тенденции формирования новой социальной реальности подтверждают положение о том, что информационно-коммуникационные технологии и инновации составляют технологическое основание процессов глобализации. Выявление

позитивных тенденций формирования новой социальной реальности показывает, что технико-технологические достижения, основанные на рациональном познании, существенно изменяют облик современного мира.

Вместе с позитивными тенденциями новой социальной реальности, формирующейся в период построения информационного общества, необходимо отметить и негативные тенденции, присущие новой социальной реальности. Эти тенденции особенно наглядно всплывают, во-первых, в связи с обсуждением проблемы взаимоотношения процессов информатизации и процессов духовной жизни общества [6]. Во-вторых, они обнаруживаются при обсуждении политических процессов, происходящих в развитых странах западной цивилизации.

Первая негативная тенденция формирования новой социальной реальности состоит в противоречии между интенсивными технико-технологическими информационными процессами, активизацией массовой и интраперсональной коммуникацией, с одной стороны, и нравственными ценностями общества и духовными потребностями человека, с другой.

Приоритет технико-технологических изменений и экстраполяция науки на все сферы жизнедеятельности общества способствует распространению технологической рациональности, которая оказывает регрессивное воздействие на нравственные, эстетические, познавательные и другие ориентации человека. Усовершенствование коммуникаций, появление электронной демократии и новых форм занятости кроме позитивных процессов несут с собой определенную угрозу, создание так называемых «черных дыр» информационного общества. К ним относятся нерешенные в информационном обществе проблемы безработицы и обездоленности, неравенства между людьми, имеющими доступ к информации и не имеющими к ней доступа, проблемы национализма, доминирования религиозных и единовластных структур власти. Под влиянием новых информационно-коммуникационных технологий перестраивается вся система отношений человека с материальным миром. Данные процессы позволяют утверждать, что духовное обнищание человечества заключается в катастрофическом отставании духовности от экономического и технико-технологического прогресса современной цивилизации. Можно сказать, что современное общество трансформируется в общество, лишенное гуманности, в котором происходит разрушение самой человеческой природы.

Процессы духовной жизни социума в период становления и развития информационного общества требуют от представителей гуманитарной интеллигенции поиска новых мировоззренческих ориентиров, сплачивающих различные слои населения, определяющих их ценностные ориентации, моральные нормы. Обсуждению этих проблем в настоящее время посвящается множество научных конференций, диспутов и дискуссий, на которых рассматриваются проблемы, связанные с предупреждением дальнейшей дегуманизации общества, обузданием негативных последствий научно-технических достижений, выдвигаются идеи перспективности гуманистической ориентации как необходимого условия дальнейшего развития информационного общества.

Общество является гуманистическим настолько, насколько ценится в нем отдельно взятый человек. Именно эта идея должна использоваться в качестве важнейшего критерия развития информационного общества. Поддержание идеи построения гуманистического общества предполагает распространение духа миролюбия, переключение огромных военных расходов на социальное развитие и социальные программы. Развитые страны должны предоставлять развивающимся странам различные экономические, культурные и социальные

льготы и меры безопасности. Также возникает необходимость в установлении нормативов этических ценностей.

Следующая негативная тенденция формирования новой социальной реальности связана преимущественно с политическими процессами, происходящими в последние десятилетия в развитых странах западной цивилизации. Именно в этих развитых странах, в которых уже сформировалось информационное общество, особенно острой становится проблема гражданского общества в новых исторических условиях. Ряд западных исследователей пишет о глубоком кризисе, переживаемом гражданским обществом в тех развитых странах западной цивилизации, которые послужили его колыбелью.

Рассмотренные негативные тенденции формирования новой социальной реальности и анализирующие их теоретические концепции информационного общества следует дополнить еще одним положением. В этом обществе в характерных для него условиях утраты личностной идентичности, размывания традиционных социальных общностей, трансформации привычных социальных институтов, повышения степени рисков, у людей возникает мотивация к восстановлению привычных форм жизни или замене их альтернативными формами, а главное – готовность развивать необходимую для этого деятельность. Констатируя утрату идентичности, нельзя игнорировать тот факт, что далеко не все готовы с ней смириться. Попытки восстановить утраченную идентичность или обрести новую идентичность в изменившихся социальных условиях могут принимать организованную форму социальных движений, попыток создания социальных сетей, других форм взаимодействия индивидов.

Социальная реальность, в том числе и новая, формирующаяся в условиях информационного общества, является единой, включающей материальные, политические и духовные процессы. Поэтому многие современные исследователи небезосновательно считают, что подход, который основан на разделении экономики, политики и культуры, является скорее догмой либеральной идеологии, чем отражением реальных механизмов функционирования современного мира.

Выявленные тенденции подчеркивают тот факт, согласно которому становление и развитие новой социальной реальности оказывается далеко не столь позитивным и безоблачным, каким виделось несколько десятилетий назад в концепциях футурологов. Выявление и систематизация данных тенденций позволяет не только оценивать современную ситуацию в обществе, но и делать прогнозы и методологические рекомендации для успешного развития информационного общества. Скорость трансформации общества, всех его подсистем и структур столь велика, что необходимо дальнейшее отслеживание и корректирование тенденций развития информационного общества.

В заключение отметим, что информационное общество – это общество, в котором эффективность социально-экономического развития зависит от конструирования, производства, обработки, хранения и распространения информации. Процессы информатизации общества – это совокупность взаимосвязанных технико-технологических, экономических, социальных, политических и духовно-культурных факторов, обеспечивающих получение, обмен и применение информации в современном обществе в целях дальнейшего его развития и совершенствования личности.

Библиографический список

1. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Издательство иностранной литературы, 1963.
2. Винер Н. Кибернетика. М.: Наука, 1983.

3. Иноземцев В.А., Иноземцева Ю.В. Проблема информационных ресурсов в условиях формирования ноосферной экологической цивилизации устойчивого типа // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. № 4 (18), Т. 2. С. 57-63.

4. Информационное общество и формирование новой эпистемологической парадигмы современной науки: Монография / В.А. Иноземцев и др. М.: «ИТО СЕМРИК», 2013.

5. Inozemtsev V., Lepskaya N. Problems of technogenic society in the process of noospheric transformation // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Paris, Amsterdam, Hong Kong: Atlantis Press, 2019. Vol. 329. P. 1851-1856.

6. Иноземцев В.А. Культура в динамике информационного общества // Известия МГТУ «МАМИ». 2015. № 2 (24), Т. 6. С. 63-69.

Ivleva M.L.

RUDN University of Russia
Moscow

Inozemtsev V.A.

Bauman Moscow State Technical University
Moscow

Ivlev V. Yu.

Bauman Moscow State Technical University
Moscow

THE INFLUENCE OF INFORMATIZATION AND THE DEVELOPMENT OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES ON THE FORMATION OF A NEW SOCIAL REALITY

Abstract. The article studies the specifics of the information society, which is formed in developed countries as a result of the introduction of information and communication technologies and the processes of informatization taking place in modern technogenic society. Informatization is considered in the work as the most important condition for creating a new social reality; identified positive and negative trends in the formation of this reality.

Keywords: information and communication technologies, informatization of society, a new social reality, information society.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 19-511-44003.

ЛИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СЛОЖНОСТИ ЦЕННОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ⁴

Аннотация. В данной работе автор исследует проблему ценностного самоопределения личности в условиях новой социальной реальности. Под новой социальной реальностью понимается период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, к наступлению которой человечество оказалось абсолютно не готово. Однозначно оценить последствия пандемии для личности и общества пока не представляется возможным, однако отмечается, что изменения привычного жизненного уклада избежать не удастся. Пандемия привнесла в жизнь человечества не столько медицинские проблемы, сколько социальные и психологические, в связи с чем ряд ранее актуальных ценностей нивелируется. Автором отмечается, что в условиях ограничительных мер особую ценность приобрели соучастие и поддержка нуждающихся в помощи. Около 120000 россиян добровольно взяли на себя обязанности волонтеров. Это подчеркивает значимость солидарности в преодолении возникшей угрозы распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19.

Ключевые слова: личность, ценностное самоопределение, пандемия, солидарность.

В социологии начала XXI века особую актуальность приобрели исследования общества риска. У. Бек [1] в качестве основной черты общества риска называл отсутствие связи между прошлым и настоящим, вследствие чего будущее сложно прогнозировать. Отечественные исследователи Ю.А. Зубок и В.И. Чупров [2] отмечают, что основной причиной возникновения множества рисков является современная цивилизация, предоставившая человеку огромные перспективы развития, но в то же время потеснившая его биологическое начало. Сегодня риски приобрели всеобщий характер, распространившись на такие сферы жизни человека, как техническая, природная и социокультурная.

Говоря о рисках, мы предполагаем нечто, чего еще пока нет и при положительном стечении обстоятельств не случится. Однако 2020 год ознаменовался вспышкой такой вирусной инфекции, как COVID-19. Мир впал в оцепенение, причиной которой явилась невозможность описания и объяснения всех процессов, вызванных пандемией. Привычные человеку характеристики социальной действительности и ее устройства вмиг оказались устаревшими и несостоятельными. И в то же время формируются новые представления о мире, которые совсем недавно были фантастическими и нереалистичными.

Последствия пандемии коронавирусной инфекции оценить однозначно на данный момент не представляется возможным. Будут ли вызванные COVID-19 изменения привычного жизненного устройства временными или же станут частью нашей повседневной жизни? Ведь проблемы, возникшие в ходе пандемии, носят скорее социальный и психологический характер, чем медицинский. Испытанию на прочность подверглись все личностные характеристики, детерминирующие социальный порядок. Один из основоположников социологии Э. Дюркгейм большое внимание уделил исследованию соотношения и взаимодействия в человеке общественного и индивидуального начал. По его мнению,

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31523.

главенствующим компонентом человеческого сознания и деятельности является социальная составляющая, которая формируется под воздействием таких социальных факторов, как национальный менталитет, стереотипы конкретного социального слоя и т. п. Сознание человека, по мнению Дюркгейма, определяется социальной нормой, которая формируется посредством деятельности таких социальных институтов, как семья, идеология, религия, мораль. Социальная норма, по мнению ученого, выступает главным резонатором формирования индивидуального сознания. Таким образом, согласно Дюркгейму, между социальным и индивидуальным не существует фундаментального противоречия, а все противоречия, возникающие между членами общества, определяются разницей в условиях их существования. Мы же сегодня видим значимый разрыв между социальным и индивидуальным началами в человеке. При переходе из настоящего в будущее ценностные явления приобретают функциональное значение. Отражая потребности людей в гуманизме, свободе, они инициируют систему взаимодействий, благодаря которым человек воспроизводит подобное бытие, воспринимая все лучшее. Субъект, воспроизводя ценность, соотносит ее с обществом, окружающими и рассчитывает на то, что добро, свобода, справедливость сохранят свое значение в перспективе. В результате духовные компоненты ценностей становятся объективными сторонами жизни. Процесс объективации связан с распространением лучших стремлений людей. Однако в условиях новой социальной реальности, возникновение которой обусловлено пандемией коронавируса, происходит трансформация, а подчас и нивелирование многих, ранее безусловных, социальных ценностей: человек, будучи существом социальным, всегда нуждался в общении и непосредственном взаимодействии, пандемия же отгородила людей друг от друга посредством страха заражения новой коронавирусной инфекцией. Соблюдая социальную дистанцию, люди не столь активно коммуницируют друг с другом непосредственно, предпочитая использовать ставшие привычными за период пандемии средства связи и всевозможные гаджеты. Но роль непосредственного общения переоценить невозможно! Оно дарит позитивные эмоции человеку, ощущение стабильности мироустройства, возможность переключения со своих проблем на всеобщие экзистенциальные переживания.

Установление новой социальной реальности обусловлено, в первую очередь, такой радикальной мерой препятствования распространению заболеваемости коронавирусом, как режим карантина, предполагающий ряд административных и санитарно-эпидемиологических мероприятий, направленных на защиту конкретной территории от источника распространения заболевания, а также уничтожение и предотвращение распространения инфекции. Еще одной мерой, препятствующей распространению коронавируса, является добровольная самоизоляция, базирующаяся на активной гражданской позиции и подразумевающая добровольное ограничение взаимодействия человека с обществом в целях препятствования распространению вирусной инфекции. Следует отметить, что вышеперечисленные меры неоднозначно отражаются на психоэмоциональном состоянии человека, его финансовом положении и социальных взаимодействиях. Неоднозначность оценки россиянами ограничительных мер подчеркивают результаты исследования Фонда общественного мнения, согласно которым 12% опрошенных россиян убеждены, что не все реализуемые меры оправдали себя, более того, 9% из этих 12% респондентов считают, что карантин вводить было не нужно [6]. Данные различных социологических исследований подтверждают неоднородность общества в восприятии ситуации пандемии и реакциях на сопровождающие ее процессы. Например, исследователи Антикризисного социологического центра [3] выделили следующие группы опрошенных, различным образом реагирующих на стресс,

вызванный пандемией новой коронавирусной инфекции:

27% респондентов, переживающих недоверие и страх экономических последствий;

19% принявших участие в опросе, характеризующихся сильными эмоциональными переживаниями, риск травматизации в данной группе достаточно высок;

22% опрошенных, для которых характерен более выраженный страх за близких;

17% составляют группу тех, кто не верит, не боится и полностью отрицает угрозу;

19% респондентов доверяют информации и солидаризируются с другими в выборе своих жизненных стратегий.

Описанные выше разновекторные жизненные ориентиры подтверждают сложности ценностного самоопределения россиян в условиях пандемии COVID-19. Новая коронавирусная инфекция после частичного снятия ограничительных мер в регионах России в начале лета перестала затмевать все иные человеческие интересы. К середине лета 2020 года паника, вызванная пандемией и охватившая российское общество, несколько улеглась, и 71% опрошенных Фондом общественного мнения россиян отметили, что в истории человечества были и более опасные эпидемии (для 11% респондентов коронавирус – самая опасная эпидемия, 7% затруднились ответить на данный вопрос) [4]. Результаты другого социологического исследования выявили преобладающие пессимистические настроения у принявших участие в опросе: 54% респондентов убеждены, что мир существенно изменится и уже не будет прежним (32% – все вернется к прежнему, существенных изменений не будет, 14% испытали трудности при ответе на заданный вопрос) [3]. Это означает, что значительная часть респондентов дезориентирована и не выстроила для себя перспектив в развитии в условиях новой социальной реальности.

Размышляя о проблемах ценностного самоопределения личности в условиях пандемии, мы хотели бы затронуть еще один аспект социального бытия – соучастие и поддержку нуждающихся в помощи. Карантин и ограничительные меры актуализировали такой важный социальный ресурс, как волонтерство. Добровольческая деятельность в нашей стране в период пандемии приобрела колоссальные масштабы: психологическая и финансовая поддержка, консультации юристов, помощь в преодолении бытовых трудностей, общение (которое в условиях ограничительных мер приобрело особую значимость) – добровольцы на безвозмездной основе берутся за все, о чем просят нуждающиеся. По данным специального информационного контента #МЫВМЕСТЕ [5], около 3,5 млн. человек, нуждающихся в помощи, получили ее силами 118985 волонтеров. И это только официальные данные.

Подведем некоторые итоги. Пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 послужила основанием для возникновения новой социальной реальности. Реакции общества на ситуацию возникшей угрозы неоднозначны. Человек, хотя и не в первый раз за историю развития общества, оказался в условиях ценностной анемии. Прогнозировать будущее затруднительно, так как будущее – это трансформация настоящего. Пандемия эту закономерность нарушила, создав ситуацию неопределенности. В условиях подобного испытания всего человечества на прочность оставаться внешним наблюдателем невозможно, в связи с чем вырастает ценность солидарности.

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Угрозы в трансформирующейся среде обитания как фактор социальных рисков: прогнозирование и регулирование // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 57-67.

3. Как пандемия разделила общество: реакции на стресс и оценки ситуации // Центр социального проектирования. URL: <https://pltf.ru/2020/06/08/kak-pandemija-razdelila-obshhestvo-reakcii-na-stress-i-ocenki-situacii/>.

4. Место эпидемии коронавируса в истории человечества // Фонд общественного мнения. URL: <https://covid19.fom.ru/post/mesto-epidemii-koronavirusa-v-istorii-chelovechestva>.

5. Сайт волонтерского движения #МЫВМЕСТЕ. URL: <https://мывместе2020.рф/>.

6. Стоила ли игра свеч? // Фонд общественного мнения. URL: <https://https://covid19.fom.ru/post/stoila-li-igra-svech>.

Ilinova N.A.
Adyghe State University
Maykop

PERSONALITY IN THE NEW SOCIAL REALITY: THE DIFFICULTIES OF SELF-DETERMINATION VALUE

Abstract. In this paper the author explores the problem of value self-determination of the individual in the new social reality. The *new social reality* refers to the period of the pandemic of the new COVID-19 coronavirus infection, of which the onset humanity was absolutely not ready. It is not yet possible to clearly assess the consequences of the pandemic for individuals and society, but it is noted that changes in the usual way of life cannot be avoided. The pandemic has brought social and psychological problems to the life of humanity rather than medical problems, and a number of previously relevant values are being leveled. The author notes that in the conditions of restrictive measures, the complicity and the support of those in need of assistance has become particularly valuable. About 120,000 Russians have voluntarily taken on the duties of volunteers. This underscores the importance of solidarity in overcoming the emerging threat of the spread of the new COVID-19 coronavirus infection.

Keywords: personality, value self-determination, pandemic, solidarity.

Funding: The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-31523.

Иноземцев Владимир Александрович

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
Москва
inozem_63@mail.ru

Илев Виталий Юрьевич

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
Москва
vitalijivlev@yandex.ru

Иноземцева Юлия Владимировна

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
Москва
jusy_juss@mail.ru

ВЫЗОВЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ⁵

Аннотация. В статье рассмотрена такая характеристика современного общества, как информатизация, которая связана с повсеместным внедрением средств информационно-коммуникационных технологий. В работе выделены и изучены основные направления анализа феномена информационно-компьютерной революции, такие как эмпирическое, методологическое, социокогнитивное и системное.

Ключевые слова: информационно-компьютерная революция, информационно-коммуникационные технологии, информатизация, техническое познание.

Под термином *информационно-компьютерная революция* или *информационная революция в широком смысле слова* будем понимать каскад сменяющих друг друга и одновременно накладывающихся друг на друга нелинейных процессов радикальных трансформаций в современной компьютерной технике и информационно-компьютерных технологиях, опирающихся на новые постоянно меняющиеся технико-технологические средства хранения, приобретения, продуцирования, трансформации и трансляции информации. Эта информационная революция в широком смысле слова, представляющая собой магистральную линию развития техногенной цивилизации, является третьей (после аграрно-ремесленной и индустриальной) социо-технологической революцией.

В последнее десятилетие широкое распространение первоначально в англоязычной литературе, а в настоящее время и в русскоязычной, получает термин «*цифровая революция*» (*digital revolution*), под которым обычно понимают повсеместный переход от аналоговых технологий к цифровым технологиям в электронике, начавшийся в 1980-х годах и продолжающийся до настоящего времени. Цифровая революция также предполагает многообразные радикальные трансформации, связанные с повсеместным распространением новейших информационно-компьютерных технологий. Если отвлечься от ряда специальных технических аспектов, то в настоящее время термин «цифровая революция» может быть использован для обозначения современного этапа информационно-компьютерной революции. В данной работе мы будем употреблять последний термин в силу его большей содержательности и изначально большего распространения в отечественной философской литературе. Кроме того, информационно-компьютерная революция начинается значительно ранее, как мы увидим в данной статье, и цифровая революция, приводящая в действие процесс цифровизации, понимаемой, прежде всего, как цифровизация всех данных, получает

⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований на тему «Социальное знание: вызовы современной техногенной цивилизации» (проект № 19-511-44003).

распространение в последнее десятилетие и характеризует современный этап информационно-компьютерной революции.

Процессы реализации информационной революции в широком смысле слова получают название информатизации, результатом которых становится построение информационного общества. Существует множество определений и интерпретаций понятия информатизации. В некоторых из них акцентируется внимание на самой информации, в других – на методах и средствах её получения, в третьих определениях – на конечных результатах использования информации. В данной работе не ставится цель провести анализ основных подходов к дефиниции понятия информатизации. Отметим, что информатизация – это процесс создания и широкомасштабного внедрения во все сферы жизни общества и в деятельность каждого человека средств информационно-компьютерной техники и технологий, используемых для приобретения, хранения, производства, трансформации и трансляции информации (включая знания) социальными субъектами. Информатизация представляет собой качественную, интегральную характеристику общества.

В общем контексте философско-методологического исследования технического познания выделим *основные направления анализа феномена информационно-компьютерной революции*, которые будем интерпретировать как последовательно сменяющиеся друг друга и вместе с тем отчасти накладывающиеся друг на друга уровни философско-методологической рефлексии над механизмом развития технического познания [1]. В рамках первого направления основное внимание уделяется *эмпирическому описанию радикальных трансформаций в компьютерной технике и информационно-компьютерных технологиях*. Данный подход наиболее рельефно обнаруживается в исследованиях большинства специалистов в области компьютерных наук и информационно-компьютерных технологий. Представители второго направления осуществляют рассмотрение информационно-компьютерной революции в аспекте выявления механизмов её реализации в системе современной техники и технологий средствами *методологического анализа*. Третье направление санкционирует *социокогнитивный подход* к интерпретации радикальных трансформаций в техническом познании. Наконец, в рамках последнего четвёртого *системного направления* основное внимание уделяется комплексному философско-методологическому исследованию феномена информационно-компьютерной революции в общем контексте развития техники и технологий. Системный подход находит своё применение и в данной работе.

Рассмотрим подробнее специфические особенности радикальных трансформаций в компьютерной технике и информационно-компьютерных технологиях при проведении философско-методологического исследования технического познания в каждом из ранее выделенных направлений анализа феномена информационно-компьютерной революции. Фундаментальные установки первого направления, в рамках которого доминируют феноменологические описания радикальных трансформаций в компьютерной технике и информационно-компьютерных технологиях, выполняются, как правило, в традиции историко-научно-технических реконструкций. Это не означает, что в работах представителей данного направления имеют место лишь эмпирические констатации отдельных фактов информационно-компьютерной революции или оценка этих фактов с позиции субъектно-личностных ориентаций и эпистемологических предпочтений. Многие из этих оценок являются результатом высокого уровня философско-методологической рефлексии над природой и механизмом технического познания. Вместе с тем, в работах представителей этого направления определённно преобладает фактуальный анализ информационно-компьютерной революции и доминируют кумулятивистские схемы её описания и соответствующие ей модели технического познания.

Содержание информационно-компьютерной революции не только убедительно демонстрирует характер радикальных сдвигов в техническом познании, но и актуализирует задачу комплексного их исследования в контексте программы философско-методологического анализа сущности и механизмов технического прогресса. В связи с этим, проблема динамики современной техники и технологий и их влияния на жизнь общества уже не может решаться на уровне феноменологических описаний радикальных трансформаций в компьютерной технике и информационно-компьютерных технологиях и сопутствующей им смены поколений компьютеров. В этих условиях феномен информационно-компьютерной революции становится центральным для методологического рассмотрения её содержательно-смысловых характеристик, конституируя второе направление в исследовании природы и механизма радикальных трансформаций в техническом познании. Вместе с этим, в рамках этого направления не удаётся убедительно объяснить прогрессивную направленность технического познания и интегрировать факторы становления информационной революции в контекст развития техники и технологий.

Стремление учесть и исправить недостатки методологического направления определяет появление третьего направления анализа феномена информационно-компьютерной революции и развития технического познания в целом, который в работе называется социокогнитивным направлением. В соответствии с основными установками этого направления центральной проблемой при исследовании информационно-компьютерной революции становится проблема взаимосвязи технико-технологических, когнитивных и социокультурных факторов технического прогресса.

Важнейшими особенностями этой парадигмы являются стремление к концептуальному синтезу истории, социологии и философии техники, отказ от построения глобальных моделей структуры и развития техники, акцент на исследовании конкретных эпизодов истории технического познания, подчёркнутое внимание к личностным и социокультурным особенностям технической деятельности, активное заимствование средств из социально-гуманитарных дисциплин. Однако социокогнитивные модели динамики технического знания оказываются не способными разрешить ряд проблем, возникающих при изучении развития техники и технологий, а также обосновать продуктивную концепцию роста технического знания.

Выходом из создавшегося положения дел служит создание системного направления философско-методологического анализа феномена информационно-компьютерной революции в общем контексте развития технического знания. В рамках системного направления происходит обращение к исследованию природы и механизма радикальных трансформаций в техническом познании. Это направление изучает сущность, значение, тенденции и перспективы информационной революции, устанавливает её эпистемологическую проблематику. Разрабатываемая данным направлением модель технического познания принципиально отличается не только от кумулятивистских, феноменологических по существу схем описания информационно-компьютерной революции, предпринятых в рамках эмпирического направления, но и от её интерпретаций в концепциях методологического анализа этой революции и в концепциях социокогнитивного направления. Философско-методологические и когнитивные факторы динамики технического знания рассматриваются в системной модели технического познания в контексте объективной логики технического прогресса. Переориентация философии и методологии техники на исследование ситуации кардинальной перестройки технического знания и сопутствующих этому знанию технологий актуализирует комплекс новых проблем системного направления анализа информационно-компьютерной революции.

Одной из центральных проблем системного направления, которая активно стимулирует исследование эпистемологической проблематики информационно-компьютерной революции и феномена развивающегося технического познания в целом, является проблема репрезентации знания [2-4]. Важнейшей предпосылкой описания и решения проблемы репрезентации знания в эпоху радикальных трансформаций в компьютерной технике и информационных технологиях с позиций системного направления является тщательное структурное расчленение технического знания. Системное направление убедительно демонстрирует сложность и полиструктурность технического знания, выявляет взаимосвязи между его компонентами. Ориентация на имеющиеся в системном направлении цели и результаты технического познания позволяет разработать продуктивную программу анализа феномена информационно-компьютерной революции в единстве её имманентно-содержательных и когнитивных характеристик [5]. Кроме того, в рамках системного направления возможно аналитическое воспроизведение технологических и интеллектуальных предпосылок этой революции, определение её сущности и эпистемологического содержания, представление её самой в качестве важнейшего фактора становления новой эпистемологической парадигмы в современной науке.

Библиографический список

1. Иноземцев В.А., Ивлева М.Л., Ивлев В.Ю. Становление новой философско-методологической парадигмы современной науки в условиях информационного общества: Монография. М.: «ИТО СЕМРИК», 2012.
2. Иноземцев В.А. Логико-эпистемологическое исследование искусственного интеллекта: феномен компьютерной репрезентации знания: Монография. М.: «ИТО СЕМРИК», 2014.
3. Иноземцев В.А. Эволюция систем компьютерных данных в становлении и развитии компьютерной репрезентации знания // Известия МГТУ «МАМИ». 2014. № 4 (22), Т. 5. С. 101-111.
4. Иноземцев В.А. Проблема компьютерной репрезентации знания в структуре искусственного интеллекта // Известия МГТУ «МАМИ». 2015. № 1 (23), Т. 6. С. 68-74.
5. Информационное общество и формирование новой эпистемологической парадигмы современной науки: монография / В.А. Иноземцев и др. М.: «ИТО СЕМРИК», 2013.

Inozemtsev V.A.

Bauman Moscow State Technical University
Moscow

Ivlev V.Yu.

Bauman Moscow State Technical University
Moscow

Inozemtseva J.V.

Bauman Moscow State Technical University
Moscow

THE PHILOSOPHICAL CONSIDERATION OF THE IMPLEMENTATION OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

Abstract. The article considers the characteristic of modern society known as informatization, which is associated with the widespread introduction of information and communication technologies. The paper highlights and studies the main areas of analysis of the phenomenon of information and computer revolution; such as empirical, methodological, socio-cognitive and systemic.

Keywords: information and computer revolution, information and communication technologies, informatization, technical knowledge.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 19-511-44003.

Карабущенко Наталья Борисовна
Российский университет дружбы народов
Москва
n_karabushenko@inbox.ru
Штырев Михаил Михайлович
Российский университет дружбы народов
Москва
mshtyrev@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА РОССИИ

Аннотация. В статье раскрыта психологическая модель современного молодежного лидерства. Модель включает ряд функций: деятельностно-познавательную, поисково-аналитическую, креативно-созидательную, интегративно-просветительскую.

Ключевые слова: психология личности, лидерство, молодежь России, политическое пространство, власть и общество.

В политическом пространстве современного российского общества происходят существенные изменения, обусловленные постоянным внедрением новых технологий в процесс коммуникации власти и общества. Новые целевые ориентиры в информационном пространстве приводят к переосмыслению роли личности в процессе интеграции с новыми технологиями. Представители молодой политической элиты столкнулись с необходимостью качественного преобразования основных общекультурных и социально-психологических компетенций.

Компетентностный подход, обеспечивающий качественный поиск и анализ актуальной информации в сети Интернет, способствует эффективной коммуникаций, созданию собственного контента и др. – является приоритетом в современной политической практике молодых лидеров.

Социальное поведение представителя молодой элиты в сети должно соответствовать актуальным требованиям нашего общества. В этой статье мы разберем основную информационно-коммуникативную составляющую модели психологии политической элиты, включающую ряд функций: деятельностно-познавательную, поисково-аналитическую, креативно-созидательную, интегративно-просветительскую.

Актуальность данной статьи заключается в раскрытии основных проблемных зон информационного пространства для личности лидера, целью которого, является работа с информацией, создание образовательного контента и другое. Современная действительность поставила нас в определенные рамки, требующие освоения дистанционных ресурсов и освоения интернет-ресурсов, после перехода большей части населения города федерального значения Москвы на удаленную работу и обучение, в связи с распространением вируса COVID-19 в марте 2020 года.

В первую очередь следует начать анализ со студенческой среды, так как именно здесь появляются основные предпосылки к развитию контента в информационном пространстве. В школьном возрасте личность еще не осознает потенциал креативно-созидательного аспекта информационной среды, а старшее поколение, не имеет полной картины и возможностей изучаемых явлений.

По мнению С.А. Поронок, необходимо сделать акцент на важности сохранения «коммуникативной культуры» при переходе учебных процессов в информационное пространство [8]. Так, мы можем сделать вывод, что психология взаимодействия лидера с его окружением, даже в случае перехода на платформы сети Интернет, должна сохранить все важные коммуникативные связи: живой личностный диалог, эмоциональное воздействие и влияние.

Н.В. Тихомиров в своем исследовании пришел к выводу, что цифровизация в образовательном процессе приводит к деградации взаимоотношений между учащимися и педагогами. Подмена статусов в профессиональных взаимоотношениях, трансформация классических форм взаимодействия, снижение роли авторитетов, что приводит к искажению полученной информации об окружающем мире [10]. То есть мы можем сделать вывод о необходимости регуляции структуры взаимодействия между молодым лидером и обществом в информационной среде, разработки методик по грамотному взаимодействию, позволяющему лидеру контролировать проявления девиации в сети. На наш взгляд, также является важным поиск способов удержания эмоционального контакта с участниками взаимодействия в информационном пространстве.

Исследователи А.Ю. Русаков, А.С. Тургаев подчеркивают негативное влияние информатизации общества на национальную культуру нашей страны. Они ставят под сомнение качество информации, появляющейся в открытом доступе. Для субъекта политической элиты актуальным становится вопрос о том, каким образом отбирать и использовать информацию для трансляции своему электорату [9].

Виртуальная реальность создает уникальную платформу для личности, где появляется новая социальная культура или образ жизни. Так, Р.И. Зекерьев подчеркивает необходимость обоснования и актуализации новых типов виртуальной личности интернет-пользователя [2]. Следовательно, возникает потребность в изучении дополнительного типа виртуальной личности молодого политического лидера.

Ф.И. Шарков, В.А. Михайлов, С.В. Михайлов написали в своей статье, что информационное пространство в Интернете как средство массовой информации замыкает на себе все основные новостные потоки, что приводит к консолидации общественного мнения на одной платформе, где зарождаются все новые «лидеры мнений» – блогеры [11].

Реализация идей политического лидера на платформах социальных сетей непременно приведет его к статусу «медийной личности», что может негативно отразиться на его авторитете в качестве политика. В данном ключе необходимо продумать общественно-политическую модель контент-плана, вследствие чего деятельность лидера будет восприниматься в нестандартном для социальных сетей формате, что позволит сохранить статус политика.

Для построения модели современного политического лидера необходимо обозначить и разобрать функции информационно-коммуникативной составляющей данной модели.

Поисково-аналитическая функция заключается в интеграции различной информации или фактов, которые собираются из различных источников (видеоряд, мессенджеры, социальные сети, блоги, сайты), доступных материальных ценностей (из книг, журналов, газет, предметов культуры и искусства), прямого общения с людьми (профессиональные контакты, семья, общество), взаимодействия с публикой, проведения тренингов и лекций, полученной обратной связи. Лидер должен уметь интегрировать информацию, собранную из разных источников. Способность к анализу информации в постоянно меняющемся мире технологий представляет собой одну из ключевых функций молодежного лидерства.

Деятельностно-познавательная функция раскрывает личность лидера во многих аспектах жизни. Молодой управленец в своей деятельности совершенствует свои способности, сохраняет и совершенствует природу общественно важных вещей. Деятельность молодого представителя элиты в информационном пространстве должна иметь образовательный характер. Раскрывая в себе способности к познанию новой технологичной среды, лидер открывает те скрытые смыслы, которые не были известны предыдущему поколению элиты. Продолжая совершенствовать предметы потребления, информацию в сети, лидер, кроме способностей, развивает свой личностный потенциал. Деятельность молодого лидера на просторах сети Интернет становится достоянием общественности, что ставит актуальный вопрос, насколько культурный характер его трудов соответствует общественным или государственным запросам.

Креативно-созидательная функция заключается в трансформации лидером накопленных и изученных знаний в познавательный контент. Ключевой особенностью такого рода контента в информационном пространстве является осмысление обществом представленного материала. Лидер создает особую среду для усиления мыслительной активности своих последователей, в качестве стимула следует использовать такие технические средства, как: инфографика, видеоряд, аудиолекции и другое. Используя наглядно-образный формат, политик устраивает, например, собрания жильцов одного дома, с целью привлечь их внимание к определенной проблеме. Современный лидер стремится к самообразованию, включаясь в различные образовательные программы и в качестве обучающегося, и в качестве организатора.

Ключевая роль интегративно-просветительской функции заключается в объединении людей разных конфессий и политических взглядов с целью решения какой-либо важной социально-политической задачи. Освещение законодательной деятельности парламентариев позволяет населению больше включаться в процесс формирования гражданского общества нашей страны. Современный лидер делает акцент на организации и проведении социально значимых мероприятий. Благодаря информационным технологиям, представители элиты могут проводить различного рода вебинары, прямые трансляции со значимых событий закрытого характера, онлайн-лекции и другое. Взаимодействие с обществом в подобном формате позволяет молодому лидеру раскрыть свой потенциал и реализовать задачи просветительского характера через получение обратной связи в ускоренном, интерактивном формате.

В заключении следует обозначить, что на данном этапе исторического развития современного общества смена поколений приводит к изменению формата передачи власти от общества к лидеру и наоборот. Личность молодого современного политика требует глубокого изучения. Практическая значимость исследования заключается в возможности создания рекомендательных курсов для начинающих молодых политиков с целью грамотной реализации всех функций информационно-коммуникативного аспекта.

Библиографический список

1. Воловикова М.И. Нравственная психология: современное состояние и перспективы исследований // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 2 (10). С. 6-29.
2. Зекерьяев Р.И. Типы виртуальной личности интернет-пользователя // Молодая наука: сборник научных трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых (Ялта, 27-28 октября 2017 г.). Симферополь: Ариал, 2017. С. 289-291.

3. Левашов В.К., Сарьян В.К. Гражданское общество в сетях информационно-коммуникативных технологий // Наука. Культура. Общество. 2016. № 3. С. 92-103.
4. Карабущенко Н.Б., Иващенко А.В., Чхиквадзе Т.В., Пилишвили Т.С. Формы регуляции поведения личности в ситуации морального выбора // Акмеология. 2016. № 1 (57). С. 75-79.
5. Колканов Н.Т. Социально-политические основы формирования успешного политического лидера // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 35. С. 62-66.
6. Левашов В.К., Сарьян В.К. Гражданское общество в сетях информационно-коммуникативных технологий // Наука. Культура. Общество. 2016. № 3. С. 92-103.
7. Мартишина Н.В., Гребенкина Л.К., Еремкина О.В., Аджиева Е.М., Ганина Т.В., Жокина Н.А. Формирование профессионально-личностной стратегии современной студенческой молодежи: теория и практика. Рязань, 2016.
8. Поронок С.А. Информационно-коммуникативный аспект культурной среды вуза // Наука и общество в эпоху технологий и коммуникаций: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: Мос. ун-т им. С.Ю. Витте, 2016. С. 749-753.
9. Русаков А.Ю., Тургаев А.С. Культурно-образовательное пространство России и современные информационные коммуникации // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 2 (27). С. 6-10.
10. Тихомиров Н.В. Информационно-коммуникативные технологии как фактор современной социализации: проблемы и вызовы // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 1 (82). С. 193-196.
11. Шарков Ф.И., Михайлов В.А., Михайлов С.В. Общественное мнение: информационно-коммуникативный аспект // Коммуникология. 2019. Т. 7. № 1. С. 66-77.

Karabushenko N.B.
RUDN University of Russia
Moscow
Shtyrev M.M.
RUDN University of Russia
Moscow

INFORMATION AND COMMUNICATION COMPONENT OF THE MODEL OF A MODERN POLITICAL LEADER IN RUSSIA

Abstract. The article reveals the psychological model of modern youth leadership. The model includes a number of functions: activity-cognitive, search-analytical, creative-creative, integrative-educational.

Keywords: personality psychology, leadership, Russian youth, political space, power and society.

СУБЪЕКТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И КРИЗИСА

Аннотация. Описаны психологические трудности бытия личности, вызванные неопределенностью и кризисом, обусловленными быстрыми социальными изменениями и самоизоляцией. Выявлено противоречие между стимулированием субъектной активности личности и ее неспособностью использовать собственные ресурсы. Субъектная идентичность представлена как важный субъектный ресурс личности, описаны ее функции, структура (информационный, оценочный, поведенческий компоненты). Приводятся данные эксперимента о том, что в студенческой среде представлены разные уровни субъектной активности личности и, следовательно, уровней субъектной идентичности.

Ключевые слова: субъектная идентичность личности, психологический ресурс, кризис.

Резкие, неожиданные и непредсказуемые изменения с элементами парализации социально-экономических условий жизнедеятельности людей, связанных самоизоляцией, заставили каждого человека, независимо от возраста, жизненного опыта и сферы деятельности, осмыслить и переоценить свои ресурсы для адаптации и преодоления возникающих проблем. Ситуацию усложнили продолжающиеся процессы модернизации социально-экономических, политических отношений, которые заставили участников быстро искать или создавать новые, нестандартные пути реализации своих повседневных планов и жизненных целей.

В условиях вынужденного ограничения свободы передвижения, выбора действий, перевода практически всех значимых межличностных коммуникаций в режим онлайн обострились уже имеющееся нарушение баланса и взаимосвязи внешних и внутренних отношений личности. Рябикина З.И., Фоменко Г.Ю. отмечают, что наличие глубоких противоречий в системе отношений между отдельными составляющими структуры личности обуславливает «чувство потерянности, неаутентичности бытия, отчужденности, внутренней конфликтности и, таким образом, диффузию идентичности». Они подчеркивают, что в таких условиях человек теряет чувство личностной идентичности, при этом стирается его социальное Я, и, главное, на наш взгляд, разрушается выработанная воспитанием и социализацией структура социального действия [5].

Доминирующим регулятором поведения у многих людей, особенно старшего возраста, стала социальная напряженность, вызванная, в первую очередь, страхом заражения и болезни. Страх всегда сопровождал общество в переходные периоды истории, но в настоящий момент, помимо масштабности перемен, он усиливается высокой стремительностью и необратимостью этих перемен. Быть субъектом своей жизни сегодня – не только уметь распоряжаться своей активностью, определять свои близкие и дальние цели, ставить задачи, планировать свои действия, но и делать это быстро, гибко, думать и принимать решения молниеносно и уверенно. Указанные характеристики современного бытия изменяют психологическое жизненное пространство каждой личности, требуют еще большей мобильности, необходимости соответствовать, а, значит, постоянных изменений и самосовершенствования [5].

Но далеко не каждая личность в силу своих особенностей способна выдержать данную нагрузку и эффективно вести себя в соответствии с такими требованиями. Важно понимать, видеть и использовать различные ресурсы для овладения ситуацией, а в состоянии повышенной тревожности сознание личности сужается и ограничивается в выборе. В этом случае деятельность оказывается неэффективной, возникают переживания несостоятельности, стресса, аномии и, как вариант, уход от реальности в разные виды девиаций.

Следовательно, существует противоречие между социальным стимулированием субъектной активности личности (СМИ, реформирование различных сфер жизни общества, необходимость постоянно контролировать свои действия) и ее неспособностью использовать собственные субъектные ресурсы для реализации себя как субъекта в полной мере. Подчеркнем, что важным условием преодоления этого противоречия является отношение человека к самому себе как к действующему субъекту, а важнейшими ресурсами – именно психологические ресурсы.

С той или иной степенью осознанности каждому человеку за период изоляции пришлось сделать качественную ревизию и в срочном порядке нарастить недостающие ресурсы. Каждый справился с этой задачей с разной степенью эффективности, и для психологии важно определить, какие психологические ресурсы личности являются ключевыми для преодоления ею кризисных ситуаций в условиях неопределенности, а также условия и факторы их эффективного применения в преодолевающем поведении.

Монина Г.Б., Раннала Н.В. определяют психологический ресурс в целом как адаптационную способность психики человека усиливать во много раз интенсивность своей деятельности по сравнению с состояниями относительного покоя [4].

Но сегодня актуально вести речь о психических ресурсах субъекта, понимаемых как многообразие его функциональных возможностей, используемых при взаимодействии со средой, в ходе которого происходят непрерывные конструктивные преобразования как среды, так и самого субъекта. Эти субъектные ресурсы анализируются исследователями и систематизируются в несколько групп.

1. Взаимообусловленные переменные, связанные с организацией деятельности себя и (или) других: предельные показатели психических возможностей конкретного человека; широта связей, которые существуют между различными уровнями психического и между субъектом и средой; характеристики самой среды [1].

2. Аутентичность, открытость собственному опыту, стремление и достижение определенного уровня самопознания, сила духа [1].

3. Зрелость, которая проявляется в готовности к взаимодействию с социумом, индикаторами ее являются личностные качества, (уровень отношения к социальному окружению; способ решения своих проблем). Они могут выступать как ресурсы, так и ограничители личности [3].

4. Готовность к изменениям как психологическое состояние, отражающее мобилизационный уровень ресурсов личности для эффективного выполнения профессиональной или другой значимой деятельности в условиях реализации проектного управления профессиональным развитием и саморазвитием [3].

Одним из важных видов субъектных ресурсов личности является субъектная идентичность, которая представляет собой свойство личности, означающее тождественность самому себе в деятельности, проявляющееся в нестандартных ситуациях бытия, при принятии важных решений. Она обеспечивает:

- сравнение и сопоставление личностью своих реальных и (или) потенциальных возможностей и целей с задачами, целями и смыслами окружающих в условиях решения совместной задачи;

- задает вектор, определяет направление развития личности от повседневной жизни сегодня к будущим перспективам, направления для поиска ресурсов, новых возможностей, самопонимание, самопроектирование, открытие нового «Я»;

- помогает личности адаптироваться к различным видам неопределенности и преодолению этой неопределенности, например, включает мотивацию к поиску альтернатив, новых способов совладания с неопределенностью в ситуации кризиса, трудной жизненной ситуации, в которых известные способы поведения и действия не подходят, помогает сделать выбор;

- предупреждает дезориентацию в неопределенности: обеспечивает постановку, обсуждение содержания и границ текущих задач, эффективную коммуникацию, планирование поэтапного вхождения в инновации, обсуждение результатов и новых смыслов.

Субъектная идентичность имеет свою структуру, в которой можно выделить несколько компонентов. Информационный компонент отражает вербальную и невербальную информацию оценочного характера, которую личность получает от окружающих относительно результатов своей деятельности. Но главную ценность имеет информация, получаемая личностью во время стихийного или организованного взаимодействия с окружающими посредством сравнения себя с другими и самим собой, рефлексии собственного опыта, анализа ситуаций, случаев.

Оценочный компонент стремится к балансу между самопризнанием и признанием другим(и) уникальности и неповторимости деятельностного начала в себе, ценности мыслей, выводов, предложений, а также личных достижений и результатов личностного роста.

Поведенческий компонент реализуется через стремление личности в той или иной степени сознательно реализовывать свои цели и смыслы в социальном окружении и высказывать свое обдуманное мнение, оказывать личное влияние.

Особенности формирования субъектной идентичности состоят в том, что усилия направлены на стимулирование процессов самопознания, самопроектирования образов «Я вчера – Я сегодня – Я завтра».

Сегодня в условиях кризиса и напряженности именно субъектная идентичность как вектор движения от «Я сегодняшней» до «Я завтрашней», помогает найти ориентир и двигаться к нему, а именно:

- осознать, что события не всегда поддаются нашему контролю и думать о том, что можно сделать;

- принимать и понимать свои негативные эмоции в условиях неопределенности;

- принимать изменения привычного хода жизни как норму, быть открытым к новому;

- принятие длительности перемен и т. д.

Предполагается, что у разных личностей существует разный уровень сформированности субъектной идентичности, и оптимальный уровень развития субъектной идентичности личности способствует некоторому снижению деструктивного напряжения в ситуации неопределенности, тем самым оптимизирует реальные и потенциальные возможности личности в адаптации к динамичной общественной ситуации, позволяет адекватно оценивать свои психические ресурсы, оптимально их распределять и управлять своей деятельностью. Низкий или высокий уровни идентичности способствуют спутанности представлений о своих

возможностях, проявляемых в деструктивном или неэффективном поведении (бездействие или, наоборот, суета, сомнения, неэффективный энтузиазм, фанатизм и т. д.).

Для подтверждения этого положения было проведено исследование эмоционально-деятельностной реакции обучающихся на неопределённость. В нем приняли участие 149 студентов 18-22 лет, обучающихся на 1-3 курсах бакалавриата гуманитарного и математического направлений Адыгейского госуниверситета. С ними проведено анкетирование, в ходе которого респондентам было предложено оценить свои действия и эмоциональное состояние в ситуации неопределенности. Кластерный анализ результатов показал, что респонденты распределились на пять кластеров (групп), объединенных внутри типичной, отличной от других групп поведенческой реакцией на ситуацию неопределенности.

Кластер 1. При возникновении проблемной неопределенной ситуации изучают ее, активно действуют, стараясь использовать ее возможности, и испытывают азарт при преодолении этой ситуации (26%).

Кластер 2. При непонятной для них ситуации активно действуют, по ходу разбираются в обстоятельствах и испытывают интерес (25%).

Кластер 4. В случае неожиданной и непонятной ситуации не действуют самостоятельно, а смотрят, как действуют другие (22%).

Кластер 3. Респонденты, которые при нестандартной ситуации ждут указаний и испытывают неуверенность (15%).

Кластер 5. При затруднительной ситуации ничего не делают, ждут, когда все станет на свои места, испытывают раздражение и страх (11%).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в студенческой среде, действительно, представлены разные уровни субъектной активности личности, что свидетельствует о наличии разных уровней субъектной идентичности. Половина из опрошенных не теряется в условиях неопределенности, активно действует, находит варианты решений своих проблем, что соответствует высокому и оптимальному уровням субъектной идентичности. В то же время вторая половина молодежной аудитории пассивна и ведома, проявляет низкий уровень субъектности (субъектной идентичности). Перспективу исследования составляет определение особенностей механизмов развития субъектной идентичности личности внутри кластеров и их обусловленность личностными характеристиками.

Библиографический список

1. Власова О.Г. Психический ресурс человека как субъекта труда: системный подход // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2008. № 1. С. 106-108.

2. Горская Г.Б., Компаниец В.И. Психологические ресурсы и барьеры включения личности в современный жизненный мир // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2018. № 2. С. 4-10.

3. Исаева Н.И. Готовность преподавателя к изменениям как психологический ресурс в достижении эффективности проектно-целевого управления профессиональным развитием студентов // Профессионально-педагогическая культура: опыт прошлого – вызовы современности: Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 2017. С. 18-23.

4. Моница Г.Б., Раннала Н.В. Кризис и психологические ресурсы человека // Ученые записки Санкт-Петербургской академии управления и экономики. 2009. № 3 (25). С. 93-101.

5. Фоменко Г.Ю., Рябикина З.И. Психология безопасности личности: субъектно-бытийный подход: монография / Г.Ю. Фоменко, З.И. Рябикина. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018.

Kovaleva Natalya Vladimirovna
Adyghe State University
Maykop

**SUBJECT IDENTITY AS A PSYCHOLOGICAL RESOURCE OF THE INDIVIDUAL
IN THE CONDITIONS OF UNCERTAINTY AND CRISIS**

Annotation. The article describes the psychological difficulties of being a person because of uncertainty and crisis, which is caused by rapid social changes and self-isolation. There is a contradiction between stimulating the subjective activity of the individual and its inability to use its own resources. Subject identity is presented as an important subject resource of the individual. The individual functions and structure (informational, evaluative, behavioral components) are described here. The article presents experimental data that the students' environment has different levels of subjective activity of the individual and, consequently, levels of subjective identity.

Keywords: subjective identity of the individual, psychological resource, crisis.

ПАНДЕМИЯ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ РИСК: НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ УГРОЗЫ И РЕАКЦИЯ НА НЕЕ⁶

Аннотация. Автор рассматривает пандемию COVID-19 как глобальный риск, перешедший из модуса потенциального в непосредственный. Все социальные системы и институты начали перенастраиваться на новые формы и условия функционирования и взаимодействия. Безопасность стала важнейшей ценностью, приверженность которой сделала возможным добровольное ограничение ряда свобод. Неопределенность во всем стала ключевым трендом периода пандемии. Анализируются социологические данные, отражающие реакцию на пандемию как глобальный вызов

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, непосредственный глобальный риск, ценность безопасности.

Одним из непосредственных вызовов, представшим перед современным обществом из глубин некоторых алармистских концепций, стала пандемия COVID-19, вызванная новым коронавирусом. Термин "непосредственный" применительно к глобальному риску мы применяем исходя из того, что данный вызов за кратчайшее время перестал быть потенциальным, расцениваться с позиции предстоящей угрозы. Как оказалось, непосредственность глобального риска или угрозы сама по себе является высокой степенью риска.

Каждый оказался под непосредственной угрозой заражения, все оказались под непосредственной угрозой распространения вируса. Власть оказалась под угрозой принятия неэффективных решений, все – под угрозой высокой степени неопределенности, отсутствия понимания, каким будет следующий шаг. Все социальные системы и институты начали перенастраиваться на новые формы и условия функционирования и взаимодействия. Значительно вырос уровень депривации у части населения, ставший следствием изоляции, отсутствия заработка, изменения привычных повседневных практик и, главное, – каких-либо видимых внятных перспектив. Таким образом, угроза охватила все сферы и уровни социальной ткани: на индивидуальном уровне это была непосредственная витальная угроза, на социальном – экстремальная ситуация с неопределенной перспективой.

Во Всемирном исследовании ценностей World Values Survey (WVS) на одной из ключевых осей "ценности выживания – ценности самовыражения" традиционно ближе к первому полюсу были бедные и развивающиеся страны [1]. Однако, как мы видим, в один момент ценности этого первого полюса стали приоритетными для абсолютного большинства стран: люди, страны готовы были ограничивать ряд своих свобод и сконцентрировались на идее самосохранения. Пандемия показала, что весь мир акцентирован на сверхценность безопасности, – заключают авторы сборника "Прощай, COVID?" [2]. Безопасность, идея безопасности стала важнейшей ценностью, приверженность которой сделала возможным добровольное самоограничение, сформировало новое измерение жизни.

Однако при всей сложности и опасности ситуации появляется привыкание к неопределенности и риску, связанным с пандемией. По данным проекта КоронаФОМ, растет пренебрежение рисками. Показатели игнорирования болезни ("не боятся заболеть") с апреля по август растут незначительно, но, тем не менее, составляют 40%. За эти четыре месяца

⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31523.

количество людей, не следящих за информацией о коронавирусе, увеличилось в два раза (с 31 до 57 %). При этом одна и та же доля респондентов выражает недовольство происходящим. И уже, начиная с середины июня, наблюдается рост респондентов, фиксирующих нормализацию жизни [3]. Это свидетельствует о том, что наряду с депривацией, происходит адаптация к существованию в условиях непосредственного риска.

В России сложилась ситуация синхронной реализации мер в столице и регионах при асинхронном распространении пандемии: при общем понимании и декларации того, что "Россия - страна огромная", пандемия и все решения власти жили по московскому времени. Введение, усиление ограничений, дальнейшее их ослабление и снятие вводились с оглядкой на эпидемиологическую ситуацию в Москве. Когда же в регионах стали фиксироваться свои волны и "вспышки" – во многих из них уже давно реализовывался план по постепенному снятию ограничений [4]. Это привело к тому, что около четверти населения считают действия властей неправильными [3], что, несомненно, усиливает существующую неопределенность. При этом мы отметим, что еще в 2018 г. пандемии и эпидемии входили в пятерку глобальных рисков, вызывавших у россиян наибольшее опасение [5].

Неопределенность во всем стала ключевым трендом периода пандемии. Возможно, она пробудила к жизни новые практики преодоления и адаптации, пересмотр ценностей, но также стала катализатором ряда социальных и политических движений, давно и долго накапливающих свой потенциал.

Библиографический список

1. Inglehart, R., C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen et al. (eds.). 2014. World Values Survey: Round Six – Country-Pooled Datafile 2010-2014. Madrid: JD Systems Institute. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp>
2. Сверхценность безопасности, или как сработали власти во время пандемии: фрагмент статьи из сборника «Прощай, COVID?». URL: <https://esquire.ru/letters/198493-sverhcennost-bezopasnosti-ili-kak-srabortali-vlasti-vo-vremya-pandemii-fragment-stati-iz-sbornika-proshchay-covid/#part0>
3. Проект Корона-ФОМ, К-зонд, Динамика индикаторов. URL: <https://datastudio.google.com/u/0/reporting/1SYQ4joKXQn1LocUmuSbdvdVFud1ouyJj/page/S4fNB>
4. Коронавирус: статистика. URL: <https://yandex.ru/covid19/stat>
5. Global Challenge Foundation. URL: <https://globalchallenges.org/initiatives/analysis-research/surveys/file:///C:/Users/4227~1/AppData/Local/Temp/Attitudes%20to%20Global%20Risk%20and%20Governance%20Models%202018.pdf>

Kukva E.S.
Adyghe State University
Maykop

THE PANDEMIC AS A GLOBAL RISK: THE IMMEDIACY OF THE THREAT AND THE REACTION TO IT

Abstract. The author considers the COVID-19 pandemic as a global risk that has moved from the potential to the immediate mode. All social systems and institutions began to adapt to new forms and conditions of functioning and interaction. Security has become an essential value, and adherence to it has made it possible to voluntarily restrict a number of freedoms. Uncertainty in everything has become a key trend during the pandemic. Sociological data reflecting the response to the pandemic as a global challenge are analyzed.

Keywords: pandemic, COVID-19, immediate global risk, security value.

Funding: The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-31523.

ПРОАКТИВНОЕ СОВЛАДАНИЕ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ФАКТОРЫ НА ЭТАПЕ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье представлены результаты нескольких исследовательских срезов, направленных на изучение особенностей копинг-поведения личности на этапе самореализации. Изначальная гипотеза о высоком уровне копинга проактивного типа не подтвердилась, в большинстве случаев имеются средние показатели. Кластеризация данных показала присутствие трех типов личности на этапе самореализации: «проактивно совладающие», «использующие проактивное совладание», «не стремящиеся к проактивному совладанию». Благодаря лонгитюдному исследованию, установлено, что получение психологического образования на этапе самореализации усиливает проактивный копинг личности. Положительная динамика имеется у стратегий «поиск эмоциональной поддержки», «поиск инструментальной поддержки», «проактивное преодоление».

Ключевые слова: копинг-поведение, копинг-ресурсы, проактивный копинг, зрелость личности, психологическое образование.

Жизнь в стрессогенной среде для современного человека выступает привычной ситуацией, адаптация к которой выступает одной из текущих задач. Периодичность возникновения жизненных трудностей постепенно формирует определенную стилистику совладающего поведения личности, закрепление которой приходится на период взрослости [2]. Накопленный годами опыт позволяет человеку дифференцировать не только стрессогенные воздействия среды, но и собственные реакции на них, ориентируясь на степень их эффективности с учетом требований ситуации и собственных возможностей. Наиболее оптимальной и продуктивной формой совладания выступает та, которая позволяет заранее подготовиться к внешним угрозам, предвосхитить их и предотвратить до начала непосредственного вредоносного воздействия. В психологической науке такую форму копинга обозначают термином «проактивное совладание» и раскрывают как способность личности запускать необходимые формы активности для блокировки будущих неблагоприятных событий [4; 5; 6; 7]. Опираясь на исследования зарубежных и отечественных ученых, мы предположили, что на этапе самореализации личность вполне может и должна обладать такой способностью. То есть, «зрелая личность» требует и «зрелых» форм поведения. С другой стороны, чем старше становится человек, устойчивость поведения, в том числе совладающего, может свидетельствовать о его ригидности, в связи с чем снижается быстрота реакции на изменения среды, мешая заблаговременно готовиться к столкновению с трудностями. Кроме того, высшие формы совладания проактивного типа, в принципе, могут оказаться за пределами копинг-репертуара личности, предпочитающей пользоваться другими стратегиями, снижающими уровень стресса.

Стремясь разобраться с этим вопросом, мы организовали ряд исследовательских срезов, направленных на изучение представленности проактивного совладания у лиц от 21 до 55 лет (этап самореализации [3]), а также возможности оказывать на него влияние извне. В качестве последнего мы решили остановиться на психологическом образовании, которое, прежде всего,

направлено на изучение себя и преодоление собственных затруднений с целью оказания помощи в преодолении жизненных трудностей другим людям. Таким образом, выборку исследования составили: на первом этапе 155 человек (64 получающие и 91 не получающие психологическое образование); на втором – 27 студентов, прошедших трехлетнюю учебно-профессиональную подготовку на факультете психологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Основным методом сбора данных выступило тестирование, реализуемое с помощью методики «Проактивное совладающее поведение» – PCI (Л. Аспинвалл, Р. Шварцер и С. Тауберт, адаптация – Е. Старченкова) [1]. Для обработки данных применялся иерархический кластерный анализ, критерии значимости различий Краскела-Уоллиса (H) и Манна-Уитни (U), T -критерий Вилкоксона.

Результаты, полученные при изучении стратегий совладания проактивного типа у лиц на этапе самореализации, показали, что, вопреки изначальной гипотезе, на всей выборке доминируют средние показатели, независимо от наличия или отсутствия психологического образования (достоверно значимых различий не установлено, эмпирические значения U по всем шкалам при $p \geq 0,05$). Эта тенденция характерна для данных по всем шкалам: проактивное преодоление (42,15 при МАХ=56 баллов), рефлексивное преодоление (32,03 при МАХ=44 балла), стратегическое планирование (10,65 при МАХ=16 баллов), превентивное преодоление (28,39 при МАХ=40 баллов), поиск инструментальной поддержки (17,9 при МАХ=32 балла), поиск эмоциональной поддержки (12,79 при МАХ=20 баллов). Таким образом, выборка оказалась довольно однородной по выраженности изучаемого типа копинга, доказывая, что взрослые люди могут использовать предвосхищающие стресс стратегии, но они не являются для них приоритетными. Вместе с тем, мы все же допускали, что выборка была неоднородна по количеству получающих и не получающих психологическое образование, в связи с чем результаты требовали дальнейшей обработки, позволяющей дифференцировать опрошенных по уровню выраженности стратегий проактивного копинга. Так, введение процедуры кластеризации данных позволило выявить три группы, контрастные по выраженности интересующего нас копинга (H эмп.=110,99 при $p=0,000$), самой многочисленной из которых (47%) оказалась объединяющая лиц с самыми высокими показателями проактивного совладания, тогда как в группу с самыми низкими показателями вошли 31,6% опрошенных, а со средними – 20,6%. Дальнейший качественный и количественный анализ состава каждой группы позволил установить, что в группу «проактивно совладающих» в равной степени входят и получающие (43,2%), и не имеющие (56,8%) психологическое образование. В группе со средними показателями получающих психологическое образование значительно больше, чем, не имеющих его (65% против 34,4%). Тогда как группа «не стремящихся к проактивному совладанию» в большей степени состоит из людей, не имеющих психологического образования (79,6% против 20,4%). Последнее вселило в нас некоторый исследовательский оптимизм, в связи с чем проверке подверглась гипотеза о влиянии психологического образования на усиление у личности копинг-стилистики проактивного типа на этапе самореализации. Имея результаты срезов, полученных на выборке студентов при поступлении для обучения на факультет психологии (1 курс) и на этапе его завершения (4 курс), нам удалось установить положительную динамику показателей у ряда стратегий (трех из шести): поиск эмоциональной поддержки ($T=-2,108$ при $p \leq 0,05$), поиск инструментальной поддержки ($T=-2,117$ при $p \leq 0,05$) и проактивное преодоление ($T=-2,383$ при $p \leq 0,01$). Несмотря на то, что статистически не была подтверждена позитивная динамика остальных стратегий, она все же тоже присутствовала: рефлексивное преодоление (до: 34,52

балла, после: 35,50 балла), стратегическое планирование (до: 11,36 балла, после: 12,75 балла), превентивное преодоление (до: 30,28 балла, после: 33,25 балла).

Таким образом, можно предположить, что в процессе получения психологического образования у личности усиливается ориентация на других людей, в том числе, при столкновении с трудными жизненными ситуациями. Эта готовность к эмоциональному сотрудничеству проявляется в открытом проявлении своих чувств, стремлении разделять их с другими, выражении эмпатии, регуляции дистресса в процессе коммуникации с социальным окружением, способности доверять свои переживания близким для укрепления отношений с ними. Кроме того, расширяется диапазон субъектов социальной и информационной поддержки, обостряется потребность в компетентных рекомендациях, расширении представлений о ситуации за счет знакомства со взглядами других людей. Несмотря на то, что стратегии эмоциональной и инструментальной поддержки обращены к внешним ресурсам личности, на наш взгляд, особое значение, в данном случае, имеет повышение ценности других людей и межличностных отношений, что выступает важным социальным копинг-ресурсом. Однако, главным результатом этого этапа исследования является доказательство положительной динамики у студентов факультета психологии зрелого возраста стратегии проактивного преодоления, направленной на интеграцию всех имеющихся ресурсов личности для достижения поставленных целей и противостояния трудностям на пути ее достижения. Более того, возникающие препятствия расцениваются человеком в качестве позитивного опыта, необходимого и способствующего личностному росту. Доминирование стратегии проактивного типа помогает человеку «переводить» трудности из статуса «проблем» в статус «вызова», позволяя притязать на решение все более сложных задач. В определенной степени, это можно расценивать как стремление выходить «из зоны комфорта», формирующее гетеростатические отношения со средой, причем источником и движущей силой этого «неравновесия» выступает сама личность. В таком ракурсе само принятие решения о получении психологического образования на этапе самореализации вполне вписывается в портрет личности «проактивного типа», не только готовой к преодолению трудностей, возникающих на пути воплощения своей мечты, но и с радостью их встречающей.

Библиографический список

1. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009.
2. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: Монография. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010.
3. Лукина Е.А. Особенности самоосуществления человека в разные периоды взрослости: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. Санкт-Петербург, 2006.
4. Старченкова Е.С. Концепция проактивного совладающего поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 12. Ч. I. № 2. С. 198-205.
5. Aspinwall L.G., Taylor S.E. A stitch in time: Self-regulation and proactive coping // Psychological Bulletin. 1997. Vol. 121 (3). P. 417-436.
6. Greenglass E. Chapter 3. Proactive coping and quality of life management // E. Frydenberg (Ed.), Beyond coping: Meeting goals, vision, and challenges. London: Oxford University Press, 2002. P. 37-62.
7. Schwarzer R., Taubert S. Tenacious goal pursuits and striving toward personal growth: Proactive coping. In: Frydenberg, E., editor. Beyond Coping: Meeting Goals, Visions and Challenges. London: Oxford University Press, 2002. P. 19-35.

PROACTIVE SELF-CONTROL AND ITS FACTORS AT THE STAGE OF SELF-REALIZATION

Abstract. The article presents the results of several research sections aimed at studying the features of coping behavior of an individual at the stage of self-realization. The initial hypothesis about a high level of proactive coping type was not confirmed, although in most cases there are average indicators. Clustering of data showed the presence of three personality types at the stage of self-realization; "proactively owning", "using proactively owning", and "not striving for proactively owning". Thanks to a longitudinal study, it was found that receiving psychological education at the stage of self-realization increases the proactive copying of the individual. The strategies "search for emotional support", "search for instrumental support", and "proactive overcoming" have positive dynamics.

Keywords: coping behavior, coping resources, proactive coping, personal maturity, psychological education.

Мухаметзянова Флэра Габдульбаровна

Институт международных отношений
Казанский федеральный (Приволжский) университет
Казань
florans955@mail.ru

Лушпаева Ирина Игоревна

Институт развития образования Республики Татарстан
Казань
psilogiairort@mail.ru

Хайрутдинов Рамиль Равилович

Институт международных отношений
Казанский федеральный (Приволжский) университет
Казань
ramilh64@mail.ru

ФЕНОМЕН СУБЪЕКТНОСТИ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ

Аннотация. В статье представлены рассуждения авторов о феномене субъектности личности в контексте теоретико-методологических ориентиров к его пониманию. Осмысление природы субъектности человека рассматривается как механизм научной рефлексии. Рассуждения о феномене личности осуществляются как субъекте социальных отношений человека. Авторы считают, что, исследуя вопросы становления, построения типологий и объяснительных моделей субъектности, необходимо изначально определиться с теоретико-методологическими аспектами научного представления о феномене субъектности личности. В статье авторы описали и проанализировали психологические методологические подходы к пониманию феномена субъектности личности, активно применяемые в психологии развития. И, в первую очередь, были выделены: биогенетический, социальный, гносеологический, культурологический подходы. Каждый из подходов в своем логическом построении понятия субъектности личности и построении ее объяснительных схем имеет как свои приоритеты, так и недостатки в определении условий формирования и развития субъектности в возрастном аспекте.

Ключевые слова: субъектность, личность, теоретико-методологические основания, биогенетический, социальный, гносеологический, культуральный подходы, психическое развитие.

Обращение к феномену субъектности человека и личности как субъекту социальных отношений мы рассматриваем как механизм научной рефлексии в исследовании данного феномена.

Мы согласны с К.А. Абульхановой, что изучение субъектных феноменов актуально и востребовано в силу подъема человека как субъекта, впущенного в бытие (С.Л. Рубинштейн), и роста его самосознания, самоопределения и роста его творческого потенциала [1].

Категория субъекта была введена в психологию и педагогику благодаря титаническим усилиям С.Л. Рубинштейна [2] и нашла отражение в виде субъектно-деятельностной теории его учеников: К.А. Абульхановой и А.В. Брушлинского [2].

Продолжая рассуждение о феноменологии субъектности, условиях ее становления, построения типологий и объяснительных моделей, важным является теоретико-методологические основания, следование общенаучной культуре построения научного представления о субъектности.

Обозначим существующие психологические методологические ориентиры к пониманию феномена «субъектности», активно применяемые в психологии развития. И, в первую очередь, можно выделить следующие методологические подходы: биогенетический, социальный, гносеологический, культуральный или культурологический [4, с. 115]. Каждый из подходов в своем логическом построении понятия «субъектность», построении ее моделей и объяснительных схем имеет как свои приоритеты, так и недостатки в определении условий формирования и развития субъектности в возрастном аспекте.

Биогенетический (натуралистический) подход. Понятийный аспект этого подхода определяется соотношением «организм-среда», где происхождение всех психических явлений, процессов и новообразований, личности и поведения лежит в рамках концепции наследственности. Окружающая среда является важным, но не основным условием становления человека и его субъектности, лишь внешне влияя на этот процесс.

При сугубо биогенетическом подходе психика человека имеет двойную одновременно действующую причинную детерминацию: в своих качествах и проявлениях она есть результат наследственных, биогенетических преобразований, а в своих функциях – есть результат приспособления индивида к природной и социальной среде.

Смена возрастных стадий развития, последовательность появления психических функций и психологических структур, уровни личностного и субъектного развития и самоосуществления рассматриваются в данной методологической парадигме как следствие и результат созревания и роста [4, с. 116].

Преимущество биогенетического подхода в том, что он задает четкие границы и методологические основания для педагогических теорий свободного воспитания на основе учета индивидуально-типологических особенностей индивида, и это требует в качестве условия применения в педагогике психологических технологий невмешательства в процессы психического созревания и формирование личностных и субъектных свойств ребенка, полагаясь на естественно определенный ход его становления.

Социальный подход (социоморфический). Понятийный аспект этого подхода определяется соотношением, противоположным биогенетическому, и звучит как соотношение «человек – общество».

Сущность человека, включая и его личностно-субъектное развитие, не в индивидуально-типологических характеристиках, заложенных наследственно, а в качественных показателях реальных условий окружающей среды, в первую очередь, социальной.

Органические особенности индивида выступают как предпосылки развития, а сами предпосылки не являются ни механизмами, ни движущими силами развития. Все ресурсы и движущие механизмы формирования личности из индивида, условия формирования его субъектности уже заложены в качественных характеристиках социального окружения и среды.

Механизмы развития, заложенные в социальной среде, определяют развитие через получение предстоящего социального опыта, участие в системе сложившихся видов деятельности, через которые биологический индивид обретет человеческую психику и сформирует свои личностно-субъектные качества [4, с. 117].

Общее понимание психического и личностного развития в данном подходе – процесс социализации индивида, формирование внутреннего мира человека, формирование его субъектных качеств по социально заданной и общепринятой в конкретном обществе норме.

Например, социоморфический подход ярко проявил себя в рамках традиционной советской педагогики, где педагогика обеспечивала воспитательную практику технологиями социализации индивида, получение им необходимого (четко направленного) опыта в форме организованного и управляемого учебно-воспитательного процесса. Таким образом, педагогика выступала областью формирования личностного и субъектного в индивиде.

В психологии развития социоморфический подход определен процессом интериоризации (усвоения) индивидом всех видов ведущих деятельностей, его активности, поведения, потребностей, системы отношений, всех структурных личностных компонентов, включая субъектные [4, с. 118].

И биогенетический, и социоморфический подходы объединены материалистическим (естественно-научным) пониманием психического, не имея особой разницы между собой, за исключением движущих сил и механизмов развития: у одного – внутренние, у другого – внешние. Это и определяет границы в формировании личностного и субъектного в процессе психического развития на протяжении жизни человека.

Гносеологический подход как частный научный взгляд на формирование личности и его методологические ресурсы также интересны в понимании условий для формирования субъектности человека.

Основная идея этого подхода в том, что познавательная деятельность человека определяет все его отношения с миром и средой, она определяет возникновение новых психических форм, структур и способностей человека, его личности и субъектности, и опирается на субъект-объектную схему отношений «S – O» [4, с. 120].

Понимание психического и психологического развития в данной парадигме сведено к познавательному развитию и его результату – возникновению и становлению когнитивных структур, механизмов, стилей, обеспечивающих взаимодействие познающего субъекта (S) и познаваемого объекта (O).

Ограниченность гносеологического подхода связана с тем, что основным в процессе развития человека является взаимодействие и отражение, в результате которого в расширяющемся взаимодействии субъекта и объекта отражается структура последнего, а в соответствии с ней складывается новое и совершенствуется уже возникшее в психологическом строе индивида.

Эти ограничения не позволяют понять и создавать расширяющийся круг необходимых условий, т. к. все определяется только индивидуальными признаками познавательной активности человека, кругом его индивидуальных интересов и потребностей. Эта изоморфность отражает параллельность взаимодействия S и O – объект не причина психологической структуры и не ее следствие, субъект и объект взаимоднозначно отображают друг друга [4, с. 118].

Культуральный подход характерен тем, что его научная идеология – отказ от индивидуальных представлений о человеке, от полагания отдельно на социальное, природное и когнитивное в человеке. Основным является понимание механизмов преобразования культуры в личностный мир человека и порождение им, в процессе развития личности и субъектности, новых форм культуры. Это подход задан соотношением «человек – культура» [4, с. 119].

В понятийном аппарате культурального подхода личностное и субъектное в человека связано, прежде всего, с творческим и созидательным характером его жизнедеятельности [5, с. 21].

Поэтому, только психологический взгляд на человека, при котором он предстает как система индивидуально-своеобразных качеств и свойств, психологических способностей и механизмов, не отражает весь спектр отношений человека с миром, влияющих на качества его субъектности.

На самом деле, система отношений человека с культурой весьма многообразна и именно в этих связях человек приобретает свой неповторимый личностный и субъектный облик. Человек, взаимодействуя с уникальной культурой, лаконично встраивает свое природное, социальное и когнитивное в сложившуюся культурно-историческую систему общественных норм и ценностей, фиксированных в образцах культуры – произведениях искусства, традициях, ритуалах, обычаях.

Здесь происходит нравственное и эмоциональное переживание, формирование личностного отношения и ответственности, оценка ценностей и установок человеческого бытия, принятие высших ценностей как своих, и отсюда развитие индивидуальной модели субъектности каждого человека.

Но, в научно-исследовательском плане, пока остается открытым вопрос изучения механизмов ориентации человека в многообразии культурных ценностей и выстраивания их иерархий как показателя индивидуальной модели субъектности каждого человека [4, с. 120].

Размышления и представления о феномене субъектности в различных образовательных пространствах мы представили подробно в коллективной монографии [6].

Библиографический список

1. Абульханова К.А. Социально-философская и психологическая проблема // Мир психологии. 2013. № 2 (74). С. 262-275.
2. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб: Питер, 2003.
3. Брушлинский А.В. Избранные психологические труды. М.: Институт психологии РАН, 2006.
4. Исаев Е.И. Введение в психолого-педагогическую антропологию: Монография. М.: МГППУ, 2017.
5. Зинченко В.П., Моргунов Е.П. Человек развивающийся. М., 1994.
6. Мухаметзянова Ф.Г., Шабельников В.К., Осмина Е.В., Коржова Е.Ю., Рудыхина О.В. Размышления и представления о феномене субъектности человека в различных образовательных пространствах. Казань: Издательский центр Университета управления «Тисби», 2016.

Mukhametzyanova F.G.
Kazan (Volga region) Federal University
Kazan

Lushpaeva I.I.
Tatarstan Institute of Education Development
Kazan

Khayrutdinov R.R.
Kazan (Volga region) Federal University
Kazan

THE PHENOMENON OF PERSONALITY SUBJECTIVITY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL GUIDELINES FOR UNDERSTANDING

Abstract. The article presents the authors' arguments about the phenomenon of personality subjectivity in the context of theoretical and methodological guidelines for its understanding. Understanding the nature of human subjectivity is considered as a mechanism of scientific reflection. Reasoning about the phenomenon of personality is carried out as a subject of human social relations. The authors believe that when studying the issues of establishing, constructing typologies and explanatory models of subjectivity, it is necessary to initially determine the theoretical and methodological aspects of the scientific concept of the phenomenon of personality subjectivity. In the article the authors described and analyzed psychological, methodological approaches to understanding the phenomenon of personality subjectivity actively used in developmental psychology. First of all, biogenetic, social, epistemological, and cultural approaches were identified. Each of the approaches in its logical construction of the concept of subjectivity of the individual and the construction of its explanatory schemes has both its own priorities and disadvantages in determining the conditions for the formation and development of subjectivity in the age aspect.

Keywords: subjectivity, personality, theoretical and methodological foundations, biogenetic, social, epistemological, cultural approaches, mental development.

Петросьян Светлана Николаевна
Сочинский государственный университет
Сочи
svpet@mail.ru

Рябикина Зинаида Ивановна
Кубанский государственный университет
Краснодар
z.ryabikina@yandex.ru

ТИПЫ СУБЪЕКТНОЙ АКТИВНОСТИ: СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНЫЙ ПОДХОД

Аннотация. В статье приводится обоснование категории типа субъектной активности с методологических позиций субъектно-бытийного подхода. Представлены четыре типа субъектной активности, полученные на основании факторизации данных авторского опросника диспозиционного реагирования. Сделан вывод о том, что тип субъектной активности как констелляция предпочитаемых позиций реагирования служит основанием для поведенческих сценарных моделей реагирования, которые могут быть релевантны по отношению к личности, но могут и не совпадать с личностным потенциалом, что переживается как неаутентичность бытия, расценивание своего жизненного сценария как неблагоприятного.

Ключевые слова: субъектная активность, диспозиционное реагирование, тип субъектной активности.

На современном этапе развития психологии, наряду с неослабевающим научным интересом к порождающему характеру психики (А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл, А. Юревич, Б. Братусь, Л.А. Стахнева, Д.А. Леонтьев, Е.А. Сергиенко, З.И. Рябикина и др.), выделяются еще две тенденции: тенденция к опоре на системность в построении психологического знания (D. Magnusson, H. Naken, B.C. Степин, Б.Ф. Ломов, В.А. Барабанщиков, С.П. Курдюмов, И.К. Лисеев, В.Н. Садовский и др.); тенденция перехода от философских абстракций к поиску конкретных психологических закономерностей бытия человека в мире (Э. Вильянуэва, Дж. Сёрл, В. Франкл, А. Менегетти, Р. Мэй, С.Л. Рубинштейн, Б.С. Братусь, В.А. Дмитриева, З.И. Рябикина, Н.В. Гришина и др.). Что является признаком перехода на более высокий уровень анализа – от «описания отдельных феноменов психической жизни человека к раскрытию логики целостного человеческого существования, анализу бытия человека в универсуме, историческом, социальном, культурном контексте его существования» [2, с. 80].

Психология человеческого бытия как направление развития психологии субъекта возникла с появлением постнеклассической парадигмы, признающей многопредметность психологической науки, и позволила расширить ценностно-смысловые контексты классических психологических проблем, выйти за рамки категории деятельности и обратиться к понятию существования, от бытия перейти к становлению, непрерывному развитию психики субъекта [4].

В субъектно-бытийном подходе [5; 9], находящемся «на гребне» современных тенденций развития психологии, акцентируется представленность личности в ее жизненном, бытийном пространстве. «Бытие человека – это реальность, отнесенная к характеристикам субъекта, т. е. реальность, выступающая следствием этих характеристик. При этом, оно (личностное бытие, бытие конкретного человека) наступает, когда человек как личность вступает в отношения с внешней реальностью» (З.И. Рябикина) [9, с. 8].

Такое широкое проблемное поле создало возможность появления необычайно разнообразных исследовательских проектов. В рамках субъектно-бытийного подхода к личности только в рамках Кубанского госуниверситета выполнены диссертационные исследования Л.И. Ожиговой, Г.Г. Танасова, А.Р. Тиводар, Г.Ю. Фоменко и др.

В частности, Г.Ю. Фоменко выделены два модуса бытия личности, обусловленных субъектной позицией личности: предельный и экстремальный. Где предельный модус бытия отражает отношение к экстремальным условиям как возможности саморазвития и самореализации; экстремальный модус бытия, – напротив, потребность в выходе из этих условий и возвращении к нормальному существованию; убежденность, что данное бытийное пространство накладывает ограничение на эмоциональное, волевое, когнитивное поведение и самореализацию личности в целом [12].

В контексте нашей работы обращает на себя внимание исследование протестной активности личности, сделанное в парадигме субъектно-бытийного подхода (А.Ш. Гусейнов), где протестная активность личности определяется автором как процесс, обусловленный несогласованностью субъективного мира и объективных пространств бытия личности. Конструкт протестной активности личности предстает как сложный интегральный психологический феномен, варьируемый вокруг двух полюсов психодуховной жизни личности (конструктивного/деструктивного), результирующих в различные формы протеста, специфика которых обусловлена вариантом личностного выбора и типом субъектного позиционирования [1].

Активность личности, таким образом, становится феноменом, все в большей степени обращающим на себя внимание ученых. При этом разработка категории субъектной активности становится все более актуальной в связи с выделением данной категории из более общей категории субъектности.

Например, В.В. Знаков, характеризуя принципиальную новизну целостной концепции психологии субъекта, выделяет три основных положения. Во-первых, переход от микросемантического к *макроаналитическому* методу познания психического; во-вторых, значительное расширение представлений о содержании *активности* как фактора детерминации психики; в-третьих, целостный системный характер исследования *динамического, структурного и регулятивного* планов анализа психологии субъекта [3].

Мы считаем, что, акцентируя тему бытийности человека в мире через реализацию его субъектности, субъектно-бытийный подход в психологии позволяет ставить вопрос о субъектной активности как о звене, стоящем «между» субъектностью как характеристикой личности и бытийностью как способу существования личности. Звену, опосредующему реализацию субъектности.

Выделение субъектной активности как звена, опосредующего реализацию субъектности, позволяет ставить задачу рассмотрения механизмов и способов организации субъектной активности личности, ее структуры, типичных видов и способов, где субъектная активность рассматривается в качестве инструментального аспекта, отражающего содержание и направленность собственной активности личности.

С нашей точки зрения, субъектная активность – это активность, обусловленная совокупностью предпочитаемых позиций реагирования в отношениях со-бытийной диады (активных, пассивных, гармоничных). Такая активность, рассматриваемая в рамках определенных тем возрастного развития, отражает содержание и направленность активности субъекта [8].

Чтобы проследить формирование структуры субъектной активности, мы использовали генетический метод, введенный в психологию И.М. Сеченовым, подчеркивавшим, что «все

формы психической деятельности складываются прижизненно в процессах реального отношения ребенка с действительностью, его «встреч» с окружающим», где особую роль в психическом развитии ребенка играет его общение с взрослым. «Действия наши управляются не призраками, вроде разнообразных форм я, а мыслью и чувством». Поэтому необходимо проследить пути их формирования у ребенка в процессе его жизни и воспитания [10, с. 11].

Согласно общепринятым положениям возрастной психологии (Л.С. Выготский, Ж. Пиаже, Д.Б. Эльконин, Э. Эриксон и др.) можно говорить об онтогенетически осваиваемом типе отношений, а следовательно, о поэтапном формировании элементов диспозиционной структуры субъектной активности.

Немаловажную роль в таком поэтапном становлении субъектной активности играют возрастные кризисы развития как кризисы перехода к новому типу отношений, где субъект сталкивается с необходимостью формирования определенной позиции в отношениях событийной диады. В дальнейшем такие позиции формируют диспозиционную структуру субъектной активности личности, которая отражает готовность личности занимать определенную позицию в отношениях и выстраивать собственную активность, исходя из такой позиции.

В настоящее время нами разработан «Опросник диспозиционного реагирования», позволяющий диагностировать профиль субъектной активности личности [6; 7].

Проведенная валидизация методики продемонстрировала основные психометрические показатели надежности и валидности на достаточном уровне: внутренняя согласованность «альфа-Кронбаха» в целом по опроснику равна 0,93, ретестовая надежность – 0,85. Эмпирическая валидность отдельных шкал опросника колеблется в диапазоне от 0,7 до 0,83.

По результатам полученных данных был проведен факторный анализ выраженности позиций реагирования, в которого были получены четыре фактора, объясняющих 70,18% дисперсии данных экспериментальной группы (410 человек).

На основании чего были выделены такие типы субъектной активности как: 1) инфантильно-жертвенный (соответствует первому фактору, имеющему высокие нагрузки по шкалам: Базовый страх, Инфантилизм, Подчинение, Подконтрольность, Вина, Подсудность, Нemoмощность); 2) агрессивно-конфликтный (второй фактор, высокие нагрузки по шкалам: Базовая агрессия, Базовый страх, Ненужность, Жестокость, Обвинение); 3) пассивно-конфликтный (третий фактор, высокие нагрузки по шкалам: Равнодушие, Саботирующее подчинение, Саботирующая подконтрольность); 4) могущественный (четвертый фактор, высокие нагрузки по шкалам Власть, Контроль, Судья, Могущество) [13].

Выделенные совокупности позиционного реагирования дают представление о типе субъектной активности и его структуре, во многом определяющей способы самопредъявления и самореализации личности.

Тип субъектной активности как констелляция предпочитаемых позиций реагирования, служит основанием для поведенческих сценарных моделей реагирования, которые могут быть релевантны по отношению к личности, но могут и не совпадать с личностным потенциалом и даже входить с ним в противоречие. Что переживается как неаутентичность бытия, расценивание своего жизненного сценария как неблагоприятного.

Таким образом, концептуализация категории субъектной активности в методологии субъектно-бытийного подхода позволяет составить представление о формировании типов субъектной активности и их структуре (типичные преобладающие позиции реагирования), что расширяет предсказательные возможности психологии относительно прогнозирования характера взаимодействия личности и ее способов выстраивания собственной бытийности.

Библиографический список

1. Гусейнов А.Ш. Протестная активность личности: Дис. ... докт. психол. наук: 19.00.01. Краснодар, 2016.
2. Дмитриева В.А., Гришина Н.В. Онтопсихология: история и современность // Национальный психологический журнал. 2006. № 1. С. 79-84.
3. Знаков В.В. Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 2. С. 95-106.
4. Знаков В.В. Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 1. С. 18-28.
5. Знаков В.В., Рябикина З.И. Психология человеческого бытия. М.: Смысл, 2017.
6. Петросьян С.Н., Макаревская И.Г., Рябикина З.И. Личностные особенности военнослужащих с учетом профиля диспозиционного реагирования // Гуманизация образования. 2019. № 5. С. 75-91.
7. Петросьян С.Н., Макаревская И.Г., Рябикина З.И. Специфика характерологического профиля алкогольно-зависимой личности // Познание. 2019. № 5. С. 79-88.
8. Петросьян С. Н., Рябикина З.И. Характерология личности с учетом типов онтогенетических со-бытийных дихотомий: субъектно-бытийный подход // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности. М.: ИП РАН, 2018. С. 1715-1722.
9. Рябикина З.И. Перспективы исследований личности с теоретико-методологических позиций психологии субъекта // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 3. С. 6-19.
10. Сеченов И.М. Психология поведения / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1995.
11. Сеченов И.М. Элементы мысли. СПб.-М.-Харьков-Минск, 2001.
12. Фоменко Г.Ю. Личность как субъект бытия в экстремальных условиях: Автореф. ... докт. психол. наук: 19.00.01. Краснодар: 2006.
13. Petrosyan S.N. Four-factor model of personality: subjective existentialistic // Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019) (2-5 July, 2019, Lomonosov Moscow University, Moscow). – Moscow: Moscow University Press, 2019. P. 24-25.

Petrosyan S.N.
Sochi State University
Sochi
Ryabikina Z.I.
Kuban State University
Krasnodar

SUBJECTIVE ACTIVITY TYPES AND THEIR IMPLEMENTATION IN THE LIFE SCENARIO OF THE INDIVIDUAL

Abstract. The article substantiates the category of the type of subject activity from the methodological positions of the subject-being approach. Four types of subject activity obtained on the basis of factorization of data from the author's dispositional response questionnaire are presented. It is concluded that the type of subjective activity, as a constellation of preferred response positions, serves as the basis for behavioral scenario models of Kraasnodar response. This may be relevant to the individual, but may not coincide with the personal potential, which is experienced as inauthenticity of being; regarding one's life scenario as dysfunctional.

Keywords: subject activity, dispositional response, type of subject activity.

Рева Галина Вячеславовна
Адыгейский государственный университет
Майкоп
19tigra62@mail.ru
Цергой Тереза Александровна
Адыгейский государственный университет
Майкоп
tereza1402@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТОВ НА ПРЕДМЕТ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация. Рассматривается специфика экспертной деятельности специалиста-психолога при анализе материалов экстремистской направленности. Цель статьи заключается в определении и обосновании специальных признаков смыслового психолого-лингвистического значения текстов, соотносящегося с юридическими маркерами вербального экстремизма. Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью теоретического обоснования и методического обеспечения психолого-лингвистической экспертизы экстремистских материалов. Показано, что прямые призывы, четко выраженные директивные акты в современных материалах, пропагандирующих национальную исключительность или политический национализм, практически не содержатся и чаще всего представлены в латентной форме. В этой связи для выявления экстремистских подтекстов необходимо участие в исследовании специалистов в различных областях наукознания.

Ключевые слова: экстремизм, психологическая экспертиза, правовой акт, спорный текст, методы психологического исследования.

Реалиями нашего времени стали участившиеся случаи возникновения спорных ситуаций связанных с установлением экстремистской составляющей в разного рода коммуникативных актах, в том числе и публичных. При исследовании спорных объектов на предмет экстремистской направленности более целесообразно проведение комплексной экспертизы, где психологическая составляющая может сочетаться с культурологической, религиоведческой, лингвистической. Необходимо отметить, что если ранее для определения наличия экстремистской составляющей достаточно было использование законодательных актов, то современные реалии свидетельствуют о том, что пропаганда экстремистских идей ведется с использованием манипулятивных технологий, требует более совершенной диагностической и доказательной базы.

Объектом психолого-лингвистической экспертизы спорных текстов экстремистской направленности является текст, рассматриваемый экспертами как единица речевой деятельности автора и образование, имеющее содержание и цель. Текст может быть представлен в разных формах:

- письменный, устный, и смешанный, т. е. совокупность устных и письменных высказываний;
- простой (т. е. собственно текст) и комбинированный, объединяющий вербальный и невербальный компоненты (иллюстрации, символы, жесты, позы, телодвижения и т. д.);
- по типу технического исполнения могут быть запечатленные на носителях письменные тексты и аудио-, видеофонограммы, видео- и кинофильмы, книги, журналы, плакаты, листовки и т. д. – всё, что является продуктом межличностной и массовой коммуникации.

Смысл психологического исследования – составить предположение относительно реакции реципиентов на исследуемые материалы, т. е. прочитать или посмотреть на сообщение глазами адресата, оценить наличие побуждения к тем или иным отношениям, мыслям, действиям и степень их конструктивности – деструктивности.

Для определения наличия экстремистской составляющей материалов, представленных на экспертизу, используется ряд психологических методов, позволяющих исследовать смысловую направленность высказываний субъекта, его цели, установки, отношение к описываемым явлениям. К основным таким методам относятся концептуальный анализ, метод интен-анализа, контент-анализа, метод шкалирования и т. д. Приведем их краткую характеристику.

Метод концептуального анализа предполагает описание языковой картины мира. Он основан на исследовании отдельных концептов, характерных для естественного языка, изучение полноты и последовательности понятий, являющихся ключевыми для данной культуры.

Метод интен-анализа речи предполагает исследование ее латентного психологического содержания, заключающегося в истинных намерениях коммуникатора, проявляющихся в его словах. Выделение интенций речи индивида позволяет оценить содержание его сознания. Отдельные отрывки текста по общей интенциональной направленности дают возможность воспринимать текст в целом, улавливать общее впечатление и настроение воспринимающей его аудитории.

Контент-анализ представляет собой анализ количественных показателей документов с последующей их статистической обработкой. Контент-анализ также используется для выявления смысла исследуемого текста.

Метод Шкалирования используется для присвоения числовых значений отдельным атрибутам некоторой системы или моделирования реальных процессов при помощи шкал. С помощью данного метода возможно разделение сложного текста на составляющие и описание их по отдельным шкалам.

Метод семантического дифференциала – это метод количественного и качественного исследования значений понятий (объектов) с помощью набора биполярных шкал с определенным количеством делений на каждой, задаваемых парой антонимичных прилагательных или другими аналогичными оппозициями. Этот метод позволяет оценить субъективные оттенки значения слов, собственный индивидуальный опыт респондента, связанный с теми или иными объектами.

Психолого-лингвистическая экспертиза относится к виду семантических исследований, в которых исследуются смысловые значения текста и его отдельных составляющих. Таким образом, основным результатом исследования текста выступает определение смыслового значения сказанного.

Основным направлением психолого-лингвистического исследования является выявление признаков особого типа деяний, совершенных через публичное выражение определенного рода информации, вербальными и невербальными средствами. Индикаторами выступают:

- определение уровня коммуникационного взаимодействия (степень его публичности);
- наличие в исследуемых материалах прямых призывов и побуждений к противозаконным действиям;

- установление факта пропаганды религиозного, расового, языкового, этнического превосходства или неполноценности личности по принадлежности к вышеназванным группам;

- присутствие в исследуемых материалах идей терроризма;

- использование символов и атрибутов нацистского толка;

- теоретическое обоснование или оправдание экстремистской деятельности и терроризма;

- определение в материалах исследования наличия фактов возбуждения вражды, ненависти по принадлежности личности к социальным группам, объединенным по признакам расы, языка, пола, национальности, отношения к религии и т. д.;

- исследование материалов на наличие угрозы терроризма [1].

Экспертная деятельность по данной тематике предполагает обязательное выявление специальных признаков вышеуказанных деяний, которые могут быть выражены через определенные психолого-лингвистические маркеры. Они несут в себе смысловую нагрузку и состоят из трех основных частей:

- закрепленный законодательством предмет речи;

- отношение коммуникатора к этому предмету речи;

- заявленная или латентная цель передачи информации.

Современное законодательство не ограничивает тематику публичных заявлений. Однако это не означает допустимость публичных высказываний, оправдывающих насилие, враждебность в отношении каких-либо социальных групп, побуждение к террористической деятельности и т.д.

В экспертной деятельности, связанной с определением материалов на предмет экстремистской направленности, можно выделить несколько диагностических комплексов – экстремистских значений:

- **оправдание** дискриминационных, насильственных действий и взглядов;

- **пропаганда** негативного отношения к определенным лицам или социальным группам, демонстрация исключительности и превосходства личности, подчеркивание неполноценности человека по признакам, закрепленным законодательно;

- **оправдание** террористической деятельности, насильственных, дискриминационных или других действий;

- **призыв** как директивный речевой акт экстремистской или террористической деятельности;

- **возбуждение** ненависти, вражды, розни по отношению к определенной социальной группе лиц;

- **унижение** достоинства личности по признакам отношения к определенной расе, этносу, религии и др.;

- **угроза** применения насильственных действий в отношении конкретных лиц и каких-либо групп.

Найденные в результате психологического исследования признаки сравниваются с диагностическими комплексами, и на основании результатов сравнения принимается решение о наличии или отсутствии искомых значений [3].

Экстремизм (от латинского *extremus* – крайний) – это свойство мировоззренческой концепции и деятельности по ее воплощению в жизнь, которое можно обозначить как устранение оппонентов из социальной системы противоправными действиями организаций

или физических лиц в целях реализации собственной мировоззренческой модели. Экстремизм представляет собой своеобразный способ разрешения социальных противоречий, сложившихся в определенных областях общественной жизни, является угрозой безопасности общества как совершаемыми преступлениями, так и разрушением общепринятых моральных норм, нарушением прав и искажением общечеловеческих ценностей.

Прямые или косвенные деструктивные последствия экстремистской деятельности затрагивают все основные сферы общественной жизни – политическую, экономическую, социальную. Все это выдвигает целый ряд новых требований к организации и содержанию противодействия экстремистской деятельности на всех уровнях и во всех аспектах этой работы, в сфере профилактики экстремизма, борьбы с носителями потенциальных угроз, а также в области минимизации последствий их деятельности.

Главной целью лиц, осуществляющих преступления такого рода, является не само опубликование материалов, а возбуждение вражды и ненависти у реципиентов посредством публичной презентации информации определенного толка.

Психологическими признаками экстремистского поведения принято считать радикальность, агрессивность, стереотипизацию, жестокость, наличие предрассудков. Экстремистское поведение характеризуется духовной ущербностью, ограниченностью мышления в рамках заданных социальных установок. Это поведение предполагает пренебрежение общественными нормами морали и нравственности, активное противопоставление собственных ценностных ориентаций ценностям другим социальных групп. К основным личностным качествам организаторов и участников экстремистской и террористической деятельности относятся: ощущение собственной исключительности и превосходства, фанатизм, склонность к неоправданному риску, пренебрежение к чужой жизни. Психологические свойства личности исполнителей характеризуются зависимостью, примитивной драматизацией событий, внушаемостью, отсутствием критичности мышления, низким уровнем развития социального интеллекта, когнитивными искажениями действительности.

Основным механизмом вовлечения в такого рода деятельность являются искажения в самоидентификации личности, сложности определения своего места в социуме. Таким образом, экстремистская деятельность и терроризм могут выступать как специфическая возможность обретения личностью идентичности.

Наряду с микро-факторами, чаще всего личностного характера, существуют макро-факторы которые напрямую связаны с социумом. Низкий уровень образования, демографические проблемы, отсутствие уверенности в завтрашнем дне, информационная перегруженность, пропаганда насилия и агрессии через СМИ, религиозный фанатизм – все это является благоприятной почвой возникновения экстремистских настроений в современном обществе. Резко меняющиеся условия жизни, свободные формы миграции населения, разрушение расовых, религиозных, национальных барьеров способствуют возникновению маргинальных групп, которые характеризуются отсутствием конструктивных социальных ориентиров, традиционных морально-нравственных ценностей [4].

Существенным признаком экстремизма остается не экстраординарность, не насилие или агрессия, но злой умысел. И здесь важно понять, что экстремизм характеризует не наличие насилия как такового (его применение бывает необходимо для разрешения целого ряда экстремальных ситуаций, например, при самообороне), а наличие его крайних, неоправданных форм.

Причина и источник экстремизма как общей идеологии крайней непримиримости к инакомыслящим во многом кроется в интеллектуальной и нравственной ограниченности личности, отстаивающей подобные взгляды.

Общеизвестно, что признаком содержания исследуемыми материалами экстремистской направленности является наличие в них пропаганды расовой, национальной, политической, идеологической, религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. По этим признакам экстремистскую направленность могут определить эксперты различных специализаций (культурологи, религиоведы, лингвисты и т. д.).

Специфической же особенностью психологической экспертизы является возможность определения эмоциональных состояний личности, как, например, понижение уровня выраженности позитивных эмоциональных состояний и повышение негативных; актуализации негативных установок к определенным социальным группам; интолерантность установок личности. Именно психологические исследования позволяют определить, как экстремистские материалы влияют на рост агрессивности личности в конфликтном взаимодействии, даже если эта агрессия носит латентный характер.

Таким образом, специфической особенностью экспертной оценки текстов на предмет экстремистской направленности является то, что она относится к числу так называемых «субъективных» понятий. Поскольку субъективность не легитимна в правовом поле, то эти понятия нуждаются в операционализации, то есть в раскрытии их смыслов через специальные признаки. В этих признаках должны учитываться психологические и лингвистические особенности смыслового значения, при этом они должны соотноситься с юридическими маркерами вербального экстремизма. При определении этих маркеров необходимо учитывать некоторые принципиальные положения. В тексте или высказывании экстремистской направленности одновременно должны присутствовать две основные составляющие: определенная законом цель речевой интеракции (убеждение, оправдание, побуждение к деятельности, обвинение, возбуждение и др.) и предусмотренное законом содержание этого речевого акта (к чему конкретно побуждают, в чем именно убеждают и т. д.). Эти две составляющие спорного текста условно называют целевыми и содержательными критериями, определяющими текст как экстремистский. Собственно выявление этих критериев в исследуемом материале и является основной задачей, стоящей перед экспертами, проводящими экспертизу спорных текстов.

Библиографический список

1. Геранина И.Н., Логинова Е.И. Психолого-лингвистическое исследование текстов на предмет выявления признаков разжигания национальной, расовой и религиозной вражды // Судебная экспертиза: научно-практ. журнал Саратов. юрид. ин-та МВД России. 2008. № 3 (15). С. 32-42.
2. Енгальчев В.Ф. Юридическая психоллингвистика // Прикладная юридическая психология. Под ред. А.М. Столяренко. М., 2001.
3. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.
4. Леонтьев А.А. Прикладная психоллингвистика речевого общения и массовой коммуникации / Под ред. А.С. Маркосян, Д.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина. М.: Смысл, 2008.

Reva G.V.

Adyghe State University

Maykop

Tsergoy T.A.

Adyghe State University

Maykop

FEATURES OF TEXTS: THE PSYCHOLOGICAL EXAMINATION OF EXTREMIST ORIENTATION

Abstract: This article considers the specifics of the expert activity of a specialist-psychologist in the analysis of extremist materials. The purpose of the article is to identify and substantiate special features of semantic psychological and linguistic meaning of texts that correlate with legal markers of verbal extremism. The relevance of this article is due to the need for theoretical justification and methodological support of psychological and linguistic expertise of extremist materials. It is shown that direct appeals, clearly expressed directives in modern materials that promote national exclusivity or political nationalism, are practically not contained, and are most often presented in a latent form. In this regard, in order to identify extremist subtexts, it is necessary to involve specialists in various fields of science in the research.

Keywords: extremism, psychological expertise, legal act, controversial text, methods of psychological research.

ИНОЙ МИР, ИНОЙ ЧЕЛОВЕК, ИНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

«Посвящается человечеству в надежде,
что война с безрассудством все-таки будет выиграна»
(Азимов А. Фантастическое путешествие)

Аннотация. В статье пандемия и карантинные меры рассматриваются как мощное вмешательство в сложившийся уклад бытия, изменившее практики обыденной жизни человека, ускорившее процессы цифровизации и виртуализации. Цифровизация, ориентированная, прежде всего, на решение экономических задач, провоцирует негативные следствия в других пространствах бытия личности. Рассматриваются изменения личности в связи с изменениями системно организованных пространств объективных явлений – *организм, внешний мир (среда), поведение (деятельность)*, – обуславливающих ее становление. Авторами бытия, прежде всего, становятся субъекты глобальной экономической модели мироустройства и те, кто создает цифровые технологии, «подчиняя» процессу цифровизации остальные процессы бытия современного общества. Человек с его перспективами самосовершенствования «теряется» в экономико-цифровой картине мира. Задача обеспечить генерализацию социальных процессов и управляемость обществом обусловила повышенное внимание к проблемам образования. В острой дискуссии противостоят те, кто стремится перевести образование в онлайн-форматы (цифровизировать и виртуализировать), и те, кто считает важным живое общение, развивающие личность детско-взрослые отношения, помогающие развить субъектность личности и обеспечить полноту реализуемого ею бытия.

Ключевые слова: личность, цифровизация, виртуализация бытия, генерализованность процессов современной реальности, образование.

Знамение нашего времени – многоголосый «народный» дискурс о проблемах человека, личности, актуализировавшийся в связи с не простой ситуацией в мире, которая еще более обострилась из-за пандемии.

Пандемия – событие, затронувшее каждого и продолжающее оставаться ключевым. Его особенность не столько в тех трагических потерях, которые возникли в связи с быстро распространяющимся заболеванием и отсутствием адекватных средств предупреждения и лечения, сколько в карантинных мерах, предпринятых в таком масштабе впервые в мировой практике и кардинально изменивших образ жизни больших масс населения. Столь мощное вмешательство в сложившийся уклад бытия, изменившее практики обыденности, ускорившее и без того усиливающиеся процессы цифровизации и виртуализации нашей жизни, многих аналитиков привело к умозаключению о невозможности вернуться в прежнюю «допандемийную» жизнь. «Мир уже не будет прежним» – ключевое утверждение, зазвучавшее с момента начала карантина. В иных высказываниях это даже категоризируют как «цивилизационный сдвиг». Следует только подчеркнуть, что мир *шел* к тому, чтобы стать иным. В последние десятилетия к характеристикам общих трендов современного общественного процесса относят: транзитивность, нарастающие цифровизацию и виртуализацию бытия, политическую реконструкцию и постмодернизацию общественного мировоззрения, гендерный транзит и пр. [5; 7], что создает основания для использования предложенной З. Бауманом метафоры «текущая современность».

Пандемия и, как следствие, карантинные меры только интенсифицировали эти процессы. Спровоцировали «скачок». Здравая инертность сложившейся системы социальной жизни вряд ли позволит свершиться кардинальному изменению. Даже если пандемия и сопутствующий карантин нарушили устойчивые принципы повседневного бытия и резко ускорили движение человека в виртуальную реальность, разовая встряска не только усилила позиции тех, кто «за», но и тех, кто «против». Возникли массовые проблемы из-за технических несовершенств, из-за недоосвоенности соответствующих приемов работы, дискомфорт от совмещения работы (учебы) с домашними делами в неподготовленной для подобного совмещения предметно-пространственной среде дома и т. д.

Таким образом, рассуждения о кардинальном изменении мира, о цивилизационном сдвиге вследствие пандемии и карантинных мер вряд ли обоснованы. Система инертна. Но ускорение в смене *больших событий*, возрастание частоты их появления неминуемы.

Естественное следствие глобализации – *генерализованность процессов современной реальности*. Болезнь не приобрела бы столь быстро формат пандемии, если бы не активные перемещения населения, плотность населения в мегаполисах и пр. Но, с другой стороны, возникла связанная массовая включенность в формирование ответа на вызов, в распределение ресурсов, в обмен информацией, специалистами, технологиями, практиками защиты, и пр. Таким образом, генерализованность процессов, являясь важной особенностью современной реальности, как положительна, так и отрицательна.

Что будет в следующий раз причиной генерализации процессов? Природный катаклизм, техногенная катастрофа, социальный конфликт (пример уже есть: смерть одного афроамериканца от рук полицейского в США повлекла колоссальные последствия в стране, и усиливающаяся реакция отслеживается во всем мире).

Итак, в силу генерализованности процессов глобализованного общества частота больших событий, в которые включается личность, возрастает. Особенностью является то, что эти события для личности большей частью виртуальны. Возрастающая виртуализация бытия – существенный признак современности. Карантин, проявившийся в самоизоляции граждан, кардинально изменил баланс реального (объектного) и виртуального пространств бытия личности.

Ректор РАНХиГС Владимир Мау (как и многие другие аналитики) обоснованно полагает, что спрос на онлайн после кризиса сохранится, цифровизация и, следовательно, виртуализация бытия личности ускорится во всех сферах ее жизни. Значительная часть магазинов уходит в онлайн, музеи и театры создают виртуальные площадки в интернете, образовательные программы перемещаются в онлайн и т. д.

Активный, ускорившийся дрейф в сторону нарастания цифровизации и виртуализация – вызов, с которым столкнулось человечество. Цифровизация, ориентированная, прежде всего, на решение экономических задач, провоцирует возникновение драматичной ситуации со многими негативными следствиями в других пространствах бытия личности. В связи с чем обостряется дискуссия сторонников и противников цифровизации. Избыточная цифровизация (переакцентирование значения этого тренда) разрушает баланс многовекторного развития науки и социальных практик. Участники дискуссии находят основания для тревожных умозаключений о том, что растущая зависимость от цифровых систем (гаджетов) подрывает человеческое познание. Человек с его перспективами самосовершенствования (в гуманистической психологии главный тезис – состояться во всей полноте своих возможностей) теряется в этой «экономико-цифровой» картине мира.

Обсуждение происходящих изменений, в силу их неоднозначности, привело к тому, что общество разделилось. Среди участников острой дискуссии: политологи, чиновники,

преподаватели, общественные деятели и пр. Участники обсуждения рассуждают о цифровом нарушении когнитивных функций, об эрозии умственных способностей, о нарушениях в эмоциональной сфере человека. Возрастает опасность манипулирования личностью, подавление ее инициативы из-за настроенности цифровых систем (искусственный интеллект) на предугадывание побуждений человека до их оформления в ясное желание, намерение, принятие решения и, как следствие, осмысленное планирование и совершение действия. Сознание взрослого человека инфантилизируется вследствие изъятия этой процессуальной последовательности.

Итак, «мир уже не будет прежним». Но человек и мир традиционно рассматриваются как сопряженные сущности. В субъектно-бытийном подходе личность и бытие предстают как взаимопроникающие реальности [6]. Единство личности и ее бытия – ключевой методологический принцип субъектно-бытийного подхода к личности. Значит ли это, что и человек уже не будет прежним? Насколько кардинально меняется личность? Если мы говорим о *цивилизационном сдвиге*, изменения личности – это также не постепенно накапливающийся кумулятивный эффект, а «скачок». Куда?

Остается ли корректным понимание личности в контексте сложившегося аппарата научного анализа, в контексте утвердившихся методологических принципов? Это – вопросы для большой дискуссии. Остановимся на некоторых аспектах.

Напомним некоторые существенные для понимания личности положения. В отечественной психологии утвердилось представление о том, что ядро личности образуют системно организованные личностные смыслы. Генез отдельных личностных смыслов и их организация в систему не могут быть поняты без анализа трех системно организованных пространств объективных явлений - *организм, внешний мир (среда), поведение (деятельность)*. Они предваряют, обуславливают становление личности и прослеживаются в последующем, как в структурной организации психики в целом, так и в трехкомпонентном строении личностного смысла [6].

Что происходит с этими тремя пространствами объективной реальности в обстоятельствах «текущей современности»?

Возрастает вмешательство в *систему индивидуальных (организмических)* оснований личности, в то, каким образом они транслируются и обуславливают собственно личностное в человеке. Даже пол и возраст уже не так очевидны в роли детерминант личностного своеобразия (вспомним, хотя бы, вошедшие в практику словоупотребления: «родитель 1 и родитель 2»; «менструирующий человек» и пр.). Манипулирование общества с гендерной темой, лишаящее личность характерологических признаков половой принадлежности - одного из важных аспектов личностной определенности, а также смещение возрастных признаков (благодаря современной медицине, спорту, косметологии и пр.) вызывают неожиданные коллизии в самоидентификации личности [8].

Среда обитания человека как фактор становления его личности все более трансформируется вследствие возрастающего вмешательства, «переконструирования». И все более определяющей своеобразии бытия современного человека выступает виртуальная реальность, занимая все более значимое место в его жизни. У этого изменения много следствий. Выделим одно из базовых. Природа наделила человека разнообразными видами чувствительности, и его развитие как личности опирается на разнообразие сенсомоторного опыта. Виртуализация бытия обуславливает превалирование *визуализированной предметности*. В условиях сокращения контактов человека с миром реальных предметов и возрастания роли виртуального мира депривированы тактильные ощущения, кинестезия и пр.

(вероятно, с этим можно связать возникшую увлеченность детей сквишами, слаймами). Образ мира личности лишается той полноты, которая обеспечивалась разнообразием сенсорной стимуляции.

Третье пространство объективной реальности, обуславливающее становление личности, – сложившиеся в культуре модели поведения, «присваиваемые» человеком в процессе социализации. В дискурсе отечественной психологии превалирует обращение к категории «деятельность». Личность оформляется вследствие множества освоенных и осуществляемых ею предметных деятельностей (А.Н. Леонтьев и др.) Но здесь тоже многое меняется. Вместо операциональной вариативности способов манипулирования с разнообразными реальными предметами – однообразие действий с клавиатурой, джойстиком, тач-панелью. Сужается спектр используемых операций, обедняются, унифицируются приемы «обращения» с предметной реальностью.

Изменился характер и роль общения как вида активности, «оформляющей» человека в личность (Б.Ф. Ломов и др.). В связи с опасностями инфицирования в отношениях с другим человеком активно обсуждается тема «бесконтактного будущего». Бесконтактное воспитание – без объятий, поглаживаний, рукопожатий и пр. В деловых отношениях переход от open-space к «клеткам» изолированных сотрудников, закрепление (там, где возможно) дистанционных форм работы. И главное изменение, нараставшее и до пандемии, но усилившееся, получившее мощный подкрепляющий импульс – переход коммуникации в он-лайн, виртуализация отношений с Другим человеком. Многие исследователи пишут об опасностях трансформации человека в связи с обеднением межличностных отношений и нарастанием виртуализированной коммуникации, что приводит к ложной самоидентификации, к нарастанию аутистических тенденций, к потере субъектности в отношениях и пр. [9].

Еще раз обратимся к рассмотрению сегодняшней ситуации.

Пандемия, карантинные мероприятия интенсифицировали многие процессы в обществе и, хотя вряд ли целесообразно искать «авторов случившегося» (такие подозрения некоторыми озвучиваются), есть те, кто был готов использовать и использовал эту ситуацию. Прежде всего, это те, кого можно отнести к основным субъектам глобальной экономической модели мироустройства. Кто эти главные агенты влияния? Если следовать народной мудрости «кто платит, тот и заказывает музыку» и принять во внимание слова генсека ООН Антонио Гутерриша, заявившего, что в настоящее время половина всех богатств мира принадлежит 26 богатейшим людям, можно предположить, кто является наиболее сильными *актерами социального влияния*.

Цифровизация, вовлечение основных масс населения в виртуализированную (т. е. искусственно создаваемую) реальность повышают генерализованность общественных процессов, усиливают эффекты глобализации и, как следствие, повышают управляемость. Те, кто «ближе» к цифровым технологиям, кто их создает, «подчиняя» процессу цифровизации остальные процессы бытия современного общества, естественно, более активно изменяют современный мир. Общество как сложная система согласованных процессов все в большей степени конструируется (реконструируется) субъектами цифровизации. Цифровизация обуславливает возрастающую виртуализацию бытия. Реальность блекнет, теряет очертания. Человек погружается в мир фейков, ложных конструкций. Иногда это – направленная ломка сознания, смешение идентичностей посредством создания ложных представлений о социальной реальности, в контексте которых человеком манипулируют, побуждают к ложному самоопределению. Если у личности нет ясного чувства идентичности, нет

собственной философии устройства мира в той версии, которая поддерживает устойчивый, принимаемый «самообраз», значит человек попадает в схему или в матрицу «чужого господства и чужого действия» [2].

Потеря личностью своей субъектности как социального актора, «творящего» социальное бытие, переживается ею болезненно и, естественно, возникает сопротивление [4]. Достичь необходимой генерализации процессов и управляемости оказалось возможным в экстренной ситуации (пандемия и карантин). Стабилизировать генерализацию социальных процессов и обеспечить управляемость в дальнейшем возможно при «правильно организованном образовании». Формируемые в образовательном процессе граждане страны должны соответствовать требованиям цифрового мира, виртуальной реальности. Отсюда повышенное внимание к проблемам образования. Именно дискуссии об образовании сейчас заняли приоритетное место в медийном и обыденном дискурсах.

Происходящие и намечаемые изменения в образовании (Стратегия 2030, Постановление о проведении 2020-2022 годов эксперимента по внедрению целевой модели цифровой образовательной среды в сфере образования) «диктуются» экономико-политическими выгодами.

Очень условное группирование акторов (оппонентов) в этой дискуссии, чаще чем другие заявляющих свою позицию в медийном пространстве, можно связать с именами Г. Греф, Я.И. Кузьминов и др. (с одной стороны) и Н.С. Михалков, Ю.В. Громыко и др. (с другой). С одной стороны, стремление полностью перевести образование в он-лайн форматы, цифровизировать и виртуализировать, а с другой стороны, намерение создать школу, в которой культивируется живое общение, школу развивающих личность детско-взрослых сообществ [3].

Задача психологов понять, что происходит с личностью в обстоятельствах столь глобальных перемен. Если основных субъектов глобальной экономической модели мироустройства (а также тех, кто приближен и обслуживает эти интересы: психологов, чиновников от образования и пр. деятелей) интересует, прежде всего, управляемость, обеспечиваемая цифровизацией и возрастающей виртуализацией бытия, заменяющей реальную жизнь иллюзией, то должны быть и те, кто защитит человека и непреходящую ценность, важность, значимость других ориентиров образовательного процесса — *ценность сохранения и развития субъектной позиции личности и полноты реализуемого ею бытия*.

Сложившиеся психологические школы, позиционированные в научном дискурсе в соответствии с тем, какие методологические принципы (постулаты) выступают для них отправными позициями, могут по-разному интерпретировать современные проблемы человека и личности. Субъектно-бытийный подход ориентирован на рассмотрение личности как субъекта бытия, чья интенция — состояться во всей полноте своих возможностей (А. Маслоу, К. Роджерс, С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, В.В. Знаков, З.И. Рябикина, Г.Ю. Фоменко, Л.Н. Ожигова, А.Ш. Гусеинов, О.Р. Тучина и многие другие). Основной теоретический посыл субъектного, субъектно-бытийного подходов к рассмотрению человека, личности — движение личности в развитии к своему становлению как субъекта жизни (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская и др.), субъекта бытия (В.В. Знаков, З.И. Рябикина и др.). Но чтобы реализовать это авторство, управлять своей судьбой, надо отрефлексировать *не виртуальную реальность*, разобраться, кто и с какими намерениями определяет более общие процессы и их *генерализует*. Если это — «большой экономист с оттопыренным карманом» или чиновник, создающий документ об образовании (пример — постановление о цифровой образовательной среде, в котором нет ничего про

образование и ключевые понятия «поставщик контента» и «потребитель»), задаешься вопросом: возрастающие цифровизация и виртуализация бытия человека как вписываются в проекты развития личности, как связаны с раскрытием всех ее потенциалов, развитием субъектности и обеспечением полноты реализуемого ею бытия?

Библиографический список

1. Азимов А. Фантастическое путешествие. М.: Изд-во ЭКСМО, 2003.
2. Громько Ю.В. Антропология политической идентичности. М., 2006.
3. Громько Ю.В., Рубцов В.В., Марголис А.А. Школа как экосистема развивающихся детско-взрослых сообществ: деятельностный подход к проектированию школы будущего // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 1. С. 57-67.
4. Гусейнов А.Ш. Протестная активность личности: Автореф. ... докт. психол. наук: 19.00.01. Краснодар, 2016.
5. Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания: Автореф. ... докт. психол. наук: 19.00.01. М., 2015.
6. Знаков В.В., Рябикина З.И. Психология человеческого бытия. М.: Смысл, 2017.
7. Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / Под общ. ред. А. Асмолова. – М.: ЯСК, 2018.
8. Рябикина З.И. Изменчивая реальность и гибкая личностная идентичность // Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. З.И. Рябикиной и В.В. Знакова. – Краснодар: КубГУ, 2016.
9. Человек как субъект и объект медиапсихологии / А.Г. Асмолов и др. – М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2011.

Ryabikina Z.I.
Kuban State University
Krasnodar

ALTERNATIVE WORLD, ALTERNATIVE PERSON, ALTERNATIVE PERSONALITY PSYCHOLOGY

Abstract. The article considers the pandemic and quarantine measures as a powerful intervention in the existing way of life, which changed the practices of everyday life and accelerated the processes of digitalization and virtualization. Digitalization, focused primarily on solving economic problems, provokes negative consequences in other aspects of the individual's existence. Changes in personality are considered in connection with changes in the systemically organized aspects of objective phenomena – the body, the external world (environment), behavior (activity) – that determine its formation. The creators of being are the subjects of the global economic model of the world order and those who create digital technologies, "subordinating" the rest of the processes of being of modern society to the process of digitalization. A person with prospects for self-improvement is "lost" in the economic and digital picture of the world. The task to ensure generalization of social processes and manageability of society has led to increased attention to the problems of education. Heated discussion arises with those who seek to translate education into online formats (digitalize and virtualize), and those who consider it important to live communication, develop personal child-adult relationships that help develop the subjectivity of the individual and ensure the fullness of its being.

Keywords: personality, digitalization, virtualization of being, generalization of processes of modern reality, education.

ЛИЧНОСТЬ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ И СИСТЕМНО-СУБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД

Аннотация. В работе приводятся аргументы различий между процессуальным подходом к личности (С.Н. Костромина, Н.В. Гришина) и принципом непрерывности, реализуемым в системно-субъектном подходе. Основные дискуссионные моменты относятся к соотношению ипостасей человека: субъекта и личности. В противовес представлениям процессуального подхода о деятельностной природе субъекта, задающей обобщающие характеристики во внешнем мире, а личности как непрерывно изменяющемся внутреннем мире человека, автор считает, что и субъект, и личность – это процессуальные характеристики, относящиеся к изучению внутреннего мира человека. Важным является разграничение понятий изменения и развитие, которые в процессуальном подходе фактически тождественны. Кроме того, непрерывность развития не исключает, а предполагает качественные изменения в архитектуре личности в жизни. Представлена обобщающая схема развития субъектно-личностных взаимодействий через выделение уровней развития и функций субъекта и личности в рамках системно-субъектного подхода.

Ключевые слова: личность, субъект, непрерывность, дискретность, изменения, развитие.

История содержательного анализа понятий субъекта и личности многообразна и разноречива. Если понятие личности уже давно завоевало прочные позиции в психологической науке (издано множество учебников и сборников работ, посвященных проблемам личности), то понятие субъекта продолжает оставаться предметом дискуссий, связанных с его содержанием.

Несмотря на прочные позиции понятия личности в психологии, споры о том, что такое личность, и разнообразие трактовок остаются в современном дискуссионном поле.

Целью настоящей работы было выделение современных подходов и дискуссий в отношении понятия личности и неразрывно связанного с этим понятием – субъекта.

В вопросе о соотношении личности и субъекта выделяются два подхода, несмотря на нюансы их соотношения в разных концепциях. Акмеологический подход: субъект есть проявление личности и его становление связано с высокими уровнями личностной организации (К.А. Абульханова, А.Г. Асмолов, В.В. Знаков, Г.В. Залевский, В.А. Петровский, З.И. Рябикина, и др.). Второй подход – эволюционный, при котором полагается постепенное развитие человека как субъекта (Л.И. Божович, А.Л. Журавлев, В.Н. Слободчиков, А.Ш. Тхостов, В.В. Селиванов, Е.А. Сергиенко и др.). Данное деление основано на выделении критерия субъекта, из чего складывается и его соотношения с личностью.

Подробный анализ критериев и подходов был представлен в работах автора [1; 2]. На основании системно-субъектного подхода была сформулирована гипотеза о неразрывности двух ипостасей человека – личности и субъекта – и непрерывности их уровневого развития на всем протяжении жизни человека, что означает существование только уровневого критерия развития.

Принцип процессуальности, недизъюнктивности в развитие субъекта и личности был сформулирован в работах С.Л. Рубинштейна, развит в работах А.В. Брушлинского, Л.И. Анцыферовой и их учеников.

Обоснование процессуального подхода к анализу личности было предпринято и в последних работах представителей питерской школы психологии Н.В. Гришиной, С.Н. Костроминой и других (2019).

Проведено разделение между процессным и процессуальным подходами к изучению личности. Так, С.Н. Костромина [3] выделяет существенные отличия между процессным и процессуальным подходами. Так, для процессного подхода ключевым становится динамическое начало, активность, что раскрывает психическое как деятельность. Это выражается в конкретном результате порождения новых психических свойств, состояний и явлений, переводя процесс непрерывного взаимодействия в дискретный и прерывный, т. е. обеспечивая связь между прерывным и непрерывным. В отличие от процессного, процессуальный подход «ориентирован на совокупность всех моментов изменения (изменчивости), а также феноменологию изменений, характеризующих преобразование психической системы» [3, с. 80]. Автор подчеркивает, что процессуальность через подвижность, нестабильность и неопределенность отражает бесконечный ресурс самоорганизации – рождение порядка из хаоса, потенциал перехода порядка в хаос и снова к порядку» [3, с. 80]. Разделяя процессный и процессуальный подходы, автор связывает понятие субъекта с процессным подходом, а личности – с процессуальным. Автор заключает, что «в описании психического как процесса исходным и обобщающим началом выступает субъект, а сам процесс представляется как деятельность. И именно субъект и его активность оказывается в центре внимания исследователя. Процессуальность смещает акценты в сторону состояния системы, внутреннего мира, к внутренним условиям, к тому, что задает направление движения» [3, с. 82].

Внешне подобное решение аналогично концепции автора о соотношении субъекта и личности, обоснованного в разных работах [1; 2; 4].

Однако налицо принципиальные различия в понимании субъекта, субъектности и личности.

В нашем понимании и субъект, и личность – это процессуальные характеристики, относящиеся к изучению внутреннего мира человека. Более того, если личность задает направление взаимодействия через смыслы и выборы, диспозиции, то субъект не просто исполняет, но и участвует в выборах и стиле реализации через оценку своих индивидуально представленных ресурсов, состояний, ситуаций жизнедеятельности. Т. е. это совместное решение, максимально индивидуализирующее и смысловые, и ресурсные решения взаимодействия и саморазвития.

Второе несогласие относится к тому, что в процессуальном подходе личность описывается как система постоянных изменений, нестабильности, неустойчивости. Принципы существования любых систем – это постоянные явные и неявные изменения в их состоянии, и проблема неравновесных состояний активно обсуждалась и неоднократно (например, [5]). Следовательно, это не только характеристика системы личности, но всех систем, метасистем в человеке. Кроме того, принцип недизъюнктивности, непрерывности означает антиципирующее развитие будущих состояний систем в настоящем их функционировании. Принцип саморазвития и означает непрерывность взаимодействий и порождений новых функциональных возможностей. Здесь происходит, на наш взгляд, неоправданное расширение общесистемных принципов на характеристики личности.

Третье и важное разногласие. Говоря о непрерывных изменениях и изменчивости личности, не проводится разграничение изменений и собственно развития как порождения нового качества, необратимого к предыдущему состоянию. В нашей работе [6] мы подчеркивали принципиальность разграничений процессов развития и изменений. Критерий необратимости изменений при развитии означает порождение нового, иного качества развития личности через порождение новых смыслов в переживаниях, следовательно, в непрерывности существует скачок к порождению нового уровня организации и личности.

Еще одно различие необходимо акцентировать. Описывая субъекта, выделяется деятельность как главная черта.

Обсуждая ограничения субъектно-деятельностного подхода, Л.И. Анцыферова указывает, что данный подход акцентировал значение деятельности «как созидания, преобразования, совершенствование окружающего мира» [7, с. 219]. Следовательно, деятельность становилась основным способом существования, при этом в рамках данного подхода подчеркивалась неразрывная связь деятельности с действующим лицом как ее инициатором. «По существу, этот принцип вводит субъекта в динамическую систему деятельности. Но исчерпывает ли этот подход полноту душевной жизни, “своеобразные движения” внутреннего мира?» – спрашивает Анцыферова [7, с. 220]. Ее представление о личности не сводимо к рамкам субъектно-деятельностного подхода. В ее понимании «личность соразмерна не деятельности и даже не жизненному пути, а целостному индивидуальному пространству и времени творимой им жизни [7, с. 220-221].

Раскрывая соотношения субъекта и личности, Людмила Ивановна дает следующие определения: «Личность как субъект “ваяет” себя, выстраивая и создавая пространство собственной жизни, уникальный жизненный мир. Субъект ставит цели и намечает жизненные планы, избирает стратегии жизни» [7, с. 223]. Последовательно развивая свою мысль, она видит основную задачу ученого в выделении и изучении тех «жизнетворческих способностей», психологических оснований и «механизмов», которые обеспечивают переход личности на более высокий уровень субъектности.

В понимании Анцыферовой субъект – это лишь стадия развития личности. Применяя континуально-генетический подход к изучению не только неразрывного единства, но и специфики в развитии субъекта и личности, было показано их реципрокное развитие на протяжении всей жизни. При этом важно заметить, что сведение субъекта только к высшим уровням развития личности означает редуцирование данного аспекта в психологии человека. Кроме того, субъект не исчерпывается деятельностью и не может быть ею детерминирован. Именно развитие человека как личности и субъекта определяет его деятельность как реализацию совокупных потенциалов его субъектно-личностной организации.

Если для Анцыферовой субъект «ставить цели, выбирает жизненные планы, избирает стратегии жизни», то в нашем понимании все напротив. Именно содержательная ипостась человека с его смыслами, ориентирами, переживаниями определяет выбор цели, интеграцию возможностей (ресурсов) для ее осуществления субъектом. К аргументации такого решения и даже его эмпирической верификации мы обращались в нескольких работах [2].

В рамках системно-субъектного подхода выделены специфические функции субъекта и личности, которые носят одновременно и системный, и субъектный характер, но дифференцируют обе категории. В качестве когнитивной функции по отношению к субъектности является понимание коммуникативной функции – континуум субъект-субъектных и субъект-объектных взаимодействий, в качестве регулятивной функции – контроль поведения и самопроизвольность.

Для личности специфика функций может быть описана по аналогии с функциями субъекта: когнитивная – осмысление (порождение смыслов, личностных смыслов, ценностей, смысложизненных ориентаций); переживание как регулятивная функция, которая указывает на отношение к событию или ситуации, приводя к возможным изменениям в Я-концепции, и коммуникативная функция как направленность на определенные значимые аспекты реальности. При таком решении функции субъекта и функции личности как двух неразрывных сторон организации человека тесно переплетены. Только при условии наличия смыслов возможно понимание, только при переживании возникает возможность смыслопорождения и изменения поведения, а также его контроля, только определенная направленность личности ведет к избирательности и определенному характеру коммуникативных взаимодействий. При этом на разных уровнях психического развития человека эти функции реализуются в соответствии с уровнем развития личности и субъекта.

С данных позиций были выделены основные уровни развития субъектно-личностного развития человека как попытки создания единой модели психического развития человека. Выделаны следующие уровни: Уровень протосубъекта (Первичной (0-8 мес.) субъектности и Вторичной (9-12 мес.) субъектности; Уровень агента (3-4 года); Уровень наивного субъекта 5-6 лет; Уровень растущей субъектности (Младший школьный возраст); Уровень определяющейся субъектности (Подростковый возраст); Уровень компетентной субъектности (Взрослый возраст) и Уровень интегративной субъектности (Пожилой возраст). Для всех уровней развития субъектно-личностной специфики описаны основные принципиальные достижения. Для операционализации такого интегративного подхода усилия автора были направлены на анализ выделенных функций (когнитивной, регулятивной и коммуникативной), для чего были выделены и верифицированы гипотезы модели психического как функции понимания, контроля поведения (регулятивной функции субъекта). Автор понимает ограниченность в реализации столь сложной задачи, но пытается найти пути ее решения. Как указывал А.В. Брушлинский, создание психологии субъекта – сложнейшая задача.

Библиографический список

1. Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психол. журн. 2011. Т. 32. № 1. С. 120-132.
2. Сергиенко Е.А. Соотношение функций субъекта и личности в период взрослости // Психологические исследования проблем современного российского общества / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А., Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2013. С. 254-283.
3. Психология личности. Пребывание в изменении: коллективная монография / Под ред. Н.В. Гришиной. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2019. Глава 1. С. 17-54.
4. Сергиенко Е.А., Знаков В.В., Харламенкова Н.Е. Индивидуальный субъект в психологии // Разработка понятий в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 63-115.
5. Прохоров А.О. Психология неравновесных состояний. М.: ИП РАН, 1998.
6. Сергиенко Е.А. Психология развития в трудах Л.И. Анцыферовой: прогресс и регресс как закономерные процессы развития // Психол. журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 5-14.
7. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Институт психологии РАН, 2006.

**PERSONALITY: DEBATABLE ISSUES
AND A SYSTEM-SUBJECTIVE APPROACH**

Abstract. The research presents arguments for the differences between the procedural approach to personality (S.N. Kostromina, N.V. Grishina) and the principle of continuity implemented in the system-subject approach. The main points of discussion relate to the relationship between the hypostases of a person: the subject and the individual. This is opposed by the notion of the procedural approach of the activity nature of the subject, which defines the generalized characteristics in the external world and personality as a continuously changing inner world of man. The author believes that both subject and personality are procedural characteristics relevant to the study of man's inner world. It is important to distinguish between the concepts of change and development, which are virtually identical in the procedural approach. The continuity of development does not exclude, but assumes qualitative changes in the architecture of the individual in life. The article presents a generalizing scheme of development of subject-personal interactions through the allocation of levels of development and functions of the subject and personality within the framework of the system-subject approach.

Keywords: personality, subject, continuity, discreteness, changes, development.

САМОПОНИМАНИЕ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ⁷

Аннотация. В статье проанализировано многообразие подходов к изучению феномена самопонимания в контексте истории и выделены три вектора направления исследования феномена в современной науке: когнитивный нарративный и экзистенциальный. Помимо этого, установлена связь самопонимания с психологическими характеристиками зрелости личности, которые проявляются в самоинтересе, ориентации во времени, потребности в познании, контактности и гибкости в общении.

Ключевые слова: самопонимание, когнитивное направление, нарративное направление, экзистенциальное направление, зрелость, психическая зрелость.

Культурно-исторические и социальные реалии современного мира и прогрессивного социума предъявляют повышенные требования к умениям, навыкам и способностям индивида на всех уровнях его жизнедеятельности, от социальной стороны его жизни – до личной.

С этими требованиями связана необходимость объяснение термина «психологическая зрелость», которая рассматривается российскими учеными исключительно в границах субъектно-деятельностного подхода и подразумевает под собой самодостаточность и самостоятельность субъекта, самоинтерес, способность к гибкой коммуникации, умение ставить и достигать целей, регулировать деятельность.

Прежде чем перейти к категории самопонимания, мы выделим несколько теоретических и эмпирических подходов к термину «зрелость». Так, по психологу А.Л. Журавлеву [4, с. 44], к термину применим только системный подход. Е.А. Сергиенко представляет феномен зрелости с разных точек зрения, а именно [9, с. 13]:

- в качестве очередного этапа онтогенеза;
- как общую тенденцию развития индивида;
- в качестве достижения дефинитивной стадии развития;
- с позиции развития нескольких структурно-функциональных уровней умственной сферы.

Последнее направление дает нам право выделять несколько уровней зрелости, например, эмоциональную, интеллектуальную, моральную и психологическую, которая интересует нас в высшей степени.

В отличие от психической зрелости, психологическая представляет собой полное функционирование личности – по отношению к окружающему миру и по отношению к себе, возможность постоянного и непрерывного развития. Психическая же зрелость подразумевает особую зрелость психических процессов, сенсорной деятельности, желания к познанию, возможностей памяти.

⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-413-235002 «Самопонимание профессиональной идентичности молодежи в контексте представлений о будущем (на примере профессии инженера)»

Зрелость зиждется на развитии и на понимании человеком самого себя, на самопонимании. После того, как человек достиг этой точки самопонимания, начинается его движение и можно делать прогноз по перспективам развития, по ментальному будущему. Личность становится собой, она может реализовывать себя на максимум.

В своем исследовании Г. Оллпорт называл самопонимание важнейшим инструментарием развития, мерилем, показывающим, на каком уровне находится психологическая зрелость человека [7, с. 233].

В качестве критериев и сигналов к переходу на новый уровень выступают особые личностные образования, известные в науке как «Я-образ» и «Я-концепция». Они проявляются в различных аспектах человеческой деятельности, они же устанавливают контекст для порождения смыслов.

Внутри этих личностных образований есть компетенции, состоящие из потребностей, идеалов, убеждений, принципов, проистекающих из социального и личного опыта индивида. Они как раз помогают действовать согласно правилам, убеждениям, установкам, они помогают регулировать поведение и делать правильный выбор, они способствуют формированию мнения о себе.

В.В. Столин и С.Р. Пантилеев утверждают, что отношение человека к самому себе можно измерить с помощью самоуважения и аутосимпатии [8, с. 12].

Самоуважение – сложный аспект, заключающийся в оценивании индивидом самого себя, оценкой, где критериями выступают социальные нормы, многовековая мораль: успех и поражение, воля и безволие, целеустремленность и леность, вялость и так далее. Все эти критерии нацелены на осознание и оценку собственной эффективности, жизнерадостности, деятельности, способности к физическому и умственному труду, в способности достигать цели, проявлять эмоции – в общем, узнавать слабые и сильные стороны и успешно этим пользоваться.

Аутосимпатия не поддается оценке по социально-нормативным критериям, не связана она и с индивидуальными чертами личности. Это качество, отражающее исключительно эмоциональное отношение личности к своему «Я».

Мы также определили основные черты психологической зрелости субъекта для выявления связи с самопониманием [6, с. 89].

Наиболее характерные черты, указывающие на высокую степень зрелости личности и на высокую степень самопонимания:

- синергетичность (анализировать аспекты всего мира, его тенденции, видеть связь между поколениями и делать соответствующие выводы);
- автономность (иметь собственные установки и свою систему ценностей, опираться на них самостоятельно, без чужого мнения);
- ответственность (знать последствия поступков и принимать их, отвечать за собственные действия);
- контактность (находить контакт с другими людьми, быстро налаживать связи);
- положительное отношение к себе (принимать в себе и положительные, и отрицательные черты, относиться к себе позитивно);
- эмпатия (умение ставить себя на место другого, принимать чужие точки зрения);
- толерантность (быть терпимым к другим людям, к их убеждениям, верованиям);
- глубокие переживания (чувствовать гармонию с миром, чувствовать возможность положительных перемен в любых сферах жизни);

– жизненная философия (иметь принципы, стержень, следовать правилам, выработанным самостоятельно, понимать процессы жизни и вырабатывать свои способы и подходы к ней);

– креативность (способность создавать нечто новое в быту, в работе, в учебе, склонность к творчеству в любой сфере).

Таким образом, можем сделать вывод, что психологическая зрелость личности тесно связана с самопониманием, с его уровнем и оценкой по различным критериям

В свою очередь, осмелимся заметить, что психологическая зрелость зиждется на личных свойствах, которые проявляются только в процессе самопонимания личности, измеряемой с помощью психодиагностических методик, согласно нескольким традициям исследований [1, с. 33].

И теоретики, и практики психологии проявляли интерес к исследованию феномена самопознания как условия становления зрелой личности. Связано это с тем, что каждый человек в современных реалиях испытывает потребность разобраться в себе и понять свои мотивы, чувства, отношения с окружающим миром. И, как мы уже доказали, возможность достичь психологическую зрелость появляется только в процессе самопознания.

Над разгадкой самопознания исследователи активно бьются последние пятнадцать лет. Но проблема заключается в том, что до сих пор толкование этого термина неоднозначно, неоднозначны и подходы к изучению, и методы. Именно поэтому до сих пор существует актуальность анализа основных подходов и классификации в изучении самопонимания, столь необходимым для роста любой личности.

Изучение самопонимания в психологии идет по двум разным направлениям: в изысканиях научной деятельности и в рамках организации психотерапевтической работы. Отдельное направление исследований касается места самопонимания в религии или в философии.

Мы взяли структуру по типам понимания, составленную В.В. Знаковым – на наш взгляд, она актуальная и максимально соответствующая всем условиям теоретических и практических исследований, с самыми разными целями, методами и результатами. Таких подходов три:

- когнитивный;
- нарративный;
- экзистенциальный [5, с. 7].

Первый подход – когнитивный – в изучении самопознания представлен в работах Б.В. Кайгородова [6] и его последователей О.В. Романова, И.А. Монахова и других.

Согласно их исследованиям, самопонимание – это целостная система представлений человека об индивидуальных, социальных, культурных особенностях, о том, как человек относится к другим людям, как относится к себе с точки зрения рефлексии, как понимает свое место в мире и понимает ли, каково его интроспективное представление об интеллекте и умственных способностях.

Согласно когнитивному подходу, самопонимания можно достичь с помощью определенных действий, таких, как анализ и размышление над всеми аспектами, причем этот подход работает только в совокупности с интуицией и четко выверенными эмоциями.

Можно отметить, что это не противоречит нашему утверждению: самопонимание даже в когнитивном подходе является необходимым процессом для достижения уровня психологической зрелости, которая также подразумевает постоянный анализ и размышления над действиями, поступками и проявлениями мира.

Вторая традиция – нарративная, и она зиждется на ценностно-смысловой интерпретации реальности. Данный тип понимания ученый определяет как «понимание-интерпретацию», которая заключается в проведении аналогии между пониманием текста и пониманием человеком собственного внутреннего мира, поведения, поступков и действий.

В нарративной психологии человек пишет о самом себе, создает историю, сторителлинг, самоинтерпретирует события и через них приходит к пониманию самого себя. Такой точки зрения придерживаются К.Дж. Джерджен, Д.П. Макадамс, Г. Херманс, Х. Левин, Т. Сарбин [3].

Нарративная тенденция предполагает, что человек осмысливает, воспринимает себя и свою жизнь посредством истории с сюжетом, выражая таким образом весь свой опыт. Опыт, в свою очередь, можно назвать особым переживанием проявлений мира, актом интерпретации (через язык), это самый верный и понятный способ понять себя и других. Нарративная тенденция предполагает, что смысл и опыт неразделимы. Отсюда также можно сделать вывод, что опыт необходим для самопонимания – и для формирования психологической зрелости личности.

Экзистенциальная традиция исследования самопонимания также обращается к опыту, который имеет смысл для личности. Но, в отличие от нарратива, это происходит не в форме историй. В основе экзистенциального подхода лежит мысль о практической невозможности постичь истину на интеллектуальном уровне.

Каждый опыт и каждый процесс самопознания уникален, его невозможно свести в общие схемы, которые будут применимы к другим. Из этого мы можем сделать вывод, что и самопонимание является сугубо индивидуальным процессом без общих мест и примеров, и процесс становления зрелости личности никогда не повторяется.

Достижение самопонимания возможно только за счет взаимодействия и изменения когнитивных репрезентаций себя в мире, нарративной традиции, которая ратует за опыт в историях, дарующий смысл субъекту, и экзистенциального опыта субъекта, который он приобретает в конкретных индивидуальных условиях.

Именно поэтому для изучения самопонимания необходим синтез всех этих традиций, которые будут учитывать уникальный и общественный опыт и способствовать тому, чтобы разгадать алгоритм достижения психологической зрелости или любого другого вида зрелости для того, чтобы поднять значимость исследований на новый уровень и решить проблемы психологии, касающиеся определения феномена самопознания.

Библиографический список

1. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 2012.
2. Брушлинский А.В. Психология субъекта. СПб., 2013.
3. Джерджен К.Дж., Место психики в сконструированном мире. Минск: БГУ, 2018.
4. Журавлев А.Л. Социально-психологическая зрелость: обоснование понятия // Психологический журнал. 2017. № 2. С. 44-54.
5. Знаков В.В. Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Психологический журнал. 2019. № 2. С. 7-15.
6. Кайгородов Б.В. Самопонимание: миф или реальность. М., 2019.
7. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М.: Смысл, 2019.
8. Пантिलеев С.Р. Методика исследования самооотношения. М.: Смысл, 2019.
9. Сергиенко Е.А. Зрелость: молярный или модулярный подход? // Феномен и категория зрелости в психологии. М.: Институт психологии РАН, 2017. С. 13-28.

**SELF-UNDERSTANDING AS A CONDITION
FOR PERSONAL MATURITY FORMATION**

Abstract. The article analyzes the variety of approaches to the study of the phenomenon of self-understanding in the context of history. It identifies three vectors of research in modern science; cognitive, narrative, and existential. The connection of self-understanding with the psychological characteristics of personal maturity – which are manifested in self-interest, orientation in time, the need for knowledge, and contact and flexibility in communication – is established.

Keywords: self-understanding, cognitive direction, narrative direction, existential direction, maturity, mental maturity.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 19-413-235002.

Шадже Асиет Юсуфова,
Адыгейский государственный университет
Майкоп
Shadzhe@maykop.ru
Ильинова Надежда Александровна
Адыгейский государственный университет
Майкоп
nady_i@bk.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ: ВОЗМОЖНОСТИ ФИЛОСОФИИ⁸

Аннотация. В статье анализируется проблема формирования личности в контексте современных глобальных вызовов. Осмысливая модернизационные процессы в образовательном пространстве, исследуется формирование духовности в университете. Ключевой вопрос рассматриваемой проблемы – анализ некоторых возможностей философии в становлении личности: роль философской методологии в освоении специальности, формирование мировоззрения, ценностного сознания и диалогического мышления. Представлены некоторые особенности медиаобразования, в частности, его противоречивый характер. Аргументируется важность инновационных подходов к гуманизации и гуманитаризации, позволяющих увидеть, изучить глубже и использовать возможности философии в условиях современных глобальных рисков. Делается вывод о необходимости совершенствования образовательного процесса, совмещения традиций и новаций, сочетания нелинейного диалога между студентом и преподавателем с применением новых инструментов коммуникации.

Ключевые слова: личность, современные вызовы, философия, цифровизация, гуманизация.

Проблема формирования личности актуализируется в условиях современных глобальных вызовов. В последнее время активизируется процесс внедрения цифровых технологий в экономику, в область управления и образование. Наступившая эпоха гаджетов, компьютеров и социальных сетей умудряется стереть историческую память. Решение экзистенциальных проблем отодвинуто или забыто. Модернизируются все сферы человеческого бытия. Особенно тревожно в области духовной жизни, потому что «осовременивание» культуры стирает из памяти человека смыслы, духовные ценности, способствуя формированию «айфонных синдромов». Создается искусственное / цифровое / бездушное пространство, которому чужда культура и духовность, в котором осуществляется социализация и идентификация молодежи.

С конца 2019 года человечество начинает ощущать непредсказуемые серьезные вызовы временем – это опасности, связанные с большими *рисками*, оказывающие влияние на здоровье обычных людей, развитие стран и все сферы человеческой жизнедеятельности. Говоря словами западного социолога Э. Гидденса, нам следует убедиться в том, что это простое понятие риск «является ключом к разгадке некоторых базовых характеристик мира, в котором мы живем» [1, с. 38]. В своих лекциях, прочитанных на Би-би-си в рамках Программы Рейта, он отмечает, что «риск – это не то же самое, что опасность или угроза. Понятие риска связано

⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31523.

с активным анализом опасности с точки зрения будущих последствий. Оно широко используется лишь в обществе, ориентированном на будущее...» [1, с. 39].

В современных условиях, начиная с марта 2020 года, мир живет в условиях непредсказуемого риска – пандемии. Все страны функционируют в новых условиях. Пандемия оказывает негативное влияние не только на экономику, но и на другие сферы. Вся образовательная система вовлечена в медиaprостранство. В этом контексте представляется актуальным отметить духовную составляющую образования, духовных ценностей, гуманности, человечности в университетском образовании.

Университет является одним из уникальных феноменов европейской культуры. Основные этапы этого культурного явления начинаются со средневековых университетов – через национальные модели Нового времени и возникновение в XIX веке классического университета – продолжают до сегодняшних дней.

В последние годы университеты претерпели большие изменения. В российских университетах осуществлен переход на двухступенчатую систему образования – бакалавриат и магистратуру. Превращение университетов в «бизнес-университеты» и многое другое изменили культурно-образовательную среду.

Тем не менее, современные университеты стремятся сохранить свою миссию в образовании, воспитании, науке, а также в развитии региона, оставаясь «духовной силой» общества. В связи с этим обозначим некоторые возможности философии в формировании личности в постановочном плане, не претендуя на концептуальную завершенность и полную освещенность.

Говоря о возможностях философии, подчеркнем, что она *является методологической основой будущей специальности*. Известно, что каждая отрасль науки имеет свои специфические формы и способы, нацеленные на формирование личности. На наш взгляд, главное – это общее, которое является «методом нашего применения разума» (И. Кант).

В современной науке заметна интеграция (не слияние!) естественных и социально-гуманитарных наук в познавательном процессе по некоторым общенаучным методологическим подходам. Между тем, следует учесть, что познавательный процесс содержит философско-мировоззренческие составляющие. С помощью универсальных философских категорий и методов осуществляется целостное и сущностное понимание и объяснение не только вопросов будущей специальности, но и сложной реальности.

Традиционные методы философского познания (диалектика, феноменологический и герменевтический методы, рефлексия, умозрение, философская интерпретация и т. д.), дополняемые новыми парадигмами – системности и синергетики, появившимися в XX веке в рамках современной науки, дают возможность переосмысления познаваемых объектов.

Таким образом, новая методологическая парадигма и междисциплинарный подход, пришедшие на смену существовавшему ранее жесткому классическому детерминизму/монистическому и дисциплинарному подходу, расширяют познавательные границы, способствуют получению новых научных знаний и развитию инновационных.

Философия и формирование мировоззрения и ценностей. В истории аксиологии существует направление «аксиологический трансцендентализм», которое определяло философию как науку о ценностях. Основатель этого направления В. Виндельбанд писал: «...я могу понимать под философией в систематическом (а не историческом) ее смысле только критическую науку об общеобязательных ценностях: это определяет предмет философии, критическую науку, это определяет ее метод» [2; 23]. Философия, являясь учением о ценностях, формирует духовность и рефлексиирует современные проблемы. Философский

анализ ценностной ситуации имеет свою специфику, заключающуюся в том, что предполагает осмысление оцениваемого. Это дает понимание субъектом конкретного смысла объекта – носителя ценности; осознание его в качестве норм сознания и поведения. Философия, да и в целом гуманитарные науки, основаны на таких знаниях, которые формируют жизненную позицию в коллективе, в социуме. Они нацелены на понимание другого и на взаимопонимание.

Философия направлена на формирование диалогического мышления. Диалог – форма общения, которая употреблялась для изложения проблем с помощью диалектики. Первоначально диалог понимался в философии как разновидность спора. Причем, утверждение собственной позиции в диалоге было подчинено поиску истины, что представляло собой одинаковую ценность для участников. Такое понимание диалога идет от Сократа. Классическая форма философского диалога предполагает метод мышления, совместный поиск истины в ходе бесед и споров. Несмотря на то, что с конца XIX века диалог утратил свое значение как чисто философский жанр, начинает активно функционировать во всех сферах человеческого бытия. В условиях цифровизации общества заметно активное создание площадок диалогического взаимодействия в разных областях – экономике, политике, культуре и т. д.

В современных условиях возрастает роль диалога как основного инструмента мышления, поскольку он предполагает различные подходы и позиции, обеспечивая диалектику преемственной связи между прошлым, настоящим и будущим. Диалог выступает как основа нелинейного стиля мышления. А это, говоря на языке синергетики, подразумевает признание многовариантности, альтернативности процессов развития и вероятностный характер предвидения будущего. Диалогическое мышление – это признак культуры мышления. Наконец, важно помнить и руководствоваться методологическим положением, что основой диалога изначально являлось и должно остаться понимание другого.

Между тем, в условиях информационного общества диалог активно подменяется новыми формами коммуникационного общения. Общение человека в интернет-сетях оказывает силовое вмешательство в индивидуальное информационное поле и негативно воздействует на сознание, социализацию и формирование личности. В этих условиях формируется духовный мир идей, ценностей и смыслов, которые определяют поведение человека.

Представляется необходимым нацелить стратегию образовательной и культурной политики России на осмысление новых конкретных решений по формированию у детей, подростков и молодежи культуры работы в информационном пространстве интернета. Если государственные власти, общество, образовательные, культурные институты вместе с семьей не осмыслят и не найдут новые пути решения этой проблемы, то цифровые технологии и цифровая культура полностью подменят историческую память и российскую национальную культуру.

Философия в современной образовательной парадигме. В процессе перехода на двухступенчатую систему образования была уверенность, что новая образовательная модель в России должна приумножить лучшие традиции университетского образования. С чем столкнулись на уровне бакалавриата? Представляется, что на этом уровне образования студент сполна не осознает свою задачу, что вуз – это не только образовательное учреждение, куда приходишь на четыре года, а затем получаешь документ со штампом. Встречаются не самоопределившиеся студенты, в связи с чем встает проблема о необходимости подготовить им предложения для выбора, формировать целевую установку по будущей специальности. Магистратура четко формирует научные и профессиональные компетенции. Правда, многие

студенты заканчивают бакалавриат по одной специальности, а в магистратуру идут – по другой.

В этой связи очевидна роль гуманитарного знания, философии в формировании личности, смысла и цели жизни, наконец, высокой культуры мышления. Как отмечалось выше, именно оно напрямую связано с выработкой нового мышления и новой системы ценностей для сохранения цивилизации и человечества, а также культурной трансляцией социального опыта народов.

Говоря о философии, следует отметить, что в рамках трансформации образования российские философы предпринимали попытку ознакомиться с мировым опытом преподавания философии. На Западе философское обучение стало даже парадигмой школьного образования. Разработанная в 60-70 годы программа «Философия для детей» оправдала себя на практике. По словам зарубежных коллег, философия способствует развитию критичного и саморефлективного мышления с юных лет.

Знакомясь с зарубежным опытом изучения философии, нам следует извлекать из него все ценное, что будет способствовать развитию отечественного философского образования. Модернизация образования бессмысленна без философии. Более того, «изучение философии должно присутствовать на всех уровнях образования человека, однако на каждом уровне оно имеет свои цели и задачи, реализуя функцию формирования мировоззрения, становление которого на каждом из этапов имеет свои внутренние особенности» [3].

Заметим, что престиж философии, как и гуманитарного знания в целом, в обществе не велик. Можно обосновать этот тезис разными методами, но основной аргумент вытекает из отношения к преподаванию этих дисциплин. В отношении преподавания философии нетрудно заметить утрату фундаментальности и сокращение часов.

В современных условиях, начиная с марта 2020 года, образование функционирует в новых условиях. Вся образовательная система вовлечена в медиaprостранство – дистанционное обучение. На смену живому общению между учителем и учеником / студентом приходят новые инструменты коммуникации. Выполнение образовательных программ по философии при помощи онлайн-курсов не представляется возможным. «Постижение философии невозможно полностью перевести в цифровую форму, поскольку умение мыслить невозможно сформировать без непосредственного общения» [4].

Таким образом, проанализировав образование в условиях современных вызовов и выявив некоторые возможности философии в формировании личности, можно предложить следующее.

В новых условиях формирования личности возрастает роль гуманитаризации и гуманизации. Человечность, ценности, умение мыслить – это духовные силы общества, благодаря которым оно способно функционировать и развиваться.

Образование сегодня проходит вынужденную репетицию, которая заставляет задуматься над тем, какого специалиста подготовим в рамках дистанционного обучения. Какого человека мы получим? Думается, можно подготовить хорошего специалиста, но без духовности. А выпускнику/молодому специалисту придется сдавать экзамен на человечность всю свою жизнь – перед родителями, семьей, друзьями, обществом, страной, наконец, перед собой.

Возможности философии в формировании личности могут быть использованы в новых условиях, если будут учтены традиции и новации в образовательном процессе. Важно отметить то, что в условиях непредсказуемого глобального риска содержание образования полностью переложить в новый /дистанционный формат невозможно. Пандемия влияет не только на экономическое развитие страны, но и на образование, духовность человека.

Коронавирусный режим и сложные вызовы времени подвели нас к переосмыслению образовательного процесса в целом и преподавания философии. Важно осознать, что реализация возможностей философии будет зависеть от необходимости совершенствования живого / нелинейного диалога между студентом и преподавателем, дополнив новыми инструментами коммуникации.

Библиографический список

1. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2004.
2. Виндельбанд В. Что такое философия? (О понятии и истории философии) // Прелюдии. Философские статьи и речи. / Пер. со 2-го нем. изд. С. Франка СПб., 1904. С. 1-44.
3. Миронов В.В. О школьном образовании, гуманитарном знании и уровнях изучения философии // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 22-26.
4. Кузнецов Н.В. Философское образование и информационные технологии // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 87-89.

Shadzhe A.Yu.
Adyghe State University
Maykop
Ilinova N.A.
Adyghe State University
Maykop

FORMATION OF PERSONALITY IN THE CONTEXT OF MODERN CHALLENGES: THE POSSIBILITIES OF PHILOSOPHY

Abstract. The article analyzes the problem of personality formation in the context of modern global challenges. Understanding the modernization processes in the educational space, the author examines the formation of spirituality in the University. The key issue of the problem under consideration is the analysis of some of the possibilities of philosophy in the formation of personality: the role of philosophical methodology in the development of a specialty, the formation of a worldview, value consciousness and dialogical thinking. Some features of media education, in particular its contradictory nature, are presented. The author argues for the importance of innovative approaches to humanization and humanitarization, which allow us to see, study more deeply and use the possibilities of philosophy in the context of modern global risks. It is concluded that it is necessary to improve the educational process, combine traditions and innovations, and combine a non-linear dialogue between students and teachers using new communication tools.

Keywords: Personality, modern challenges, philosophy, digitalization, humanization.

Funding: The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-31523.

Шиповская Виктория Владимировна
Кубанский государственный университет
Краснодар
victship@mail.ru
Гусейнов Александр Шамильевич
Кубанский государственный университет
Краснодар
aguseinov@yandex.ru

ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОЙ ФОРМЫ СУБЪЕКТНОСТИ И РЕСУРС В ПРЕОДОЛЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕСТРУКЦИЙ⁹

Аннотация. В статье содержится теоретический анализ альтруистической деятельности как источника формирования конструктивной формы субъектности, положительной социальной репутации и психологического благополучия личности. Показано, что реализация просоциальной активности дает возможность в плодотворном варианте удовлетворять экзистенциальные потребности, позволяет включиться в широкий социальный контекст и влиять на социальные процессы, что позитивно отражается на самоидентичности волонтеров. Обосновано, что волонтерство, направленное на просоциальное самоосуществление и мировоззренческое новаторство, может рассматриваться как субъектный ресурс в преодолении острых социальных противоречий и противодействии идеологии экстремизма.

Ключевые слова: волонтерская деятельность, альтруизм, экзистенциальные потребности, идентичность, субъектность, преодоление противоречий и социальных деструкций.

Несмотря на то, что социальная активность признается необходимой составляющей социального поведения личности и групп, важной с точки зрения общественного развития и самореализации личности, нередко она ограничена объективными и субъективными барьерами – как в отношении видов, так и интенсивности [15, с. 3]. Например, в современной России, по данным социологов, около 80% взрослого населения считает, что не может влиять на содержание кризисных процессов в обществе и на решения, принимаемые властью [7]. Результатом ограничения субъектности личности, считает Г.Ю. Фоменко, становится переживание ею собственной не-ценности, своеобразное восприятие своего «стирания» из социума, порождающее беспомощность. «На фоне утраты контроля над происходящим и потребности достижения желаемого мгновенно и без усилий актуализируется протест» [13, с. 94]. В рамках субъектно-бытийного подхода подчеркивается, что система, культивирующая объектное отношение к личности («скованную субъектность») и лишаящая человека возможности влияния на происходящие процессы, существенно осложняет процесс самоопределения и создает питательную среду для экстремистских настроений [5; 13].

Преодоление острых социальных противоречий, связанных с пониженной, «скованной» субъектностью личности, и противодействие экстремистской ментальности предполагает поиск нетрадиционных, принципиально новых жизненных стратегий, моделей поведения и ресурсов. В современных культурно-исторических условиях необходимо использовать мощный ресурс волонтерского движения, поскольку именно просоциальная деятельность, предполагающая возможность проектирования разнообразных форм конструктивного

⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-413-230020.

взаимодействия субъектов, наиболее полно и гармонично реализует специфику гражданской активности [12]. Волонтерство (от лат. voluntarius – добровольный) как авангардное объединение гражданского общества имеет возможность развивать, селектировать и распространять позитивные социальные образцы, влияя на ценности общества. В связи с этим, волонтеров рассматривают в качестве агентов, первоначально социализирующихся в рамках уже функционирующих институтов, но после освоения необходимых ресурсов своими практическими действиями трансформирующих саму общность в процессе структуризации [10]. Отождествление субъекта с волонтерским движением на когнитивном, эмоциональном, поведенческом уровнях способствует формированию гражданской идентичности, которая является фактором духовной и политической консолидации вокруг интересов нашей страны, гуманного функционирования общества [16].

В наших работах мы неоднократно отмечали, что вхождение в экстремистские группировки значительно влияет на удовлетворение экзистенциальных потребностей личности, которые вследствие актуализации психологических механизмов смещения, искажения и инверсии удовлетворяются извращенным способом, создавая иллюзию разрешения экзистенциальных вопросов бытия [4; 5]. В осуществлённом молодыми людьми выборе в пользу волонтерских движений мы также видим попытку удовлетворения экзистенциальных потребностей, но реализуемых в продуктивном варианте, оформляющем позитивную форму субъектности.

Например, потребность в самоидентичности, которая в субъектно-бытийном подходе рассматривается в контексте овладения личностью пространствами бытия того мира, в котором он живет, переструктурирования мира в соответствии с собственными потребностями и импульсами развития. Подчеркивается, что личностная идентичность отражает два аспекта связи человека с миром: его причастность к социуму, различным группам и их социально значимым деятельности, а также к продуктам этой деятельности. Согласно З.И. Рябикиной, «человек преобразует мир и тем самым преобразует себя, стремясь к определенности и гармонии в отношениях с миром, который подтверждает реальности его (человека) субъективности» [6, с. 328-329]. Соответственно, достижение личностной идентичности предполагает достижение согласованности между внутренним и внешним миром.

Просоциальная деятельность позволяет в гармоничном варианте удовлетворить *потребность в самоидентичности*: включиться в широкий социальный контекст, систему общественных отношений, решать важные общественные задачи и влиять на социальные процессы. Вместе с тем мотивация волонтерского труда в XXI века сопряжена с включенностью людей в различные «социальные сети», группы и общности. Следовательно, возможность расширять социальные контакты, приобрести новые знания, умения, опыт позволяет в продуктивном варианте удовлетворить экзистенциальную *потребность в межиндивидуальных узах (привязанности)*.

Уже доказано, что социальные связи являются важнейшим источником счастья, снижают чувство беспокойства и становятся своего рода психологической защитой от стрессов [1].

Добровольческая деятельность способствует росту самосознания, дает возможность применять свои знания, навыки и опыт, расширить круг интересов, что благотворно отражается на направлении самореализации, которое задается содержащимся в сознании волонтеров целостным представлением о характеристиках постепенно воплощаемого идеала, основанного на позитивных ценностях. Одновременно с развитием ответственности

за Другого в процессе волонтерской деятельности повышается жизнестойкость, уровень развития личностной автономии, формируется система позитивных установок, закрепляющих просоциальную направленность личности. Поскольку филантропическая деятельность дает возможность реального творческого самоосуществления в мире, включенности в систему отношений, удовлетворяется *потребность в трансценденции*.

В современных исследованиях доказано, что студенты, занимающиеся «надситуативной» волонтерской деятельностью по собственному выбору и решению, отличаются более высоким уровнем мировоззренческой инициативы, проявляющейся в выходе за рамки поставленной задачи и заданных шаблонов при разрешении мировоззренческих дилемм [8]. Через понимание проблем других людей, на другом, более углубленном уровне рефлексированы и решаются свои проблемы и противоречия, способствуя большей осмысленности и контролируемости жизни. Бытийные противоречия, безусловно, не исчезают, но изменяется их масштаб. Переживание слитности, близости и родственности с другими людьми способствует удовлетворению *потребности в укорененности в мире*.

Известно, что базовым мотивом волонтерства является бескорыстный труд, направленный на помощь другим, на основе чувства ответственности за себя и за других [17], «за ближнего» и «дальнего» (С.Л. Рубинштейн). Модус служения проявляется в социальной активности, ориентации на других, способности к значительной самоотдаче, потребности в социальной востребованности [14, с. 24]. Предпочтение модуса служения, альтруизм и высокая степень осознания мотивационных оснований и содержания волонтерской деятельности в соответствии с гуманистическими ценностями [19] актуализирует мощный энергетический потенциал личности и позволяет удовлетворить *потребность в системе ориентации и служении*. Одновременно с этим возрастает самоуважение (самооценка), которая устойчиво коррелирует с субъективным благополучием [1]. В связи с этим к волонтерам применим вывод, сделанный более ста лет назад А.Ф. Лазурским на основе тщательных наблюдений: здоровье личности в наибольшей степени обеспечивает идеал бескорыстного отношения к другому. «Альтруизм в том или ином виде представляется формой, и средством, и показателем наилучшей гармонии между личностью и средой. Здесь извращенных нет» [цит. по: (3, с. 11)].

Направленность к эмпатическому сопереживанию другим людям, чувство сопричастности окружающему создает условия для формирования высоко ответственного типа поведения [12]. Современные авторы, основываясь на конкретно-психологических и клинических данных, подчеркивают, что наличие нравственной ориентации, на фоне самоуважения, ощущения своей значимости и ответственного отношения к своей жизни, является необходимым условием нормального развития, критерием и отражением личностного здоровья, здорового психического состояния [1; 3]. Эмпирически доказано, что осознание «правильности» своих поступков и мыслей повышает психологическое благополучие личности [9].

И еще обратим внимание на важный нюанс. Как известно, любое межличностное взаимодействие влияет на качество репутации человека. Сущность социальной репутации лаконично описана автором концепции социального конструкционизма К. Джердженом, который считает, что социальная репутация зависит от того, как люди интерпретируют поведение человека и как он сам его презентует. Согласно его мнению, мы не сами выбираем термины, в которых эта репутация выражается, термины выбираются нашими

друзьями, членами семьи, учителями, и мы не можем контролировать этот выбор. В итоге подобная репутация становится реальностью [18].

Применительно к волонтерской деятельности это значит, что в процессе ее осуществления *трансформируется образ самого себя и создается положительная репутация личности*, которая становится компонентом позитивного социального капитала личности, позволяющего найти достойно оплачиваемую работу и достичь высокого социального статуса, престижа и доверия. Поскольку добровольческий опыт учитывается при приеме на работу, снижается риск пополнения армии безработных. Следовательно, волонтерство позволяет сформировать *позитивный социальный капитал* и использовать социальные связи общности на рынке труда, в образовательных и политических сферах, а также поднять свой статус, обрести престиж и доверие [2].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что просоциальная ориентация, в отличие от эгоцентрической, создает наиболее благоприятные условия для становления личности как субъекта бытия, укрепляет силу духа и создает превосходную броню, необходимую для *преодоления* жизненных трудностей и потрясений. Реализация преодолевающей активности личности позволяет в плодотворном варианте удовлетворять все без исключения экзистенциальные потребности, дает ощущение счастья, социальной продуктивности и служит основой для творческого самоосуществления. Предпочтение альтруистической деятельности через наполнение жизни гуманистическим содержанием способствует становлению позитивной идентичности, развитию личностной автономии и активной субъектной позиции, позволяющих успешно самоопределяться в противоречиях современности и реализовывать нравственный модус бытия.

Библиографический список

1. Аргайл М. Психология счастья. М.: Прогресс. 1990.
2. Бидерман К. Координация работы добровольцев и менеджмент волонтерских программ в Великобритании / Пер. с нем. М. Санниковой, И. Мюллер. М., 1999.
3. Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 3-19.
4. Гусейнов А.Ш. Психологические предпосылки зарождения и поддержания экстремистского мировоззрения молодежи // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3 (116). С. 120-127.
5. Гусейнов А.Ш., Рябикина З.И., Фоменко Г.Ю., Шиповская В.В. Феномен протестной активности личности: субъектно-бытийная интерпретация // Российский психологический журнал. 2017. № 4 (14). С. 78-96.
6. Знаков В.В., Рябикина З.И. Психология человеческого бытия. М.: Смысл, 2017.
7. Кара-Мурза С.Г. Ценностный разрыв как политическая проблема // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 2. С. 72-83.
8. Леонтьев Д.А. Перспективы неклассической психодиагностики // Психологические исследования. 2010. № 4 (12). URL: <http://psystudy.ru/num/2010n4-12/353-leontiev12>
9. Митина О.В., Сорокина В.В. Ценности старшеклассников: разработка компьютерного диагностического инструментария // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2015. № 1 С. 42-59.
10. Певная М.В. Студенческое волонтерство: особенности деятельности и мотивации // Высшее образование в России. 2015. № 6. С. 81-88.

11. Рябикина З.И., Фоменко Г.Ю. Психология безопасности и интерпретация феномена терроризма в контексте субъектно-бытийного подхода // Материалы V Международной конф. по проблемам безопасности и противодействия терроризму. Т. 1. М.: МЦНМ. 2010. С. 250-253.
12. Семенюк Л.М. Психология гражданской активности: особенности, условия развития: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2007.
13. Фоменко Г.Ю., Рябикина З.И. Психология безопасности личности: субъектно-бытийный подход: монография. Краснодар: КубГУ, 2018.
14. Фоменко Г.Ю. Психологические проблемы женского бесплодия в контексте личностных противоречий (экзистенциальные аспекты) // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 4. С. 17-29.
15. Шамянов Р.М. Социальная активность личности и риски // Известия Саратовского ун-та. 2012. Т. 1. С. 3-7.
16. Шибанкова Л.А., Грузкова С.Ю. Формирование толерантности и гражданской идентичности как условие безопасности обучающихся в поликультурной образовательной среде // Вестник ГБУ «НЦ БЖД». 2015. № 3 (25). С. 81-86.
17. Snaan R.A., Goldberg-Glen R.S. Measuring motivation to volunteer in human services // The Journ. of applied behav. Science. 1991. 27 (3). P. 269-284.
18. Gergen K.J. An Invitation to social construction. (2nd ed.). London: SAGE Publications Ltd., 2009.
19. The values of volunteering: cross-cultural perspectives / Ed. by P. Dekker, L. Halman. New York: Kluwer Academic Publishers, 2003.

Shipovskaya V.V.
Kuban State University
Krasnodar
Guseynov A.Sh.
Kuban State University
Krasnodar

VOLUNTEERING AS A POSITIVE FORMATION FACTOR, SUBJECTIVITY FORM, AND RESOURCE IN OVERCOMING SOCIAL DESTRUCTIONS

Abstract. The article contains a theoretical analysis of altruistic activity as a source of forming a constructive form of subjectivity, positive social reputation and psychological well-being of the individual. It is shown that the implementation of prosocial activity makes it possible to meet existential needs in a fruitful way. It allows you to get involved in a broad social context and influence social processes, which positively affects the self-identity of volunteers. It has been proven that volunteering aimed at pro-social self-realization and ideological innovation can be considered as a subject resource in overcoming acute social contradictions and countering the ideology of extremism.

Keywords: volunteer activity, altruism, existential needs, identity, subjectivity, overcoming contradictions and social destructions.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 18-413-230020.

ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ СО-БЫТИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Алдашева Айгуль Абдулхаевна

Институт психологии РАН

Москва

aigulmama@mail.ru

Понамарева Елена Александровна

ГБУ Центр «Детство»

Москва

psychoan@list.ru

ПРИЕМНОЕ РОДИТЕЛЬСТВО КАК ВИД ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ¹⁰

Аннотация. В статье рассмотрен европейский и отечественный опыт организации приёмных семей. Авторами предпринята попытка обосновать приёмное родительство как вид трудовой занятости. Выделяются предикторы эффективности деятельности приёмных родителей – такие, как: социально-психологическая зрелость, готовность и родительская компетентность, на основании которых предложена социально-психологическая модель отбора приёмных родителей. Обсуждаются основные компоненты социально-психологической модели, объединяющие следующие критерии отбора: знание и понимание потребностей ребёнка-сироты, знания о помогающих действиях, компетентность в вопросах воспитания, личностные свойства и ценностно-смысловая направленность, обеспечивающие успешность социализации ребенка; жизненный опыт и опыт воспитания, мотивационная готовность на помогающее поведение; анализ семейной системы (структура, тип отношений в семье, открытая/закрытая и др.) для прогнозирования успешного вхождения ребёнка в семью и готовность семейной системы к изменениям; отсутствие нежелательных психологических качества личности кандидатов в приёмные родители.

Ключевые слова: приемные родители, критерии подбора приёмных родителей, профессиональный отбор, социально-психологическая модель.

Анализ развития института приёмного родительства показывает, что в европейских странах существуют различные формы организации приёмных семей [8]: 1) родственная забота (о ребёнке заботятся бабушки, дедушки, совершеннолетние братья, сестры, другие родственники); 2) традиционные приемные семьи, воспитывающие ребенка без ОВЗ; 3) специализированные приемные семьи, прошедшие специальную подготовку и способные осуществлять уход за детьми с отклонениями в развитии и нарушениями поведения; 4) профессиональные приемные семьи, прошедшие специальную подготовку и имеющие разрешающий документ на осуществление профессиональной деятельности; 5) кризисные приемные семьи, обеспечивающие временную заботу о ребенке во время кризисной ситуации в биологической семье; 6) приемные семьи, оказывающие кратковременную помощь семьям с детьми с ОВЗ и потребностью в постоянном уходе. Одновременно в стране могут существовать несколько альтернативных форм принятия детей на воспитание в семью.

В каждой стране существует некоторый набор обязательных требований к тем, кто решил организовать приёмную семью. Так, например, необходимость специальных знаний,

¹⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00118а.

как минимум, у одного члена семьи (Финляндия), в Польше – наличие среднего специального образования, предпочтение отдаётся людям с высшим образованием. В Словении и Венгрии критерием выступает возраст претендентов, а в Венгрии и Сербии отсутствие криминального прошлого. Нидерланды и Шотландия основывают выбор приёмных родителей на состоянии здоровья претендента, дееспособности, знаниях и умениях удовлетворять потребности приемного ребенка, в Австрии обязательно финансовое благополучие семьи, а в Шотландии предполагается наличие хороших рекомендаций. Как правило, в странах существует обучение как кандидатов, так и действующих приёмных родителей. Программы варьируют от обязательных 24 часов (Финляндия) до 300 часов (Франция, Венгрия).

В некоторых странах за свою работу приемные родители получают вознаграждение, в частности в Швеции, заработную плату и социальный пакет (Нидерланды, Франция, Польша, Словения, Шотландия и др.), сохранение рабочего стажа (Сербия). Государственная социальная политика большинства европейских стран предусматривает возмещение расходов на содержание ребенка, налоговые льготы, юридическую помощь, отпуск, больничный лист по уходу за больным ребенком. Как правило, приемные родители обязаны сотрудничать с социальными службами, учреждениями и местными органами власти, проводящими мониторинг состояния и функционирования приемных семей [3; 8].

В России столетиями формировалась система воспитания детей, оставшихся без попечения в приёмных семьях. Конституция, федеральные законы, законы субъектов РФ и подзаконные нормативно-правовые акты являются основными регуляторами деятельности опекунов, попечителей и приёмных родителей.

В юридической литературе приёмная семья определяется как некая гибридная форма, суррогатная семья, объединяющая в себе характеристики попечительства и усыновления, решающие воспитательные и правовые задачи [2; 5]. В.А. Цветков считает, что «приемная семья – это временная, профессиональная, семейная форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей, предусматривающая оплату труда приемных родителей (супругов или отдельных граждан, взявших детей на воспитание) и государственное содержание детей» [7]. При этом в России официально не существует понятие «профессиональная приёмная семья». Попечительство над ребенком происходит по договору, заключенному между опекунами, попечителями, приемными родителями и государством, в лице органа опеки и попечительства. Договор определяет обязанности сторон, предметом которого является обеспечение прав ребенка на образование, содержание и воспитание.

Вопрос о выделении профессиональной приёмной семьи или профессиональной деятельности «приёмный родитель» в настоящее время остается открытым в части правового обоснования. Хотя анализ интервью кандидатов в приемные родители и приёмных родителей показывает наличие в личной истории у значительного числа респондентов опыта предпринимательской деятельности, что является индикатором направленности человека на самоорганизацию своей трудовой занятости. Можно предположить, что организация приёмной семьи для некоторых участников интервью рассматривается, как форма самозанятости. Как известно, «самозанятость» – это трудовая активность человека, направленная на получение вознаграждения непосредственно от заказчика, оказание услуги для личных, домашних и/или иных подобных нужд, без привлечения наемных работников. В российском законодательстве принятие детей сирот под опеку (приёмная семья) рассматривается как форма предоставления государству услуг по воспитанию, т. е. заказчиком выступает государство [6]. Из этого следует, что государство определяет условия и качество

услуг, критерии подбора исполнителей, способных обеспечить безопасное пространство и соблюдение прав ребенка-сироты.

Социально-психологические критерии подбора приёмных родителей.

Опыт оценки участников пилотного проекта города Москвы по имущественной поддержке семей, принявших на воспитание по договорам о приёмной семье детей старшего возраста и (или) детей-инвалидов, позволил разработать структурно-уровневую модель оценки готовности кандидатов в приёмных родители [1], позволил апробировать социально-психологическую модель подбора приёмных родителей.

Основываясь на представлении, что эффективность деятельности приёмных родителей обеспечивается наличием социально-психологической зрелости, готовности и родительской компетентности, готовность приёмного родителя базировалась на фундаменте индивидуально-личностного подхода. Ориентация человека на помогающее поведение являлась системообразующим критерием в деятельности. Согласно Е.А. Климову, в социономической профессии личность выступает инструментом и средством, обеспечивающим качество деятельности [4].

Оценка готовности кандидатов в приёмных родители предполагает анализ следующих компонентов:

1. Наличие у кандидата понимания потребностей ребёнка-сироты, знаний помогающих действий, обеспечивающих успешность социализации ребенка.

2. Личностные качества, опыт воспитания и мотивационная готовность на помогающее поведение.

3. Структурно-уровневый анализ семейной системы для прогнозирования успешного вхождения ребёнка в семью и готовность семейной системы к изменениям.

4. Определение нежелательных психологических качеств кандидата – таких, как: агрессивность (аффективная форма состояния человека, использующего насильственные методы в достижении цели), безразличие (безучастное отношение к кому-либо и\или к чему-либо, равнодушие), бесцеремонность (игнорирование, пренебрежение психологическими границами другого человека, эгоизм), неуравновешенность (импульсивность и вспыльчивость характера отсутствие самоконтроля), жертвенность (устойчивое свойство личности, оценивающей себя как заложника обстоятельств), категоричность (склонность проявлять негибкость, закрытость к чужим суждениям и абсолютную уверенность в истинности собственных, выражать в твердой интонации позицию, декларирующую невозможность другого мнения по данному вопросу), отсутствие необходимых навыков общения, обеспечивающих взаимодействие с приёмным ребёнком как субъектом воспитания [1].

Таким образом, социально-психологическая модель подбора приёмных родителей помимо компонентов профессиональной готовности включает институты сопровождения приёмной семьи, среди которых важное место занимает профессиональная подготовка не только в рамках ШПР, но и постоянное обучение, а также социально-психологическое сопровождение организациями, оказывающими профессиональные, консультативные, юридические услуги и другими учреждениями поддержки семей, принявших ребенка (детей) на воспитание.

Библиографический список

1. Алдашева А.А., Пономарева Е.А., Сапожникова Т.Н. Структурно-уровневая модель оценки готовности кандидатов в приёмные родители // Актуальная психология. Научный вестник ЕГУ. 2019. Т. 2 (5). С. 68-73.
2. Антокольская М.В. Семейное право: учебник. М., 2004.

3. Бессчетнова О.В. Становление института приемной семьи в отечественной и европейской социальной практике // Известия Саратовского ун-та. Серия: Социология. Политология. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 5-12.
4. Климов Е.А. Психология профессионала: Избранные психологические труды. М.; Воронеж, 1996.
5. Нечаева А.М. Семейное право: Курс лекций. М., 2000. С. 314-315.
6. Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» от 24.04.2008 № 48-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/
7. Цветков В.А. Приемная семья как форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей, по законодательству Российской Федерации: Автореф. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.
8. Eurochild. Children in alternative care // National Surveys. 2010. 2nd Edition January. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0145213416302873>

Aldasheva A.A.

Institute of Psychology of the Russian Academy of Science
Moscow

Ponamareva E.A.

Center «Childhood»
Moscow

FOSTER PARENTING AS A TYPE OF EMPLOYMENT

Abstract. The article considers the European and domestic experience of organizing foster families. The authors attempt to justify foster parenthood as a type of employment. Predictors of the effectiveness of foster parents' activities, such as socio-psychological maturity, readiness and parental competence are identified. On the basis of these predictors, a socio-psychological model for selecting foster parents is proposed. Discuss the essential components of the socio-psychological model that combines the selected criteria. The criteria are the follows: knowledge and understanding of the needs of orphans, knowledge of a helpful action competence in education, personal qualities and value-semantic orientation to ensure the success of the socialization of the child. It is important to see the life experience and education, motivational readiness on helping behavior. Socio-psychological model also includes analysis of family system (structure, type of family relationships, open/closed, etc.) to predict successful entry of the child into the family and the family's readiness to change. The other criteria is absence of undesirable psychological qualities of the personality of candidates for foster parents.

Keywords: foster parents, criteria for choosing foster parents, professional selection, socio-psychological model.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 18-013-00118a.

Арчакова Татьяна Олеговна
Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко
Москва
tatyana.archakova@gmail.com
Гарифулина Эльвира Шамильевна
Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко
Москва
egarifulina@timchenkofoundation.org

ДОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД И «ГОЛОС» ЧЛЕНОВ ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЕЙ КАК ОСНОВА ИХ КАЧЕСТВЕННОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье представлены основные проблемы и перспективы внедрения доказательного подхода в сфере детства в РФ. Рекомендации по учету мнения благополучателей как важной составляющей доказательной практики проиллюстрированы примерами прикладных и оценочных исследований с участием замещающих родителей и их приемных детей.

Ключевые слова: доказательный подход в социальной сфере, социальная практика с доказанной эффективностью, сопровождение замещающих семей, участие детей, оценка и мониторинг.

Доказательные практики в социальной сфере и, в частности, в области защиты детства «выросли» на фундаменте доказательной медицины. В мировой практике доказательный подход в социальной сфере развивается в течение 20 лет.

Под социальной практикой мы понимаем систему взаимосвязанных действий, направленных на достижение позитивных изменений (социальных результатов) в жизни конкретных благополучателей¹¹. Социальная практика может быть компактной и мануализированной, т. е. пошагово прописанной для исполнителя (например, тренинг по развитию родительских компетенций, состоящий из нескольких встреч, которые ведущий проводит в соответствии с текстом руководства), но чаще представляет собой целый комплекс долгосрочных психологических, социальных, правовых услуг, адресованный не только ребенку, но и лицам из его социального окружения.

Подход, основанный на систематическом поиске обоснований и применении исследовательских методов для разработки практики, изучения ее влияния и поиска аргументов, свидетельствующих, что комплекс осуществляемых в рамках практики действий действительно приводит к желаемым изменениям, в международном опыте принято называть «доказательным» (evidence-based). Если речь идет не о разработчиках, а о пользователях практики, доказательный подход требует от них искать наилучшие из доступных свидетельств и использовать их на практике с учетом собственного профессионального опыта, а *также взглядов и ценностей их благополучателей.*

За рубежом, а с недавнего времени – и в РФ, создаются реестры практик, основанные на доказательном подходе. Практики включаются в них на основе определенных критериев «доказательности», и это открывает для них новые возможности тиражирования и поиска

¹¹ Чаще всего социальные практики оформляются как программы и проекты в некоммерческих организациях или как направления деятельности структурных подразделений государственных организаций. В данной публикации мы будем использовать термин «практика», чтобы избежать организационных вопросов.

финансирования. Реестры полезны и другим стейкхолдерам: они позволяют начинающим организациям искать достоверную информацию о существующем опыте, государственным и частным донорам – поддерживать практики, которые приносят ожидаемые результаты, благополучателям – самостоятельно находить сведения об ожидаемом качестве услуг [3].

Анализ миссий и целей нескольких крупных реестров позволил выделить основные мотивы, стимулирующие участников социальной сферы использовать доказательный подход: желание (1) повысить эффективность достижения позитивных изменений в жизни целевых групп практики; (2) проверить и подтвердить, что та или иная практика «работает»; (3) добиться более широкого распространения и внедрения эффективной практики.

Возможно, более точным термином для доказательного подхода в социальной сфере является «учитывающий доказательства» (evidence-informed), потому что в реальной практике речь идет о методе, не «подкрепленном наилучшими доказательствами», а об оптимальном из фактически доступных, а также о «фильтрации» неадекватных методов, вообще не имеющих эмпирически подтвержденных оснований [7].

«Золотым стандартом» поиска доказательств в медицине являются рандомизированные контролируемые исследования (РКИ), а в социальной сфере – смешанные методы, включающие множественные количественные замеры (например, психологические тесты или индексы благополучия) «до и после» в комбинации с подходящими качественными методами (например, глубинными интервью или фото-историями). Требования к дизайну исследования в социальной сфере являются более гибкими, учитывая «отношенческий» характер социальной практики и субъективную природу многих социальных результатов, таких как повышение уровня благополучия или улучшение детско-родительских отношений.

Еще одним источником свидетельств об эффективности социальных практик являются оценка и мониторинг. Мониторинг – это систематический сбор информации о значениях заранее выбранных показателей для получения сведений о том, в какой степени достигаются поставленные цели и как используются ресурсы, выделенные на программу. Оценка – аналитическая процедура, направленная на вынесение обоснованного суждения о программе и представляющая собой прикладное исследование, отвечающее на содержательные вопросы о содержании практики (Что у нас действительно получается, а что – нет? Почему? Каковы результаты нашей практики, в т. ч. незапланированные и / или негативные?).

Для организаций сферы детства в РФ доказательные практики – новый вызов и новая область развития. Как показал анализ практик грантополучателей конкурса «Семейный Фарватер» Фонда Тимченко, в большинстве случаев сбор доказательств в этих практиках носит эпизодический характер и ориентирован на первичные доказательства (мнения сотрудников, непосредственные результаты – например, количество оказанных услуг). Реже собираются доказательства более высокого уровня, относящиеся к области социальных результатов и социально-экономической эффективности. Только 1/3 организаций из выборки указали, что используют измерения «до и после» [2].

Повышению уровня доказанности практик в российских организациях препятствуют такие системные факторы, как *недостаток ресурсов* (кадровых, методических, временных, финансовых); *отрыв науки от практики* – взаимная разобщенность исследователей, которые не всегда задумываются о потенциальной прикладной ценности своей работы, и практиков, не всегда видящих необходимость исследований; *недостаточная клиентоориентированность* в социальной сфере. Большинство организаций признают важность диалога с благополучателями, но собирают обратную связь только для понимания потребностей своего благополучателя и оценки качества услуг. На уровне совместного

принятия решений и разделения ответственности с благополучателями пока работают единичные организации [4].

Преодолеть часть проблем позволяет организационная «культура участия», то есть активное включение всех сотрудников и благополучателей в процессы сбора обратной связи, планирования и проектирования работы, постановки задач развития, в том числе, по внедрению новых практик или изучению того, что работает в существующих. Работая в сфере детства, важно думать о конечных благополучателях – о детях – как об активных субъектах и партнерах и о родителях – как об экспертах *по своим детям*.

Методология **партисипаторных (participatory) и коллаборативных исследований (collaborative)** подразумевает сотрудничество всех участников (включая детей) в работе над всеми аспектами исследования¹². Такой подход позволяет описать социальные результаты не только отдельных практик в социальной сфере, но и общественных институтов, таких как приемная семья. В 2015–2017 гг. Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко проводил Всероссийский конкурс дневников приемных семей «Наши истории», в разработке дизайна и проведении которого участвовали приемные семьи – благополучатели фонда.

Анализ 238 автобиографических текстов, написанных воспитанниками и выпускниками приемных семей, позволил описать типичные биографические траектории воспитанников приемных семей как этапы перехода к взрослой жизни, а также барьеры, которые им приходится преодолевать, и ресурсы, на которые они опираются. Что дала приемная семья с точки зрения детей? Опыт отношений, самостоятельность, тепло и любовь, поддержку и опору, спокойствие и уверенность, помощь в выборе будущей профессии, увлечения и хобби, умение радоваться и быть счастливым. Здесь мы видим как объективно измеримые результаты, так и относящиеся к сфере субъективного благополучия, недоступные для оценки без учета перспективы детей «от первого лица» [6].

Анализ 469 письменных нарративов приемных родителей позволил описать, что они сами понимают под «приемным родителем» и какие стратегии используются для объяснения своего выбора данной модели родительства. Авторы анализируемых нарративов подчеркивают морально-этические аспекты приемного родительства (любовь, альтруизм) и «родительский труд», не акцентируя материальные аспекты своей деятельности. Приемные родители заинтересованы в нормализации и легитимации этого типа родительства как социально одобряемого и отвечающего ожиданиям общества. Основные желаемые изменения представлений о приемном родителе у широкой общественности и специалистов, с их точки зрения, – «доброжелательное отношение» и «поддержка окружения» [5].

В качестве примера **участия семей и детей в мониторинге и оценке** создания системы социальных результатов и их показателей для мониторинга практики можно привести оценку влияния проекта «Семейный букет» на приемных детей. Дети-подростки от 9 до 17 лет из замещающих семей и их наставники – молодые люди от 19 до 22 лет – участвовали в обсуждении целей проекта, его ценности для детей, наставников и специалистов; апробировали и корректировали исследовательский инструментарий и проходили подготовку на семинаре по развитию исследовательских навыков. Исследование проводилось в формате

¹²Подробнее о сильных сторонах такого подхода и о результатах недавних российских исследований практик в сфере детства, проводившихся с участием детей в рамках конкурса Фонда Тимченко «Голос ребенка: дети как эксперты опыта» (2018-2019 гг.), см. в Арчакова Т.О., Гарифулина Э.Ш. *Дети в роли исследователей, оценщиков и соавторов социальных практик: опыт конкурса «Голос ребенка: дети как эксперты опыта» // Детские инициативы – путь в будущее. – М.: Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 2019. – М. Издательство «Перо», 2019. – С. 56-76. <https://fond-detyam.ru/pechatnye-izdaniya-fonda/15549/#pdf-document-0>*

фокус-группы, включая: «Динамическое анкетирование» – оценку проекта по различным критериям, короткие вопросы / ответы о проекте; «Самое важное изменение» (описать / нарисовать, рассказать); «Карта заинтересованных сторон»; карточки «Дерево мечты (целей)». Оно позволило включить мнение детей в уже существовавшую систему мониторинга в качестве еще одного источника данных. Показатели, сформулированные и оцениваемые специалистами, например, «Количество детей, у которых улучшились детско-родительские отношения между приемными детьми и приемными родителями» раньше соотносились с ответами родителей на анкетирование («больше времени стали проводить вместе с детьми», «узнали новое о своих детях», «в семье стало меньше конфликтов»), а теперь – и с оценками детей («Мои родители стали лучше меня понимать»; «Я стал чаще проводить время со своими родителями») [1].

Выводы.

Применение доказательного подхода, оценки и мониторинга позволяют принимать обоснованные, оптимальные решения относительно использования той или иной практики в сфере детства, опираясь на достоверные данные о том, в какой мере ее реализация приводит к достижению социальных результатов. Но без налаженной обратной связи и активного вовлечения членов замещающих семей, в том числе детей, нельзя разработать или внедрить практику психологического сопровождения с доказанной эффективностью, как и создать доверительную атмосферу и мотивацию на позитивные изменения в семейных отношениях. Психологическое сопровождение не может сводиться только к психодиагностике и директивным предписаниям тех или иных «эффективных» методов работы со специалистом – сопровождение требует партнерства.

Библиографический список

1. Горбунова Л.М., Подкладова Т.Д., Балакирев В. Оценка влияния проекта «Семейный букет» на приемных детей: взгляд детей – участников проекта. ООШРТО «Рука в руке», 2019. URL: <http://deti.timchenkofoundation.org/wp-content/uploads/Рука-в-руке.pdf>
2. Каких практик в области доказательности придерживаются организации. URL: <http://ep.org.ru/?p=5292>
3. Реестры на основе доказательного подхода: обзор международного опыта. М.: АНО «Эволюция и Филантропия», 2018. URL: http://socialvalue.ru/wp-content/uploads/2018/04/%D0%A0%D0%B5%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%80%D1%8B_evidence-based.pdf
4. Сбор и анализ обратной связи от благополучателей. Практики СО НКО. М.: АНО «Эволюция и филантропия», 2019. URL: https://socialvalue.ru/wp-content/uploads/2019/05/sbornik_2019_final_print.pdf
5. Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л., Гарифулина Э.Ш. Мотивы и практики создания приемных семей (анализ нарративов) // Социологические исследования. 2020. Т. 46. № 2. С. 74-83.
6. Шпаковская Л.Л., Чернова Ж.В., Гарифулина Э.Ш. «В тот день, когда мы впервые встретились...»: барьеры и ресурсы успешного перехода к взрослости воспитанников приемных семей // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2019. Т. 11. № 19. С. 19-37.
7. Miles A., Loughlin M. Models in the balance: evidence-based medicine versus evidence-informed individualized care // Journal of Evaluation in Clinical Practice. 2011. № 17. P. 531-536.

Archakova T.O.
Elena and Gennady Timchenko Charitable Foundation
Moscow
Garifulina E.Sh.
Elena and Gennady Timchenko Charitable Foundation
Moscow

THE EVIDENCE-BASED APPROACH AND THE "VOICE" OF SUBSTITUTE FAMILY MEMBERS AS THE BASIS FOR HIGH-QUALITY PSYCHOLOGICAL SUPPORT

Abstract. The article presents the main problems and prospects of implementing an evidence-based approach in the field of childhood in the Russian Federation. Recommendations for taking into account the opinion of beneficiaries as an important component of evidence-based practice are illustrated by examples of applied and evaluative research involving substitute parents and their adopted children.

Keywords: evidence-based approach in the social sphere, social practice with proven effectiveness, support for substitute families, participation of children, assessment and monitoring.

Асламазова Лилия Артуровна
Адыгейский государственный университет
Майкоп

lily.aslamazova@gmail.com

Мухамедрахимов Рифкат Жаудатович
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург
rjm@list.ru

ПОКАЗАТЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ У ПРИЕМНЫХ ДЕТЕЙ ДО И ПОСЛЕ УЧАСТИЯ В ПРОГРАММЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА¹³

Аннотация. В настоящей статье представлено исследование, направленное на изучение особенностей поведения приемных детей (здоровых и с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ)) до и после участия их семей в программе вмешательства, базирующейся на методологии поддержки взаимодействия между детьми и родителями. Выборку составили 326 детей (201 ребенок из замещающих семей; 125 – из биологических семей). Исследование проводилось с помощью методики оценки негативных проявлений поведения привязанности (К. Reber). В результате отмечается, что у приемных детей (как здоровых, так и с ОВЗ) негативные проявления поведения уменьшились после участия их семей в программе вмешательства, однако снижение среднегрупповых значений поведенческих нарушений происходит при средней и максимальной степени участия семей в программе, но не при минимальной. Полученные результаты подтверждают тезис о чрезвычайной важности привлечения замещающих семей в работу служб сопровождения и обеспечения их стабильного участия в предлагаемых мероприятиях.

Ключевые слова: дети, опыт институционализации, показатели поведения, программа вмешательства, замещающая семья.

Опыт институционализации оказывает существенное влияние на детское развитие в виде возникновения различных нарушений в психическом здоровье [4; 5], а также в поведении привязанности [7]. Перевод детей из условий интернатного учреждения в условия замещающей семейной заботы хоть и способствует позитивным изменениям в состоянии воспитанников [10], однако не может полностью устранить такие проявления, как социальные трудности, экстернализация [4], неразборчивое дружелюбие [1], что существенно осложняет выстраивание отношений между приемными детьми и замещающими родителями. Вместе с тем, есть данные о том, что применение в практике сопровождения семей научно обоснованных программ помощи, ориентированных на формирование отношений привязанности в диаде «родитель – ребенок», дает ощутимые положительные сдвиги в поведении приемных детей как раннего [3], так и более старшего возраста [8].

В отечественной литературе отмечается нехватка исследований возможных изменений поведения детей с опытом институционализации, семьи которых включены в программы психологического сопровождения. Отсутствуют данные о том, как изменяется поведение приемных детей в зависимости от интенсивности участия их семей в сопровождении, а также от наличия у воспитанников тех или иных проблем со здоровьем и развитием.

¹³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00249/20 «Изучение нейрогуморальных показателей развития у детей младенческого и раннего возраста, воспитывающихся в замещающих семьях».

Настоящее исследование проводилось с целью изучения особенностей поведения у приемных детей (здоровых и с нарушениями развития) до и после участия их семей в программе вмешательства.

Исследование проводилось на базе Службы сопровождения замещающих семей ГБУ РА «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи», г. Майкоп, Республика Адыгея. Выборку составили 326 детей, из которых: 201 ребенок, имеющий опыт проживания в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и принятый на воспитание в замещающие семьи (100 мальчиков и 101 девочек; 108 здоровых детей, 93 – с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ)); 125 детей, воспитывающихся в семьях своих биологических родителей (59 мальчиков и 66 девочек; 65 здоровых детей, 60 – с ОВЗ). Все приемные дети были распределены по трем подгруппам в зависимости от активности участия их семей в сопровождении (1 – минимальная, 2 – средняя, 3 – полная степень участия).

Служба сопровождения предлагала всем замещающим семьям принять участие в программе вмешательства, состоящей из четырех модулей, объединенных общей методологией поддержки взаимодействия и формирования привязанности детей с опытом институционализации и приемных родителей: 1) сопровождение семьи в период знакомства с ребенком и установления с ним контакта; 2) сопровождение начального этапа формирования взаимодействия замещающих родителей и приемного ребенка; 3) поддержка развивающихся отношений между приемным ребенком и замещающими родителями, сопровождение процесса углубления привязанности; 4) перевод семьи в систему сопровождения сообществом замещающих родителей Республики Адыгея, в частности, созданным на базе службы сопровождения Клубом замещающих семей.

Для проведения исследования использовалась методика оценки негативных проявлений поведения привязанности (Attachment Disorder Checklist) (K. Reber) [6].

Полученные данные анализировались с использованием критерия Хи-квадрат, дисперсионного анализа (ANOVA), коэффициента корреляции Спирмена (r), одномерного ковариационного анализа (ANCOVA) и многомерного анализа (MANCOVA). Расчеты проводились с использованием программного комплекса SPSS Inc.

Анализ результатов исследования показал наличие значимых изменений в негативных проявлениях поведения у приемных детей после участия их семей в программе вмешательства. В результате сравнений было обнаружено, что среднегрупповые значения общего балла проявлений нарушений поведения у приемных детей выше, чем у детей из биологических семей, в т. ч. вне зависимости от степени участия замещающих семей в программе вмешательства. Так, для здоровых приемных детей значения общего балла равны 8.2 ± 3.36 при минимальном участии в программе, 5.3 ± 1.69 – при среднем, 3.0 ± 2.03 – при полном участии; для приемных детей с нарушениями в развитии – 9.9 ± 3.04 при минимальном участии семей в программе; для здоровых детей из биологических семей – 1.8 ± 1.74 , для детей с ОВЗ из биологических семей – 8.0 ± 3.14 ($0.001 < p < 0.01$). Результаты также показывают, что в замещающих семьях среднегрупповые значения негативных проявлений поведения у детей выше и по областям поведения привязанности – социальной, эмоциональной и познавательной, чем в семьях биологических родителей: для здоровых приемных детей выше во всех областях (при $p \leq 0.001$); для приемных детей с ОВЗ – только в социальной и эмоциональной областях (при $p < 0.01$).

Изучение общего влияния программы вмешательства на поведение детей показало, что после участия в программе негативные проявления снижаются по всем областям

(поведенческой, социальной, эмоциональной и познавательной) как у здоровых детей, так и у детей с ОВЗ в замещающих семьях, что соотносится с данными о положительном влиянии программ сопровождения на психическое развитие и поведение приемных детей [5; 8]. Вместе с тем, у приемных детей с ОВЗ после участия их семей в программе вмешательства отмечается сохранение более высоких значений негативных поведенческих проявлений, что согласуется с данными о большей выраженности нарушений в поведении и в отношениях с родителями у детей с особыми потребностями по сравнению с детьми с нормативным развитием [2].

Полученная в данном исследовании информация о том, что изменения показателей поведения наблюдаются у приемных детей только при средней и высокой степенях участия их семей в программе вмешательства, подтверждает тезис о чрезвычайной важности не только привлечения семей в работу служб сопровождения, но и обеспечения их стабильного участия в предлагаемых мероприятиях. Стоит отметить, что при внедрении научно обоснованных программ в практику сопровождения одними из самых актуальных задач являются: сохранение семей в предлагаемых программах помощи [9], а также, согласно проведенному исследованию, повышение интенсивности участия в них. Представляется необходимым принимать во внимание данный вопрос как в период подготовки потенциальных замещающих родителей, так и в период осуществления всех мероприятий по сопровождению действующих замещающих семей, начиная с начального этапа установления отношений между семьями и специалистами служб поддержки.

Таким образом, в результате настоящего исследования было установлено, что у приемных детей (как здоровых, так и с нарушениями развития) негативные проявления поведения уменьшаются после участия их семей в программе вмешательства, однако снижение среднегрупповых значений нарушений поведения отмечается при средней и максимальной степени участия семей в программе, но не при минимальной; вместе с тем, у приемных детей наблюдается более высокий уровень негативных поведенческих проявлений после участия в программе вмешательства по сравнению с детьми, проживающими в семьях своих биологических родителей.

Библиографический список

1. Агаркова В.В., Мухамедрахимов Р.Ж. Особенности наблюдаемого поведения детей в возрасте 5-8 лет с опытом и без опыта институционализации // Психология – наука будущего: Материалы VII Международной конференции молодых ученых (14-15 ноября 2017 г., Москва) / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2017. С. 20-24.
2. Brown J.D., Rodger S. Children with disabilities: Problems faced by foster parents // Children and Youth Services Review, 2009. Vol. 31. P. 40-46.
3. Dozier M., Peloso E., Lindhiem O., Gordon M.K., Manni M., Sepulveda S., Ackerman J., Bernier A., Levine S. Developing evidence based interventions for foster children: An example of a randomized clinical trial with infants and toddlers // Journal of Social Issues, 2006. Vol. 62. P. 767-785.
4. Muhamedrahimov R.J., Agarkova V.V., Vershnina E.A., Palmov O.I., Nikiforova N.V., McCall R.B., Groark C.J. Behavior problems in children transferred from a socioemotionally depriving institution to St. Petersburg (Russian Federation) families // Infant Mental Health Journal, 2014. Vol. 35. № 2. P. 111-122.

5. Nelson Ch.A., Fox N.A., Zeanah Ch.H. Romania's Abandoned Children: Deprivation, Brain Development, and the Struggle for Recovery. Cambridge, MA, USA: Harvard University Press, 2014.
6. Reber K. Children at Risk for Reactive Attachment Disorder: Assessment, Diagnosis and Treatment // Progress: Family Systems Research and Therapy, 1996. Vol. 5. P. 83-98.
7. Rutter M., Beckett C., Castle J., Colvert E., Kreppner J., Mehta M., et al. Effects of profound early institutional deprivation: An overview of findings from a UK longitudinal study of Romanian adoptees // Wrobel G., Neil B. (eds.) International advances in adoption research for practice. Chichester, UK: John Wiley & Sons, 2009. P. 147-168.
8. Smyke A.T., Zeanah C.H., Fox N.A., Nelson C.A., & Guthrie D. Placement in foster care enhances quality of attachment among young institutionalized children // Child Development, 2010. Vol. 81. P. 212-223.
9. Tully L.A., Hunt C. Brief parenting interventions for children at risk of externalizing behavior problems: A systematic review // Journal of Child and Family Study, 2017. Vol. 25. P. 705-719.
10. Van IJzendoorn M.H., Juffer F. Adoption as intervention: Meta-analytic evidence for massive catch-up and plasticity in physical, socio-emotional and cognitive development // Journal of Child Psychology and Psychiatry, 2006. Vol. 47. P. 1228-1245.

Aslamazova L.A.
 Adyghe State University
 Maykop
Mukhamedrakhimov R. Zh.
 Saint-Petersburg State University
 Saint-Petersburg

FOSTER CHILDREN BEHAVIOR INDICATORS BEFORE AND AFTER PARTICIPATION IN THE INTERVENTION PROGRAM

Abstract. This article presents a study designed to study the behavior of foster children (healthy and with disabilities (HIA)) before and after their families participated in an intervention program based on a methodology which supported interaction between children and parents. The sample consisted of 326 children (201 children from substitute families; 125 from biological families). The study was conducted using the method of assessing negative manifestations of attachment behavior (K. Reber). The result is that in adopted children (both healthy and with disabilities) negative manifestations of behaviour had decreased after participation in an intervention program. However, the decrease occurred in the mean values of behavioral disorders at middle and higher levels of participation of families in the program, but not in the minimal. The results confirm the thesis that it is extremely important to involve substitute families in the work of support services and to ensure their stable participation in the proposed activities.

Keywords: children, institutionalization experience, behavioral indicators, intervention program, substitute family.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20-013-00249/20.

Богомолова Екатерина Ильинична
Кубанский государственный университет
Краснодар
Bogomolova_kate@bk.ru
Лихтенштейн Татьяна Николаевна
Кубанский государственный университет
Краснодар
tanya.kybggy@mail.ru

ОБРАЗ МИРА И СТИЛЬ КОНФЛИКТНОГО ПОВЕДЕНИЯ У МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Конфликты являются неотъемлемой частью бытия человека в социуме. В связи с этим навыки управления конфликтами являются важным инструментом в арсенале его межличностной коммуникации. Стиль конфликтного поведения обусловлен структурными характеристиками образа мира личности. Изучив ценностные ориентации личности, мы получим более глубокое понимание ориентиров личности, лежащих в основе его поведения в конфликте. В результате обнаружены показательные данные. Для испытуемых со стилем конфликтного поведения "Соперничество" значимыми ценностями являются "Материально обеспеченная жизнь" и "Независимость". Для испытуемых со стилем поведения "Сотрудничество" значимые ценности - "Жизненная мудрость" и "Активная деятельная жизнь", "Рационализм" и "Твердая воля". Для испытуемых, предпочитающих стиль "Компромисс", значимой ценностью является "Любовь". Стиль конфликтного поведения "Приспособление" взаимосвязан с ценностями "Семейная жизнь" и "Чуткость". Есть основание заключить, что стиль конфликтного поведения определяется структурными особенностями сформировавшегося у личности образа мира.

Ключевые слова: образ мира, ценностные ориентации, смысложизненные ориентации, событие, конфликт, стиль конфликтного поведения.

Современное общество характеризуется как нестабильная, стрессогенная среда, в условиях которой человек сталкивается с конфликтными ситуациями. Развитие навыков управления конфликтом – важный запрос как со стороны отдельно взятого индивида, так и любого социального института, организации, общества. Именно молодые люди чаще всего оказываются втянуты в конфликтное взаимодействие.

При изучении конфликтов принято использовать подход анализа конфликтной ситуации, в особенности ее восприятия со стороны участников. Однако, мы предполагаем, что такой подход является неполным. Утверждая это, мы опираемся на труды Леонтьева А.Н. [3], Петухова В.В. [4], Смирнова С.Д. [5] и их теорию о том, что любой образ, даже образ конфликтной ситуации определяется прежде всего образом мира человека. Такой подход к проблеме конфликтов ранее не использовался, поэтому наша работа позволит составить базу для дальнейших исследований, что обуславливает ее актуальность.

Мы предположили, что стиль конфликтного поведения молодежи определяется структурными характеристиками существующего образа мира. Согласно А.Н. Леонтьеву, именно образ мира влияет на процесс построения любого другого образа в сознании индивида [2]. В этой связи при изучении особенностей восприятия человеком конфликтной ситуации и предпочитаемых стилей поведения в ней необходимо прибегать к исследованию специфики его образа мира.

К. Томас выделяет следующие способы урегулирования конфликтов (стили конфликтного поведения):

1. «Уклонение» подразумевает уход, игнорирование, избегание конфликта, неготовность к кооперации.

2. «Приспособление» – стремление уступать, смягчать, сглаживать конфликтную ситуацию иногда за счет своих интересов.

3. «Конфронтация» – соперничество, ориентированность на реализацию собственных интересов, желаний и потребностей и игнорирование потребностей другой стороны.

4. «Сотрудничество» – ориентированность на поиск оптимального решения для обеих сторон.

5. «Компромисс» – соглашение, достигнутое путем взаимных уступок [1].

Более полное представление о предпочитаемых стилях конфликтного поведения в межличностном взаимодействии возможно сформировать, изучив ценностные ориентации личности как основы ее образа мира: на что человек ориентируется в жизни, чем руководствуется при определении стратегии своего поведения и т. д.

В качестве инструментов, направленных на исследование ядерного слоя образа мира, состоящего из ценностных ориентаций и смысложизненных ориентаций, были отобраны:

1. Тест «Смысложизненные ориентации» (методика СЖО) Д.А. Леонтьева с целью исследования представлений человека о насыщенности и осмысленности его жизни;

2. Методика Рокича «Ценностные ориентации», позволяющая исследовать отношение личности к окружающему миру, к другим людям, к себе самой. Для диагностики стилей конфликтного поведения применен тест Томаса-Килменна «Типы поведения в конфликте».

Целевую выборку исследования составили 40 человек в возрасте от 18 до 30 лет (20 юношей и 20 девушек).

Обнаружены показательные данные и значимые коэффициенты корреляции Спирмена между стилями конфликтного поведения и ценностями личности.

Для молодежи с преобладающим стилем конфликтного поведения «Соперничество» значимыми оказались ценности «Материально-обеспеченная жизнь» ($r = -0,36$ – умеренная, обратная корреляционная связь) и «Независимость» ($r = -0,41$ – умеренная, обратная корреляционная связь). Если человек склонен отстаивать свою точку зрения, зачастую пренебрегая мнением и потребностями другого, нацелен на то, чтобы добиться желаемого результата, то, как правило, для него наиболее важным в конфликтной ситуации является собственный интерес и ощущение своей независимости. Такой образ мира можно описать как материалистичный, когда другие люди воспринимаются как средство достижения целей.

Незначимыми оказались ценности «Счастливая семейная жизнь» ($r = 0,41$ – умеренная, прямая корреляционная связь) и «Чуткость» ($r = 0,44$ – умеренная, прямая корреляционная связь). Молодежь, склонная к соперничеству в конфликте, воспринимает семейную жизнь как незначимую цель индивидуального существования. Поиск спутника жизни и создание с ним прочных отношений – не существенная задача на данный момент. Инструментальная ценность «Чуткость», которая является сама собой альтруистичной, данной категорией людей определяется как незначимая. Молодые люди, склонные к «Соперничеству», не высоко ценят отношения, не готовы принимать другого человека со всеми его особенностями, недостатками и сильными сторонами.

Молодежь со стилем конфликтного поведения «Сотрудничество» выбирались следующие терминальные ценности: «Жизненная мудрость» ($r = -0,37$ – умеренная, обратная корреляционная связь) и «Активная деятельная жизнь» ($r = -0,34$ – умеренная, обратная

корреляционная связь). Это свидетельствует о том, что эмоциональная наполненность жизни, а также зрелость суждений являются ценностями, вокруг которых стоит строить собственную жизнь и к чему следует стремиться. Инструментальные ценности «Аккуратность» ($r = 0,4$ – умеренная, прямая корреляционная связь) и «Чуткость» ($r = 0,34$ – умеренная, прямая корреляционная связь) воспринимаются юношами и девушками как неправильный способ поведения. Они невысоко ценят межличностные отношения, не считают нужным принимать других людей такими, какие они есть, поскольку подходят к отношениям достаточно рационально.

Это подтверждает значимая для этой группы испытуемых ценность «Рационализм» ($r = -0,5$ – средняя, обратная корреляционная связь) и «Твердая воля» ($r = -0,4$ – умеренная, обратная корреляционная связь), которые относятся к ценностям дела. Они считают правильным в принятии решений опираться только на рациональные, взвешенные решения. Других людей они воспринимают как возможных единомышленников, готовы выслушивать их мнение и сотрудничать с ними. Такой образ мира можно охарактеризовать как интеллектуальный.

Образ мира у молодежи со стилем поведения «Компромисс» характеризуется значимой ценностью «Любовь» ($r = -0,4$ – умеренная, обратная корреляционная связь). Люди ощущают значимость физической и духовной близости с другим человеком, для них существенно важно стремиться к выстраиванию тесных отношений и близости с другими. Для них важно самочувствие других, они ориентированы на поддержание тесных, доверительных отношений, основанных на близости.

Не значимыми явились ценности «Жизненная мудрость» ($r = 0,36$ – умеренная, прямая корреляционная связь) и «Познание» ($r = 0,4$ – умеренная, прямая корреляционная связь). Приобретение зрелых суждений, жизненного опыта не являются приоритетными для испытуемых, а также возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие. Этот образ мира можно описать как романтический.

Стиль конфликтного поведения «Приспособление» характеризуется выраженными ценностями, связанными с установлением близких и чутких отношений: ценность «Семейной жизни» ($r = -0,33$ – умеренная, обратная корреляционная связь) и «Чуткость» ($r = -0,37$ – умеренная, обратная корреляционная связь). Незначимыми для испытуемых, предпочитающих приспособленческий стиль конфликтного поведения, стали ценности «Здоровья» ($r = 0,5$ – средняя, прямая корреляционная связь) и «Самоконтроля» ($r = 0,34$ – умеренная, прямая корреляционная связь). Они способны в конфликте идти на уступки и жертвовать своими интересами, здоровьем и благополучием, склонны отдавать лидерство другому человеку, если для них эти отношения важны. Такой образ мира можно назвать альтруистичным.

Таким образом, есть основание заключить, что стиль конфликтного поведения молодежи определяется структурными характеристиками существующего образа мира, что подтверждает выдвинутую гипотезу. Полученные данные будут полезны для дальнейших исследований, направленных на изучение особенностей образа мира молодежи и его влияния на поведение личности в межличностном взаимодействии, на выбор способов и стратегий взаимодействия в затруднительных и конфликтных ситуациях.

Библиографический список

1. Ворожейкин И.Е., Кибанов А.Я., Захаров Д.К. Конфликтология. М.: Инфра-М, 2003.

2. Зинченко В.П. Проблема внешнего и внутреннего и становление образа себя и мира как реализация сознания. М.: Мир психологии, 1999.
3. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2000.
4. Петухов В.В. Образ мира и психологическое изучение мышления. М.: Изд-во МГУ, 1984.
5. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Изд-во МГУ, 1985.

Bogomolova E.I.

Kuban State University
Krasnodar

Likhtenshteyn T.N.

Kuban State University
Krasnodar

IMAGE OF THE WORLD AND STYLE OF CONFLICT BEHAVIOR AMONG YOUTH

Abstract. Conflicts are an integral part of human existence in society. Regarding this, conflict management skills are an important tool in the arsenal of one's interpersonal communication. The style of conflict behavior is determined by the structural characteristics of the image of the individual world. By studying the value orientations of the individual, we will gain a deeper understanding of the orientation of the individual that underlies his behavior in conflict. As a result, indicative data was found. For subjects with the style of conflict behavior "Rivalry" significant values are "Financially secure life" and "Independence". For subjects with the "Cooperation" behavior style, the most important values are "Life wisdom" and "Active active life", "Rationalism" and "Firm will". For subjects who prefer the "Compromise" style, "Love" is a significant value. The style of conflict behavior "Adaptation" is interrelated with the values of "Family life" and "Sensitivity". There is reason to conclude that the style of conflict behavior is determined by the structural features of the individual's image of the world.

Keyword: image of the world, system of values, life-meaning orientations, event, conflict, style of conflict behavior.

ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИЙ ТРЕНИНГ КАК ТЕХНОЛОГИЯ СОПРОВОЖДЕНИЯ ЗАМЕЩАЮЩЕЙ СЕМЬИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные трудности, с которыми сталкивается замещающая семья на начальных этапах приема ребенка-сироты. В качестве основной выступает формирование отношений привязанности в системе родитель-ребенок. Автор обосновывает выбор детско-родительского тренинга как формы работы с замещающими семьями на уровне общей поддержки, способствующей развитию отношений привязанности. В статье приводится описание программы тренинга «Мы – семья», которая была апробирована специалистами ГБУ РО ЦППМ и СП в рамках благотворительной программы «С любовью к детям» в течение 3-х лет; описываются методические аспекты реализации программы, ожидаемые результаты. Автор приводит основные достигнутые результаты, которые основаны на анализе результатов оценки эффективности, сделанной участниками тренинга.

Ключевые слова: замещающая семья, психолого-педагогическое сопровождение, детско-родительский тренинг.

Международный и отечественный опыт показывает, что воспитание ребенка-сироты в принимающей семье дает возможность добиться более высокого уровня адаптивности ребенка в социуме, чем в условиях государственного учреждения, позволяет создать более комфортную среду для социализации и развития его личности.

Вместе с тем семья сталкивается с рядом трудностей, с которыми, оставшись «один на один», справится не каждая: обострение общесемейных проблем, проблемы супружеских отношений, трудное поведение приемного ребенка и эффективность воспитательного воздействия на него. Если в семье воспитываются и кровные дети, то от напряженной обстановки страдают и они, особенно в первые полгода приема. Все эти трудности актуализируются на фоне необходимости установления отношений привязанности между родителями и приемным ребенком [3; 8].

Комплекс описанных особенностей во многом определяет характер детско-родительских отношений в приемных семьях, нередко вызывая у замещающих родителей целый ряд негативных переживаний, затрудняющих установление эмоционально теплых отношений – безнадежность, растерянность, переутомление, комплекс вины вследствие неудовлетворенности результатами своей воспитательной деятельности, чувство бессилия, стресс из-за необходимости соответствия определенным социальным ожиданиям [4; 7].

Не вызывает сомнений, что все перечисленные выше особенности приема ребенка на воспитание в замещающую семью определяют необходимость оказания поддержки.

Апробация программы. Развитие системы сопровождения замещающих семей в Ростовской области происходит уже более 12 лет. За этот период накоплен значительный практический опыт психолого-педагогического сопровождения и сформирована региональная нормативно-методическая база.

Программа детско-родительского тренинга «Мы – семья» разработана и апробирована в рамках Благотворительной программы «С любовью к детям» («КАФ», г. Москва 2012-2015 гг.)

и ориентирована на оказание помощи замещающей семье на уровне общей поддержки [7]. Практика сопровождения показывает, что возможность получения помощи на уровне общей поддержки способствует формированию отношений привязанности в системе «приемный ребенок-родитель», снижению интенсивности кризисных явлений в замещающей семье на последующих этапах развития, создает основу для дальнейшего сотрудничества со специалистами, инициирует обращение за помощью в службы сопровождения [7].

Научно-методологические основания программы. Разработанная программа детско-родительских занятий опирается на концепцию развития событийной общности как условия личностного развития членов семьи (В.И. Слободчиков), теории семейных систем (М. Боуэн, С. Минухин), привязанности (Р. Шпиц, Дж. Боулби, М. Эйнсворт, П. Криттенден) и депривации развития (И. Лангмейер, З. Матейчек, В.С. Мухина, А.Н. Прихожан, Н.Н. Толстых). При разработке занятий принимались во внимание работы, где рассматриваются теоретические и практические аспекты групповой и индивидуальной работы с семьей (Э.Г. Эйдемиллер, А.Я. Варга, К. Рудестам, В. Сатир). Содержание программы строится на идеях гуманистической психологии А. Маслоу, К. Роджерса, Б. Ананьева с учетом возрастных особенностей (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин). При обращении к эмоциональной сфере, переживаниям и состояниям участников использовались положения гештальтпсихологии. В занятиях соединены элементы тренинга личностного роста, обучающего тренинга и различные психологические упражнения, используемые в тренинговых программах, а также авторские разработки [1].

Психолого-педагогическое сопровождение в данной форме предоставляет возможность для замещающих родителей получить навыки, которые помогут им разрешать сложные ситуациях взаимодействия с приемными детьми, организовывать пространство, способствующее снижению депривационной симптоматики.

Методы оценки эффективности программы. В качестве ожидаемых результатов реализации программы тренинга выступают: улучшение отношений между детьми (кровными и приемными) в семье; снижение количества эпизодов плохого настроения у членов приемной семьи; уменьшение ситуаций непонимания родителем причин проблемного поведения приемного ребенка; расширение репертуара эффективных форм детско-родительского взаимодействия. Данные параметры легли в основу системы оценки эффективности тренинга. Инструментами оценки стали: самооценка и самоанализ участников по предложенным авторами программы параметрам; анкетирование участников с использованием авторских анкет; наблюдения специалистов, осуществляющих сопровождение (на основании карты наблюдения, разработанной специалистами ГБУ РО ЦППМ и СП).

Описание участников программы. Преимуществом данной программы является включение в работу детско-родительских занятий всех членов замещающей семьи – родителей и детей (кровных и приемных). Возраст детей-участников практически не ограничен. Однако опыт показывает, что подростки старше 14 лет сложнее включаются в эту работу. Целесообразно предоставить им выбор: активно участвовать или какое-то время побыть наблюдателем. Чаще всего после этого они включаются в работу.

Нижнюю границу возраста установить однозначно сложно. В занятиях принимали участие дети с 2-х лет, но желательно от 5 лет. Общая численность группы может достигать 16-18 человек или 3-5 семей в зависимости от количества членов семей-участников.

Описание программы, методы и методики. Работа по программе включает 6 тем: знакомство; саморегуляция; эмпатия; доверие; поддержка; ресурсы. Основными методами работы при проведении занятий являются тренинговые (интерактивные).

Обязательным в проведении занятий является введение правил и обращение к ним в процессе работы. Особое значение в перечне правил имеет «безоценочность». Это правило создает основу для формирования безопасной атмосферы в группе, что становится важным компонентом опыта как для родителей, так и детей. Ведь не секрет, что их общение перегружено «нормативностью», и в родительской позиции замещающих родителей происходит перекоп в пользу оценочности проявлений ребенка. В практике сопровождения отмечались факты, когда в семьях достаточно строго регулировалась возможность выражения детьми негативных чувств в ситуациях межличностного взаимодействия.

Для расширения поведенческого репертуара членов семьи предлагается выполнить упражнение «Мне нравится... Мне не нравится...». В процессе тренинга при выполнении этого упражнения у участников, в первую очередь детей, зачастую впервые появляется возможность заявить о своих переживаниях. В семейных группах дети обращаются к родителям, а родители – к каждому ребенку со стандартизированной формулировкой, но с персонифицированным содержанием окончания фразы. При выполнении ведущий поддерживает обе позиции «нравится» и «не нравится», а после выполнения задания акцентирует внимание на том, что возможность выражать свою позицию позволяет сделать отношения более открытыми и снижает вероятность недопонимания и конфликтов в семейном общении. Ведущий предлагает потренироваться дома в течение недели в выражении своих чувств, соблюдая условие безоценочности.

Созвучным вышеописанному выступает упражнение «Готов открыться». Участники по очереди вытягивают из пачки листок с утверждением и отвечают, «Да, это обо мне» или «Нет, это не имеет ко мне отношения». Остальные внимательно слушают и поднимают руку, если утверждение подходит и им. *Примеры утверждений:* если бы мне хотелось узнать, как появляются дети, я никого не решился бы об этом спросить; большинство людей в мире живет лучше, чем мы; мама любит моего брата (или сестру) больше, чем меня; иногда мне бывает страшно, что я могу потерять папу или маму; порой мне хочется себя чем-нибудь поранить.

При выполнении этого задания ведущий чутко реагирует на эмоциональные реакции участников, особенно в ситуации, когда ребенок говорит: «Да, это обо мне» в ответ на утверждение. Реакции некоторых родителей могут выражать крайнее удивление, недоверие услышанному. Ведущий усиливает позицию ребенка, оказывает ему поддержку и дает возможность родителю осмыслить этот опыт.

Еще одним важным приемом является работа в малых группах, т. е. семьях. Так, смысловым акцентом первого занятия является выполнение семейно-группового рисунка «Семейное авто». Семья – это нечто целое, завершенное по своей форме, но заключающее в себе части, элементы. Участникам предлагается изобразить семью в образе машины, где каждый член семьи (даже не присутствующий на занятии) является ее частью и вносит свой вклад в то, чтобы она могла двигаться. Важно определить, что это за машина, какой член семьи – какая часть этой машины и какую функцию выполняет (кто руль, педали, тормоз). Для каждого члена семьи характерен свой цвет и им обозначают его на рисунке. После выполнения задания происходит презентация рисунков. Презентацию проводит член семьи, которого выберет семья, но это не могут быть родители. В процессе презентации ведущий обращает внимание на то, что каждая деталь, часть, элемент авто (т.е. член семьи) предельно важен для движения автомобиля - семьи, подчеркивает уникальность каждого участника.

В течение занятий широко используются психогимнастические упражнения, направленные как на обеспечение положительной психологической атмосферы («Фруктовый салат», «Карусель», «Стражники», «Домики и гномики...»), так и несущие смысловую

нагрузку при подготовке к обсуждению важных тем («Путь доверия», «Яблочко по тарелочке», «Тарелка с водой»...). Игровой момент эмоционально сближает участников тренинга, получить в быту подобный опыт представляется затруднительным.

Использование ролевых игр направляет участников на поиск новых способов выхода из ситуации, помогает осознанию собственных чувств, увидеть ситуацию «глазами» другого, например, ребенка или родителя. Примером использования данного метода является упражнение «Стань другим». Упражнение выполняется в парах, но в общем кругу (участники из одной семьи-участницы) и в режиме «демонстрации». Каждому необходимо предположить, как поведет себя партнер в определенных ситуациях. В парах могут участвовать как ребенок-ребенок, так и взрослый-ребенок. Если к этому моменту ведущие уже успели выделить для себя, каким парам из семей-участников будет особенно полезно это упражнение, то можно им предложить первыми поучаствовать. Выбор ситуаций зависит от конкретных участников, их семейной ситуации и требует от ведущего предварительного анализа и подготовки к проведению данного упражнения.

Ведущий предлагает ситуацию для одного из участников, тот выражает свое мнение, затем второй участник пары подтверждает или опровергает высказанное предположение. Если совпадения не произошло, то можно попробовать еще раз. Опыт показывает, что необходимо чаще комбинировать пары «родитель-ребенок».

Пример некоторых ситуаций. Ситуации детей и подростков: друзья предложили поехать погулять в соседний поселок; если предложат прогулять уроки; выдали тайну, которую доверил.

Ситуации родителей: позвонили из школы и сказали, что подрался (подозревают, что взял чужое, прогулял уроки); вырезал цветы из скатерти (шторы); приведет домой друга (подругу), которая поругалась с родителями и ушла из дома.

По результатам ролевого моделирования обсуждаются переживания во время упражнения, было ли сложно представить себя на месте другого, как оценивают результат.

Совместная игровая, продуктивная, деятельность эмоционально сближает детей и родителей, открывает незамеченные ими ранее стороны личности. Обращение к своему детскому опыту помогает родителям настроиться на эмпатийное общение с ребенком, поэтому в программе широко используются различные арт-техники, способствующие развитию личности через самовыражение и самопознание. В качестве таких техник можно представить семейно-групповое рисование с использованием двухстороннего прозрачного мольберта, раскрашивание мандал с использованием пальчиковых красок, создание знака альтернативной коммуникации «Стоп – плохое настроение!». Особую атмосферу в группе создает выполнение рисунка «Любимая игрушка», презентация которого выполняется в общем кругу. Автор комментирует рисунок информацией о том, как она появилась, чем замечательна. Иногда для родителей становится открытием, что для ребенка чрезвычайно важна та игрушка, с которой он пришел в замещающую семью, а не вновь подаренная.

Особо хочется отметить опыт использования ассоциативных карт (Дж. Шлихтер). В представленной программе используется набор «Дерево как образ человека». Дети выбирают из предложенных им изображений деревьев те, которые, по их мнению, чем-то похожи на них самих. Не показывая родителям, отдают карточки ведущему. Ведущий предлагает каждому родителю в полученном наборе деревьев попробовать угадать своих детей, обосновывая свой выбор. Следующим этапом уже родители выбирают изображения и уже дети угадывают родителей. Это задание вызывает особый эмоциональный отклик, и при

угадывании приносит много позитивных переживаний как детям, так и родителям. В период апробации программы число несовпадений было минимальным.

Применение телесно-ориентированных техник, в том числе дыхательных упражнений, позволяет расширить представления участников о способах регуляции эмоциональных состояний, а в процессе занятий получить опыт их применения. Для детей, подвергшихся жестокому обращению, эта практика особенно важна.

В течение всех занятий обязательным компонентом является прием обратной связи, который помогает участникам интегрировать полученный опыт.

В целом можно сказать, что в программе используются широко известные методы, но уникальность личности каждого участника, его истории жизни определяют, какой из них станет триггером исцеления или личностного роста.

Выводы. По итогам реализации тренинга, в котором приняли участие в общей сложности 92 семьи (118 взрослых и 369 детей – приемных и кровных), и оценки эффективности в детско-родительских группах можно сделать вывод о том, что в 100% случаев и дети и родители выражают мнение о полезности полученного опыта; замещающие родители отмечают улучшение отношений между детьми в семье (100% случаев); 55,6% родителей отмечают выраженную положительную динамику в снижении количества эпизодов плохого настроения у своих детей, а 44,4% родителей заметили улучшения в их поведении; опыт взаимодействия с детьми в тренинговой форме позволил родителям расширить представления о способах организации взаимодействия с детьми вне бытового общения (89% участников).

Анализ обратной связи, полученной от детей, показал высокий интерес к работе вместе с родителями (100% участников); 100% детей отмечают опыт безопасного и уважительного взаимодействия во время тренинга; 86,6% детей-участников считают, что занятия помогли лучше узнать своих родителей.

На вопрос ведущих о том, порекомендовали бы они другим семьям принять участие в тренинге, участники ответили утвердительно (100% участников), несколько детей подросткового возраста отметили участие в тренинге как «значимое событие в жизни».

По наблюдениям ведущих, в процессе тренинга отмечены изменения в качестве эмоционального контакта в детско-родительских группах. К концу тренинга родители более чутко реагировали на эмоциональные проявления детей, в их поведенческих реакциях наблюдалось снижение количества критических замечаний и рост использования слов одобрения и поддержки в адрес детей в процессе выполнения совместных заданий. У детей зафиксирована положительная динамика, которая отразилась в их большей открытости, спонтанности, в том числе в выражении ранее не озвученных переживаний, мыслей, связанных с взаимоотношениями в замещающей семье.

Таким образом, основываясь на результатах качественного анализа данных, полученных по итогам апробации программы детско-родительского тренинга «Мы – семья», можно сделать вывод о практической значимости представленной технологии, что было подтверждено зафиксированными положительными эффектами.

Библиографический список

1. Алексеева И.А. Работа с детьми, перенесшими психологические травмы. Методика группового тренинга: Методическое пособие. СПб.: Речь, 2012.
2. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. М., 2004.

3. Бриш К.Х. Терапия нарушений привязанности. От теории к практике. М.: Когито-Центр, 2012.
4. Капилина (Пичугина) М.В. Приемный ребенок: жизненный путь, помощь и поддержка: Монография. М.: Никая, 2015.
5. Кроник А.А. В главных ролях: вы, мы, он, ты, я. Психология значимых отношений: Методическое пособие. М.: Мысль, 1989.
6. Марковская И.М. Психология детско-родительских отношений: Монография. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007.
7. Ослон В.Н. Организационная модель психосоциального сопровождения замещающей семьи // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. То. 7. № 2. С. 1-13.
8. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология сиротства. СПб.: Питер, 2005.
9. Черников А. Системная семейная терапия. М.: Класс, 2005.

Gapchenko E.A.

Psychological, pedagogical, medical and social assistance Center
Rostov-on-Don

PARENT-CHILD TRAINING AS SUBSTITUTE FAMILY SUPPORTING TECHNOLOGY

Abstract. The article discusses the main difficulties faced by a substitute family at the initial stages of receiving an orphan child. The main one is the formation of attachment relationships in the parent-child system. The author justifies the choice of child-parent training as a form of work with substitute families at the level of General support that promotes the development of attachment relationships. The article describes the training program "We are a family", which was tested by specialists of the Psychological, pedagogical, medical and social assistance Center within the framework of the charity program "with love for children" for 3 years; methodological aspects of the program implementation and expected results are described. The author gives the main results achieved, which are based on the analysis of the results of the effectiveness assessment made by the training participants.

Keywords: Substitute family, psychological and pedagogical support, parent-child training.

ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ ВИДЕОБЛОГОВ¹⁴

Аннотация. Статья посвящена выявлению основных психосоциальных мотивов медиапотребления российских видеоблогов. Целью данного исследования является представление взаимосвязей мотивационно-целевых структур коммуникации с ключевыми параметрами дискурсивного пространства российских видеоблогов. Особое внимание уделяется тем аспектам медиапотребления, которые могут представлять потенциальную угрозу информационно-психологической безопасности личности. В рамках данной статьи выделяются такие мотивы медиапотребления, как потребность в снижении и повышении психологического тонуса, когнитивные потребности, потребность в самореализации, потребность в одобрении и поддержке референтных групп, потребность в культурных целях, потребность в социальной идентификации, потребность в снятии или объяснении напряжения, связанного с разрывом между желаемым виртуальным идеалом и действительностью. Перспективным продолжением работы является проведение эмпирических исследований, а также выявление проблем информационно-психологической безопасности личности в дискурсивном пространстве российских видеоблогов.

Ключевые слова: видеоблог, медиапотребление, информационно-психологическая безопасность, мотивация медиапотребления, виртуальность, медиасреда.

Современный человек существует в мире виртуальных медийных проекций, которые формируют его представления об окружающей действительности, претендуя на место, ранее занимаемое социальными институтами науки и образования. Сегодня популярным среди молодежной аудитории каналом получения информации стали видеоблоги. В науке редки сомнения в том, что видеоблоги становятся эффективным инструментом для управления запросами молодежной аудитории. Проблема заключается в том, что комплексной аналитической модели, учитывающей взаимные влияния психосоциальных мотивов медиапотребления и дискурса видеоблогов, пока не существует.

Объектом анализа данной статьи является дискурсивное пространство российских видеоблогов. Мы рассматриваем видеоблог как мультимодальный проект, предполагающий регулярную публикацию видеоматериалов и развивающийся на основе синтеза авторской концепции и объединяющей интенции аудитории. При первом рассмотрении структурной основой видеоблога видится фигура автора, который создает информационный канал и оформляет дискурс, объединяющий зрителей. Однако рассматривая видеоблог как развивающийся проект, необходимо также учитывать фактор влияния аудитории. Аудитория, осуществляя селекцию контента и совершая виртуальные действия, не только поддерживает существование проекта, но и оказывает влияние на его развитие. Механизмы селекции контента побуждают авторов выстраивать дискурс в соответствии с запросами и потребностями зрителей. Можно говорить о том, что видеоблог, рождающийся как авторский

¹⁴ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00683.

проект, в процессе своего развития обретает черты коллективного творчества, выстроенного вокруг групповых потребностей и интересов.

Комплексное изучение функционирования видеоблогов требует исследования мотивационно-целевых структур коммуникации. В медиапотреблении видеоблогов особую роль играют неосознаваемые мотивы виртуальной активности, подталкивающие человека к просмотру того или иного типа видеоконтента. А.А. Калмыков отмечает, что «именно бессознательное, со всеми присущими ему свойствами, оказывается ответственным за актуализацию медиированной реальности» [7, с. 88]. Таким образом, предметом исследования данной статьи являются взаимосвязи виртуального поведения с психосоциальными мотивами медиапотребления. Цель исследования: выявить взаимосвязи психосоциальных мотивов медиапотребления с ключевыми параметрами дискурсивного пространства российских видеоблогов. Особое внимание будет уделяться тем аспектам медиапотребления, которые могут представлять потенциальную угрозу информационно-психологической безопасности личности. При описании психосоциальных мотивов медиапотребления видеоблогов требуется синтез наработок широкого спектра социально-гуманитарных наук. Это связано с конвергентной природой самого объекта исследования.

Анализ психосоциальных мотивов медиапотребления видеоблогов мы начнем с наиболее очевидных рекреационных функций. Данные социологических исследований свидетельствуют о том, что наибольшей популярностью на YouTube пользуется именно развлекательный контент [11]. Зрители охотно наблюдают за прохождением различных видеоигр, поведением домашних животных, просматривают подборки комических эпизодов и т. д. В скетчах, пранках, челленджах, обзорах вирусных видео присутствует много аффективного юмора, который становится стилистическим маркером развлекательной виртуальной культуры. История Интернета наглядно демонстрирует нам, что обилие и доступность разнообразного контента само по себе не приводит к росту культурного уровня. Причины этого лежат в сфере мотивации медиапотребления. Высокий темп современной жизни и конкуренция, обилие стимулов стресса подталкивает аудитории к поискам наименее энергоемких способов психологической разрядки. Моисеева Е.В., Столбова Е.А. выявили, что компенсаторная мотивация интернет-активности характерна для людей с низкой оценкой собственной активности и волевых качеств и признаками ролевого конфликта [9]. Развлекательный контент на YouTube, как и на телевидении, удовлетворяет следующие потребности аудитории: получение удовольствия, позитивных эмоций; снятие напряжения (рекреация и релаксация), редукция тревоги; уход от реальности (эскапизм); азарт; и, наконец, эмоциональное осмысление комического (юмор) [6, с. 166]. Мотивом медиапотребления может быть не только снижение психологического тонуса, но и его повышение [12, с. 80]. Интенсифицированная визуальность видеоблогов, мощно воздействующая на органы восприятия, соответствует базовому свойству развлекательной массовой культуры, предполагающему конструирование виртуальной реальности, иллюзорной, но более привлекательной, чем реальность естественная. Эта особенность встраивает культуру развлекательных видеоблогов в классические оппозиции игрового и обыденного, официального и карнавального, трудового и праздного начал.

Проблемы удовлетворения когнитивных потребностей через медиапотребление видеоблогов связаны, в первую очередь, с технологически обусловленными факторами формирования гипермедиа. Одним из таких факторов является «пузырь фильтров». Это понятие, введенное Илаем Парайзером, обозначает персонализированное информационное пространство, создающее психологически комфортную среду и исключаящее информацию,

не соответствующую интересам пользователя или противоречащую его взглядам. Помимо «пузыря фильтров» существуют и другие факторы, персонализирующие цифровую картину мира. В частности, исследователи обращают внимание на «парадокс релевантности», который связан ограниченностью представлений пользователя об исследуемом явлении. Вводя неточные запросы и игнорируя отдельные аспекты темы, пользователь влияет на содержание персонального гипертекста. Варианты информационных картин легко сравнить, введя в поиске YouTube запросы «коронавирус симптомы» и «коронавирус разоблачение». Реакция пользователя на результаты выдачи будет зависеть от имеющегося запаса знаний и глубинных потребностей. Так, человек, опасаящийся коронавируса, будет просматривать информацию о степени распространения и симптомах данного заболевания, а человек, боящийся оказаться (или показаться) некомпетентной жертвой заговора – информацию о манипуляциях.

Возможность создания видеоблогов отвечает одной из важнейших потребностей личности – потребности в самореализации. Первоначально видеоблоги воспринимались как площадка для самореализации и самораскрытия. Однако по мере коммерциализации платформы авторы стали активнее обращаться к стратегиям самопрезентации, создавая публичные имиджи, основанные на стереотипах статусного поведения: образы эксперта-профессионала, модного тусовщика, беззаботного путешественника, бескомпромиссного разрушителя стереотипов, иконы стиля и т. д. Характер влияния популярных моделей самопрезентации на представления аудитории о приемлемом и нормативном поведении, на ее повседневные драматургические действия, а также на формирование индивидуальной и групповой идентичности нуждается в дополнительном изучении. При этом отметим, что самопрезентация в видеоблогах имеет свои критерии успешности: симуляция личности должна быть не только статусной, но и выделяющейся, привлекающей внимание. Как известно, общественный резонанс может быть связан не только с одобрением, но и с защитной реакцией культурной иммунной системы. Д. Рашкофф отмечает, что чем более провокационны «картинка» или знак – будь то заснятые на видео бесчинства полиции или новый текст известного рэпера – тем дальше и быстрее они путешествуют по инфосфере [10]. Неудивительно, что эпатаж и провокация в видеоблогах стали популярной формой распространения контента. В качестве примера можно привести гомозротическое видео, снятое курсантами Ульяновского института гражданской авиации и вызвавшее бурную общественную дискуссию. Галина Миажевич раскрывает, как подобные провокации могут оспаривать или проверять на прочность консервативный дискурс [3].

В лишенном нормативных ограничений интернет-пространстве провокационный контент легко распространяется, становится культурной нормой и легализует троллинг, хейтерство, флеминг, телефонный терроризм [5]. В молодежных видеоблогах не является редкостью использование обценной лексики, жаргонизмов, сленга [8].

Многочисленные примеры эпатажа можно найти в жанре челленджа. В челленджах используется практики хейзинга для развлечения аудитории: участники съедают неаппетитные продукты, облизывают неприятные предметы, предстают перед публикой в нелепом виде и т. п. В системе ценностей онлайн-вселенной выполнение эпатирующих заданий оказывается взаимовыгодной практикой: аудитория получает зрелище с элементами абьюза, а видеоблогер — подписчиков и «лайки». Однако исследователи указывают на то, что готовность выполнять эпатирующие задания связана не только с погоней за популярностью. С развитием Интернета человек перемещает в технологическую среду не только память и органы чувств, но и социальные связи. Videоблоги, как и другие формы новых медиа, успешно выполняют и коммуникативную функцию, компенсируют дефицит живого общения. По

данным опроса, проведенного Холуповой К.А. Яворской М.В., интернет-зависимость наблюдается у людей с низким уровнем коммуникабельности [13]. Данные социологического исследования, проведенного Руденкиным Д.В., свидетельствуют о том, три четверти опрошенных допускают общение в Интернете с совершенно незнакомыми людьми [11, с. 19]. В этой связи даже небольшие виртуальные группы незнакомцев могут оказаться довольно влиятельны. Так, исполнители челленджей опасаются провалить задание из-за возможного осуждения других участников виртуальной группы. Ради одобрения виртуальной референтной группы подростки участвуют в челленджах, провоцирующих самоповреждающее и суицидальное поведение. Исследователи отмечают, что подобного рода ролики оказывают воздействие на уязвимые группы через социальные эффекты заражения, которые возникают, когда самоповреждающее поведение моделируется и позиционируется приемлемым с помощью видеоконтента. Эти эффекты называются суицидальной инфекцией, которой наиболее подвержены подростки и молодежь, видящие, как другие используют это поведение для достижения привлекательной цели, такой, как привлечение внимания [2; 1].

Можно говорить о том, что в социальных сетях формируются виртуальные референтные группы. Виртуальные референтные группы выступают не только заместителями живого общения, но и выполняют функции фильтра, отбирающего из социальных норм и ценностей наиболее значимые для индивида. Лидерами мнений и ретрансляторами культурных норм становятся интернет-знаменитости. В видеоблогах знаменитостей молодежь ищет модели поведения, образцы для подражания, старается уловить тренды – основные тенденции изменения моды, ценностей и стилей, определяющих социальный статус. Необходимо учитывать, что видеоблогеры не просто улавливают модные тренды, но и формируют их совместно с рекламодателями. После активизации партнерской платформы на YouTube видеоблогеры получили возможность монетизировать внимание зрителей через предоставление рекламодателям доступа к аудиториям. В бьюти- и лайфстайл-блогах, тревел-блогах, видеообзорах и распаковках товаров культурные цели поколения формируются через идеализацию демонстративного потребления. Подписываясь на каналы и выражая свою поддержку и восхищение, аудитория символически присоединяется к продвигаемым идеалам и ценностям. Опросы свидетельствуют о том, что для молодых людей характерно переживание внутриличностного конфликта, связанного с расхождением между Я-реальным и Я-идеальным («могу» и «хочу») [12, с. 75]. Напряжение между реальным положением аудитории и консьюмеристским идеалом, с одной стороны, формирует запрос на обучающие видеоканалы, посвященные вопросам заработка, с другой стороны, осознание разрыва между идеалом и действительностью, наряду с объективными социально-экономическими факторами, приводит к росту протестных настроений, отраженному в политическом дискурсе российских видеоблогов.

Потребности в социальной идентификации различных групп населения реализуются в публичной сфере российского видеоблогинга. Она становится пространством войн памяти, войн идентичности, классовой борьбы, сферой проработки культурных травм, формирует публичную историю и политические дискурсы.

В рамках данной статьи мы рассмотрели психосоциальные мотивы медапотребления российских видеоблогов и выделили:

- потребность в снижении и повышении психологического тонуса, удовлетворяемую с помощью просмотра развлекательного контента;

- когнитивные потребности, удовлетворяемые с помощью персонализированной цифровой картины мира;
- потребность в самореализации, удовлетворяемую с помощью различных форм виртуальной активности;
- потребность в одобрении и поддержке референтных групп, удовлетворяемую с помощью виртуальных коммуникаций;
- потребность в культурных целях;
- потребность в снятии или объяснении напряжения, связанного с разрывом между желаемым виртуальным идеалом и действительностью;
- потребность в социальной идентификации различных групп населения, которая реализуется в публичной сфере российского видеоблогинга.

Перспективным продолжением работы является проведение эмпирических исследований, а также выявление проблем информационно-психологической безопасности личности в дискурсивном пространстве российских видеоблогов.

Библиографический список

1. Deslandes S.F., Coutinho T. The intensive use of the Internet by children and adolescents in the context of COVID-19 and the risks for self-inflicted violence // *Cien. Saude Colet.* 2020. Т. 25. № 1. P. 2479-2486.
2. Khasawneh A. и др. Examining the Self-Harm and Suicide Contagion Effects of the Blue Whale Challenge on youtube and Twitter: Qualitative Study // *JMIR Ment. Heal.* 2020. Т. 7. № 6.
3. Miazhevich G. An innocent provocation or homoerotic challenge? Mediations of the 'Satisfaction' video parody in the Russian mediascape // *Inf. Commun. Soc.* 2020. Т. 23. P. 1-17.
4. Pariser E. *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You.* New York: Penguin Press, 2011.
5. Дементьева К.В., Низовкина Е.Н. Пранк как метод интервьюирования в журналистике // *Коммуникативные исследования.* 2020. Т. 7. № 1. С. 101-122.
6. Зуева Татьяна Викторовна Современное российское развлекательное телевидение // *Научный вестник МГТУ ГА.* 2012. №182. С. 165-167
7. Калмыков А.А. Бессознательное медиированной реальности // *Научные труды Московского гуманитарного университета.* 2018. №3. С. 87-98
8. Лущиков В.А., Терских М.В. Жанрово-тематические и языковые особенности видеоблогов // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки.* 2018. Т. 14. С. 57-75.
9. Моисеева Е.В., Столбова Е.А. Внутриличностный конфликт и особенности медиапотребления студентов в системе формирования социально-правовой компетенции // *Вестник ЮУрГГПУ.* 2016. № 3. С. 134-140.
10. Рашкофф Д. *Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Пер. с англ. Д. Борисова.* М.: Ультра-культура, 2003.
11. Руденкин Д.В. Проблема уязвимости российской молодежи перед экстремистским контентом в Интернете // *Juvenis scientia.* 2019. № 8. С. 17-21.
12. Сиврикова Н.В., Жеребкина В.Ф., Постникова М.И. Взаимосвязь проявлений внутриличностного конфликта и стиля медиапотребления студентов // *Российский психологический журнал.* 2017. Т. 14, № 3. С. 70-87.
13. Холупова К.А., Яворская М.В. Интернет-зависимость у людей с разным уровнем коммуникабельности // *Вестник науки и образования.* 2020. № 12-2 (90). С. 101-104.

**PSYCHOSOCIAL MOTIVES OF RUSSIAN VIDEOBLOGS
MEDIA CONSUMPTION**

Abstract. The article is devoted to identifying the main psychosocial motives of media consumption in Russian video blogs. The purpose of this study is to present the relationships between motivational and target communication structures and key parameters of the discursive space of Russian video blogs. Special attention is paid to those aspects of media consumption that may pose a potential threat to the information and psychological security of the individual. This article highlights such motivations of media consumption as the need to reduce and increase psychological tone, cognitive needs, the need for self-realization, the need for approval and support of reference groups, the need for cultural goals, the need for social identification, the need to remove or explain the tension associated with the gap between the desired virtual ideal and reality. A promising continuation of the work is to conduct empirical research, as well as to identify problems of information and psychological security of the individual in the discursive space of Russian video blogs.

Keywords: video blog, media consumption, information and psychological security, motivation of media consumption, virtuality, media environment.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00683.

Макаревская Юлия Эдуардовна
Сочинский государственный университет
Сочи
yuliya-sochi@mail.ru
Нещеретняя Мария Сергеевна
Сочинский государственный университет
Сочи
gurskaya_masha@mail.ru

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ НЕУДАЧНОГО ЖИЗНЕННОГО СЦЕНАРИЯ В КОГНИТИВНЫХ СХЕМАХ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ СЕМЬИ

Аннотация: в статье рассмотрен жизненный сценарий как когнитивное воплощение взаимодействий личности с объективной бытийной средой как отображение бытийных пространств в когнитивных схемах, в репрезентациях, описывающих сценарное поведение личности. Поколенческие и семейные бытийные пространства предполагают формирование у личности специфических когнитивных схем в понимании неудачного жизненного сценария.

В статье показаны результаты исследования содержательных (когнитивных) характеристик понятия «неудачный жизненный сценарий», выделены особенности типичного понимания неудачного жизненного сценария представителями различных поколений семьи, описан прототип (наиболее яркий, очевидный показатель) и отрицательный фокус-пример неудачного жизненного сценария личности.

Ключевые слова: бытийная среда личности, когнитивная схема, неудачный жизненный сценарий, прототип неудачного жизненного сценария, фокус-пример неудачного жизненного сценария личности.

Базовые вопросы в исследованиях взаимодействий личности с объективной средой бытия: насколько человек свободен в понимании и выборе стратегии своей жизни и какие факторы могут влиять на этот процесс?

Не касаясь открытой до сих пор дискуссии между субъектным и средовым подходами к развитию и формированию когнитивных схем личности, можно сказать, что элемент предопределенности, некой судьбоносной запрограммированности жизненного пути личности нашел свое отражение в понятии «жизненный сценарий», впервые введенного Эриком Берном [2].

Проблема жизненного сценария и его структурных компонентов была освещена в трудах Э. Берна, Т. Кейлера, Й. Стюарта, К. Штайнера, Ф. Эрнста, С. Вуллэмса, М. Гулдинга, Р. Гулдинга, А. Шутценбергер, А. Адлера, К. Роджерса, А. Маслоу, Ш. Бюлер, П. Жане, Э. Фромма, К. Хорни, Т. Кассера, Р. Райана, Р. Пехунена, С. Мадди, Г. Олпорта, Л.Р. Шеррода, Л.Л. Кац, О.Г. Брига, Б.Г. Ананьева, Р.А. Ануфриевой, С.Л. Рубинштейна, Ю.М. Резника, Н.А. Рыбникова, К.А. Абульхановой-Славской, Л.Н. Когана, А.А. Кроника, Т.Н. Березиной, Е.И. Головахи, Н.В. Гришиной, В.Н. Дружинина, А.В. Сохань и др.

Разброс мнений, формулировок этого явления, а также обоснование детерминант возникновения выявляет его многогранность.

В современной психологии существуют различные теоретические подходы в рассмотрении проблемы жизненного сценария у представителей зарубежной и отечественной психологии, которые за внешним терминологическим сходством имеют кардинальные содержательные различия.

Э. Берн пишет: «Сценарий похож на экран из разрисованного матового стекла, который родители устанавливают между ребенком и миром (и самими собой) и который он принимает и старается сохранить в исправности. Он смотрит на мир сквозь этот экран, а мир смотрит на него, надеясь разглядеть хоть искорку или вспышку подлинной человечности» [5].

Организация поведения взрослого человека, по мнению Э. Берна, происходит так, чтобы оправдать свои ранние решения. Действуя по сценарию, личность демонстрирует зафиксированную последовательность мыслей, чувств и действий, которая воспроизводится каждый раз в неизменном виде, в одном и том же порядке. Когда когнитивные схемы сформированы, может меняться контекст, обстоятельства и даже содержание ситуаций, но распознаваться и трактоваться личностью они будут всегда схожим образом, соответственно, и вести себя человек будет схожим образом.

В когнитивной психологии жизненный сценарий связан с понятием «скрипт» – схемой действий автоматизированного характера, не зависящей от какого-либо выбора человека [7]. Сценарный поведенческий цикл завершается одинаковыми выводами, подтверждается одними и теми же когнитивными установками, закрепляя тем самым программу поведения.

Л.Л. Кац в определении жизненного сценария вводит понятие ментальной (когнитивной) карты как совокупности элементов, обуславливающих специфику мировоззрения, мировосприятия и поведения личности. Согласно автору, именно жизненный сценарий придает смысл всему жизненному опыту человека [9].

Отечественные психологи выступали за осознанность функционирования жизненного сценария и предлагали не ограничивать процесс строительства личностью собственной жизни когнитивными автоматизмами и бессознательным (М.В. Розин, И.С. Кон, С.Л. Рубинштейн, В.И. Слободчиков, К.А. Абульханова-Славская и др.). Жизненный путь, жизненный сценарий выступают здесь во взаимосвязи с уровнем активности и зрелости личности жизненной рефлексии, развитием ее творческого начала [1].

Синонимом жизненного сценария у В.Н. Дружинина является понятие «вариант жизни» как целостной психологической характеристики индивидуального бытия человека, обусловленной типом отношения личности к самой жизни [4].

Жизненный сценарий может также рассматриваться как совокупность жизненных тактик индивида или реализация им действий строго определенным способом и предполагает некую модель поведения [3].

В числе более современных направлений изучения жизненных сценариев личности можно выделить исследование культурных сценариев Н.В. Гришиной – как культурно разделяемых представлений личности относительно порядка и времени жизненных событий в прототипическом жизненном цикле. Общим результатом ряда исследований Н.В. Гришиной стало признание типичного характера жизненного сценария: независимо от культуры, пола и возраста жизненные сценарии включают одни и те же события [6]. Н.В. Гришиной выделены в исследованиях ряд понятий: нормативный сценарий – представляет собой совокупность неких обязательных событий, отвечающих представлениям своего времени; индивидуальный жизненный сценарий – биография конкретного человека, личная история, понимая как самописание.

При этом было выявлено, что нормативный жизненный сценарий личности включает себя совокупность и примерную последовательность событий, типичных для данной культуры. Культурный жизненный сценарий, представляя собой идеальную культурную форму (по терминологии Л.С. Выготского), находит свое материальное и, следовательно, доступное для исследования выражение в автобиографической продукции конкретного

человека, представляющей собой сложную композицию сценарного и несценарного, типичного и уникального материала.

Обобщая, отмечаем, что наряду с понятием «жизненный сценарий» в психологических исследованиях используются и другие содержательно схожие категории, такие как «жизненный путь», «жизненная стратегия», «варианты жизни», «стиль жизни», «жизненная задача», «временная перспектива», «жизненная перспектива», «жизненная роль», «жизненная позиция» и др. (К.А. Абульханова-Славская, А. Адлер, Б.Г. Ананьев, Т.Н. Березина, Э. Берн, Ш. Бюлер, Е.И. Головаха, Н.В. Гришина, В.Н. Дружинин, П. Жане, П.Б. Кодесс, Л.Н. Коган, Е.Ю. Коржова, Ж.А. Леснянская, Н.А. Логинова, Ж. Нюттен, Л.А. Регуш, С.Л. Рубинштейн, А.Е. Созонтов, Л.В. Сохань, Й. Стюарт, К. Штайнер и др.).

Тем не менее, во всем понятийном многообразии у представителей разных школ и направлений общим концептом формирования жизненного сценария является среда развития личности и семья как ее непосредственное отождествление.

В качестве методологической базы исследования содержательных компонентов понятия «неудачный жизненный сценарий» как проблемы психологии человеческого бытия в отечественной психологии следует рассматривать психологию субъекта (К.А. Абульханова-Славская, Л.Н. Анциферова, А.В. Брушлинский, В.В. Знаков, З.И. Рябикина, А.Н. Славская и др.). Проблема субъекта в отечественной психологии разрабатывалась в русле различных научных подходов (субъектно-деятельностного, системно-субъектного, субъектно-средового, субъектно-бытийного).

Согласно З.И. Рябикиной и Г.Ю. Фоменко, методологов субъектно-бытийного подхода к проблеме личности, учёт реального бытия человека в его познании способствует в конечном счёте пониманию закономерностей трансцендентной потребности человека выйти за пределы самого себя, собственной личности, проявить субъектность. Соответственно, потенциал субъектности становится понятным лишь в том случае, если учитывается многообразие связей человека с жизненными ситуациями, а через них – с окружающим миром [8]. Таким образом, субъектно-бытийный подход в данном исследовании предполагает изучение жизненного сценария как воплощения отраженных ситуационных, бытийных обстоятельств и воздействий в когнитивных схемах типичного прототипа – личности с неудачным жизненным сценарием.

На основе обозначенных выше методологических принципов, на первом этапе было проведено пилотажное исследование, направленное на определение смысловых категорий, мыслительных схем, описывающих типичный, наиболее яркий фокус-пример неудачного жизненного сценария личности. Исследование проводилось методом полуструктурированного интервью, автобиографического нарратива, частотного и контент-анализа (объем выборки N=57 чел.). В число вопросов в интервью входили: «Что, по Вашему мнению, означает понятие «неудачный жизненный сценарий?»», Проанализируйте свой жизненный опыт и опыт Ваших знакомых, родственников; приведите примеры удачного и неудачного жизненного сценария» и др.

В итоге были выделены критерии неудачного жизненного сценария в когнитивных схемах респондентов.

Основное исследование проведено на выборке из 63-х семей, проживающих в разных городах Российской Федерации и состоящих их трех поколений кровного родства в триадах: бабушка/дедушка- дочь/сын – внучка/внук (N=189 чел.).

В результатах пилотажного исследования наблюдается разброс когнитивных описательных схем респондентов от лаконичного «недовольство собой» до более развёрнутых «это порядок событий в жизни человека, когда он в ситуации выбора поступает в соответствии

со своими усмотрениями» или «...если вернуть жизнь как киноленту назад, я прожил бы её иначе», «неумение достигать поставленных целей и задач», «всё, что было запланировано, мечты, фантазии, планы – ничего не осуществилось» и т. п.

Контент-анализ объединил содержательные характеристики понятия «неудачный жизненный сценарий» в смысловые группы по категориям и позволил выделить видовые и родовые фокус-примеры (по Дж. Брунеру).

Так, к видовым были отнесены категории, дифференцирующие неудачный жизненный сценарий от других сценариев, а к родовым были отнесены сценарные признаки, делающие мысли и поведение человека повторяющимися, типичными.

Родовые признаки:

1. Здоровье (100% выборки)
2. Семья (94,1%)
3. Отношения (82,3%)
4. Работа, профессия, проф. образование (70,6%)
5. Личность, саморазвитие (64,7%)
6. Социальный статус, достижения (58,8%).

И соответствующие им ***видовые признаки:***

1. Больной, зависимый, травмированный, саморазрушающий (вредный) образ жизни.
2. Нет семьи, развод, зависимые родственники, неудачный выбор спутника жизни, брак по расчету, эмоционально холодные родители.
3. Нет друзей, одинокий, не общается с близкими родственниками, отношения на обмане, предательство, измена.
4. Безработный, невостребованный, есть работа, которую не хотел, профнесостоятельный, учится не там, где хочет, неправильный выбор профессии, нет карьеры.
5. Живет без цели, ориентиров, потерял надежду, занимается самобичеванием, недоволен собой, не слышит голос разума, негативно воспринимает мир, вечное постоянство (нет изменений), отсутствуют личные достижения, ограничивает свои желания.
6. Низкий социальный статус, неудачные попытки вписаться в контекст удачной жизни, не сделал ничего полезного, другие контролируют его жизнь, финансовая нестабильность, нищета, лишение свободы.

Частотный анализ позволил определить признаки прототипа (наиболее явного, очевидного примера) - человека с неудачным жизненным сценарием (см. видовые признаки выше).

Далее представим результаты по группе испытуемых, составляющей три поколения одной семьи (N=189).

Во всех поколениях лидирует среди когнитивных признаков неудачного жизненного сценария категория «семья». Это означает, что в 3-х поколениях в когнитивную схему неудачного жизненного сценария включены схожие признаки: у человека нет семьи или она неблагополучная, он/она разведены, неудачно выбрали спутника жизни, вступили в брак по расчету, родители были эмоционально холодные, есть больные и/или зависимые родственники.

Далее в рейтинге признаков у представителей всех трех поколений следует категория «отношения». То есть неудачный жизненный сценарий личности подразумевает, что у человека нет друзей, он одинокий, не общается с близкими родственниками, отношения строит на обмане, предательстве, измене.

По другим родовым схемам рейтинг признаков неудачного жизненного сценария в поколениях расходится. Однако, значимость этих расхождений различная при сравнении когнитивных схем неудачного жизненного сценария разных поколений. Нет существенной разницы между схемами старшего и среднего поколений (бабушки/дедушки и папы/мамы). Коэффициент корреляции Спирмена $r=0,928$, $p \leq 0,01$. Также нет статистически значимой разницы между схемами среднего и младшего поколений семьи (родители/дети). Коэффициент корреляции Спирмена $r=0,943$, $p \leq 0,01$.

Только схемы старшего и младшего поколений (дедушки/бабушки и внуки) не имеют значимой связи (коэффициент корреляции Спирмена $r=0,786$, $p \geq 0,05$).

То есть предположение о существовании преемственности (повторения) неудачного жизненного сценария в когнитивных схемах трех поколений семьи подтвердилось частично. Дети повторяют сценарные когнитивные схемы родителей, а внуки не транслируют схемы бабушек и дедушек.

В целом, по результатам данного исследования можно сделать выводы:

1. Когнитивные схемы являются отражением (репрезентацией) средовых (семейных) условий, бытийных ситуаций и пространств, в которые включена личность, поэтому представления о неудачном жизненном сценарии имеют преемственность в поколениях одной семьи.

2. Неудачный жизненный сценарий обладает родовыми и видовыми когнитивными признаками.

3. Фокус-пример неудачного жизненного сценария личности сформирован в когнициях за счет видовых признаков, отделяющих неудачный сценарий от других видов сценария.

4. Преобладающим родовым признаком неудачного жизненного сценария является категория «здоровье», а видовым – «семья». То есть характеристики здоровья лежат в основе понимания любого жизненного сценария, а характеристики семьи могут выделить человека как неудачника. Вероятно, здесь явно выступает регулятором данных когнитивных схем субъектность личности, так как организация семейной жизни – это прерогатива рефлексивных осознанных процессов личности по принятию жизненно важных решений. Именно в этом, на наш взгляд, проявляется субъектная сущность личности в осознании когнитивных схем, типичных мыслей, которые определяют восприятие условий среды как неудачных и восприятие себя как прототипа, носителя (фокус-примера) неудачного жененного сценария.

5. Преемственность когнитивных схем неудачного жизненного сценария зафиксирована только в пределах 2-х поколений (от родителей к детям).

Перспективным исследованием в данном направлении видится более детальный анализ преемственности когнитивных схем неудачного жизненного сценария, в том числе в гендерном аспекте.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1991.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Минск, 2004.
3. Гордон Д., Майерс-Андерсон М. Феникс. Терапевтические паттерны Милтона Эриксона. М.: Прайм-Еврознак, 2004.
4. Дружинин В.Н. Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии. М: ПЕР СЭ; СПб.: ИМАТОН-М, 2000.

5. За пределами игр и сценариев / Э. Берн; пер. с англ. Ю.И. Герасимчик. М.: Эксмо, 2018.
6. Гришина Н.В. Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация // Психологические исследования. 2011. № 3 (17). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n3-17/491-grishina17.html>
7. Солсо Р. Л. Когнитивная психология. СПб., 2006.
8. Субъект, личность и психология человеческого бытия: Коллективная монография / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Институт психологии РАН, 2001.
9. Lee Katz L. Cultural scripts: the home-school connection // Early Child Development and Care. 1991. Vol. 73, iss. 1. P. 95-102.

Makarevskaya Yu.E.
Sochi State University
Sochi
Nesheretnaya M.S.
Sochi State University
Sochi

MEANINGFUL SIGNS OF AN UNSUCCESSFUL LIFE SCENARIO IN THE COGNITIVE SCHEMES OF DIFFERENT FAMILY GENERATIONS

Abstract. The article considers the life scenario as a cognitive embodiment of the interaction of the individual with the objective being environment, as a display of being spaces in cognitive schemes, in representations describing the scenario behavior of the individual. Generational and family existential spaces suggest the formation of specific cognitive schemes in the individual's understanding of an unsuccessful life scenario. The article shows the results of the study meaningful (cognitive) characteristics of the concept of "bad life" scenario. It also discusses the features typical of a failed understanding of life scenario by the representatives of various generations of the family, and describes the prototype (the most striking, obvious indicator) and negative focus bad example of life scenario of the individual.

Keywords: life environment of the individual, cognitive scheme, unsuccessful life scenario, prototype of an unsuccessful life scenario, focus-an example of an unsuccessful life scenario of the individual.

Маленова Арина Юрьевна
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омск
malyonova@mail.ru
Федотова Елизавета Евгеньевна
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омск
elizaveta.fedotovaaaaa@gmail.com

СВЯЗЬ ПЕРСОНАЛЬНОГО И СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В СТУДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ¹⁵

Аннотация. В статье представлены результаты исследования субъективного благополучия молодежи с учетом ее социально-демографических характеристик. Благодаря анкетированию и тестированию установлено, что молодые люди 14-30 лет вполне счастливы, при этом студенты имеют средние показатели, а девушки чувствуют себя счастливее юношей. При оценке счастья других чуть более половины опрошенных считают окружающих людей счастливыми, однако треть юношей сообщает об обратном, а почти половина девушек затрудняется с ответом. Установлено, что юноши чаще считают себя более счастливыми, чем окружающие, тогда как девушки отмечают, что они не счастливее других людей. Оценки счастья своих семей студенческой молодежью (независимо от пола) свидетельствуют в пользу его среднего или высокого уровня. При этом уровень счастья семьи превышает уровень их собственного счастья по оценкам юношей и девушек студенческого возраста. Также выявлена прямая связь между личным счастьем молодых людей и тем, насколько счастливы люди вокруг. Эта связь является взаимной и особенно сильной при оценке уровня персонального и семейного счастья студентами, независимо от их пола.

Ключевые слова: субъективное благополучие, эмоциональный компонент, счастье, межличностные и семейные отношения, студенческая молодежь, девушки и юноши.

Актуальность изучения проблемы субъективного благополучия обусловлена общественной потребностью в благоприятном самочувствии людей, чей полностью реализованный потенциал является важнейшим инструментом для успешного развития общества в целом. Учитывая важный вклад, который предстоит внести молодым людям в становление нашего общества, внимание к их самочувствию и факторам, которые его определяют, необходимо с точки зрения анализа возможных способов для достижения и поддержания высокого уровня социально-психологического комфорта молодежи в тех актуальных жизненных условиях, в которых она пребывает.

Актуальность этого вопроса имеет особое значение для Сибирского региона (и Омской области, в частности), одной из острых тенденций в котором является отток молодежи, прежде всего, студенческого возраста. Негативное следствие этих миграционных процессов заметно уже сейчас при неблагоприятном прогнозе в ближайшем и отдаленном будущем. На наш взгляд, предвзятость решение этой проблемы может не только изучение причин «убыли» молодого населения, но и поиск ресурсов, содействующих тому, чтобы молодые люди оставались в своем регионе для решения поставленных перед ним стратегических задач – образовательных, профессиональных, репродуктивных.

Субъективное благополучие является сложным и многомерным феноменом, состоящим из целого комплекса взаимосвязанных компонентов [5; 8; 9]. В рамках данной работы мы

¹⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, проект № МУ-5/2020.

остановимся на анализе одного из них – счастья как высшей формы проявления эмоционального благополучия [3; 4; 10]. А в качестве важного фактора и условия его достижения, вслед за М. Аргайлом, выделим особенности социального взаимодействия личности [1]. Связь уровня счастья и качества социальных связей носит как непосредственный, так и опосредованный характер. Усилению ощущения счастья способствует достижение в процессе социальных отношений важных стремлений, например, аффилиации или интимности [13]. В свою очередь, сами отношения можно рассматривать в качестве источника ресурсов, способного оказать помощь в достижении значимых целей [12]. Благоприятное влияние на уровень счастья оказывает и поддержка, реализуемая, прежде всего, в близких контактах, благодаря которой человек испытывает ощущение, что его жизнь небезразлична другим людям, в связи с чем у него нормализуется самооценка и появляется уверенность в способности самостоятельно справляться с жизненными трудностями [2].

Поскольку нас интересует конкретная социальная и возрастная группа – студенческая молодежь, полагаем, что ее самочувствие во многом определяется сложившимися межличностными отношениями как со сверстниками, так и с членами своей семьи. Несмотря на то, что многие студенты становятся относительно автономными от своих родителей, влияние семьи в период юности не заканчивается, а, порой, даже усиливается, создавая определенные условия для предстоящей сепарации, передачи молодому поколению необходимого опыта, в том числе эмоционального [7]. В связи с этим основной гипотезой исследования выступает проверка наличия связи между личным счастьем студентов и их оценкой счастья своей семьи, подтверждение которой может выступить некоторым обоснованием для обнаружения механизма воздействия на уровень благополучия молодежи через силу связи с семейной системой.

Общая выборка исследования составила 403 человека: 95 молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет (47 девушек и 48 юношей) на первом этапе и 308 студентов в возрасте от 17 до 24 лет (119 юношей и 189 девушек) на втором. Выделение гендерных групп было преднамеренным, поскольку, при оценке эмоциональных компонентов субъективного благополучия, пол респондентов имеет значение в связи с разными особенностями развития эмоциональной сферы личности, в том числе, обусловленных возрастом [6]. Первый этап носил поисковый характер и был необходим для предварительного изучения представлений молодежи о роли отношений с окружающими при оценке собственного уровня счастья. В качестве метода для сбора данных использовалось анкетирование, в качестве метода их обработки – частотный анализ и χ^2 -критерий Фишера. Далее к эмпирическим методам добавилось тестирование (Шкала взаимозависимого счастья (Hitokoto&Uchida) [11]), а к методам обработки – коэффициент ранговой корреляции rs-Спирмена. Это позволило решить основную задачу исследования – установить взаимосвязь между оценкой собственного счастья у студентов и их оценкой счастья в своих семьях, в том числе с учетом гендерных особенностей молодежи.

Согласно полученным результатам на первом этапе, 47,9% юношей и 61,7% девушек могут назвать себя счастливыми людьми, 8,3% и 4,3% не считают себя таковыми, а 43,8% и 34% затрудняются ответить на поставленный вопрос, возможно, вследствие того, что представления у молодых людей о счастье еще не окончательно сформировались в их сознании. Таким образом, большая часть опрошенных оценивают свой уровень счастья весьма высоко, особенно это свойственно для девушек. Многие из тех людей, с которыми знакома молодежь, по ее мнению, также являются счастливыми (юноши – 45,8%, девушки – 55,3%).

Однако, юноши (31,3%) настроены пессимистичнее, чем девушки (4,3%), так как дают значимо больше отрицательных ответов ($\varphi=3,756$ при $p\leq 0,01$). Тогда как девушки (40,4%) значимо чаще юношей (22,9%) склонны воздерживаться от ответа, затрудняясь оценить уровень счастья других людей ($\varphi=1,851$ при $p\leq 0,05$). Вновь обнаруженный высокий процент молодежи, которая испытывает сложности с ответом, на наш взгляд, можно объяснить тем, что одних лишь наблюдений за людьми бывает объективно недостаточно, чтобы понять, какое состояние они переживают. Поэтому, скорее всего, молодежь предположила, что правильное воздержаться от оценки, вместо того, чтобы приписывать знакомым и родным те состояния, которые для них нехарактерны. Кроме того, это может свидетельствовать о большей ориентации молодых людей на себя, оценку своей личности и переживаний, что характерно для этого возрастного этапа, при недостаточной рефлексии эмоциональных состояний окружающих.

Интересно также и то, что при сравнении счастья личного и других людей, девушки (40,4%) чаще юношей (29,2%) отмечают, что окружающие счастливы не меньше, чем они сами. Тогда как среди молодых людей, которые считают себя счастливее других, встречается значимо больше юношей, чем девушек (35,4% против 17%, $\varphi = 2,068$, $p\leq 0,05$). Оставшаяся доля молодежи (юноши – 35,4%, девушки – 42,6%) испытывает сложности в сравнении своего счастья и счастья других людей. Что касается взаимосвязи, то по результатам анкетирования большинство юношей (60,7%) и девушек (57,5%) считают, что их ощущение счастья зависит напрямую от того, насколько счастливы люди вокруг. В то время как часть молодежи (юноши – 18,5%, девушки – 17%), напротив, отрицает связь их собственного счастья с счастьем окружающих людей.

Таким образом, уже на этапе пилотного среза мы обнаружили некоторые тенденции относительно связи персонального и социального благополучия молодежи. Но поскольку последняя как социальная группа из-за широких возрастных границ является крайне неоднородной, что допускает вариативность данных, мы решили дальнейшие исследовательские замыслы реализовать на студентах как более единообразной социальной группе, которая, на наш взгляд, требует приоритетного внимания к своему самочувствию от общества и окружающих людей. Ввиду того, что в социальном окружении семье отводится особенное место, в том числе из-за существующих в ней прочных эмоциональных связей, мы также приняли решение конкретизировать широкий круг общения студентов до семьи, счастье которой, на наш взгляд, можно считать условием при рассмотрении личного счастья молодежи.

Усиление анкетирования тестовым инструментарием, в свою очередь, позволило получить более дифференцированные оценки. По результатам измерения уровня счастья, 6,7% юношей нельзя назвать счастливыми, 69,7% склонны к переживанию счастья лишь в средней степени, и лишь 23,5% переживают счастье на высоком уровне. Это заметно уступает тем показателям, которые были получены нами на разновозрастной молодежной выборке первого этапа. С одной стороны, объяснение может строиться на большей чувствительности диагностической методики на фоне закрытых вопросов анкеты, с другой, может свидетельствовать о действительно меньшем уровне эмоционального благополучия студентов. Последнее подтверждается и похожими результатами, полученными на выборке девушек: не чувствуют себя счастливыми 6,3%, счастливы в средней степени 66,7%, и, наконец, переживают счастье на высоком уровне 27%. Тогда как при анкетировании девушки ощущали себя более счастливыми, чем юноши. Вместе с тем, в целом, прогноз уровня счастья студентов вполне удовлетворительный – несчастливых среди них менее 7%.

В свою очередь, изменились результаты и при сужении оценки с социального окружения до семейного. Они оказались более благоприятными и однозначными: низкий уровень счастья в своих семьях отмечают 5,8% девушек и 4,2% юношей, умеренный уровень характерен для 45% и 47,9% опрошенных, соответственно, высокую оценку счастья в своих семьях дают 49,2% девушек и 47,9% юношей. Таким образом, как при оценке своего, так и семейного счастья не были обнаружены значимые различия по гендерным признакам: и девушки, и юноши студенческого возраста характеризуют уровень эмоционального благополучия в равной степени средними и высокими показателями. Однако, счастье семьи в обеих гендерных группах оценивается выше, чем уровень собственного счастья. Об этом свидетельствует преобладание среднего уровня личного счастья над семейным как у юношей ($\varphi=3,456$ при $p\leq 0,01$), так и у девушек ($\varphi=7,159$ при $p\leq 0,01$) на фоне доминирования счастья семьи над индивидуальным при сравнении высоких оценок ($\varphi=3,979$ при $p\leq 0,001$ у юношей, $\varphi=4,496$ при $p\leq 0,001$ у девушек). Возможно, это объясняется тем, что семья является более устойчивым системным образованием, жизнестойким перед лицом различных кризисов и стрессов, в том числе благодаря использованию своего группового ресурса. Тогда как у самих студентов, при ограниченности опыта, ресурсов не всегда хватает для решения проблем, возникающих в разных сферах жизнедеятельности и затрудняющих переживание счастья. Мешающими факторами также могут выступать и другие состояния, конкурирующие с позитивными, из-за амбивалентности эмоциональной сферы личности в период юности.

Вместе с тем нами была обнаружена прямая значимая связь между индивидуальным и семейным счастьем у студентов, которая свойственна как для юношей ($r_s=0,461$, $p\leq 0,001$), так и для девушек ($r_s=0,475$, $p\leq 0,001$). Она, на наш взгляд, может означать, что состоянию личного счастья молодежи сопутствует феномен позитивного мышления, который помогает обращать больше внимания на радостные поводы и меньше на тревоги, усиливая этим положительный образ семьи. Кроме того, суть связи может заключаться в том, что та студенческая молодежь, в семье которой все благополучно, более предрасположена к переживанию собственного счастья, чем те студенты, атмосфера семей которых далека от счастливой.

Таким образом, полученные результаты позволяют нам утверждать, что уровень счастья в большей степени обусловлен возрастными, а не гендерными особенностями. При этом девушки более чувствительны к оценке переживания счастья, а юноши – к ситуациям несчастья. Несмотря на некоторую эгоцентричность молодежи, оценка эмоционального самочувствия окружающих имеет важное значение не только для формирования социальных связей, но и самооценки своего состояния. Особое значение при этом приобретает оценка субъективного благополучия ближайшего окружения, подтверждая своеобразную эмоциональную зависимость молодых людей от своей семьи. Эта связь, на наш взгляд, может претендовать на основание для разработки механизмов управления эмоциональным самочувствием молодежи, прежде всего студенческой, с целью улучшения уровня психологического благополучия этой важной для общества социальной группы. В качестве дальнейших исследовательских перспектив нам видится изучение специфики переживания счастья студентами в более широком контексте социальных отношений, тогда как при изучении подростков можно перейти от роли сверстников к оценке значения отношений и уровня эмоционального благополучия в семейной среде.

Библиографический список

8. Аргайл М. Психология счастья. СПб: Питер, 2003.
9. Бэрн Р. и др. Социальная психология группы. СПб: Питер, 2003.

10. Селигман М. Путь к процветанию. Новое понимание счастья и благополучия. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
11. Джидарьян И.А. Психология счастья и оптимизма. М.: ИП РАН, 2013.
12. Шамионов Р.М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. Саратов: Научная книга, 2008.
13. Маленова А.Ю., Маленов А.А., Федотова Е.Е. Структура субъективного благополучия и ее гендерные особенности у студенческой молодежи // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2019. № 3. С. 22-33.
14. Маленова А.Ю., Потапова Ю.В. Эмоциональное благополучие студентов и их родителей в ситуации сепарации // Клиническая и специальная психология. 2018. Том 7. № 2. С. 83-96.
15. Филоненко Ю.В., Яковлева Е.А. Субъективное благополучие научно-педагогических работников современных университетов в рамках концепции баланса жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 68-85.
16. Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. № 95. P. 542-575.
17. Diener E., Ng W., Harter J., & Arora R. Wealth and happiness across the world: Material prosperity predicts life evaluation, whereas psychosocial prosperity predicts positive feeling. Journal of Personality and Social Psychology. 2010. 99 (1). P. 52-61.
18. Hitokoto H., Uchida Y. Interdependent happiness: Theoretical importance and measurement validity // Journal of Happiness Studies. 2015. № 16 (1). P. 211-239.
19. Hobfoll S.E. Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress // American psychologist. 1989. № 44 (3). P. 513-524.
20. McAdams D.P. Power, intimacy, and the life story: Personological inquiries into identity. Guilford press. 1988.

Malenova A.Yu.

F.M. Dostoevsky Omsk State University
Omsk

Fedotova E.E.

F.M. Dostoevsky Omsk State University
Omsk

THE RELATIONSHIP BETWEEN PERSONAL AND FAMILY WELL-BEING AT COLLEGE AGE

Abstract. The article presents the results of a study of the subjective well-being of young people, taking into account their socio-demographic characteristics. Through questionnaires and testing, it was found that young people aged 14-30 are quite happy, while students have average indicators, and girls feel happier than boys. When assessing the happiness of others, just over half of the respondents consider the people around them happy, but a third of young men report the opposite, and almost half of girls find it difficult to answer. It was found that young men often consider themselves happier than others, while girls note that they are not happier than other people. Estimates of the happiness of their families by students (regardless of gender), indicate in favor of its average or high level. At the same time, the level of family happiness exceeds the level of their own happiness according to the estimates of young men and women of student age. There is also a direct link between the personal happiness of young people and how happy people around them are. This relationship is mutual and especially strong when assessing the level of personal and family happiness of students, regardless of their gender.

Keywords: Subjective well-being, emotional component, happiness, interpersonal and family relationships, students, girls and boys.

Funding: The reported study was funded by Dostoevsky Omsk State University, project number MY-5/2020.

МОТИВАЦИОННАЯ СФЕРА И РОДИТЕЛЬСКИЕ УСТАНОВКИ УСЫНОВИТЕЛЕЙ

Аннотация. Автор анализирует значимость взаимосвязи мотивационной сферы и родительских установок у женщин-усыновителей. Был разработан инструментарий, диагностирующий доминирующую мотивацию усыновления. Использование данного инструментария в комплексе с методиками исследования мотивационной сферы и родительских установок позволило составить портрет успешного усыновителя и выявить потенциальных усыновителей среди матерей, у которых двое кровных детей, и женщин без опыта материнства. В результате исследования обнаружен у усыновителей высокий уровень контроля, принятия, средний уровень симбиоза, кооперации, низкий уровень отношения к неудачам ребенка. Такие матери стремятся к эмоциональной близости со своим ребенком при высоком уровне требовательности к нему, полностью принимая его. Соблюдая последовательность в воспитательных действиях, они могут провоцировать конфронтацию в семье, но в деятельности ориентированы на альтруизм. Показаны различия в характеристиках матерей кровных детей и матерей с усыновленным ребенком, а женщины без опыта материнства более близки по своей мотивации, родительским установкам к усыновителям.

Ключевые слова: ребенок-сирота, усыновитель, мотивация, родительские установки.

В последнее время в России институт семьи значительно изменяет свою структуру и функции. Активно происходит отмирание традиционных форм семейного устройства и трансформация представлений о воспитании детей [2, с. 102]. Сиротство как социальное явление согласно всем его разновидностям [9, с. 270], находится в зависимости от семейного благополучия [6, с. 34]. Понимание, что ребенок должен жить в семье, поставило проблему устройства детей, оставшихся без попечения [11, с. 2107].

Важной является проводимая в последние годы в России семейная политика, направленная на укрепление сферы семейного устройства детей, оставшихся без родительского попечения, исследуются индивидуально-типические особенности личности с позиции социально-психологической зрелости, иерархии ценностей и особенности социальной идентификации приёмных родителей [1].

Значительно увеличивается число людей, не имеющих кровных детей, но благодаря усыновлению становящихся родителями [8, с. 120]. Социальная практика показывает, что не всегда биологические родители справляются с выполнением своих родительских функций, эти функции берут на себя социальные родители, как это происходит при усыновлении [12, с. 135]. При этом в рамках «открытого усыновления» важна роль специалистов и учреждений в рамках сопровождения семьи, содействующих сохранению связи между усыновленным ребенком и его биологическими родителями [14].

Отмечается уверенная тенденция увеличения числа усыновителей, имеющих кровных детей. Ресурсом данной категории усыновителей является опыт воспитания ребенка. В то же время среди мотивов принятия ребенка является часто нереализованный родительский

потенциал, разочарование в себе как родителей и желание «исправить ошибки» [13], которые могут оказаться рисками несложившихся отношений «усыновитель – приёмный ребенок». Таким образом, принятие решения об усыновлении требует от приемных родителей наличия жизненного опыта и психологической компетентности [4, с. 93], при этом актуальным и важным остается вопрос мотивации усыновления [5].

Учет мотивации усыновления позволяет с большой вероятностью прогнозировать успешность взаимной адаптации родителей и усыновленных детей и при необходимости оказывать психологическую помощь родителям в усыновлении и содействии становлению детско-родительского взаимодействия [10, с. 41], так как именно в мотивации усыновления заложен проект будущей идентичности замещающего родителя.

Родительские установки, без которых невозможно родительство, представляют собой готовность родителей действовать в определенной ситуации на основе своего эмоционально-ценностного отношения к элементам данной ситуации [7, с. 8]. По своему характеру родительские установки являются сложными и противоречивыми, что может быть обусловлено внешними и внутренними конфликтами родителей [7, с. 9].

Следовательно, изучение мотивационной сферы и родительских установок является приоритетной задачей при диагностике кандидатов в усыновители.

Основная цель нашего исследования – изучение связи мотивации личности женщины с ее родительскими установками.

Методики исследования: 1) диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О.Ф. Потемкина), 2) диагностика мотивационной структуры личности (В.Э. Мильман), 3) «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» (Е.Б. Фанталова), 4) авторская анкета, изучающая особенности мотивации усыновителей [3], 5) опросник родительского отношения (А.Я. Варга и В.В. Столин), 6) опросник «Взаимодействие «родитель – ребенок» (И. Марковская).

Выборка состояла из 150 человек, из которых: 50 матерей в возрасте от 29 до 39 лет, проживающих с усыновленными детьми дольше 1,5 лет (возраст детей – не старше 14 лет); 50 матерей в возрасте от 24 до 41 года, у которых – двое кровных детей в возрасте от 3 до 14 лет; 50 женщин в возрасте 18-19 лет без опыта материнства.

Результаты диагностики женщин с усыновленным ребенком:

1. Мотивация.

В вопросе социально-психологических мотивов личности доминирует ориентация на альтруизм (42%), процесс (32%). Выявлены общежитейская направленность личности (60%), малодоступность любви (40%) и избыточность присутствия интересной работы (50%), свободы как независимости в поступках и действиях (44%). В вопросе усыновления доминирует альтруистическая (60%) и в равной степени альтруистическая и нормативная (22%) мотивация усыновления.

2. Родительские установки.

По вопросу родительских установок для 88% женщин с усыновленным ребенком характерно доминирование среднего уровня симбиоза, для 70% – среднего уровня кооперации, для 64% – высокого уровня контроля, для 60% – высокого уровня принятия, для 54% – низкого уровня отношения к неудачам ребенка.

В отношении детей у 70% диагностируемых проявляется требовательность, у 62% – эмоциональная близость, у 56% – отвержение, у 56% – воспитательная конфронтация в семье, у 50% – непоследовательность.

3. Значимые различия и корреляционный анализ.

Женщины с усыновленным ребенком эмоционально ближе к своим детям, чем женщины с кровными детьми. При этом женщины с усыновленным ребенком по направленности мотивации усыновления и родительскому отношению не имеют различий с женщинами без опыта материнства.

Таким образом, связь мотивации и родительских установок показывает, что повышение мотивационной активности усыновителя снижает контроль за ребенком, а ориентация на любовь снижает удовлетворенность отношениями с ребенком, направленность на нормативную мотивацию снижает уровень принятия ребенка. В то время как при наличии альтруистической мотивации и ориентации на здоровье ребенка мать стремится полностью принять ребенка-сироту.

Результаты диагностики женщин с кровными детьми:

1. Мотивация.

В вопросе социально-психологических мотивов личности доминирует ориентация на результат (48%), альтруизм (26%). Выявлена рабочая направленность личности (38%), малодоступность интересной работы (54%), уверенности в себе (46%) и «избыточность присутствия» счастливой семейной жизни (36%), любви (28%). В вопросе усыновления доминирует прагматическая (46%) и кризисная (26%) мотивации.

2. Родительские установки.

По вопросу родительских установок для 74% женщин с кровными детьми характерно доминирование низкого уровня контроля, для 64% – низкого уровня кооперации, для 60% – низкого уровня симбиоза, для 58% – высокого уровня отношения к неудачам ребенка, для 54% – среднего уровня принятия ребенка.

В отношении детей у 80% диагностируемых проявляется требовательность, у 74% – тревожность за ребенка, у 68% – отвержение, у 66% – сотрудничество, у 60% – эмоциональная близость, у 54% – строгость, у 50% – удовлетворенность отношениями с ребенком.

3. Значимые различия и корреляционный анализ.

Женщины с кровными детьми эмоционально менее близки к своим детям, чем женщины с усыновленным ребенком, тем не менее, они значительно больше тревожатся за своих детей и в меньшей степени проявляют строгость при взаимодействии, по сравнению с представлениями о воспитании детей у женщин без опыта материнства. Женщины с кровными детьми большую значимость придают неудачам ребенка, чем женщины без опыта материнства.

У женщин с кровными детьми связь мотивации и родительских установок отсутствует.

Результаты диагностики женщин без опыта материнства:

1. Мотивация.

В вопросе социально-психологических мотивов личности доминирует ориентация на результат (36%), альтруизм (26%), рабочая направленность личности (42%), малодоступность интересной работы (22%) и «избыточность присутствия» свободы как независимости в поступках и действиях (22%), счастливой семейной жизни (20%), интересной работы (20%).

В вопросе усыновления доминирует альтруистическая (38%) и нормативная (28%) мотивации.

2. Родительские установки.

По вопросу родительских установок для 72% женщин без опыта материнства характерно доминирование среднего уровня симбиоза, для 58% – низкого уровня кооперации, для 54% –

высокого уровня принятия ребенка, для 50% – высокого уровня контроля, для 50% – высокого уровня отношения к неудачам ребенка.

В отношении своих представлений о ребенке 68% диагностируемых высказывают удовлетворенность отношениями с ребенком, 66% – эмоциональную близость, 64% – требовательность, 58% – строгость, 54% – контроль.

3. Значимые различия и корреляционный анализ.

Женщины без опыта материнства в большей степени в своих высказываниях проявляют строгость с детьми, значительно меньше тревожатся за ребенка, меньше придают значение неудачам ребенка в отличие от женщин с кровными детьми. Женщины без опыта материнства по мотивации на усыновление и родительским установкам схожи с женщинами с усыновленным ребенком.

У женщин без опыта материнства связь мотивации и родительских установок отсутствует.

Выводы. Мотивация и родительские установки женщин с усыновленным ребенком не похожи на мотивацию и родительские установки женщин с кровными детьми, однако схожи с мотивами усыновления и родительскими установками женщин без опыта материнства. Проведенное исследование личностных особенностей женщин без опыта материнства позволяет говорить, что формирование будущих усыновителей целесообразней проводить до появления кровных детей.

Библиографический список

1. Алдашева А.А., Зеленова М.Е., Сиваш О.Н. Ценностно-идентификационная направленность и особенности менталитета приемных родителей // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 3. С. 153-166.
2. Ефремова Ю.С. Причины трансформации института современного отношения к родительству // Педагогическое образование в России. 2014. № 2. С. 100-102.
3. Маркина О.А. Мотивация личности родителя приемного ребенка // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 2/2. С. 106-111.
4. Нагоева Р.А. Замещающая семья: возможности и проблемы социальной и психолого-педагогической подготовки // Психология и психотехника. 2014. № 1. С. 91-97.
5. Петрановская Л. Минус один? Плюс один! Приемный ребенок в семье. СПб.: Питер, 2015.
6. Понарина Н.Н., Холина О.И., Крамчанинова Н.В. Социальное сиротство в современной России: детерминанты воспроизводства и распространения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. Т. 2. № 11. С. 33-36.
7. Родители и дети: Психология взаимоотношений. М.: Когито-Центр, 2003.
8. Савинов Л.И. Социология родительства // Вестник Мордовского университета. 2007. № 2. С. 119-127.
9. Сушко Н.Г. Скрытое социальное сиротство как социально-психологический феномен // Вестник ТОГУ. 2009. № 2 (13). С. 269-276.
10. Ташева А.И. Психологические особенности феномена замещающего родительства // Северо-Кавказский психологический вестник. 2011. № 9/3. С. 39-42.
11. Хамадеева Р.Х. Отказничество как социальная проблема российского общества // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования: Материалы XVIII Междунар. конф. памяти проф. Л.Н. Когана (19-20 марта

2015 г. г. Екатеринбург). Екатеринбург: УрФУ. 2015. С. 2103-2110. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/32407>

12. Ходырева Е.Б. Социальное сиротство: анализ причин и пути решения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 3 (39). С. 132-137.

13. Cole S.A. Foster Caregiver Motivation and Infant Attachment: How do reasons for fostering affect relationships // Child and Adolescent Social Work Journal. 2005. № 22. P. 442.

14. Deborah H. Siegel Open Adoption: Adoptive Parents Reaction Two Decades Later // Social Work. 2013. Vol. 58. № 1. P. 50.

Markina O.A.

Krasnodar Technical College
Krasnodar

MOTIVATIONAL SPHERE AND PARENTAL ATTITUDES OF ADOPTIVE PARENTS

Abstract. The author argues about the significance of the relationship between the motivational sphere and parental attitudes in female adoptive parents. The toolkit was developed to diagnose the dominant motivation for adoption. The use of such toolkit in combination with methods for studying the motivational sphere and parental attitudes allowed us to create a portrait of a successful adoptive parent and identify potential adoptive parents among mothers who have two blood children, and women without experience of motherhood. The study found that adoptive parents have a high level of control, acceptance, an average level of symbiosis, cooperation, and a low level of attitude to the child's failures. Such mothers strive for emotional intimacy with their child with a high level of demands on it, fully accepting it. Following the sequence of educational actions, they can provoke confrontation in the family, but they are focused on altruism in their activities. Differences in the characteristics of mothers with blood children and mothers with an adopted child are shown in this article. And it is shown that the women without experience of motherhood are closer in their motivation and parental attitudes to adoptive parents.

Keywords: child-orphan, adoptive parent, motivation, parental attitudes.

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ БЫТИЯ КАК СРЕДСТВО УХОДА ОТ СУИЦИДА В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Аннотация. Проблема суицидов в подростковом возрасте всегда привлекала особое внимание. В последние годы статистика показывает снижение количества самоубийств, одновременно мы наблюдаем все большее вовлечение подростков в виртуальный мир. В данной статье рассматриваются: статистика суицидов среди подростков, основные причины самоубийств, данные о нахождении подростков в виртуальном пространстве. Исследование было направлено на изучение особенностей самореализации в социальных сетях, позволяющих решить проблемы, ведущие к суициду.

Ключевые слова: подростковый суицид, виртуальная реальность, социальные сети, самореализация в виртуальном мире.

Проблема суицида издавна волновала человечество. Статистика относительно возраста самоубийц выделяет молодежь как наиболее уязвимую группу. В настоящее время самоубийства являются второй ведущей причиной смерти людей в возрасте от 15 до 29 лет [5].

По мнению специалистов, подростковая психика предрасположена к суициду. На сухом языке медицины это называется специальным термином – «пубертатный суицид», то есть самоубийство, совершенное в пору полового созревания [3]. Коэффициент смертности от самоубийств (на 100 000) в 2012 г в возрасте от 15 до 29 составил 27,3 и стоит на втором месте после возрастной категории 70+ (32,1) [5].

По данным ВОЗ, изменение показателя частоты самоубийств в 2000-2012 гг. в Российской Федерации составил 44,4% [5]. Тенденцию снижения количества суицида в последние два десятилетия связывают с достижением высочайшего уровня технологичности коммуникаций между людьми. Прогресс в области развития персональных компьютеров и мобильных телефонов сделал мгновенным получение и обмен информацией, что позволило людям не только общаться в режиме реального времени, но и получать большее количество информации [1].

Социальные сети прочно вошли в жизнь современных подростков. По данным исследования, опубликованного информационно-аналитическим центром «Парето» 72,9% молодых людей находятся в Интернете, когда есть свободное время, 13,5% – большую часть времени.

Виртуальное пространство предоставило возможность разрешить проблемы, которые в материальном мире решить не представляется возможным. Данный фактор стал одним из причин снижения суицида, т.к. акт самоубийства у подростков во многих случаях связан не с желанием уйти из жизни, а с попыткой выйти из сложившейся ситуации.

Анализируя чувства, стоящие за суицидальными действиями, суицидологи выделили четыре основные причины самоубийства [3]:

1. Изоляция – чувство, что тобой никто не интересуется и тебя не понимают. Молодые люди, погруженные в мысли о самоубийстве, как правило, чувствуют себя одинокими, беспомощными и отверженными.

Социальные сети дают возможность общения, не ограниченного расстоянием, социальным статусом и образованием. Виртуальное пространство предоставляет возможность высказать свое мнение заинтересованному данной темой кругу людей, быть услышанным и получить обратную связь.

В ноябре 2013 года исследовательский холдинг Ромир провел опрос городского населения на тему наличия у респондентов хобби и увлечений. Оказалось, что три четверти жителей российских городов с пользой и удовольствием проводят свободное время (хобби нет у 24% опрошенных). Многочисленные группы виртуального пространства объединяют людей по интересам независимо от возраста, места проживания и финансовых возможностей. Страницы социальных сетей, каналы на видеохостинге YouTube дают возможность продемонстрировать свое творчество и уникальные способности широкому кругу зрителей, привлечь внимание и получить отклик.

Пользователи отмечают, что в общении в социальных сетях гораздо меньше ограничений, чем в реальной коммуникации. В социальных сетях люди могут более открыто высказывать своё мнение [4].

2. Беспомощность – когда человек ощущает, что его жизнь находится вне его контроля.

Виртуальная реальность обладает свойствами субъективно-идеального существа, так как ее параметры могут меняться в соответствии с волей и желанием субъекта, не принимая во внимание то, что ее существование для данного субъекта определяется им же [2].

Различные возможности проявления индивидуальности, свободное высказывание собственной позиции в социальных сетях позволяет молодым людям реализовывать потребность в самовыражении (реализация функции самоактуализации) и достижении определенного статуса среди сверстников (реализация функции самопрезентации). Так или иначе, как путем самопрезентации, так и путем подкрепления со стороны других участников, происходит конструирование идентичности. Именно в социальных сетях подростки могут позволить себе бесчисленные эксперименты по конструированию собственного имиджа. По данным исследования, более 60% подростков зарегистрировано в 3 и более социальных сетях, что дает им возможность пробовать себя в разных образах, состоять в различных группах, заводить более разнообразный круг друзей [4].

3. Безднадежность - когда будущее ничего хорошего не предвещает.

Просторы социальных сетей открывают возможность общения как со знакомыми, так и не знакомыми людьми, следить за жизнью кумиров. Это дает возможность создать внешние «точки опоры», с которыми подросток может себя идентифицировать. Данные персонажи могут выступать как «ролевые модели», ориентируясь на которые индивид выбирает свой стиль поведения, свои ориентиры идентичности.

4. Чувство собственной незначимости – когда человек имеет низкую самооценку, чувствует себя некомпетентным или стыдится себя.

Пользователям социальных сетей предоставляется возможность позиционировать себя более успешными, чем в реальной жизни. Общение в реальном пространстве в большинстве ограничивается сферой, объединяющей по роду деятельности (учебная деятельность, работа и т. п.). Информацию об остальных аспектах жизни объекта общество получает через самопрезентацию объекта. В виртуальном пространстве можно спроецировать свой идеальный образ и позиционировать его как реальный. Общественное мнение будет

сформированно на основе этого образа и определит соответствующее отношение к данной личности.

Многочисленные фильтры и программы обработки фотографий делают пользователей виртуального пространства внешне более привлекательными, дают возможность скрыть недостатки, являющиеся причиной комплексов и заниженной самооценки. В тоже время отзывы в социальных сетях носят обобщающий, лишенный конкретики характер, выражают положительные эмоции в одном-двух словах, а зачастую и вовсе знаком (лайк, класс и т. п.).

Люди с заниженной самооценкой обладают сверхчувствительностью к лести и похвале. В реальной жизни не принято делать комплименты друг другу и давать положительные оценки. Тогда как в социальных сетях данные действия можно приравнять к рамкам этикета и нормам общения.

Таким образом, в связи с интенсивной виртуализацией бытия, мы получаем все больше возможностей для самореализации, что в свою очередь может снизить риски суицида. Данный тезис, однако, нуждается в дальнейшей разработке и эмпирической проверке.

Библиографический список

1. Дуткин, М.П. Коммуникационные технологии (мессенджеры) и самоубийства // Вестник северо-восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия «Медицинские науки». 2016. № 3 (4). С. 36-38.

2. Мулякаева Л.А. Виртуальная реальность в нашем мире // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 11 (28). С. 918-919.

3. Макаров П.В. Профилактика, коррекция и реабилитация подросткового суицида (учебно-методическое пособие). М., 2013.

4. Роль виртуальных социальных сетей в жизни современного школьника: науч. доклады (отчеты о НИР). М.: МГППУ, 2014.

5. Предотвращение самоубийств. Глобальный императив: доклад Всемирной организации здравоохранения. Женева: ВОЗ, 2014.

Tkachenko K.A.
Sochi State University
Sochi

VIRTUALIZATION OF BEING AS A MEANS OF AVOIDING SUICIDE IN ADOLESCENCE

Abstract. The problem of suicide in adolescence has always attracted special attention. In recent years, statistics show a decrease in the number of suicides, while we are seeing an increasing involvement of teenagers in the virtual world. This article discusses; statistics of suicide among adolescents, the main causes of suicide, data on the presence of adolescents in the virtual space. The study was aimed at studying the features of self-realization in social networks that help solve problems leading to suicide

Keywords: teen suicide, virtual reality, social networks, self-realization in the virtual world.

Туманьян Карина Георгиевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург
karinatumanyan@gmail.com

Дожер Мэри
Университет Делавэр
Ньюарк (США)
mdozier@psych.udel.edu

Чернего Дарья Ивановна
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург
chernego@gmail.com

Мухамедрахимов Рифкат Жаудатович
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург
rjm@list.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МАТЕРЕЙ С ДЕТЬМИ В ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЬЯХ, УЧАСТВУЮЩИХ В ПРОГРАММЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА «АВС»¹⁶

Аннотация. Известно, что дети, в раннем возрасте имевшие опыт проживания в сиротских учреждениях, испытывают трудности при взаимодействии с родителями после перевода в замещающие семьи и нуждаются в качественной поддержке со стороны служб сопровождения. Целью настоящего исследования является изучение характеристик взаимодействия матерей с детьми в замещающих семьях, участвующих в научно обоснованной программе раннего вмешательства «АВС». В группу замещающих семей вошли 23 пары «ребенок – близкий взрослый», распределенные в две подгруппы: семьи, участвовавшие в программе «АВС» (n=14), и семьи, получавшие одну консультацию специалиста (n=9). Для оценки характеристик взаимодействия между матерью и ребенком использовалась методика ORCE (ORCE: NICHD Early Child Care Research Network, 1996). Определено, что чувствительность матерей, участвовавших в программе «АВС», к сигналам ребенка значительно повышается, а интрузивное (вмешивающееся) поведение снижается по сравнению с первоначальными показателями. Среди семей, получавших одну консультацию, значимых различий по характеристикам взаимодействия не выявлено.

Ключевые слова: раннее вмешательство; замещающая семья; ранний возраст; программа психологического сопровождения; качество взаимодействия.

Введение. Проведенные в последние десятилетия многочисленные исследования детей с опытом институционализации, проживающих в замещающих семьях, свидетельствуют о положительных изменениях физического и познавательного развития [15] и, в тоже время, о проявлениях нарушения психического здоровья и особенностей во взаимодействии с близким взрослым после перевода в замещающую семью [9; 14]. Ранние исследования взаимодействия и формирования привязанности показали, что ведущее значение для раннего развития ребенка имеет чувствительность близкого взрослого [4; 6], которая определяется как способность своевременно и уместно реагировать на сигналы ребенка, следовать за его инициативой. Впоследствии чувствительность, отзывчивость и эмоциональная доступность близкого

¹⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00249/20 «Изучение нейрогуморальных показателей развития у детей младенческого и раннего возраста, воспитывающихся в замещающих семьях».

взрослого во взаимодействии с ребенком стали выступать в качестве ключевой точки воздействия в ряде научно обоснованных программ раннего вмешательства [10; 11].

Российские исследования показали, что, по сравнению с взаимодействием родителей и детей в биологических семьях, во взаимодействии замещающих матерей с детьми с опытом проживания в доме ребенка отмечается больше раздражительности, меньше теплоты, удовольствия и подстраивания под состояние ребенка [3]. С увеличением длительности пребывания ребенка в условиях институционализации до принятия в семью число трудностей, с которыми сталкивается родитель, увеличивается: у детей понижается уровень эмоциональной устойчивости и возрастает степень проявления агрессивности. Родители, в свою очередь, чаще проявляют негативные эмоции, раздражение и чаще критикуют детей, что согласуется с зарубежными данными об изменении поведения матерей и детей в приемных (фостерных) семьях и семьях усыновителей [10]. Участие семьи в программе психологического сопровождения приводит к снижению негативных проявлений поведения у детей [1], однако такие исследования в российских замещающих семьях единичны, и в литературе наблюдается недостаток данных о влиянии научно обоснованных программ ранней помощи на качество взаимодействия матерей и детей в отечественных замещающих семьях.

Целью настоящего исследования является изучение характеристик взаимодействия матерей с детьми в замещающих семьях (приемных и семьях усыновителей), участвующих в программе раннего вмешательства «ABC» («Attachment and Biobehavioral Catch-Up Intervention») [5; 10]. Основная *гипотеза* исследования состоит в том, что характеристики взаимодействия матерей (с детьми) в замещающих семьях после участия в программе раннего вмешательства «ABC» будут выше по сравнению с показателями до начала вмешательства.

Участниками исследования выступили 23 пары «ребенок – близкий взрослый» из замещающих семей (8 мальчиков и 15 девочек) со средним возрастом детей на время первого обследования 23.3 ± 10.5 (от 8 до 47), второго обследования – 28.7 ± 11.0 месяцев. Дети не имели тяжелых медицинских диагнозов и генетических заболеваний, их опыт проживания в условиях учреждения (дом ребенка, больница) составлял 10.2 ± 7.7 (от 1 до 25) месяцев, а проживания в замещающей семье – 12.4 ± 8.4 (не менее 2) месяцев. Возраст замещающих матерей на время первого обследования составил 40.9 ± 8.4 (от 29 до 68) лет. Пары «ребенок – замещающий родитель» были распределены в две группы: 1 – семьи, участвовавшие в программе «ABC» (14 пар с возрастом детей на время первого обследования 23.3 ± 9.6 , второго – 28.8 ± 10.3 месяцев; 5 мальчиков и 9 девочек), 2 – получившие одну консультацию специалиста (9 пар, возраст детей, соответственно, 24.6 ± 11.7 и 29.3 ± 11.7 ; 3 мальчика и 6 девочек).

Обследование проводилось в специально оборудованном помещении на факультете психологии Санкт-Петербургского государственного университета. Исследование было выполнено во взаимодействии с Отделом развития ребенка Университета Делавэра (США) в рамках пилотного проекта «Изучение биоповеденческих показателей развития детей с опытом социально-эмоциональной депривации, участвующих в программе раннего вмешательства» (руководители Р.Ж. Мухамедрахимов и М. Дожер), в том числе при поддержке гранта РФФИ «Изучение нейрогуморальных показателей развития у детей младенческого и раннего возраста, воспитывающихся в замещающих семьях» (грант № 20-013-00249/20, руководитель – Д.И. Черного).

Программа «ABC» является одной из наиболее распространенных программ ранней помощи для детей в замещающих семьях США, лишившихся заботы биологических родителей и имевших опыт жестокого обращения в раннем возрасте. Положительный долговременный эффект программы был показан в улучшении качества взаимоотношений

ребенка и близкого взрослого, снижении риска формирования дезорганизованной привязанности, а также в улучшении показателей поведенческого контроля и нейрогуморального развития ребенка [5; 8]. Основными компонентами программы являются формирование чувствительности матери к сигналам ребенка, повышение синхронности ее взаимодействия с ребенком и следования его инициативам и уменьшение проявления ею навязчивого и пугающего ребенка поведения. Программа включает в себя 10 одночасовых (один раз в неделю) сессий с ребенком и родителем, во время которых помогающий родителю психолог поддерживает и усиливает необходимое родительское поведение, используя своевременные позитивные комментарии, описывающие поведение матери в ответ на сигналы ребенка [8; 10]. В настоящем исследовании вмешательство было проведено сотрудниками и выпускниками кафедры психического здоровья и раннего сопровождения детей и родителей факультета психологии СПбГУ, успешно прошедшими обучение в Университете Делавэр, США. Альтернативная форма вмешательства была представлена в форме одной консультации психолога по вопросам развития ребенка, обычно доступной в центрах для ребенка и семьи.

Метод исследования включал 5-минутную видеозапись свободной игры матери и ребенка с использованием набора игрушек, соответствовавшим возрастным интересам ребенка. Анализ видеозаписи проводился по методике ORCE (Observational Record of the Caregiving Environment) [13], с использованием пятибалльной шкалы и оценки таких количественных и качественных показателей взаимодействия со стороны матери, как «Чувствительность/отзывчивость к нестрессовым проявлениям ребенка», «Интрузивность», «Позитивное отношение». Оценка видеозаписей была проведена членом научного коллектива, прошедшим обучение у экспертов из Университета Делавэра (США) с уровнем совпадения результатов оценивания не ниже 75%.

Анализ данных, полученных по методике ORCE, проводился с применением дисперсионного анализа (Mixed MANOVA) с независимыми факторами в виде принадлежности к группе (1 – «ABC», 2 – консультация специалиста) и зависимыми в виде значений показателей взаимодействия матерей до и после вмешательства, с использованием программного пакета SPSS Inc. Статистические характеристики представлены в тексте средними значениями и стандартными отклонениями ($M \pm SD$).

Результаты свидетельствуют об отсутствии значимых различий между показателями взаимодействия матерей групп 1 и 2 до участия в программе вмешательства: «Чувствительность» – 3.6 ± 1.02 и 3.4 ± 1.01 ; «Интрузивность» – 2.6 ± 1.09 и 2.2 ± 1.09 ; «Позитивное отношение» – 4.3 ± 0.47 и 4.0 ± 1.0 ($p > 0.10$) соответственно. После участия в программе матери группы 1 показали более низкие значения по шкале «Интрузивность» ($F(1, 21) = 6.6, p < 0.001$) и более высокие – по шкале «Чувствительность» ($p = 0.097$, в тенденции), по сравнению с матерями, получившими консультацию.

Показано, что у матерей, участвовавших в программе «ABC», наблюдалось улучшение взаимодействия с детьми по показателям «Чувствительность» (с 3.6 ± 1.01 до 4.5 ± 0.65 , $F(1, 21) = 10.1, p < 0.01$) и «Интрузивность» (снижение с 2.6 ± 1.09 до 1.3 ± 0.47 , $F(1, 21) = 6.6, p < 0.001$). У замещающих матерей, получивших разовую консультацию, значимых изменений по показателям взаимодействия не выявлено.

Обсуждение результатов. Данное исследование посвящено изучению взаимодействия матерей с детьми в российских замещающих семьях до и после участия в научно обоснованной программе раннего психологического вмешательства «ABC». Предложенная замещающим семьям программа ранней помощи является одной из наиболее эффективных и активно используемых специалистами служб ранней помощи США, стран Западной Европы и

Австралии. Программа реализуется на раннем этапе принятия ребенка в семью и направлена на удовлетворение потребностей развития ребенка раннего возраста во взаимодействии с чувствительным и стабильным близким взрослым [2; 8; 12].

Изучение влияния программы вмешательства «АВС» на качество взаимодействия матерей с детьми показало, что чувствительность/отзывчивость матерей к нестрессовым сигналам ребенка повышается, а интрузивное (навязчивое, пугающее) поведение снижается после участия в программе. При этом в результате участия в программе помощи, не направленной на усиление родительских навыков, характеристики взаимодействия матерей с детьми значимо не изменились, по сравнению с первоначальными показателями. Было выявлено, что матери демонстрируют менее чувствительное поведение по отношению к ребенку, хуже распознают сигналы и следуют за инициативой, чаще вмешиваются в деятельность ребенка, проявляют чрезмерно интенсивное и даже пугающее ребенка поведение. Полученная информация согласуется с результатами, полученными зарубежными коллегами, при использовании данной программы вмешательства [7].

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие *выводы*:

1. Направленная на улучшение взаимодействия матерей и детей программа раннего вмешательства «АВС», по сравнению с консультацией по вопросам развития ребенка, положительно изменяет взаимодействие матерей с детьми в замещающих семьях, что проявляется в повышении их чувствительности к сигналам ребенка и снижении интрузивного поведения.

2. Результаты применения программы раннего вмешательства «АВС» для российских замещающих семей свидетельствуют о ее эффективности, возможности и необходимости внедрения в систему ранней помощи замещающих семей Российской Федерации.

Библиографический список

1. Мухамедрахимов Р.Ж., Асламазова Л.А., Вершинина Е.А. Роль программы психологического сопровождения в динамике поведенческих проявлений привязанности у детей, воспитывающихся в замещающих семьях // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 3. С. 53-63.
2. Мухамедрахимов Р.Ж., Солодунова М.Ю., Черного Д.И. Программы ранней помощи детям в замещающих семьях // Материалы съезда Российского психологического общества / Сост. Л.В. Артищева; под ред. А.О. Прохорова и др. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. Т. 3. С. 92-93.
3. Плетенёва М.В., Мухамедрахимов Р.Ж. Особенности взаимодействия детей раннего возраста с родителями в замещающих семьях // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2013. № 3. С. 22-31.
4. Ainsworth M.D.S., Blehar M.C., Waters E., Wall S. (1978) Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
5. Bernard K., Meade E.B., Dozier M. (2013) Parental synchrony and nurturance as targets in an attachment based intervention: building upon Mary Ainsworth's insights about mother-infant interaction, Attachment & Human Development, 15:5-6, P. 507-523.
6. Bowlby J. (1969). Attachment and loss: Vol. 1. Attachment (2nd ed.). New York: Basic Books.
7. Caron E., Weston-Lee P., Haggerty D., Dozier M. (2016) Community implementation outcomes of attachment and bio behavioral catch-up. Child Abuse & Neglect, 53, P. 128-137.
8. Dozier M., Bernard K. (2019) Coaching parents of vulnerable infants: attachment and biobehavioral catch-up approach. N.Y.: Guilford Press, 266 pp.

9. Dozier M., Bernard K. (2017) Attachment and Biobehavioral Catch-up: Addressing the needs of infants and toddlers exposed to inadequate or problematic caregiving. *Current Opinion in Psychology*, 15, P. 111-117.
10. Dozier M., Lindhiem O., Ackerman J. (2005) Attachment and biobehavioral catch-up. In L. Berlin, Y. Ziv, L. Amaya-Jackson, & M.T. Greenberg (Eds.), *Enhancing Early Attachments*. N.Y.: Guilford, P. 178-194.
11. Juffer F., Bakermans-Kranenburg M. J., Van IJzendoorn M.H. (eds). (2007). *Promoting Positive Parenting: An Attachment-based Intervention*. New York, NY: Taylor & Francis.
12. Juffer F., Struis E., Werner C. Bakermans-Kranenburg, M.J. (2017) Effective preventive interventions to support parents of young children: Illustrations from the Video-feedback Intervention to promote Positive Parenting and Sensitive Discipline (VIPP-SD), *Journal of Prevention & Intervention in the Community*, 45 (3), P. 202-214.
13. NICHD Early Child Care Research Network (1996) Characteristics of infant child care: Factors contributing to positive caregiving. *Early Childhood Research Quarterly*, 11, P. 269-306.
14. Van den Dries L., Juffer F., Van IJzendoorn M.H., Bakermans-Kranenburg M.J. (2009) Fostering security? A meta-analysis of attachment in adopted children // *Child Youth Services Review*. V. 31. P. 410-421.
15. Van IJzendoorn M.H., Juffer F. (2006) Adoption as intervention: Meta-analytic evidence for massive catch-up and plasticity in physical, socio-emotional and cognitive development // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. V. 47. P. 1228-1245.

Tumanyan K.G.

Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg

Dozier M.

University of Delaware
Newark (USA)

Chernego D.I.

Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg

Mukhamedrakhimov R.Zh.

Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg

INTERACTION OF MOTHERS WITH CHILDREN IN SUBSTITUTE FAMILIES PARTICIPATING IN THE ABC INTERVENTION PROGRAM

Abstract. It is known that children who have had the experience of living in orphanages at an early age have difficulties interacting with their parents after being transferred to substitute families and need high-quality support from support services. The purpose of this study is to study the characteristics of the interaction between mothers and children in substitute families participating in "ABC", a science-based early intervention program. The group of substitute families included 23 child-close adult couples divided into two subgroups; families who participated in the ABC program (n=14) and families who received one specialist consultation (n=9). The ORCE method (Orce: NICHD Early Child Care Research Network, 1996) was used to evaluate the characteristics of the mother-child interaction. It was determined that the sensitivity to the child's signals significantly increases with mothers who participated in the ABC program, and intrusive (interfering) behavior decreases in comparison with the initial indicators. There were no significant differences in interaction characteristics among families who received one consultation.

Keywords: early intervention; substitute family; early age; psychological support program; quality of interaction.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20-013-00249/20.

Шабалина Екатерина Владимировна
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург
Ka.terin.ka.15@yandex.ru
Мухамедрахимов Рифкат Жаудатович
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург
rjm@list.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДЕТЕЙ С БЛИЗКИМИ ВЗРОСЛЫМИ НА ВЫХОДЕ ИЗ ДОМА РЕБЕНКА И В ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЬЯХ¹⁷

Аннотация. Согласно результатам множества исследований, проживание в раннем возрасте в сиротских организациях, депривующих потребность ребенка во взаимодействии с чувствительным и постоянным близким взрослым, негативно сказывается на развитии ребенка. В данном исследовании с помощью метода PCERA (Clark, 1985) изучаются особенности взаимодействия детей из типичного дома ребенка с сотрудниками перед выходом из учреждения (N=10 детей; возраст 21.6 ± 12.7 мес.) и далее с замещающими родителями спустя 0-24 (N=12; 43.8 ± 15.3) и 25-48 (N=9; 57.8 ± 15.7) месяцев жизни в замещающей семье. По данным исследования, качество взаимодействия детей с близким взрослым в замещающей семье остается невысоким, а после 2-х лет жизни в семье у детей снижается эмоциональная стабильность и сотрудничество, растет негативный аффект. При этом общий показатель взаимодействия ребенка и взрослого, как и показатели со стороны ребенка, улучшаются с возрастом детей. Полученные данные указывают на потребность замещающих семей в программе психологического вмешательства, направленного на сопровождение процесса формирования и развития взаимодействия и привязанности.

Ключевые слова: дети, взаимодействие с близким взрослым, дом ребенка, замещающая семья.

Исследования детей с опытом институционализации, проживающих в замещающих семьях, указывают на наличие у них нарушений сенсорного, физического, когнитивного, социально-эмоционального развития, расстройств поведения и привязанности [6; 7; 8]. При этом одним из механизмов, опосредующих негативное влияние ранней депривации в условиях дома ребенка, а также смягчающих последствия институционализации после перехода в замещающую семью считается качество взаимодействия ребенка с близким взрослым [4; 5; 6]. В литературе делается акцент на изучение привязанности ребенка к близкому взрослому в замещающих семьях, тогда как изучение качества взаимодействия диад в замещающих семьях весьма ограничено [2].

Целью данного исследования является изучение особенностей взаимодействия детей с опытом проживания в детском учреждении с депривационными условиями с близким взрослым как на выходе из дома ребенка, так и в замещающей семье.

Исследование проводилось на базе типичного дома ребенка г. Санкт-Петербурга. После перехода детей из данного дома ребенка в замещающую семью, родители были проинформированы социальным работником о возможности участия в данном исследовании.

¹⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00249/20 «Изучение нейрогуморальных показателей развития у детей младенческого и раннего возраста, воспитывающихся в замещающих семьях».

В итоге в работе приняли участие 22 пары с детьми в возрасте до 4 лет (10 мальчиков, 12 девочек; средняя длительность пребывания в учреждении – 11.2 ± 6.9 мес., среднее время в семье – 23.1 ± 11.3 мес., возраст при обследовании – 29.3 ± 22.9 мес.).

Дизайн исследования. Анализ взаимодействия проводился на трех этапах: 1) на выходе из дома ребенка (с сотрудницами ДР в качестве близкого взрослого; $N = 10$, возраст 21.6 ± 12.7); 2) в течение первых 24 месяцев в замещающей семье (с приемными родителями или опекунами; $N = 12$, 43.8 ± 15.3); 3) 25-48 месяцев в замещающей семье ($N = 9$, 57.8 ± 15.7). Всего был изучен 31 случай взаимодействия детей с близкими взрослыми.

Методика исследования. Оценка характеристик взаимодействия ребенка и взрослого проводилась по видеозаписи 5-минутного эпизода их свободной игры, анализируемой с использованием методики PCERA (The Parent – Child Early Relational Assessment) [3]. Анализ проводился прошедшими специальное обучение кодерами по 65 показателям взаимодействия, оцениваемым по пятибалльной шкале (1 – проблемная область, 5 – область проявления сильных сторон).

Для упрощения структуры показателей взаимодействия был проведен факторный анализ, в результате которого были получены следующие факторные показатели: со стороны ребенка – 1) Активность, качество исследовательской игры; 2) Эмоциональная стабильность, отсутствие негативного аффекта, сотрудничество; 3) Положительные эмоции, зрительный контакт. Со стороны взрослого – 1) Чувствительность к сигналам ребенка, отражение, вовлеченность во взаимодействие; 2) Отсутствие негативных эмоций и реакций, предсказуемость; 3) Энтузиазм, жизнерадостность, положительные эмоции. В диаде – 1) Взаимность, регуляция взаимодействия, позитивная вовлеченность. Также учитывались суммарные показатели для детей и взрослых, а также общий суммарный показатель (сумма всех факторов).

Методы анализа данных. Анализ данных проводился с использованием ковариационного анализа (ANCOVA) для суммарных показателей взаимодействия и многомерного ковариационного анализа (MANCOVA) для отдельных факторных показателей с ковариатой в виде возраста ребенка и с проведением парных сравнений с корректировкой по критерию Бонферрони. Решения о статистической достоверности принимались на 5% уровне значимости, однако в отдельных случаях рассматривались результаты на уровне 5-10% ввиду относительно небольшого объема выборки. Математическая обработка проводилась с помощью пакета программы SPSS 23.

Результаты. Результаты статистического анализа не выявили изменений качества взаимодействия детей с близкими взрослыми при переходе из дома ребенка в семью как со стороны суммарных (ANCOVA), так и отдельных факторных показателей (MANCOVA).

Попарные сравнения для общего суммарного показателя не выявили значимых различий в качестве взаимодействия между обследованиями на разных этапах, хотя наблюдалось снижение суммарной оценки в течение 24 месяцев после перехода из дома ребенка в замещающую семью (24.9 ± 1.27 и 23.18 ± 0.92 , $p > 0.1$). В целом, качество взаимодействия с 25 до 48 месяцев в семье осталось на том же уровне (23.27 ± 1.26 , $p > 0.1$). Тенденция к улучшению общего показателя взаимодействия прослеживалась только в связи с увеличением возраста ребенка (23.57 ± 3.42 , 23.4 ± 3.19 , 24.46 ± 3.19 , $p = 0.1$).

Суммарный показатель взаимодействия со стороны взрослого также не показал значимых изменений, но оценки сотрудниц дома ребенка были чуть выше, чем у родителей в обеих точках в замещающей семье (10.61 ± 0.69 против 9.25 ± 0.5 и 9.92 ± 0.69 , $p > 0.1$). Не было обнаружено

различий между этапами и по отдельным показателям взрослых «Чувствительность к сигналам ребенка, отражение, вовлеченность во взаимодействие» (3.4 ± 0.22 , 2.96 ± 0.16 , 3.17 ± 0.22 , $p > 0.1$), «Отсутствие негативных эмоций и реакций, предсказуемость» (3.53 ± 0.31 , 3.22 ± 0.22 , 3.57 ± 0.31 , $p > 0.1$), «Энтузиазм, жизнерадостность, положительные эмоции» (3.69 ± 0.27 , 3.07 ± 0.2 , 3.19 ± 0.27 , $p > 0.1$).

Взаимодействие со стороны детей улучшается только в связи с возрастом (10.12 ± 1.37 , 10.93 ± 1.32 , 11.08 ± 1.43 , $p = 0.012$). При исключении влияния возраста, суммарный детский показатель несколько ухудшается от обследования в доме ребенка ко второй точке в семье (10.95 ± 0.5 , 10.79 ± 0.36 , 10.34 ± 0.49 , $p > 0.1$), но изменения не достигают высокого уровня значимости. Изменения показателя «Эмоциональная стабильность, отсутствие негативного аффекта, сотрудничество» связаны с возрастом детей (3.92 ± 0.53 , 3.84 ± 0.44 , 3.71 ± 0.52 , $p = 0.004$), а при исключении влияния возраста наблюдается существенное снижение значений данного показателя у детей, проживающих в замещающей семье от 24 до 48 месяцев, по сравнению с обследованием на выходе из дома ребенка (4.26 ± 0.17 и 3.41 ± 0.17 , $p = 0.021$). Показатели «Активность, качество исследовательской игры» (3.38 ± 0.52 , 3.91 ± 0.42 , 3.86 ± 0.71 , $p = 0.059$), «Положительные эмоции, зрительный контакт» (2.82 ± 0.49 , 3.18 ± 0.7 , 3.51 ± 0.36 , $p = 0.08$) также улучшаются по мере того, как дети становятся старше, но не в связи с переходом из дома ребенка в семью или на разных этапах обследования в семье.

Взаимодействие в диаде немного ухудшается от 1-ого к 3-ему этапу, но не значимо (3.34 ± 0.23 , 3.15 ± 0.17 , 3.02 ± 0.23 , $p > 0.1$).

Обсуждение. По результатам изучения взаимодействия детей с опытом институционализации с близкими взрослыми по большинству показателей не выявлено изменений в качестве взаимодействия на разных этапах обследований. Учитывая значения среднегрупповых показателей взаимодействия на использованной шкале оценки (от 1 до 5), полученный результат свидетельствует об одинаково невысоком уровне взаимодействия, наблюдаемом как в условиях типичного дома ребенка, так и в замещающих семьях. С одной стороны, этот результат соответствует полученным ранее данным о низком качестве взаимодействия детей с персоналом в типичном доме ребенка, уступающем качеству взаимодействия в домах ребенка с улучшенным социально-эмоциональным окружением [1]. С другой стороны, отсутствие значимых изменений качества взаимодействия детей со взрослыми после принятия и нескольких лет проживания в замещающей семье свидетельствует о значительных нарушениях в системе взаимодействия «ребенок – близкий взрослый» не только в доме ребенка, но и в замещающих семьях, что может быть связано как с привнесением детьми негативного институционального опыта взаимодействия в условия семьи, так и с дефицитами в подготовке к взаимодействию и взаимодействию с приемными детьми со стороны замещающих родителей. Данные свидетельствуют о потребности детей с опытом институционализации и приемных родителей в программе психологического вмешательства, направленного на сопровождение процесса формирования и развития взаимодействия и привязанности на наиболее ранних этапах проживания ребенка в замещающей семье.

Установлено, что все детские показатели взаимодействия улучшаются по мере взросления ребенка, что согласуется с данными литературы [1; 6]. Снижение оценок по показателю «Эмоциональная стабильность, отсутствие негативного аффекта, сотрудничество» после 24 месяцев проживания ребенка в семье может быть связано тем, что, согласно данным исследований [1], сотрудницы в учреждении нечувствительны к эмоциональным потребностям ребенка и с большей симпатией относятся к спокойным и

послушным детям, что вынуждает детей сдерживать свой негативный аффект и сотрудничать с персоналом в целях получения положительного отклика со стороны сотрудниц. В замещающей семье, по-видимому, родители терпимее относятся к негативным эмоциональным проявлениям и негативизму, но всё также нечувствительны к потребностям ребенка, в связи с чем он начинает расширять репертуар своих реакций.

Выводы. На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. В целом, при переходе из типичного дома ребенка в замещающую семью качество взаимодействия ребенка с близким взрослым не меняется. В частности, значения общего показателя взаимодействия, суммарного и отдельных показателей взаимодействия со стороны взрослого и ребенка, а также показателя взаимодействия в диаде, на выходе из дома ребенка и на разных этапах обследования в семье значимо не отличаются.

2. Общий показатель, суммарный показатель взаимодействия со стороны ребенка и показатели «Эмоциональная стабильность, отсутствие негативного аффекта, сотрудничество», «Активность, качество исследовательской игры» и «Положительные эмоции, зрительный контакт» улучшаются с увеличением возраста ребенка.

3. Со 2-ого по 4-ый год жизни в замещающей семье у детей наблюдается снижение эмоциональной стабильности и сотрудничества, увеличение негативного аффекта, по сравнению с обследованием на выходе из учреждения.

Библиографический список

1. Влияние изменения раннего социально-эмоционального опыта на развитие детей в домах ребенка / Под ред. Р.Ж. Мухамедрахимова. М., 2009.

2. Плетенёва М.В., Мухамедрахимов Р.Ж. Особенности взаимодействия детей раннего возраста с родителями в замещающих семьях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2013. № 3. С. 22-31.

3. Clark R. The Parent-Child Early Relational Assessment: Instrument and manual. Madison: University of Wisconsin Medical School, Department of Psychiatry, 1985.

4. Garvin M.C., Tarullo A.R., Van Ryzin M., Gunnar M.R. Postadoption parenting and socioemotional development in postinstitutionalized children // Development and psychopathology, 2012. Vol. 24. № 1. P. 35-48.

5. Hawk B.N., McCall R.B., Groark C.J., Muhamedrahimov R.J., Palmov O.I., Nikiforova N.V. Caregiver sensitivity and consistency and children's prior family experience as contexts for early development within institutions // Infant mental health journal, 2018. Vol. 39. № 4. P. 432-448.

6. McCall R.B., Groark C.J., Hawk B.N., Julian M.M., Merz E.C., Rosas J.M., Nikiforova N.V. Early caregiver-child interaction and children's development: Lessons from the St. Petersburg-USA Orphanage Intervention Research Project // Clinical child and family psychology review, 2019. Vol. 22. № 2. P. 208-224.

7. Rutter M., Beckett C., Castle J., Colvert E., Kreppner J., Mehta M., et al. Effects of profound early institutional deprivation: An overview of findings from a UK longitudinal study of Romanian adoptees // Wrobel G., Neil B. (eds.) International advances in adoption research for practice. Chichester, UK: John Wiley & Sons, 2009. P. 147-168.

8. Van IJzendoorn M.H., Juffer F. Adoption as intervention: Meta-analytic evidence for massive catch-up and plasticity in physical, socio-emotional and cognitive development // Journal of Child Psychology and Psychiatry, 2006. Vol. 47. P. 1228-1245.

Shabalina E. V.
Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg
Mukhamedrakhimov R. Zh.
Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg

**FEATURES OF INTERACTION BETWEEN CHILDREN AND CLOSE ADULTS
WHEN LEAVING THE CHILD'S HOME AND IN SUBSTITUTE FAMILIES**

Abstract. According to the results of many studies, living at an early age in orphanages and thus depriving the child's need to interact with a sensitive and constant close adult, negatively affects the child's development. In this study, the PCERA method (Clark, 1985) is used to study the interaction between children and employees from a typical children's home before the child leaves the institution (N=10 children; age 21.6 ± 12.7 months) and then with substitute parents after 0-24 (N=12; 43.8 ± 15.3) and 25-48 (N=9; 57.8 ± 15.7) months of life in a substitute family. According to the study, the quality of interaction between children and a close adult in a substitute family remains low. After 2 years of family life, children's emotional stability and cooperation decreases, and the negative affect increases. At the same time, the overall indicator of interaction between a child and an adult, as well as indicators on the part of a child, improves with the age of the children. The data obtained indicates the need for substitute families to participate in a program of psychological intervention aimed at supporting the process of formation and development of interaction and attachment.

Keywords: children, interaction with a close adult, children's home, substitute family.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20-013-00249/20.

THE QUALITY PARENTING INITIATIVE: SUPPORTING EXCELLENT PARENTING IN THE UNITED STATES

Abstract. The United States foster care system has many problems, such as the lack of a real standard of care, legal restrictions on the ability of foster parents to make decisions or act on behalf of children in their care, volunteer work, and many others that ultimately lead to substandard care for many children in out-of-home placement. The Youth Law Center developed the Quality Parenting Initiative (QPI). QPI agencies focus on support for excellent foster parenting rather than support for foster parents, making appropriate placements rather than putting unreasonable expectations on families. Most QPI sites support peer mentorship programs for foster parents. Experienced foster parents who have provided excellent care for children work with new foster parents to assist them in working with children families and the system. Foster parents are involved with pre-service training and recruitment as well. The Quality Parenting Initiative seeks to improve the experience of children and the families that care for them by clearly defining expectations and supporting families in meeting these expectations.

Keywords: foster parenting, support, Quality Parenting Initiative.

The Problem. Foster Parents in the United States are primarily volunteers who receive a stipend that is intended to cover the child's expenses, but is most often totally inadequate. Some foster parents who care for children with special medical needs are specially trained and compensated for their time. Others who care for children who are "hard to place", older children, sibling groups, children with behavioral problems are paid what is in reality an incentive to encourage them to accept these children. In most cases, other than medical homes this is not tied to the actual tasks a parent is expected to perform or time he or she is expected to expend. In addition, every state and within states often every local area has a different rate structure. Often government contracts with private agencies which also compensate differently.

In part because of this reliance on volunteers, in most jurisdictions, the expectations of foster parents are not clearly defined and so the quality of children's experience varies widely. Since systems have not defined the job, they cannot reliably support excellent performance. Instead supports are very general, pre-service training and continuing training requirements, transportation, respite care and apply to all families. Events like "foster parent appreciation" celebrate quantity, number of children served, or longevity, years served, or willingness to accept difficult to place children, rather than quality of care.

The ultimate, logical result of this approach is substandard care for many children in out-of-home placement. In fact, there is no real standard of care beyond basic food, clothing, shelter, supervision, medical care and education. This is not to say that many, many foster parents are excellent, loving parents to children in their care. It is only to say that agencies have no way of expecting, assessing or supporting this type of care.

Compounding this problem is the fact that foster care in the United States is designed to be a time limited arrangement for children whose are expected to return home. Although many foster parents do adopt few are guaranteed the ability to adopt when children are first placed in their home.

This means that the responsibilities of a foster parent are quite different from those of a legal parent and that foster parents' ability to make decisions for or act on behalf of children in their care are legally limited.

The Approach. In response to this situation, the Youth Law Center developed the Quality Parenting Initiative (QPI) (www.qpi4kids.org, www.qpiflorida.org, www.qpinevada.org, www.qpicalifornia.org). This approach began as a pilot in three areas in Florida in 2008 and has now expanded to five states serving over 100,000 children, approximately 20% of the foster care population.

The principles behind QPI are:

1. Every child needs strong relationships and, particularly excellent parenting throughout childhood even when in the care of the government;
2. Excellent parenting should be clearly defined based on developmental research;
3. Foster care policy and practice must be designed and aligned around the goal of providing excellent parenting and supporting relationships, which requires a culture-shift;
4. This change in culture policy and practice must be informed and driven by practitioners and consumers including foster parents, youth and birth families.

QPI agencies focus on support for excellent foster parenting rather than support for foster parents. In other words, the intent of support is to ensure that the agency is able to recruit and retain parents who are capable of providing excellent care for children rather than homes that can provide beds. The first responsibility of the agency is therefore to reach a community consensus on what excellent foster parenting entails.

While each community has a slightly different definition most expect and emotional commitment to the child, full participation in the care of the child, participation in decision-making for the child, work with the child's legal family and cooperative partnership with other professionals in the foster care system. Most of these expectations cannot be met without the full support of the agency responsible for the child. The definition of foster parent support is therefore much broader than the services most commonly provided.

For example, the primary form of support that foster parent identify is the need for respectful partnership. Foster parents identify a lack of respect from the system and the public as being a primary reason for either leaving foster care or discouraging others from participating. Respect takes the tangible form of returning phone calls, text and emails promptly, communicating all available information about a child to the foster parent, including the foster parent in decision making, informing the foster parent of critical developments in the child's legal case among other things.

Another less traditional form of support is making appropriate placements rather than putting unreasonable expectations on families. Too often in overburdened systems children are placed with families that do not have the time or emotional resources to meet their needs. Families often receive children without adequate information about their needs. Children and families are matched only by physical capacity and not by personal strengths and weaknesses.

Most QPI sites support peer mentorship programs for foster parents. Experienced foster parents who have provided excellent care for children work with new foster parents to assist them in working with children families and the system. Foster parents are involved with pre-service training and recruitment as well.

Too often children are removed from a foster family, even a family that has cared for the children for months or even years, with little or no notice to the family. QPI sites commit to a developmentally sensitive transition process and to maintaining connections between the child and the family even after the child has returned to parents or a relative or an adoptive home. Thus the

foster parents and their own children do not suffer the pain of continually making and losing relationships.

Foster parents are encouraged to develop and maintain relationships with the child's legal family. While this may seem like a responsibility rather than a support, in fact, when successful, this helps reduce behavioral and emotional problems for the child and reduces stress on the whole foster family. Because they are working with the family, the foster family becomes a full respected team member. The conflict among adults working with the child is substantially reduced.

This approach to support is outlined in Partnership Plans in QPI sites for example see <http://www.qpi4kids.org/documents/bestPractices/FosterVCKidsparnterhsipplanFINAL.pdf> These embody a mutually supportive relationship focused around meeting the needs of the child.

Conclusion. While it is unquestionable that foster parents do not receive adequate material compensation for the work they do, the major complaints of families in the US focus on a lack of respect and an inability to effectively help children in their care. The Quality Parenting Initiative seeks to improve the experience of children and the families that care for them by clearly defining expectations and supporting families in meeting these expectations. Each of these innovations was developed by foster parents practitioners, birth families and youth working together to improve care.

Kevin Williams
CEO The Fostering Network
London, UK
kevin.williams@fostering.net

THE MOCKINGBIRD FAMILY MODEL A SUPPORT FOR FOSTER CARERS

Abstract. In 2019 our biannual survey State of The Nation's Foster Care found that there are a large number of difficulties have arisen in the existing system of foster care for children left without parental care in the UK: foster carers say their fostering allowance does not cover the full cost of caring for a child; carers were not given additional support or training, did not receive independent support following an allegation; would not recommend fostering to others who were considering it, etc. In order to address some of these issues The Fostering Network funded by The Department for Education established The Mockingbird Family Model in the UK. The model involves the establishment of A Constellation of 8 - 10 Fostering Households Supported by a Hub Home (the switchboard, coordinator and energy source of the Constellation necessary to preserve placements, strengthen relationships, nurture permanence and provide support to Satellite home families).

Keywords: Mockingbird Family Model, foster carers, support, UK.

The Fostering Network is the UK's Leading Fostering Charity supporting foster carers and Fostering Services. We are the essential network for fostering bringing together everyone who is involved in the lives of fostered children. We champion fostering and seek to create vital change so that foster care is the very best it can be.

In 2019 our biannual survey State of The Nation's Foster Care found that the typical profile of a foster carer was aged between 45 and 54 years. Was female fostering with their partner and currently has one or two children in placement and generally had no birth children living at home. In the last 12 months 50% of foster carers have looked after a child who has either had involvement with the police, self-harmed or caused violence in the home or run away. 26% say it is not clear what day to day decisions they can make. 42% say they were not treated as an equal and valued member of the team around the child by the Children's social worker.

Only 59% had an agreed annual training plan. Only 44% feel out of hours support is good whilst only 37% feel they receive good short-term break/respite. Only 21% of placements that were disrupted were proceeded by a review. 59% of foster carers say their fostering allowance does not cover the full cost of caring for a child. Over 75% of carers were not given additional support or training when they took a child outside of their approval range. 67% of respondents did not receive independent support following an allegation. 45% of Foster Carers would not recommend fostering to others who were considering it.

As a result of the above we often see children have a disrupted care journey leading to poor wellbeing, lower quality of relationships and poorer educational attainment. There is a high incidence of placement breakdown and poor carer retention rates. There can be poor birth family and sibling contact.

In order to address some of these issues The Fostering Network funded by The Department for Education established The Mockingbird Family Model in the UK. The model involves the establishment of A Constellation of 8 - 10 Fostering Households Supported by a Hub Home. The Hub Home is "The switchboard, coordinator and energy source of the Constellation necessary to preserve

placements, strengthen relationships, nurture permanence and provide support to Satellite home families.”

To date in the UK 1,478 people involved in benefiting from the Mockingbird Programme including 733 children and young people. An average constellation includes 8 homes, 16 adults and 16 young people.

17% [87 out of 521] of carers say that they would have resigned had it not been for the support offered by the Mockingbird Programme. 1 in 5 placements would have broken down if they hadn't been supported by the Mockingbird programme. Of 543 placements 115 breakdowns have been avoided.

References

1. The Fostering Network State of The Nation's Foster Care summary report, 2019.

TRAINING AND SUPPORTING FOSTER CARERS AND ADOPTIVE PARENTS IN ESTONIA

Abstract. This article describes the system of training and support of foster carers and adoptive parents in Estonia. Families go through several steps: an assessment, PRIDE pre-training and PRIDE training. The PRIDE (Parent Resources for Information, Development and Education) program has been used for the training of foster families in Estonia since 2000s. Families are trained and assessed through 5 essential competency categories of PRIDE model: protecting and nurturing children; meeting children's developmental needs; supporting children's relationships with their birth families and others. Various support services are offered for foster, adoptive and kinship families. They can be used both during the preparatory period (before the child arrives) and when the child is already in a family. For family-based substitute careers there are: mentoring, individual (psychological, supervision) counseling and group counseling (support groups, supervision groups and mini trainings).

Keywords: PRIDE program, foster care, adoptive parents, training, support.

Estonian substitute care system has undergone major changes in recent years. Estonia doesn't have agency based system, we have centralized system where Social Insurance Board organizes adoption and foster care (assessment, registering and placement in cooperation with the local government, also runs campaigns to find new families). National Institute for Health Development is responsible for conducting PRIDE training, developing materials and training trainers. NGOs provide support services to families. Social Insurance Board determines the types of support services, concludes contracts with service providers and develops services. Many activities are supported by the European Union Social Fund.

The process of preparing a foster family begins with a consultation at Social Insurance Board. This is followed by writing a letter of motivation and filling an application. Assessment process includes family study and submitting documents, e.g on health and income [1].

Thereafter the family is directed to the PRIDE pre-training waiting list.

Training is mandatory for foster families [2] and highly recommended for adoptive parents, but also for kinship families. PRIDE pre-training can be completed in both Estonian and Russian language.

PRIDE (Parent Resources for Information, Development and Education) training

The PRIDE program has been used for the training of foster families in Estonia since 2000s. The PRIDE Model of Practice was initially created by a partnership of Child Welfare League of America (CWLA) and Illinois Department Children Family Services (DCFS), numerous agencies, organizations and a university around the USA and OKS in the Netherlands [3].

In the period from September 2016 to March 2017, the PRIDE pre-training materials in Estonia have been updated to better meet the needs of Estonian families and conditions. Experienced PRIDE trainers and professional experts were involved in the development of the materials. Piloting renewed PRIDE pre-training started 2017 and 20 trainers were selected, recruited and trained [4].

In 2018, 10 PRIDE pre-training groups took place, during which 116 people were trained. In 2019, 7 PRIDE pre-training groups took place. 2 of these groups will continue in 2020. 84 people were trained. The trainings are conducted in different areas of Estonia to allow families to participate in the training a little closer to home. The trainings are free for families [5].

An average group size is 10-12 people in one training group and in same group can be adopters, foster parents and kinship families. Different people and experiences enrich the group. Each group has two PRIDE trainers, one with child protection work experience and the other with experience as an adoptive parent or guardian, foster parent. It takes an average of 3-4 months to complete PRIDE pre-training.

PRIDE pre-training consists of 9 sessions and lasts a total of 58 academic hours:

Session One: Connecting with PRIDE

Session Two: Teamwork Towards Permanency

Session Three: Meeting Developmental Needs: Attachment

Session Four: Meeting Developmental Needs: Loss

Session Five: Strengthening Family Relationships

Session Six: Meeting Developmental Needs: Discipline

Session Seven: Continuing Family Relationships

Session Eight: Planning for Change

Session Nine: Making an Informed Decision.

Classroom study 39 academic hours (one study session lasts 3 hours and 15 minutes and usually takes place in the evening of workday or on weekends) [5].

Independent work 15 academic hours (reading PRIDE book and filling in “Life book”, reading additional material) [5].

Family visit 2 academic hours, during which potential adopters or foster family meets in their home environment. During family visits, trainers help the family analyze their past and present life experiences and identify their strengths and needs [5].

In the end of training there are co-assessment meeting 2 academic hours, during which trainers and families talk about the skills acquired during the training, family resources, needs and readiness to become a parent to a child who has been separated from their parents [5].

Families are trained and assessed through 5 essential competency categories of PRIDE model.

- Protecting and nurturing children.
- Meeting children’s developmental needs
- Supporting children’s relationships with their birth families
- Connecting children to safe, nurturing relationships intended to last a lifetime
- Working as a member of a professional team [6].

After finishing training the same group has 5 supervision meetings (20 academic hours). These meetings will take place within a year to two years after the pre-training. The purpose of supervision is to talk about challenges that have maybe arisen in raising a child who has come to the family and families still expecting children in the family can manage their feelings. During the supervision different topics can be discussed in an open atmosphere and the trainers can talk about further support and help if necessary [5].

Supervisions are not mandatory for families, but most families are happy to participate. Often some members of the group stay in touch with each other and supervision is a good opportunity to see others.

In order that adoptive parents and foster families continue to develop their knowledge and skills, PRIDE basic trainings are also offered for families. Basic training topics are about child's

development and affection; abuse and neglect; understanding and supporting a teenager; supporting life story and roots of a child; child's mental health; supporting biological children in the family when a new child joins the family; positive parenting. The trainings take place either on Saturdays (8 academic hours) or on weekday evenings (every 4 academic hours). In addition, National Institute for Health Development provides childcare for the family if necessary. The duration of the trainings varies, 16-33 academic hours [5].

Support services for foster families

Various support services are offered for foster, adoptive and kinship families. They can be used both during the preparatory period (before the child arrives) and when the child is already in a family. And they are free for families. Services are offered by different NGO-s who have contracts with Social Insurance Board.

For family-based substitute careers there are: mentoring, individual (psychological, supervision) counseling and group counseling (support groups, supervision groups and mini trainings) [7].

The support system and trainings offer foster families opportunity to gain knowledge and preparation to take care of children in need of parental care and family. The challenge is how to motivate families to take part in support services. The goal is to raise awareness and reduce problems so that children can grow up in safe and loving environment.

References

1. Tarkvanem. URL: <https://tarkvanem.ee/kasupere/lapsendamiseks-valmistumine/>.
2. Asendushooldusteenuse ja turvakodusteenuse osutamisel lapsele teenust vahetult osutava isiku täienduskoolituse tingimused ja kord. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/112072019014>
3. Foundation Op Kleine Schaal (OKS). URL: <https://www.fosterpride.eu/resources-pride-model-of-practice.html>
4. Tervise Arengu Instituut, asendushoolduse kvaliteedi tõstmine. URL: <https://www.tai.ee/et/tegevused/koolituskeskus/koolitused/tat-asendushoolduse-kvaliteedi-tostmine>
5. Tervise Arengu Instituut, Pride koolitus. URL: <https://www.tai.ee/et/tegevused/koolituskeskus/koolitused/pride-koolitus>
6. Tervise Arengu Instituut, Pride koolituse voldik. URL: https://intra.tai.ee/images/prints/documents/154807147525_PRIDE_est.pdf
7. Sotsiaalkindlustusamet, Asendushoolduse tugiteenused. URL: <https://www.sotsiaalkindlustusamet.ee/et/lapsed-japere/lastekaitse/asendushoolduse-tugiteenused>

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ НА СТЫКЕ КУЛЬТУР, СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК И ПОЛИТИЧЕСКИХ СЦЕНАРИЕВ

Алдашева Айгуль Абдулхаевна

Институт психологии РАН

Москва

aigulmama@mail.ru

Зеленова Марина Евгеньевна

Институт психологии РАН

Москва

mzelenova@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА СОЦИАЛЬНЫХ ВОСПИТАТЕЛЕЙ¹⁸

Аннотация. В связи с многочисленными проблемами, возникшими в результате семейного устройства детей-сирот, Министерство просвещения РФ заявило о необходимости создания единой «системы психологической, педагогической, юридической, медицинской и материальной помощи приемным семьям». Был также поставлен вопрос об ограничении количества воспитанников в одной семье и обязательном психологическом обследовании приемных родителей. Все это определило актуальность и практическую значимость представленного исследования. Целью работы выступило изучение личностных особенностей (социальной идентичности и ценностных ориентаций) социальных воспитателей. Выборку составили 144 респондента с разным количеством приемных детей. Результаты исследования позволили установить, что с увеличением количества детей у респондентов наблюдается рассогласование между выбором групп идентификации как агентов воспитания и ценностными ориентациями, отвечающими критериям благополучия семьи и детей. Показано, что многодетные приемные родители в большей степени осознают себя профессионалами и выбирают референтные группы, связанные с воспитанием как трудовой деятельностью.

Ключевые слова: социальная идентичность, позитивная идентификация, менталитет, иерархия ценностей, социальные воспитатели, дети-сироты.

Выполнение государственной программы семейного устройства детей, воспитывающихся в детских домах, способствовало появлению новой профессии «социальный воспитатель» и нового вида приемной семьи, которую можно считать «профессиональной приемной семьей», так как усыновители («социальные воспитатели») заботятся о детях в соответствии с трудовым законодательством и получают материальное вознаграждение. Накопленный опыт жизнедеятельности таких семей свидетельствует о позитивном воспитательном результате. Однако появились и негативные факты, свидетельствующие о семейном неблагополучии. Зафиксированы случаи насилия над детьми, рост отказов и возврат детей в попечительские заведения и т. д. В связи с этим на государственном уровне принято решение о введении обязательного психологического обследования социальных воспитателей и поставлен вопрос об уменьшении количества детей, которых берет под опеку одна семья [6]. Это определило практическую направленность и актуальность настоящего психологического исследования.

¹⁸ Госзадание по теме № 0159-2020-0001.

С позиций социальной психологии семья представляет собой системное образование и рассматривается как малая группа, имеющая определенные структурные особенности внутригруппового взаимодействия, базирующиеся на ценностно-этических установках, отражающих позицию ее членов в пространстве совместной деятельности. Социальная идентичность рассматривается как один из наиболее значимых механизмов личностного освоения социальных норм и характеризует человека как самостоятельного и социально-зрелого. Согласно социально-психологическим исследованиям, личностные свойства, ценности и жизненные ориентиры ближнего круга общения оказывают основное влияние на характер социализации детей и формирование у них позитивной социальной идентичности [7; 10; 11 и др.]. Как отмечают Schäfer и Schlöder, ценности «создают идентичность» человека, а посредством изучения содержания и иерархии смысложизненных аттитюдов можно анализировать особенности социальной идентичности индивида [12].

С позиций психологии труда ценности и идентичность (прежде всего, социальная и профессиональная) являются важными составляющими профессионального менталитета субъекта деятельности, что приобретает особую значимость в процессе отбора и подготовки специалистов, занятых в помогающих видах труда, к которым относится и новая социономическая профессия помогающего профиля «социальный воспитатель» [2; 5 и др.].

Обзор литературы по проблеме социальной идентичности позволил нам выделить три уровня (первичный, меза- и мета-), на которых происходит выбор референтных групп и формирование позитивной социальной идентичности в соответствии с нормами и ценностями, принятыми в этих группах [3]. В понимании социальной идентичности мы опираемся на определение В.А Ядова, рассматривающего социальную идентичность как составляющую менталитета, как осознанное переживание человеком своей принадлежности к различным социальным общностям – малым и большим группам, включая семью и этнонациональные группы, государство и человечество [11]. Среди функций социальной идентичности мы выделяем адаптационную, ориентировочную и целевую, рассматривая их как ключевые в процессе семейной социализации детей-сирот.

Результаты анализа разных источников позволили сформулировать *цель данного исследования*: выявление особенностей социальной идентичности и ценностных ориентаций социальных воспитателей в семьях, принявших под свою опеку разное количество детей из социальных учреждений.

Организация исследования. Исследование проводилось на базе ГБУ Центр «Детство». Выборку составили семейные пары – социальные воспитатели (СВ), воспитывающие детей на возмездной основе в соответствии с условиями трудового договора. Всего: n=144 человека; M=45,5±5 лет; стаж приемного родительства – 6,4±5 лет. При обследовании все участники были разбиты на следующие подгруппы: подгруппа СВ1 – семьи, принявшие 1 или 2 детей, N=98; подгруппа СВ2 – семьи, воспитывающие от 3 до 5 приемных детей, N=21; подгруппа СВ3 – семьи, принявшие более 6 детей, N=25.

Методики исследования. Для выявления структуры социальной идентичности была использована «Методика социологического шкалирования» Н.И. Дадрих, позволяющая оценить степень идентификационной значимости 16-ти социальных групп разного уровня. Вычислялись коэффициенты позитивной социальной идентификации для следующих социальных общностей: 1. «Семья»; 2. «Друзья»; 3. «Соседи»; 4. «Единомышленники»; 5. «Люди Вашего возраста»; 6. «Люди Вашего достатка»; 7. «Коллеги»; 8. «Люди Вашей профессии»; 9. «Имеющие те же проблемы»; 10. «Люди Вашей национальности»; 11. «Люди

Вашей религии»; 12. «Человечество»; 13. «Россияне»; 14. «Европейцы»; 15. «Советские люди»; 16. «Горожане» [4].

Для выявления структуры ценностей была использована широко применяемая в психологических исследованиях методика Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» (УСИД) [8].

Методы математико-статистической обработки данных включали частотный анализ, метод А.В. Карпова для оценки целостности системы как структурного образования, методы корреляции (к- Спирмена и “τ” Кендалла), метод сравнительного анализа (U-Манна-Уитни).

При анализе результатов были привлечены эмпирические материалы, полученные нами на предыдущих этапах обследования приемных семей [1-3], а также данные социологического опроса Н.И. Даудрих [4].

Результаты исследования.

1. Вычисление коэффициентов позитивных выборов по методике Н.И. Даудрих и сравнение подгрупп респондентов между собой показало, что структура социальной идентичности отличается у респондентов СВ1 и СВ3. Достоверные различия касаются выбора таких социальных общностей, как «семья», «единомышленники», «люди Вашего достатка», «коллеги», «люди Вашей религии» – респонденты СВ3 чаще выбирают перечисленные группы по сравнению с респондентами СВ1 ($P < 0,05$). При сравнении подгрупп СВ2-СВ3 достоверные различия обнаружены в отношении группы «коллеги», при этом коэффициент идентификации с «коллегами» у СВ3 значимо выше, чем у СВ2 ($P < 0,04$). Сравнение структуры социальной идентичности подгрупп СВ1-СВ2 показало, что СВ2 чаще выбирают такие группы, как «семья», «люди Вашей национальности» и «человечество» ($P < 0,05$).

Анализ особенностей ответов по методике социального шкалирования показал также, что респонденты СВ1 по сравнению с СВ2 и СВ3 в большей степени ориентированы на эталоны и ценности первичного уровня – «знакомых», «друзей», «близких» и чаще испытывают трудности при оценке своей принадлежности к группам мезауровня («европейцы», «человечество», «люди вашей религии» и др.).

2. Статистическая обработка показала, что респонденты СВ1, СВ2 и СВ3 различаются количеством референтных групп с высокими коэффициентами позитивной идентификации. Так, для СВ1 среднее составляет 5 референтных выборов, для СВ2 – 9 выборов, для СВ3 – 11 из 16-ти возможных выборов. Т. е. с ростом числа приемных детей растет число групп личностной значимости, которые респонденты характеризуют как «всегда ощущаю общность интересов, взглядов с группой...». Однако, по данным Н.И. Даудрих, среднестатистический выбор россиян составляет 3-4 группы и осуществляется на основе семейной, дружеской или профессиональной близости [12].

Для анализа целостности структуры социальной идентичности социальных воспитателей использовался метод А.В. Карпова [17]. Вычислялись индексы когерентности (ИКС), дивергентности (ИДС) и организованности (ИОС) социальной идентичности для родителей СВ1, СВ2 и СВ3. Было получено, что все индексы уменьшаются в направлении СВ1→СВ2→СВ3, что означает нарастание диффузности и уменьшение упорядоченности и целостности социальной идентичности социальных воспитателей при увеличении количества приемных детей.

Множественная идентификация, по мнению ученых, свидетельствует о неструктурированности социальной идентичности человека. За этим может скрываться как феномен «самосверхконформности» [9], так и маргинальность личности, ее низкая мотивированность на целенаправленную деятельность [11]. По мнению Е.П. Ермолаевой,

маргинализм приемных родителей является переменной, затрудняющей формирование идентичности приемных детей [13]. Кроме того, выбор большого числа референтных групп рассматривается как признак «нечувствительности» к границам другого, что негативно влияет на внутрисемейное взаимопонимание и нежелательно для лиц, работающих с детьми [3].

3. Построение иерархии ценностей по методике УСЦД Е.Б. Фанталовой и выявление взаимосвязей «ценности – социальная идентичность» на мезо-, мета- и первичном уровнях позволили установить следующее. Чем меньше приёмных детей в семье, тем больше социальные воспитатели ориентированы на сущностные характеристики сообществ разного уровня социального пространства. Ценностно-идентификационные установки респондентов СВ2, и, в особенности, СВ3 можно охарактеризовать как излишне множественные и хаотичные. Т. е. мы получили факты, свидетельствующие о том, что только приемные родители СВ1, воспитывающие одного-двух детей, имеют ценностно-идентификационные установки, в наибольшей степени соответствующие ценностно-идентификационным выборам среднестатистических кровных родителей, для которых родительско-семейная сфера взаимодействия является первостепенной и наиболее значимой. Установлено также, что чем больше детей находится под опекой в одной семье, тем чаще респонденты осознают свою принадлежность к профессии «социальный воспитатель» и выделяют профессиональные критерии при выборе групп как эталонов для социальной идентификации (соответствующие пункты методики Даудрих «люди Вашей профессии», «коллеги» и др.). Социальные работники, курирующие приемные семьи, также отмечают, что в многодетных семьях организация быта, распорядка дня и повседневное внутрисемейное взаимодействие часто протекает по образцу группового взаимодействия, принятого в детских домах.

Подводя итоги, можно отметить, что результаты исследования позволили выявить наличие ряда негативных психологических тенденций в пространстве социально-ценностных ориентаций приемных родителей, под опекой которых одновременно находится более 5-ти детей-сирот. Полученные эмпирические результаты могут быть учтены как при подборе кандидатов в социальные воспитатели, так и в ситуациях, когда уже существующие многодетные приемные семьи желают принять на воспитание еще одного или нескольких социальных сирот.

Библиографический список

1. Алдашева А.А., Зеленова М.Е. Профессиональный менталитет как ресурс успешности социальных воспитателей // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. № 1. С. 23-47.
2. Алдашева А.А., Гуцыкова С.В., Зеленова М.Е. Профессиональный менталитет как регулятор деятельности социальных воспитателей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 2. С. 20-36.
3. Алдашева АА, Зеленова М.Е., Сиваш О.Н. Социальная идентичность и ценностные ориентации приемных родителей с разным количеством детей // Социальная психология и общество. 2019. № 3. С. 137-156.
4. Даудрих Н.И. Социальная идентичность: методический аспект // Социологические исследования. 2000. № 13. С. 77-95.
5. Ермолаева Е.П. Идентификационные аспекты профессиональной приемной семьи // Мир науки. 2015. № 4. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/18PSMN415.pdf>
6. Мисник Л. Родителей выбирают небрежно: систему опеки ждут реформы // ГАЗЕТА.RU. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2018/08/16/11898325.shtml>.

7. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб.: ИГУП, 1999.
8. Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара: БАХРАХ-М., 2001.
9. Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность. Теория и методы диагностики: Учеб.-метод. пособ. М.: МПСИ, 2007.
10. Шульга Т.И. Социализация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». 2012. № 3. С. 73-82.
11. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности //Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
12. Sheffer B., Shleder B. Sotsialnaya identichnost i gruppovoye soznaniye kak mediatory mezhgruppovogo povedeniya // Identichnost: Khrestomatiya / Sost. L.D. Shneyder. – М.: Izd-vo MPSI; Voronezh: NPO «MODEK». 2008. P. 170-195.

Aldasheva A.A.

Institute of Psychology of the Russian Academy of Science
Moscow

Zelenova M.E.

Institute of Psychology of the Russian Academy of Science
Moscow

SOCIAL IDENTITY AS A COMPONENT OF THE PROFESSIONAL MENTALITY OF SOCIAL EDUCATORS

Abstract. The article presents empirical results that reveal the features of social identity and value orientations of social educators with a different number of orphans in a foster family. 144 respondents were divided into groups: 1) families with 1-2 adoptive children; 2) families that have adopted from 3 to 5 children; 3) families with more than 6 children. It is shown that with an increase in the number of children in the family, a mismatch is observed between the choice of identification groups as parenting agents and value orientations that meet the criteria for the well-being of the family and children. It was established that large adoptive parents are more aware of themselves as professionals and choose reference groups related to education as a labor activity.

Keywords: social identity, positive identification, mentality, hierarchy of values, social educators, orphans.

Funding: State assignment on № 0159-2020-0001.

Аполлонов Иван Александрович
Кубанский государственный технологический университет
Краснодар
obligo@yandex.ru
Тучина Оксана Роальдовна
Кубанский государственный технологический университет
Краснодар
tuchena@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ¹⁹

Аннотация. В статье рассматривается проблема концептуализации региональной идентичности как психологического феномена и способов ее исследования. Авторы предлагают рассматривать региональную идентичность как самоопределение человека в среде региона. Для исследования особенностей региональной идентичности был разработан авторский опросник, включающий количественные и качественные шкалы. Первая часть опросника включает количественные шкалы «возможности и перспективы жизни в регионе», «валентность региональной идентичности», «оценка уникальности региона», «личный вклад в развитие региона». Вторая часть опросника представляет собой структурированное интервью, целью которого является исследование личностно-смысловых аспектов региональной идентичности, а также включает ряд вопросов для выявления символических аспектов региональной идентичности и различных аспектов бытия в контексте региона. Психометрическая проверка показала высокую валидность и надежность диагностического инструмента.

Ключевые слова: региональная идентичность; количественные и качественные методы исследования; социальная идентичность.

Категория «региональная идентичность» в современном научном дискурсе, с одной стороны, является достаточно разработанной в разных аспектах и ракурсах исследований, основанных на богатом эмпирическом материале. С другой стороны, обширный и весьма разнообразный эмпирический материал создает неоднозначное представление о данном феномене, обуславливая сложность выявления общих параметров исследования.

В самом общем виде региональная идентичность рассматривается как комплекс установок и смыслов, связанный с процессом интерпретации регионального своеобразия. В рамках исследования феномена региональной идентичности можно выделить ряд направлений. Первое представляет собой исследование региональной мифологии как социально оформленного знания о регионе [4; 7], в том числе исследование и конструирование таких проявлений региональной идентичности, как региональная политическая символика [3; 8].

Следующее направление исследования региональной идентичности представляет собой изучение и интерпретации пространства и места (географических образов и др.) [9]. Еще один аспект исследования региональной идентичности представляет собой анализ региональных политических культур, ментальных особенностей региональных общностей [2; 6]. Отдельное

¹⁹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-413-230020 р_а «Глобальная, национальная и региональная идентичность молодежи Кубани в контексте представлений о будущем».

научное направление составляют работы, анализирующие особенности и механизмы конструирования региональной идентичности [5; 10; 11].

В современных условиях особую актуальность приобретает проблема инструментов исследования региональной идентичности. Для исследования особенностей региональной идентичности в рамках проекта РФФИ был разработан авторский опросник, включающий количественные и качественные шкалы. Региональная идентичность концептуализируется как самоопределение человека в среде региона [1]. Количественные шкалы опросника включают традиционно выделяемые измерения идентичности: когнитивные эмоциональные и поведенческие (готовность действовать в интересах региона, его развития) (модификация опросника С.А. Литвиной, О.И. Муравьевой). Разработка методики осуществлялась с использованием средств статистического анализа, соответствующих современной методологии психологических исследований. Сбор первичных данных осуществлялся на выборке из 417 респондентов – жителей Кубани. Проверка опросника проводилась по параметрам конструктивной валидности и надежности. При измерении конструктивной валидности использовалась методология конфирматорного факторного анализа. Для проверки надежности (выборку составили 205 респондентов) применялись методы описательной статистики, анализ с использованием коэффициента α -Кронбаха, метод анализа главных компонент (θ -надежность).

В результате факторного анализа были выделены четыре основных фактора. Первый можно обозначить как «возможности и перспективы жизни в регионе» (19,2% объясняемой дисперсии). Он включает шкалы «Я вижу развитие края, улучшение качества жизни в нем» (,763), «Я вижу в нашем крае много возможностей для работы и профессионального развития» (,804), «Я вижу, что в крае постоянно создаются новые возможности» (,800), «Жизнь в крае удовлетворяет почти всем моим жизненным потребностям и запросам» (,610), «я строю планы о дальнейшей жизни в Краснодарском крае» (,512) (Альфа Кронбаха ,878).

Второй фактор, обозначенный нами «валентность региональной идентичности» (17,52% дисперсии), включает шкалы «Я отчетливо чувствую себя именно кубанцем» (,786), «Я обычно говорю «мы», а не «они», когда я говорю о жителях Кубани» (,765), «Если кто-то хвалит Кубань, я воспринимаю это как личный комплимент» (,684), «Именно на Кубани я чувствую себя дома» (,670), «Я с удовольствием рассказываю о своем крае тем, кто с ним не знаком» (,512) (Альфа Кронбаха ,874).

Третий фактор, названный нами «оценка уникальности региона» (14,47% дисперсии), включает шкалы «У меня много друзей в городе и крае» (,588), «Кубань – один из самых интересных регионов России» (,504), «Мне приятно, когда жители других регионов и гости оценивают наш край как интересный, видят его особенности» (,692), «У Кубани есть свои яркие особенности, уникальность» (,770), «Кубань имеет свое «лицо» среди регионов России» (,662) (Альфа Кронбаха ,826).

Четвертый фактор, обозначенный как «личный вклад в развитие региона» (13,11% дисперсии), состоит из шкал «В том, что наш край развивается, есть и мой вклад» (,758), «Я с удовольствием участвую в жизни края» (,714), «Я уверен, что моя сегодняшняя деятельность важна для моего края» (,733), «Я стараюсь приносить пользу своему краю и его жителям» (,758) (Альфа Кронбаха ,806).

Последующее использование шкал опросника для исследования особенностей социальной идентичности показало положительную корреляцию выраженности всех показателей региональной идентичности с выраженностью гражданской и позитивной этнической идентичности.

Вторая часть опросника представляет собой структурированное интервью, целью которого является исследование личностно-смысловых аспектов региональной идентичности (вопрос «Что для вас лично значит быть жителем Кубани?»), а также включает ряд вопросов для выявления символических аспектов региональной идентичности и различных аспектов бытия в контексте региона. Этот блок включают следующие вопросы.

1. Если бы к вам приехал друг из другой страны, чтобы вы рекомендовали ему в Краснодарском крае: 1) посмотреть; 2) услышать; 3) попробовать.

2. Что, по вашему мнению, может считаться символом Краснодарского края:

1) природные объекты, культурные объекты (архитектурные, памятники, музеи и т. д.);

2) исторические личности или наши современники;

3) предметы, животные, художественные образы.

3. В чем, по-вашему, заключается отличие от других регионов, уникальность, неповторимость Кубани?

Использование данной методики позволило выявить не только символические аспекты региональной идентичности, но и определить ценностные основания данного вида идентичности, ее место в структуре социальной идентичности индивида.

Библиографический список

1. Аполлонов И.А., Тучина О.Р. Региональная идентичность как фактор психологической безопасности // Гуманизация образования. 2019. № 5. С. 166-179.

2. Жаде З.А. Региональная идентичность с точки зрения геополитики // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 95-100.

3. Киселев К.В. Территория Европы. Смогут ли российские регионы перестать быть провинцией // Политический журнал. 2006. № 23. URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=113&tek=5891&issue=166>

4. Китинг М. Новый регионализм в западной Европе // Логос. 2003. № 6. С. 67-116.

5. Литвина С.А., Муравьева О.И. Опросник идентичности с городом: разработка, валидизация, проверка надежности // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8. № 1. С. 73-91.

6. Малыгина И.В. Региональное измерение российской идентичности: между культурой и экономикой // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 42. С. 110-117.

7. Назукина М.В. Брендинг как часть политики идентичности: опыт российских регионов // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2013. № 4 (24). С. 20-32.

8. Петров П.В. Формирование региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России. СПб., 2003. С. 125-187.

9. Туровский Р.Ф. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в современной России. СПб. 2003. С. 139-173.

10. Acharya A. Do norms and identity matter? Community and power in Southeast Asia's regional order // The Pacific Review. Vol. 18. No I (March, 2005). P. 95-118.

11. Felgenhauer T., Mihm, M. and Schlottmann A. The making of 'Mitteldeutschland'. On the function of implicit and explicit symbolic features for implementing regions and regional identity // Swedish Society for Anthropology and Geography. 2005. № 87. P. 45-60.

Apollonov I.A.
Kuban State Technological University
Krasnodar
Tuchina O.R.
Kuban State Technological University
Krasnodar

REGIONAL IDENTITY: PSYCHOLOGICAL CONTENT AND RESEARCH OPPORTUNITIES

Annotation. The article deals with the problem of conceptualization of regional identity as a psychological phenomenon and ways to study it. The authors propose to consider regional identity as a self-determination of a person in the environment of the region. To study the features of regional identity, an author's questionnaire was developed, including quantitative and qualitative scales. The first part of the questionnaire includes quantitative scales such as; "opportunities and prospects of life in the region", "valence of regional identity", "assessment of the uniqueness of the region", and "personal contribution to the development of the region". The second part of the questionnaire is a structured interview, the purpose of which is to study the personal and semantic aspects of regional identity. It also includes a number of questions to identify the symbolic aspects of regional identity and various aspects of being in the context of the region. Psychometric verification showed high validity and reliability of the diagnostic tool.

Keywords: regional identity; quantitative and qualitative research methods; social identity.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 19-413-230020 p_a.

ВОЗРАСТНАЯ ДИНАМИКА ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ²⁰

Аннотация. Идентичность рассматривается как результат самокатегоризации индивида. Наиболее обобщенным компонентом социальной идентичности является общечеловеческая идентичность («Я человек»). Общечеловеческая идентичность способствует восприятию разных социальных групп и людей как представителей ингруппы. Процессы неформальной адаптации и проявления социальной активности возможны только внутри своей группы. Эмпирически показано, что этот вид идентичности актуален для детей в возрасте 11, 12, 14, 16 и 17 лет.

Ключевые слова: социальная идентичность, общечеловеческая идентичность, самокатегоризация, ингруппа, социальная активность, адаптация.

Еще в конце позапрошлого – начале прошлого века понимание значимости чувства непрерывности и целостности своего «я» для психического здоровья личности представлено в психиатрии, в частности, в труде К. Ясперса «Общая психопатология» (1913). В психологии понятие «идентичности» появляется из трудов Э. Эриксона (1950). Его представления о структуре идентичности основаны на различении психологического чувства непрерывности (синонимы: «я», самость, эго-идентичность), совокупности индивидуальных черт личности (личная, или персональная идентичность) и совокупности социальных ролей, которые осваивает человек, становясь членом тех или иных социальных групп (социальная идентичность или культурная идентичность).

Э. Эриксон на основании анализа развития детей в разных культурах, в том числе племенных культурах индейцев, приходит к выводу о неразделимом влиянии генетических и социальных факторов на развитие идентичности, проходящем восемь стадий эпигенетического психосоциального развития. Э. Эриксон подчеркивал влияние культуры на генетически заложенные фазы развития эго-идентичности. В зависимости от близкого окружения развитие может идти по пути освоения новых форм идентичности или их недоразвития.

Взрослея и развиваясь, человек осваивает разные социальные роли в зависимости от того, что общество ждет от человека, какие культурные образцы ему предлагает. Освоение очередной социальной роли приводит к ее интериоризации, возникновению соответствующей идентичности, расширению поведенческого диапазона, появлению новых представлений и навыков.

Важность идентичности для психического здоровья человека приводит к идеям о конструктивной и деструктивной идентичности. Описываются главные проблемы, связанные с ее существованием: фрагментарность, разрыв целостности, ригидность в условиях изменившихся обстоятельств, диссоциативное расстройство идентичности. В социальной психологии стали классическими эксперименты изучения подверженности

²⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00567.

индивидуальной и социальной идентичности коллективному влиянию (эксперименты С. Милгрэма (1963), С. Аша (1951), Р. Розенталя (1968) и т. д.).

С развитием когнитивной психологии идентичность начинает рассматриваться как результат саморефлексии, как когнитивная репрезентация самокатегоризации [15; 16; 8; 17]. Самокатегоризация понимается через восприятие собственной принадлежности к значимой для себя категории социального мира. Содержательная структура идентичности формируется в результате категоризации – когнитивного группирования себя с некоторым классом идентичных объектов и позволяет людям ориентироваться в социальном мире, различая членов ингруппы и аутгруппы [6; 16]. Самокатегоризация и социальная категоризация как когнитивные процессы подчиняются законам перцепции, в частности, стремлению к предметности, целостности самовосприятия, константности самовосприятия, независимо от ситуативных факторов, апперцепции, то есть предвосхищению собственного поведения, историчности, обобщенности, избирательности и др. [5].

На категоризацию социальных явлений влияют особенности когнитивных процессов, сформированных под воздействием культурных факторов, социальный контекст, ситуативные факторы [11]. А.Р. Fiske, S. Kitayama, Н.Р. Markus, R.E. Nisbett, G. Hofstede обнаруживают взаимосвязи между стилями когнитивных процессов и особенностями социальной категоризации в разных культурах. Так, жители Запада, живущие в «культуре независимости», индивидуалистически ориентированы (превалирование персональной идентичности над социальной). В Азии, с ее «культурой взаимозависимости», жители ориентированы коллективистически, у них преобладает социальная идентичность [4; 8; 9].

Социальная идентичность предстает как некая конфигурация содержательных компонентов: гендерный, этнический, расовый, территориальный (ландшафтный), религиозный, профессиональный и пр. Наличие двойной и перекрестной идентичности позволяет человеку легче адаптироваться в новой группе [7]. Двойная идентичность, основанная на бикультурализме, имеет больше преимуществ для психологической и социокультурной адаптации людей, чем монокультурность [10; 18]. Согласно модели «множественной идентичности», межгрупповые отношения улучшает одновременное использование при самокатегоризации нескольких социальных категорий, содержание которых слабо пересекается друг с другом [14; 3]. Под «пересечением» в данном случае понимается признание человеком того, что представители одной категории одновременно являются представителями другой. Наличие большого количества слабо пересекающихся категорий (множественная социальная категоризация) улучшает отношение к аутгруппе [12]. Множественная категоризация идентичности снижает эффекты группового фаворитизма, способствует ослаблению напряженности между группами [5].

J.C. Turner выделил три уровня самокатегоризации: 1) самокатегоризация себя как человеческого существа (общечеловеческая идентичность); 2) групповая самокатегоризация – социальная идентичность; 3) личностная самокатегоризация [16]. В отечественной и зарубежной литературе различным компонентам социальной и персональной идентичности уделяется много внимания [1; 2]. Общечеловеческий уровень идентичности («я – человек») почему-то остается вне исследовательского интереса. Вместе с тем он видится нам крайне важным для человека. Общечеловеческий уровень идентичности позволяет воспринимать всех людей как представителей ингруппы, что снижает социальную конфликтность, эффекты группового фаворитизма, расширяет границы социального познания, сказывается на субъективном благополучии. Идентичность «я – человек» повышает уровень адаптационной активности, так как окружающие категоризируются как «свои». Преобразующая социальная

активность возможна только внутри своей группы, поэтому общечеловеческая идентичность является неотъемлемым условием ее проявления.

В данной статье мы представляем часть исследований, посвященных возрастной динамике социальной идентичности. Выборка составила 228 человек, из которых 69 мальчиков и 156 девочек. Выборка была составлена из детей разного возраста: 11 лет (50 человек), 12 лет (52 человека), 13 лет (24 человека), 16 лет (37 человек), 17-18 лет (66 человек).

Метод. Для выявления представленности общечеловеческой идентичности в когнитивной репрезентации школьников мы использовали методику «Двадцати высказываний» М. Куна и Т. МакПарлэнда «Кто я?». Участники исследования отвечали на вопрос без ограничения времени. Им предлагалось дать не менее двадцати ответов.

Результаты. Всего было получено более 3 тысяч характеристик персональной и социальной идентичности. В каждой возрастной группе на вопрос «Кто я?» было зафиксировано в среднем от 10 (младшая возрастная группа) до 17 ответов (в группах с 16 лет и старше). В каждой возрастной группе встречались отдельные участники, которые давали 1-2 ответа или, наоборот, больше 20 (25-35).

Большинство респондентов (70,6%) среди других ответов отметили идентичность «Я – человек». Это один из самых распространенных компонентов идентичности в опрошенных возрастных группах. О значимости компонента «общечеловеческая идентичность» говорит тот факт, что у 40-50% опрошенных эта идентичность стоит на первом месте в списке ответов.

Есть персональные особенности использования этой категории идентичности. Так, некоторые респонденты указывают общечеловеческую идентичность («я – человек») и затем дают несколько ответов с индивидуализированными характеристиками: *общительный человек, позитивный человек, человек, которому не нравится, когда ему говорят делать то, чего он не хочет* и пр. Всего было дано 34,6% ответов с индивидуализированной общечеловеческой идентичностью. Практически все ответы такого рода были размещены во второй половине списка, то есть на тех местах, где обычно располагаются персональные характеристики идентичности.

К возрастным особенностям относится увеличение частоты использования категории «человек» от 11 лет до 17-18 лет. Заметным скачком в увеличении количества человек, освоивших общечеловеческую идентичность, является период от 11 лет (4 класс) к 12 годам (5 класс). Так, если в 11 лет категория «человек» присутствует в ответах 48,0% детей, то начиная с 12 лет, этот процент составляет около 70 % и остается неизменным в других возрастных группах. Значимость различий подтверждена критерием ϕ^* - угловое преобразование Фишера при уровне значимости $p \leq 0,001$. Возможно, что переход из начальной школы в среднюю с изменением учебной инфраструктуры (появление учителей-предметников, кабинетной системы, изменение учебного статуса и др.) способствует появлению новой категории «я-человек» в структуре идентичности. Пик актуальности идентичности «я – человек» относится к 16 годам (9 класс). В этой возрастной группе почти 90% респондентов использовали эту категорию для самоописания.

Разницы в количестве ответов «я – человек» между девочками и мальчиками в каждой возрастной группе не обнаружено. Различия отмечаются в использовании индивидуализированной характеристики человека. Девочки дают их значительно больше (на 30-40 %), начиная с 5 класса. Для них есть субъективная разница между ответами «я творческая» и «я творческий человек».

Выводы. Идентичность «я – человек» является распространенной в возрасте от 11 до 18 лет, что говорит о ее актуальности и значимости для самовосприятия. Вместе с тем в каждой возрастной группе есть индивиды, у которых общечеловеческая идентичность не является актуальной или отрефлексированной.

Общечеловеческая идентичность, с одной стороны, является биологическим компонентом идентичности, но в то же время не всегда осознаваемым, так же, как и гендерная, возрастная, этническая принадлежность.

Общечеловеческая идентичность является необходимой основой для повышения адаптационных возможностей человека к разным социальным группам, а также и для повышения его созидательной социальной активности, так как ин группой для индивида становится все человечество.

Перспективным видится изучение влияния идентичности «я – человек» на содержательную конфигурацию идентичности, а также на поведенческие особенности, способности, субъективное благополучие человека.

Библиографический список

1. Иванова Н.Л., Румянцева Т.В. Социальная идентичность: теория и практика. М.: СГУ, 2009.
2. Кузьмин М.Ю. Сравнение идентичности и ее динамики у младших школьников, подростков и лиц юношеского возраста // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 2. С. 67-86.
3. Марцинковская Т.Д., Солодников В.В., Карпук В.А. Образ Я и Образ мира: варианты сочетания в современной субкультуре // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. № 2. С. 24-35.
4. Мышкина М.С. Когнитивная ориентация в содержании идентичности школьников // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. 3А. С. 114-122.
5. Bruner J. S. Actual minds, possible worlds. Harvard university press, 2009.
6. Crocetti E., Prati F., Rubini M. The interplay of personal and social identity // European Psychologist. 2018. № 23 (4). P. 300-310.
7. Dovidio J.F., Kawakami K., Gaertner S.L. Implicit and explicit prejudice and interracial interaction // Journal of personality and social psychology. 2002. Т. 82. № 1. P. 62.
8. Fiske A.P., Kitayama S., Markus H.R., Nisbett R.E. The cultural matrix of social psychology // Handbook of social psychology, 4th ed. Boston: McGrawwHill, 1998. P. 915-981.
9. Hofstede G. Culture's consequences: International differences in workkrelated values. Beverly Hills: Sage, 1980.
10. Hong Y. et al. Multicultural identity processes // Current Opinion in Psychology. 2016. Т. 8. P. 49-53.
11. Kurzwelly J. Being German, Paraguayan and Germanino: Exploring the Relation Between Social and Personal Identity // Identity. 2019. № 2. P. 144-156.
12. Miller K. P., Brewer M. B., Arbuckle N. L. Social identity complexity: Its correlates and antecedents // Group Processes & Intergroup Relations. 2009. Т. 12. № 1. P. 79-94.
13. Prati F. Crisp, R. J., Meleady, R., & Rubini, M. Humanizing outgroups through multiple categorization: The roles of individuation and threat // Personality and Social Psychology Bulletin. 2016. Т. 42. № 4. P. 526-539.

14. Roccas S., Brewer M. B. Social identity complexity // Personality and social psychology review. 2002. T. 6. № 2. P. 88-106.
15. Tajfel H. et al. Social categorization and intergroup behaviour // European journal of social psychology. 1971. T. 1. № 2. P. 149-178.
16. Turner J. C. Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior // Advances in Group Processes / Ed.E. Lawer. 1985. Vol. 2. P. 77121.
17. Twuyver M., Knippenberg A. Social categorization as a function of priming //European journal of social psychology. 1995. T. 25. № 6. P 695-701.
18. Vora D. et al. Multiculturalism within individuals: A review, critique, and agenda for future research // Journal of International Business Studies. 2019. T. 50. № 4. P. 499-524.

Gudzovskaya A.A.

Institute for Research on Social Phenomena

Samara

AGE DYNAMICS OF UNIVERSAL IDENTITY

Abstract. Identity is considered as the result of self-categorization of an individual. The most generalized component of social identity is the universal human identity (*I am a person*). Universal identity contributes to the perception of different social groups and people as representatives of the ingroup. Processes of informal adaptation and social activity are possible only within one's own group. It has been shown empirically that this type of identity is relevant for children aged 11, 12, 14, 16 and 17 years.

Keywords: social identity, universal identity, self-categorization, ingroup, social activity, adaptation.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20-013-00567.

Гусейнов Александр Шамильевич
Кубанский государственный университет
Краснодар
aguseinov@yandex.ru
Шиповская Виктория Владимировна
Кубанский государственный университет
Краснодар
victship@mail.ru

ПРОГРАММА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЕЖИ С ДЕСТРУКТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ СУБЪЕКТНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ²¹

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема расширения форм социальной деструктивности молодежи и отмечается важность своевременного выявления и предупреждения разрушающих личность форм субъектной активности личности. Показано, что предпочтение беспомощно-виктимного модуса бытия делает личность более открытой и уязвимой для воздействий и манипуляций со стороны радикальной идеологии. Разрешение этой проблемы оказывается возможным в русле программы развития субъектности, основанной на поддержке процессов обретения личностью позитивной идентичности на всех этапах образовательного процесса. Преодолевающая активность и экзистенциальное мироотношение выступает условием и признаком успешности психологического сопровождения лиц с низкой субъектностью.

Ключевые слова: молодежь, субъектная активность, идентичность, психосоциальная зрелость, модус бытия личности, субъектность, модель преодолевающего поведения.

Современная молодежь все чаще подвергается массовой идеологической «обработке» в соцсетях, направленной на усиление переживаний беспомощности и пессимизма, нацеленной на героизацию деструктивных моделей поведения и кардинальное изменение социальной ситуации [2; 6]. Экстремистским акциям обычно предшествуют деструктивные формы протеста и разновидности виктимности, в которых меньше выражено насилие, чем в экстремизме [3; 7]. Однако системы своевременного выявления и предупреждения разрушающих личность форм субъектной активности личности в настоящее время не существует. Остается нерешенным важный вопрос о возможностях развития потенциала субъектности, позволяющей выработать критическое отношение к экстремистской идеологии и пропаганде.

Проблема молодежного экстремизма глубоко разработана в субъектно-бытийном подходе, где различные социально-деструктивные явления рассматриваются как следствие неуспешности процесса самоопределения личности в макросоциальных координатах. В рамках данного подхода личность рассматривается в соотнесенности с модусами ее бытия, где бытие представлено пространством реализации личностной субъектности [4; 5]. Доказано, что неудовлетворительное разрешение проблем самоидентификации и субъектности личности в процессе её самоопределения в системе разноуровневых противоречий ведет к нравственному кризису и формирует склонность к радикальной протестной активности [1; 3].

²¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-413-230020.

Нами была предпринята попытка проанализировать факторы, обуславливающие повышенную восприимчивость молодежи к радикальной идеологии и *возможность сектантского самоопределения*. На основе теоретического анализа и проведенных исследований сделан вывод, что высокому уровню готовности к формированию экстремистской ментальности соответствует *беспомощно-виктимный модус бытия*, который приводит к деформационным изменениям личности и запускает неблагоприятное развитие событий. Выделены ключевые признаки этого модуса бытия, делающие личность более открытой и уязвимой для негативных влияний, задающие и поддерживающие деструктивную организацию субъектной активности:

- неприятие неопределенности и беспомощность – переживание и восприятие жизненных ситуаций как непереносимых и неконтролируемых, без активизации усилий по их разрешению, порождающее субъективное ощущение социальной депривации и личностную виктимность;

- деструктивная протестная активность личности (негативизм, эскапизм, нигилизм, оппозиция), для которой характерны неприемлемые, антигуманистические способы экспансии личностного масштаба, связанные с невозможностью удовлетворения основных экзистенциальных потребностей;

- низкий уровень субъектной позиции (доминирование объектного полюса самовосприятия и самоотношения) – как следствие – неаутентичность бытия, сужение границ мышления, экстернализация ответственности;

- неразвитость ценностно-смысловой сферы – как результат – искажение субъектной ориентации, стереотипизация мышления и сужение его границ, выбор отрицательных образцов для подражания, поиск воображаемых врагов, одобрение экстремистской ментальности и оправдание насилия;

- дисгармоничность, разрыв временного континуума и неразвитость системной рефлексии – восприятие жизни как бессмысленной на фоне осознания отсутствия каких-либо перспектив, пониженная ресурсность;

- дефициты психосоциальной зрелости и гражданской идентичности – неразвитость просоциальных навыков и потребности в познании, ощущение некомпетентности, неудовлетворенность жизнью и выбор неконструктивных стратегий преодоления трудностей;

- диффузная идентичность – недоверие к себе и к миру, невротическое искажение реальности и диссонанс в межличностных отношениях, дисбаланс между внутренними и внешними бытийными пространствами (невозможность осознавать себя как целостного и автономного субъекта).

Очевидно, что перечисленные признаки беспомощно-виктимного модуса бытия личности говорят о не творческом отношении к жизни, которое не позволяет эффективно встраиваться в социум и плодотворно самореализовываться в нем. Экстремистская активность в субъектно-бытийной интерпретации предстает как процесс, опосредованный пониженной субъектностью и отказом от экзистенциального самоопределения, посредством которых конструируется и воспроизводится беспомощно-виктимный модус бытия личности. Поскольку выявлен специфический способ организации субъектной активности, в структуру которого не вписывается нахождение гармонии с миром и альтруистическая мотивация, программы профилактики экстремизма должны выстраиваться с направленностью осмысления личностью типа самоопределения в мире и модуса самоосуществления. Очевидно, что молодые люди с пониженной, скованной субъектностью и негативной идентичностью хотели бы обрести подлинно субъектные качества (гражданскую активность,

ответственность, зрелость и пр.), но не знают, с чего начать. Лицам с деструктивным вектором субъектной активности необходима поддержка, включающая совместный поиск продуктивных способов преодоления трудностей, противоречий для избавления от беспомощности и пассивности. На основе субъектно-бытийной методологии нами разработана программа психологической поддержки молодежи с низким уровнем субъектности. Ее основными этапами являются:

- расширение возможностей саморегуляции в ситуации противоречия и развитие многомерной системной рефлексии, позволяющей прогнозировать последствия своих поступков (рост самосознания, самопонимания и овладение собственным внутренним миром, способность дать отчет в своем состоянии);

- формирование субъектного полюса самовосприятия и самоотношения (повышение субъектности и развитие субъектного отношения к собственным побуждениям, овладение своим поведением и бытийными пространствами, рассмотрение поступков в ракурсе экзистенциального выбора);

- формирование творческого отношения к жизни и преодоление беспомощности (повышение уверенности в собственных силах, приобретение компетентности и ощущения возможности влияния на происходящие процессы за пределами узкого жизненного пространства);

- формирование интеллектуальной независимости, самостоятельности, ответственности и мировоззренческой инициативы (формирование конкретных, осмысленных планов и способов их реализации, выход за рамки поставленных задач, принятие ответственности за свою идентичность и самоопределение);

- снижение агрессивности и враждебности (развитие социального интереса, осознание вытесненных травм, разрешение внутриличностных конфликтов, избавление от стереотипов, не соответствующих реальности);

- достижение психосоциальной зрелости (установление согласованности между внутренним и внешним миром, трансцендирование проблем и выработка продуктивных способов совладания с трудностями);

- развитие просоциального мышления и приобретение позитивного опыта социальной поддержки (развитие просоциальных навыков и общественно-значимых интересов как ресурса плодотворного самоопределения);

- формирование этнической и гражданской идентичности (уважение к истории своей страны, чувство причастности к ее прошлому, настоящему и будущему); развитие культуры обсуждения индивидуальной жизненной траектории в пространстве социального окружения;

- активизация субъектной позиции с помощью согласованности временной композиции (акцент на позитивной ретроспективе и конструктивном сценарии будущего способствует реалистичности притязаний и ожиданий, повышает экзистенциальный ресурс личности).

Системная рефлексия личностного бытия и творческий подход к жизни позволят восстановить утраченную целостность восприятия себя и мира и на основе преодолевающей активности сформировать новую, продуктивную форму субъектности, которая может реализовываться в многообразной творческой активности. Формирование позитивной идентичности и построение системы морально-ценностных установок на всех этапах образовательного процесса позволит осуществлять регуляцию протестной активности на основе осознанного экзистенциального выбора и в рамках правового поля. Таким образом, поддержка процессов обретения личностью высокой субъектности и позитивной идентичности – важная часть программы профилактики молодежного экстремизма. Для

успешной ее реализации необходима поддерживающая социальная среда, предоставляющая возможности влияния на социальные процессы, где востребованы не пассивные, конформистские способы приспособления к реальности («скованная» субъектность [4]), а инициативная преодолевающая активность, превосходящая личные цели и интересы. Субъектная преобразовательная активность даст возможность устанавливать эффективное взаимодействие с социумом и реорганизовывать реальность в соответствии с позитивными ценностями.

Психологическое сопровождение молодежи с пониженной субъектностью подразумевает использование различных методов психологического консультирования. На наш взгляд, перспективными являются методы, основанные на достижениях глубинной психологии, экзистенциального психоанализа, современных направлений позитивной психологии. Выбор этих методов психотерапии обусловлен тем, что они отражают основные архетипические и актуальные душевные конфликты человека. Расшифровка глубинной природы отношений и неоднозначных ситуаций способствует пониманию сложнейших человеческих мотиваций и жизненных законов, дает возможность проработки жизненных сценариев человека, способствует разрешению экзистенциальных противоречий и построению конструктивного образа Я как существенного компонента Я-концепции.

Представляется чрезвычайно востребованной разработка и последующее внедрение специальных *техник превентивной работы* с потенциальными жертвами буллинга, кибербуллинга, социально-деструктивных объединений, а также *усовершенствование технологий психологической поддержки* с реальными пострадавшими – жертвами различных сект, жертвами насилия, манипуляции и пр. Эти гуманистические технологии должны быть нацелены на повышение потенциала субъектности – преодоление беспомощности, достижение автономии и мировоззренческой активности, сохранение достоинства личности, понимание субъектом персональной ответственности. Раскрытие созидательного потенциала субъектности и сильных сторон личности подрывает веру в то, что субъект всегда будет жертвой других людей или жизненных обстоятельств, тем самым появляется гордость за свою жизнь и снижается вероятность появления личностной виктимности и сектантского самоопределения. В случае, когда жизненная трудность вводится в круг более высоких смысловых образований, появляется экзистенциальный тонус, повышается степень осознанности и осмысленности жизни, увеличивается возможность достижения внутренней гармонии и сохранения субъективного благополучия. Направленность на преодоление собственной ограниченности и скованной субъектности, которая реализуется в соответствии с позитивными ценностями и социокультурными эталонами, является ключевым фактором формирования конструктивной формы субъектности, позволяющей достигать компетентности, успеха и ощущения социальной значимости. Условиями успешности психологического сопровождения лиц с пониженной субъектностью можно считать ряд показателей:

- расширение временной перспективы и постановка новых целей;
- субъективное принятие неопределенности жизненной ситуации и экзистенциальное самоопределение при сохранении контролируемости жизни и субъектного позиционирования;
- системная рефлексия жизненных трудностей на основе сформировавшегося у личности представления о смысле жизни, инициирующего переструктурирование и гармонизацию внутренних и внешних пространств бытийности, повышение осознанности индивидуальных жизненных тактик;

– согласованность между «Образом Я» и реальными характеристиками личности, проявляющаяся в просоциальном поведении и гармоничной картине ее взаимоотношений с миром и другими людьми;

– жизненный тонус, альтруистическая мотивация (готовность заниматься благотворительностью) и поиск реального творческого самоосуществления в мире;

– доверие к себе и к миру, чувство личностной автономии и временной непрерывности; самопонимание и понимание внутреннего психологического мира значимых других, объективная оценка собственной личности и адекватное объяснение собственных поступков;

– восприятие жизни в целом как личной ответственности, ответственность за свои поступки и принятие жизненных решений;

– преодоление примитивной направленности интересов – стремление к образованию и расширению границ собственных возможностей при актуализации повседневного, экзистенциального усилия;

– преобразование и разрешение противоречий в бытийных пространствах, обеспечивающее фундамент идентичности, развитие гражданского мышления и гуманистические формы экспансии личностного масштаба.

Таким образом, развитие специфической констелляции субъектных качеств (толерантность к неопределенности, психосоциальная зрелость, гармоничность и самостоятельность, в сочетании с активной субъектной позицией и нравственными ценностями) способствует формированию экзистенциального мировоззрения, которое препятствует социальному инфантилизму, восприимчивости к экстремистской идеологии и деструктивной протестной активности. Экзистенциальный способ жизни дает возможность реализовывать конструктивный модус бытия и просоциальную модель преодолевающего поведения. Разработанный комплекс теоретических и практических процедур позволит подросткам и молодежи адекватно оценивать и эффективно взаимодействовать с неопределенностью сложных ситуаций, выбирать оптимальные пути их преодоления и достигать значимых конгруэнтных целей, тем самым активно включаясь в жизнь социума. В целом программа нацелена на развитие высокого уровня субъектной позиции, обретения субъектом личностной и гражданской идентичности и достижения аутентичного бытия, позволяющего творчески самоосуществляться в мире в соответствии со структурой личностных ценностей и смыслов.

Библиографический список

1. Гусейнов А.Ш. Искажение субъектности в некоторых видах протестной активности // Личность и бытие: субъектный подход (к 80-летию со дня рождения А.В. Брушлинского): материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. (с иностр. участием). М.-Краснодар, 2013. С. 273-275.

2. Гусейнов А.Ш. Психологические предпосылки зарождения и поддержания экстремистского мировоззрения молодежи // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3 (116). С. 120-127.

3. Гусейнов А.Ш., Рябикина З.И., Фоменко Г.Ю., Шиповская В.В. Феномен протестной активности личности субъектно-бытийная интерпретация // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 4. С. 78-96.

4. Фоменко Г.Ю., Рябикина З.И. Психология безопасности личности: субъектно-бытийный подход: монография. Краснодар: КубГУ, 2018.

5. Фоменко Г.Ю. Личность в экстремальных условиях: Два модуса бытия. Краснодар: КубГУ, 2006.

6. Шиповская В.В. Беспомощность как фактор формирования экстремистских установок в подростковой среде // Казанский педагогический журнал, 2017. № 5 (124). С. 125-131.

7. Шиповская В.В., Гусейнов А.Ш. Личностная беспомощность как фактор виктимизации субъекта // Международный научный журнал «Общество: социология, психология, педагогика». 2018. № 12. С. 137-140.

Guseynov A.Sh.

Kuban State University
Krasnodar

Shipovskaya V.V.

Kuban State University
Krasnodar

A PROGRAM OF PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR YOUNG PEOPLE WITH A DESTRUCTIVE ORIENTATION OF SUBJECTIVE ACTIVITY OF THE INDIVIDUAL

Abstract. The article deals with the actual problem of studying the expanding forms of social destructiveness of young people and notes the importance of timely identification and prevention of personality-destroying forms of subjective activity of the individual. It is shown that the preference for the helpless-victim mode of being makes a person more open and vulnerable to the influence and manipulation of radical ideology. The solution of this problem is possible in line with the program of development of subjectivity, based on the support of the processes of acquiring a positive identity by a person at all stages of the educational process. Overcoming activity and existential attitude to the world is a condition and sign of the success of psychological support for persons with low subjectivity.

Keywords: youth, subjective activity, identity, psychosocial maturity, mode of being of the individual, subjectivity, model of overcoming behavior.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 18-413-230020.

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИЕТАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ²²

Аннотация. В статье рассматривается роль государственной политики идентичности в социетальной интеграции общества. Концепт социетальности используется при описании процессов и структур, определяющих интегрированность и целостность общества. Политика идентичности российского государства направлена на консолидацию общества, сохранение территориальной целостности и сплоченности различных социальных групп. Активизация политики идентичности является важным условием преемственности общенациональных российских ценностей и конструирования национально-государственной идентичности. Делается вывод о том, что политика идентичности является важнейшим ресурсом государства по обеспечению политической стабильности и социетальной интеграции общества.

Ключевые слова: идентичность, политика идентичности, интеграция, социетальная сфера, социетальная интеграция.

Противостояние современным вызовам и угрозам диктует необходимость обеспечения социетальной интеграции общества на основе исторически обусловленных политических ценностей и традиций. В этих условиях российское государство проводит политику идентичности, направленную на интеграцию национального сообщества.

Процессы социокультурной интеграции многосоставных полиэтничных обществ детерминированы различными факторами, такими как право, политика, экономика, содержание ценностных ориентаций, характер межэтнических отношений, идентичность и пр. В свою очередь, динамические характеристики социетальной сферы, обеспечивающей интеграцию социума на макроуровне, также измеряются показателями, актуальными для поддержания солидарных связей и отношений в многосоставных регионах. В качестве индикаторов социетальной динамики поликультурных регионов исследователи выделяют показатели трансформации ценностей, структур и механизмов функционирования правовой сферы, экономических отношений, семьи и гендера, социальной идентичности [1, с. 38]. Исходя из этого, можно утверждать, что в обеспечении и поддержании социальной интеграции значительная роль отводится государственной политике идентичности.

В данном контексте рассмотрим роль политики идентичности в социетальной интеграции общества. В первую очередь отметим, что концепт социетальности используется при описании процессов и структур, определяющих интегрированность и целостность общества.

Что касается концепта «политика идентичности», то ему уделяется все большее внимание в российской социогуманитарной науке и практике. Это объясняется тем, что государство, так или иначе конструируя идентичность, стремится в целях сохранения стабильности политической системы предложить проекты, которые позволили бы обеспечить

²² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00270.

символическое единство населения. Особенно это представляется важным для российского общества, находящегося в состоянии затянувшегося поиска идентичности.

В политической науке нет единой точки зрения по определению сущности политики идентичности. В странах западной демократии данный термин утвердился в рамках конструктивистской парадигмы анализа социокультурных трансформаций и связывается с деятельностью массовых общественных движений, борющихся за новые идентичности. Политика идентичности, используемая в смысле политической борьбы, началась с анализа форм подавления различных меньшинств, объединяющихся как носители мироощущения, отличающего их от большинства, с целью выработки рекомендаций по переосмыслению их места в социуме. Субъектами политики идентичности являются те социальные группы, чье «членство воспринимается ими как подавляемое силой общей и маргинализованной идентичности». С помощью понятия «политика идентичности» характеризуют процессы консолидации непривилегированных или считающих себя ущемленными групп, их самоопределения в национальном политическом сообществе и противостояния гомогенизирующим, унифицирующим, централизующим претензиям современного национального государства [2, с. 72].

В исследовательском поле идентичности в рамках отечественной политической науки термин употребляется в смысле политического курса и используется в контексте осмысления процессов нациестроительства. Под политикой идентичности понимается «деятельность субъектов политического процесса по формированию и поддержанию национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности» [3, с. 647]; а также «совокупность практических и символических действий, направленных на формирование, поддержание и публичное признание конкретной идентичности» [4, с. 10].

Политику идентичности мы понимаем как целенаправленную деятельность государства и других акторов политического процесса, направленную на укрепление «связности» государства и граждан, включающую в себя конструирование новых типов «связности». Основополагающей задачей такой политики является обеспечение легитимности различных институтов власти. Реализуя политику идентичности, государство целенаправленно применяет символическую политику, то есть использует символы и образы для определения векторов политического развития. Проведение политики идентичности различными акторами следует рассматривать как важную часть формирования общероссийской идентичности.

Основными направлениями реализации политики идентичности ученые считают: формирование публичного дискурса «нации» (трансформация существующего дискурса) и ее «базовых» характеристик (национального языка, культуры); символическую политику, в рамках которой происходит реинтерпретация прошлого и конструирование новых традиций или реконструкция старых (формирование образа нации для себя); определение статуса этнических групп и территориального устройства государства как отражение этого статуса; внешнюю репрезентацию группы – формирование образа национального государства в мире (образа нации для других), осознание своего места и исторической миссии в мире [2, с. 74].

Основываясь на этом, заметим, что эффективность государственной политики идентичности должна быть основана на укреплении связей между индивидом и обществом как на сознательном уровне, так и на уровне практик (для этого определяются показатели чувства сопричастности к обществу, нации, доверия государству, а также показатели, демонстрирующие вовлеченность в практики, основанные на идентичности).

И.С. Семенов считает политику идентичности «важнейшим направлением, интегрирующим практики из сферы образования, культуры, духовного развития народа, молодежной политики, национальных отношений», усиливающим «тот куст управленческих решений, который во многом определяет духовный климат общества» [3, с. 648]. От этого в немалой степени зависит целостность государства.

Именно поэтому политика идентичности российского государства направлена на консолидацию общества, сохранение территориальной целостности и сплоченности различных социальных групп общества. Активизация политики идентичности государства является важным условием преемственности общенациональных российских ценностей и конструирования национально-государственной идентичности. Политика, направленная на формирование представлений о «мы-сообществе» в границах российского государства, требует усиления контроля над процессами, происходящими в стране, в том числе и над конструируемой элитами политикой идентичности. Алгоритм политики идентичности российского государства должен включать формирование основных направлений обеспечения национальной безопасности, составляющих суть стратегии ее развития. Другими словами, политика идентичности, призванная консолидировать общество, должна коррелировать с конкретными направлениями социетальной динамики.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что политика идентичности является важнейшим ресурсом государства по обеспечению политической стабильности и социетальной интеграции общества.

Библиографический список

1. Социетальное измерение правовой культуры населения Юга России / Л.В. Клименко, З.А. Жаде и др. Ростов-н/Д.: Фонд науки и образования, 2019.
2. Ачкасов В.А. Политика идентичности в современном мире // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2013. Вып. 4. С. 71-77.
3. Семенов И.С. Политика идентичности // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Под ред. И.С. Семенова. М.: Весь мир, 2017.
4. Малинова О.Ю. Политика идентичности как борьба за смыслы: проблемы концептуализации // Символическая политика: Сб. науч. трудов. Вып. 5: Политика идентичности. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 7-20.

Zhade Z.A.
Adyge State University
Maykop

IDENTITY POLITICS IN THE SOCIETAL INTEGRATION CONTEXT

Abstract. The article examines the role of state identity policy in social integration of society. The concept of *societally* used in the description of the processes and structures that determine the integrity and the integrity of the company. The identity policy of the Russian state is aimed at consolidating society, and preserving the territorial integrity and cohesion of various social groups. The activation of identity politics is an important condition for the continuity of national Russian values and the construction of national and state identity. It is concluded that the identity policy is the most important resource of the state to ensure political stability and social integration of society.

Keywords: identity, identity policy, integration, social sphere, social integration.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 19-011-00270.

Зинурова Раушания Ильшатовна
Казанский национальный исследовательский технологический университет
Казань
rushazi@rambler.ru

Шакирова Алла Юрьевна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань
alla-shakirova@mail.ru

Никитина Татьяна Николаевна
Казанский национальный исследовательский технологический университет
Казань
nita101@mail.ru

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МИГРАНТОВ КАК ФАКТОР ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ РИСКОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН²³

Аннотация. В Республике Татарстан накоплен опыт социальных практик взаимодействия с мигрантами. В статье раскрываются экономические, социальные и этноконфессиональные особенности республики, определяющие выбор места проживания представителей зарубежных стран. Авторы статьи анализируют цели приезда и особенности адаптации мигрантов. Особо отмечается, Республика Татарстан в силу территориального расположения и этноконфессиональных особенностей является благоприятным регионом переезда мигрантов с определенной религиозной принадлежностью. Акцент сделан на анализ потенциально конфликтных факторов, становящихся при определенном стечении обстоятельств этноконфессиональными рисками, что требует особого внимания со стороны региональных органов власти.

Ключевые слова: этноконфессиональные риски, этническая идентичность, миграция.

Миграция в РТ носит планомерный стабильный характер. Граждане стран СНГ выбирают Республику Татарстан в качестве страны проживания по ряду причин. Прежде всего, религиозной принадлежности жителей республики к мусульманской конфессиональной группе; полиэтнического состава населения и декларируемого принципа толерантности; возможностей органов государственной власти в вопросах интеграции мигрантов в региональную экономику и социальную жизнь; государственных программ, реализуемых на территории республики. В Республике Татарстан активно функционируют общественные структуры, занимающиеся проблемами мигрантов, в частности языковой адаптацией. Благодаря возможностям малого и среднего бизнеса гарантируется трудоустройство мигрантов на предприятиях республики.

В 2018 году в РТ было поставлено на учет свыше 345 тысяч представителей зарубежья, это примерно 20% от общего количества прибывших в Приволжский федеральный округ. Большую часть прибывших (47%) в республику составили граждане Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана и Армении [9]. За 4 месяца 2019 года на миграционный учет поставлено 82 503 иностранных гражданина и лиц без гражданства. Цели прибытия в республику – трудовая, частная, учеба и деловая поездка – являются определяющими [8].

²³Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного РФФИ № 18-011-00981 «Социальное картирование этноконфессиональных и миграционных рисков современной городской агломерации».

Этническая идентичность мигрантов становится важным компонентом интеграции, тесно связанной, в свою очередь, с урбанизацией приезжего населения, их культурной унификацией, поскольку большинство прибывших – жители небольших населенных пунктов. Цель статьи – обозначить особенности этнической идентичности мигрантов, при определенных условиях способные стать пусковым механизмом появления этноконфессиональных рисков в регионе, определить, что становится ведущим фактором этнической идентичности, в перспективе становящимся рискогенным в межэтнических отношениях.

Под адаптацией мигрантов к социокультурным и экономическим условиям принимающего общества ученые понимают психологическое принятие мигрантами жизни в новых условиях, определенный уровень психологической комфортности, удовлетворенности жизнью, способность успешно функционировать в принимающем обществе. Приезжие должны приспособиться к новым условиям социальной среды, овладеть навыками и умениями взаимодействия, усвоить нормы, установки, ценности и принять их для создания собственной линии поведения в новых условиях [1].

Этническая миграция влияет на отношения между мигрантами и местными жителями, может порождать конфликты в принимающем обществе в силу различия культур, религий и конфессиональных особенностей, языковых различий, внешнего облика, системы ценностей, смысловых жизненных установок. Можно сказать, что создается ментальное пространство этноконфессиональных различий, основы для националистических и радикальных идей. Согласно социологическим опросам российское общество в значительной части испытывает напряженность по отношению к мигрантам [2].

В современном мире, несмотря на глобальные изменения социального и этнического ландшафта, происходит усиление роли этнической идентичности в социально-политическом устройстве общества. Мультикультурализм приобретает черты усиления этнической зависимости людей, размывая при этом географические границы. Сегодня требуют пересмотра вопросы интеграции мигрантов в принимающем сообществе. Россия становится уязвимой к созданию экстремистских и исламистских группировок. Республика Татарстан в силу территориального расположения и этноконфессиональных особенностей становится благоприятным регионом приезда мигрантов с определенной религиозной принадлежностью. По мнению А.И. Кирилловой и А. Малашенко, исследователей этнополитических конфликтов, в России отмечается усиление религиозной составляющей, а религии становятся каналом осознания и понимания политического, социального бытия, идеологическим, политическим, социально-психологическим и духовным средством самозащиты и самосохранения [5, с. 119].

Процесс перехода мигранта в другую культуру включает ряд этапов, начиная с конфликта ожиданий на основе сложившихся в культуре приезжих гетеростереотипов, через стадию аккультурационного стресса, принятия и применения знаний о чужой культуре до выстраивания новых стереотипов поведения и ассимиляции. Н.И. Ковалева и В.И. Болли пишут о кризисе идентичности вынужденного мигранта, отмечая трансформацию на основе этнической идентичности и «культурного шока», помноженного на негативное отношение местных жителей к приезжим, что усугубляет этнический кризис [6, с. 1027]. Отмечается также слабая образовательная активность в семьях приезжих и наличие негативных стереотипов, мешающих конструктивному общению и социокультурной интеграции детей мигрантов в иной языковой и социокультурной среде [3, с. 1375].

Татарстан – один из наиболее развитых регионов Российской Федерации, столица республики Казань – третий по количеству мигрантов город в Приволжском федеральном округе, но несмотря на это миграция не является значимым фактором межнациональной

напряженности, как во многих других регионах страны. Здесь определяющими факторами являются онлайн-преступления, связанные с распространением материалов, разжигающих межнациональную рознь, противоречиями между титульным этносом и остальным населением республики (особенно в языковом вопросе). Национальная напряженность здесь часто связана с напряженностью религиозной, что зачастую способствует объединению националистов с религиозными деятелями [7, с. 17].

Потенциально конфликтогенными факторами в РТ являются неофициальный рынок труда и розничная торговля, районы с низкокачественным жильем (в том числе общежития), сегмент строительства и дешевой рабочей силы, локальное проживание местного населения и мигрантов, открытая демонстрация культурных обычаев и религиозных практик.

По данным ВЦИОМ (исследование проводилось на территории РТ в октябре 2016 г.) с открытым проявлением неприязни из-за национальности сталкивалось 5% опрошенных. Респонденты, испытывающие недоверие и неприязнь к людям других национальностей, чаще считают, что в республике нет равенства возможностей. В Татарстане около 16% респондентов испытывают недоверие, неприязнь к представителям других национальностей [9, с. 13-20].

Мигранты, по мнению жителей, определяют следующие проблемы в регионе: «безработица, конкуренции на рынке труда», «доминирующее положение представителей некоторых национальностей в наиболее престижных или экономически выгодных сферах производства, бизнеса и культуры за счет вытеснения из них представителей других национальностей», «вызывающее поведение представителей некоторых национальностей, игнорирование ими норм поведения и обычаев других национальностей» [10, с. 47].

Одним из факторов дестабилизации межнациональных отношений в республике, определяющим этноконфессиональный риск, может стать «отсутствие условий и площадок интеграции в пространстве локальных социумов, т. е. площадок совместной деятельности, подчиненных каким-то общим целям или интересам – производственным, досуговым, образовательным и т. п.». Единственной площадкой общения мигрантов и принимающего населения являются дискретные кратковременные контакты на рынках и других торговых площадках. Фактором вхождения в социокультурное пространство становится принадлежность к религиозным канонам ислама как начального этапа вхождения в чужую культуру [10, с. 76].

Разные социальные среды создают разные социальные практики, отсутствие опыта взаимодействия различных этнических и конфессиональных групп может привести либо к возникновению ситуации риска, либо к чувству опасного совместного существования. В случае возникновения чувства опасности в ситуации взаимодействия проявляются новые солидарности людей. Мировой опыт наглядно демонстрирует в таких случаях рост националистических настроений в обществе, солидарность по этому принципу в рамках национальных популистских партий. Повышение социального доверия граждан, проживающих на единой территории – основная цель национальной политики на локальных территориях [4, с. 48-49].

В современном Татарстане происходит усиление процессов этнической идентичности мигрантов, этнические различия все чаще приобретают характер непринятия культуры принимающей стороны. В регионе констатируются процессы образования диаспор и анклавов внутри урбанистического региона. На географической карте мегаполиса выделяются зоны компактного проживания мигрантов. Образование становится социальным лифтом, ведущим к адаптации мигрантов к социально-экономическим условиям региона. Акцентированная этническая идентичность оказывает влияние на личные предпочтения и межэтнические

настроения, то есть при определенном стечении обстоятельств может содержать ресурс для появления этноконфессиональных рисков в регионе.

Библиографический список

1. Антуфьев С.В. Социальная адаптация мигрантов как фактор стабильности российского общества: Автореф. ... канд. социол. наук. М., 2005.
2. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) (исследование 2013 года). URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=992>
3. Деткова И.В., Леонтьева А.В., Панченко Е. Н. Жизненные ценности и смысложизненные ориентации подростков-детей курдов-мигрантов // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 92 (08). С. 1374-1383.
4. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р., Никитина Т.Н., Исследование этноконфессионального пространства городской агломерации методом картографии // Управление устойчивым развитием. 2018. Вып. 6. С. 46-52.
5. Кириллова А.И. Вовлеченность в религиозные практики как фактор интеграции мигрантов // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 119-128.
6. Ковалева Н.И., Болли В.И. Этническая идентичность как проблема социализации детей-мигрантов в образовательной среде // Молодой ученый: научный журнал. 2016. № 9 (113). Ч. 10. С. 1027-1029.
7. Межэтническая напряженность в меняющемся социальном контексте: результаты исследования / М.Ф. Черныш и др.; Отв. редактор М.Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, 2017.
8. Немецкий дом Республики Татарстан. URL: <https://www.nd-rt.ru/2019/05/21/migracionnaja-situacijavrtza4mes2019g/>
9. Электронный портал газеты РБК в Татарстане. URL: <https://www.rbc.ru/tatarstan/26/02/2019/5c73ef9a9a794708ec3fe171>
10. Этничность и межнациональные отношения в социальном контексте / Л.М. Дробижина и др.; Отв. ред. Л.М. Дробижина, С.В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН, 2017.

Zinurova R.I.

Kazan National Research Technological University
Kazan

Shakirova A.Yu.

Kazan (Volga region) Federal University
Kazan

Nikitina T.N.

Kazan National Research Technological University
Kazan

ETHNIC IDENTITY OF MIGRANTS: FACTOR OF ETHNO-CONFESSIONAL RISKS IN THE TATARSTAN REPUBLIC

Abstract. The Republic of Tatarstan has accumulated experience in social practices of interaction with migrants. The article reveals the economic, social and ethno-confessional features of the Republic that determine the choice of residence of representatives of foreign countries. The authors of the article analyze the purpose of arrival and features of adaptation of migrants. It is particularly noted that the Republic of Tatarstan, due to its territorial location and ethnic and religious characteristics, is a region favored by migrants with a certain religious affiliation. The emphasis is placed on the analysis of potentially conflict-causing factors that become ethno-confessional risks under certain circumstances, which requires special attention from regional authorities.

Keywords: ethno-confessional risks, ethnic identity, migration.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 18-011-00981.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ ФЕНОМЕН ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Идентичность как личностный феномен изменяется как по внутренней логике развития личности, так и в ответ на требования социальной ситуации. Внутренние и внешние (ситуация в обществе) факторы взаимодействуют особым образом, что дает сложную картину наблюдаемой исследователем идентичности. Движение государств от патернализма и прямого социального контроля к косвенному экономическому и информационному контролю за гражданами изменило характер запроса на идентичность. Наблюдается стремление к вынесению ее в пространство символического потребления и взаимодействию в социальных сетях с одновременным снижением значимости участия в реальных процессах производства социальных отношений.

Ключевые слова: идентичность, самоопределение, политика идентичности.

Забавно, что к тому времени, как отечественная психология в основном освоила классическую модель идентичности Эриксона-Марсиа, сам феномен идентичности изменился. Вот почему из классики лучше брать принципы, а не описания и критерии. Базовый же принцип один: человек нуждается в самоопределении в мире. Нужда эта имеет и внутренние, и внешние причины. Внешние (социальные) причины для большинства живущих ныне людей оказываются более действенными – определяться требует от нас мир, поскольку он предлагает нам выбор между возможными действиями и их последствиями. Не действовать – тоже выбор, поэтому от выбора отношения к миру нельзя уклониться. Можно, однако, не думать о том, что ты делаешь.

Внутренние факторы самоопределения. В какие-то моменты жизни человек начинает уделять своему Я больше внимания, чем событиям окружающего мира. Мир становится пространством, на котором существует и развивается наша самость. Обычно этот переход обозначается как попадание в экзистенциальную позицию – определение себя в пространстве, где основными ориентирами являются конечность жизни, изменчивость мира и тот смысл собственного здесь-бытия, в котором и надо определиться. Понятно, что этот уровень самосознания: а) весьма индивидуален – кто-то вспоминает о своем Я только в моменты глубоких потрясении, а кто-то живет, ухаживая и подкармливая Эго; б) появляется в определенные периоды жизни – более вероятен в связи с небольшим кусочком юности и сравнительно зрелыми возрастами; в) является первоочередным предметом вытеснения в связи с причиняемым человеку беспокойством. Важно, что появление такого само-переживания предполагает ситуацию снижения интенсивности социальных требований немедленного действия. Самосознание – дитя праздности. Отсюда и традиция родителей занять чем-нибудь дитя в период полового созревания, «отдав его» куда-нибудь, и неистребимый навык администраторов университетов по максимуму занимать всех ученых бессмысленной работой расчетов показателей бессмысленной работы.

Внешние факторы самоопределения. Вклад «внутриличностных» причин развития самосознания в общую феноменологию идентичности важен, но невелик. Такое самосознание – удел немногих. Гораздо больше влияние «внешних» факторов. Кавычки и там,

и там говорят о том, что это деление происходит от нашей неспособности целостно выразить взаимодействие человека и мира в феномене идентичности. Человек определяет себя «внутри», но по отношению к «внешним» задачам. Но они, будучи «внешними», изменяют человека «внутри» сделанным им выбором. Вместе с тем наша работа по самоопределению (у Эриксона – «работа идентичности») чаще всего протекает по *требованию* определиться – либо непосредственному – «Милый, ты женишься или будешь любить меня вечно?», либо вытекающему из логики ситуации. Внешние требования формулируются ожиданиями участников социального взаимодействия, социальными институтами, доминирующими дискурсами, но также – устройством технических, информационных и экономических систем. Они создаются и производителями товаров, которые не только производят предметы, но и требуют их потребления.

Изменение системы – изменение отношений в ней. Внешние требования к самоопределению и осознанию себя как субъекта, находящегося в определённых отношениях с миром, меняются. Вспомним, что интерес к идентичности и поддержка этой темы массовым сознанием возникли в ситуации перехода обществ-государств модерна от отчётливого программирования линии развития своих членов и патерналистской ответственности за них (социализм 30-50-х годов в СССР, национал-социализм 30-40-х годов в Германии) к постепенному уходу государства от «излишней» заботы о гражданах и возложению ответственности за их жизнь на них самих. Последнее решение было оформлено в 60-е годы американской психологией в лице Эриксона как признание поиска идентичности необходимым этапом нормального развития молодого человека. Найди сам соответствующее твоим способностям и интересам место в обществе и получи подтверждение социума, что оно для него полезно. Это твоя жизнь, и только ты за нее отвечаешь. Так были прописаны отношения между государством, обществом и вступающим в жизнь молодым поколением.

Однако и Эриксон, и Адамс, и Коут в 60-80-е годы заявляли также об обязанности и долге общества и старшего поколения дать молодым людям понятные и работающие ориентиры устройства общества и его ценностей, чтобы поддержать благополучное становление их идентичности. Заметим, что идентичность, создаваемая самоопределением, предполагает не только совершение выбора, но и его реализацию. А это означает, что в обществе должны иметься соответствующие возможности, главным образом – рабочие места в экономике для входящих во взрослую жизнь поколений.

Общества развитых стран, однако, продолжали изменяться: элиты этих стран оставили увлечения амбициозными проектами изменения мира («Make America Great Again» Трампа не более, чем ностальгический лозунг) и сосредоточились на консервации собственного благосостояния и безопасности. Обычные граждане оказались предоставленными самим себе – давно желанная свобода, но без возможностей понимать происходящие социальные процессы и отстаивать в них свои интересы.

Встреча трендов и борьба за идентичность. Одним из многообещающих путей обеспечения безопасности привилегированных классов стало стремление к размыванию коллективных субъектов разного уровня и замене их прямыми отношениями индивида с безличной и неперсонифицируемой организацией. Атомизированные индивиды (термин Зигмунта Баумана) большей частью не имеют простого и интуитивно ясного доступа к социальной и групповой идентичности, а в связи с этим – возможности артикулировать свою позицию. Поскольку необходимость в переживании себя и эмоциональном отреагировании осталась, возникла задача сделать этот процесс безопасным для системы. Это задача

регулируемого того же порядка, что ограничение рождаемости или сокращение выбросов углекислого газа.

Два обстоятельства оказались соответствующими обозначенному тренду и расцвели в полной мере. Это превращение становления идентичности в новый рынок для предложения товаров и услуг и появление социальных сетей как второго пространства социализации.

Производители товаров всегда стремились использовать потребности людей для стимулирования покупок. Когда в гуманистическом дискурсе был поднят на щит конструкт идентичности, одним из прочтений которого стала отличительность от других и индивидуальная уникальность, бизнес переоткрыл для себя эту потребность. В какой-то момент идентичность была признана производителями товаров важным атрибутом человека и потенциально ненасыщаемой потребностью. Развитие и подтверждение идентичности было максимально облегчено, когда оно свелось к потреблению товаров, символизирующих приверженность идее и связанному с нею образу жизни. Доля в потреблении символического удовлетворения – приобретения не столько вещей, сколько средств для построения своего образа – существенно возросла. Торговцы не были в почете у народов, культивировавших героическую или духовную идентичность, но они оказались очень уместны и полезны для людей, строящих себя из приобретаемых знаков отличительности (в буквальном смысле отождествляющих себя с этими знаками). Теперь, чтобы «быть», надо «иметь» что-то такое, что позволит вам переживать ваше существование как уникальное и настаивать на этом, обращаясь к другим.

Социальные сети, возможно, облегчили формирование идентичности. Они создают многочисленные группы, требующие примыкания к ним. Одновременно они обеспечивают некоторое чувство общности, но эта общность всегда имеет временный характер: она возникает при встрече с конкурирующими мнениями при созерцании событий. Символические формы реагирования заменяют действительную активность с тем же успехом, как чтение рецептов – обед в ресторане, но во всем остальном они её старательно имитируют. Их действенность как организаторов самих событий потенциально возможна, но переход из состояния публики в состояние коллективного субъекта находится не в пространстве социальных сетей. Поэтому можно говорить и о личности, и об идентичности в сетевом пространстве. Эти изменения вместе с распространением социальных сетей привели к колоссальному росту такого вида социальной идентичности, как публика (множество людей, объединенных тем, что они наблюдают одно и то же представление). Он был известен и раньше, но не претендовал на то, чтобы быть главным способом реализации социальной идентичности. Социальная идентичность этого вида обеспечивается сегодня «как бы принадлежностью» к группе (подписчики того или иного блогера или зрители того или иного ток-шоу), но принадлежность ограничивается сходными эмоциональными реакциями на своего идола и не порождает следующих уровней самосознания группы.

Безразличие общества к задаче самоопределения молодежи отразилось и в ее отношении к самой себе. Термин «задержанная юность», введенный Джеймсом Коутом [2], отражает это состояние. Это смутное понимание себя, принятие случайных целей при неспособности или нежелании изучить ситуацию, отсутствие верности сделанным выборам, неспособность представлять себе задачи и потребности другого и отсутствие интереса к нему. Это отказ взрослеть и принимать на себя ответственность за общество, а именно эта ответственность всегда находится в основе принимаемых зрелым человеком обязательств. Теперь отчуждение своей работы от «больших» смыслов не является больше минусом, даже если человек и понимает всю условность своих текущих целей. Работа (профессиональная сфера) более не

является решающей областью самоопределения. Другое дело – способ жизни и его оформление. В одном из распространенных модусов жизни ведущее место занимает поиск и культивирование впечатлений, в другом – игра по вымышленным правилам со сбором фантиков и рейтингов.

Самоопределение в мире фейков. Вместе с тем любые социальные процессы вызывают к жизни своих антагонистов. В идентичности заинтересованы не получившие социального голоса общности, то есть те, кто не институционализирован и ведет процесс формирования группы, класса или движения. Формирование группы требует создания идентичности, резко отличающей её от других. Отличие ярче всего видно на противопоставлении позиции, которое возникает при описании противоречия. На социальном уровне противоречия раскрываются как столкновения интересов участников процесса. Поэтому мы наблюдаем борьбу объяснений и интерпретаций, которая является частью естественного процесса развития человечества. Но мы наблюдаем и новацию, которая в него внесена. Это зашумление информационного поля псевдопроблемами, ложными интерпретациями, отвлекающими внимание конфликтами, навязанными альтернативами – тем, что еще требует подходящего зонтичного наименования («фейк» понимается как ложная новость и не затрагивает интерпретационной части, bullshit Гарри Франкфурта вроде бы точнее и пошире, но слишком метафорично, «вранье», исследованное В.В. Знаковым [1], всё же бескорыстно, а «постправда» – слишком стерильно). Речь идет уже не о трудностях в самоопределении и становлении идентичности молодых людей по причине недостаточности ясных целей и ценностей развития, а о продуцировании в поле их представлений о мире заведомо неадекватных ориентиров. Проблема адекватности предложений на рынке ценностей, увы, не имеет хорошего решения. Кроме одного – критического мышления и свободной дискуссии о развитии общества и его будущем.

Библиографический список

1. Знаков В.В. Теоретические основания западной постправды и русского вранья // Вопросы психологии. 2019. №1. С.16-29.
2. Cote, J. Arrested Adulthood. The Changing Nature of Maturity and Identity. NY: New York University Press, 2000.

Kimberg A.N.
Kuban State University
Krasnodar

THE CHANGING PHENOMENON OF IDENTITY

Abstract. Identity as a personal phenomenon changes, both according to the internal logic of personality development and in response to the requirements of the social situation. Internal and external factors (the situation in society) interact in a special way, which gives a complex picture of the identity observed by the researcher. The movement of states from paternalism and direct social control to indirect economic and informational control of citizens has changed the nature of the request for identity. There is a tendency to bring it into the space of symbolic consumption and interaction in social networks, while reducing the importance of participation in real processes of social media production.

Keywords: identity, self-determination, identity politics.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МОТИВАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи между показателями организационной идентичности и мотивационной направленности у молодых сотрудников правоохранительных органов. Показано, что слабо выраженная организационная идентичность влияет на формирование регрессивной мотивационной направленности и повышает риск развития кризиса профессиональных ожиданий. Высокая организационная идентичность способствует формированию прогрессивной мотивационной направленности, развитию профессионально-личностного потенциала.

Ключевые слова: мотивационная направленность, организационная идентичность, сотрудники, правоохранительные органы.

Одним из ключевых факторов продуктивной деятельности правоохранительных органов является профессионально-личностный потенциал сотрудников [6; 8]. На вовлеченность в служебную деятельность и ее эффективность влияют многие факторы, ведущим из которых является социальная идентичность, выступающая, в свою очередь, регулятором самосознания, социального поведения, мотивации [10].

Социальная идентичность складывается из отдельных составляющих (организационная, профессиональная, гендерная и др.) и определяется принадлежностью человека к различным социальным категориям и группам. Особое место среди таких групп занимают профессиональные организации, в которых формируется организационная идентичность субъекта трудовой деятельности [4; 9].

Изучение механизмов формирования организационной идентичности и ее влияния на трудовую мотивацию молодых сотрудников правоохранительных органов является одной из актуальных и недостаточно полно раскрытых тем юридической психологии, что и определило цель настоящего исследования, являющегося частью более масштабного проекта.

Для достижения поставленной цели предполагалось решение следующих задач: определение уровня сформированности организационной идентичности («ОИ» – в дальнейшем) у молодых сотрудников правоохранительных органов и выделение в выборке трех групп с разной степенью выраженности данного показателя; определение особенностей мотивации учебно-профессиональной деятельности в полярных группах, выделенных по показателю «ОИ».

Исследование носило лонгитюдный характер, проведено в период с 2018 г. по 2019 г., в нем участвовало 86 человек (сначала в статусе студентов выпускных курсов юридического вуза, а затем – сотрудников правоохранительных органов). Возраст респондентов от 21 до 23 лет. В выборке 77% мужчин и 23% женщин.

Опрос и тестирование студентов выпускных курсов, согласившиеся принять участие в исследовании, проводился за один-два месяца до окончания обучения. Опрос участников

исследования в статусе молодых специалистов проводился в после трудоустройства (поступления на службу) в течение года.

Для определения структуры и уровня (степени выраженности) организационной идентичности использовался опросник, составленный на основе метода Н.Л. Ивановой [1]. При составлении опросника придерживались представления о том, что организационная идентичность является интегральной характеристикой, включающая в себя когнитивный, аффективный и оценочный компоненты.

Для выявления мотивации учебной и предстоящей профессиональной деятельности применялись: опросник «Оценка мотивов профессиональной деятельности», позволяющий выявить мотивы: самоутверждения в труде; социальной значимости труда; профессионального мастерства; собственного труда [2, с. 458-459]; опросник «16 мотивов учебной деятельности» [2, с. 433-435], позволивший выявить следующие мотивы: получить диплом; успешно продолжить обучение на последующих курсах; успешно учиться, сдавать экзамены на «хорошо и отлично»; постоянно получать стипендию; приобрести глубокие и прочные знания; быть постоянно готовым к очередным занятиям; не запускать изучение предметов учебного цикла; не отставать от сокурсников; обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности; выполнять педагогические требования; достичь уважением преподавателей; быть примером для сокурсников; добиться уважением родителей и окружающих; избегать осуждения и наказания за плохую учебу; получать интеллектуальное удовлетворение; стать высококвалифицированным специалистом [2, с. 433-435]; опросники «Методика диагностики личности на мотивацию к успеху» и «Методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач» [2, с. 380-383].

Комплекс использованных методик позволил выявить: спектр 16-и видов мотивации учебной деятельности; 4 вида профессиональной мотивации; выраженность мотивации к достижению успеха и мотивации к избеганию неудачи в учебной и профессиональной деятельности. По итогам тестирования были составлены мотивационные профили для каждой группы, выделенной по фактору организационной идентичности («ОИ»).

Рассмотрим результаты, полученные по итогам опроса по методике «Организационная идентичность». Диапазон показателей по фактору организационной идентичности («ОИ») варьировал в пределах от 7 до 55 баллов, распределение по данному показателю носило нормальный характер. На основании результатов опроса выборка разделена на три подгруппы: с высокими (свыше 40 баллов, 33 % респондентов, подгруппа «А»); средними (от 20 до 39 баллов, 48 % респондентов, подгруппа «В»); низкими (до 19 баллов, 19% респондентов, подгруппа «С»), значениями показателей по фактору «ОИ».

В соответствии задачами исследования, в каждой из подгрупп выборки определяли степень выраженности и ранговый порядок каждого из трех компонентов, образующих фактор «ОИ». В структуре профиля организационной идентичности (ОИ) подгруппы «А» ведущим оказался когнитивный компонент, за ним следует оценочный и слабо выражен – эмоциональный. Распределение рангов в подгруппе «В»: ведущий – оценочный компонент, второй – когнитивный, третий – эмоциональный. В структуре профиля организационной идентичности (ОИ) подгруппы «С» ведущим является аффективный компонент (с отрицательной валентностью), далее следует оценочный, и за ним – когнитивный.

Перейдем к рассмотрению мотивационных факторов. В подгруппе «А» (с высокими показателями по фактору «ОИ») выявлены следующие особенности. В структуре профиля мотивов учебной деятельности, составленного на основе ранжирования, ведущими оказались следующие мотивы учебной деятельности: приобрести глубокие и прочные знания, желание

стать высококвалифицированным специалистом, получать интеллектуальное удовлетворение работы. Низкие ранги соответствовали таким мотивам учебной деятельности, как избегание осуждения и наказания за плохую учебу, постоянно получать стипендию, быть постоянно готовым к очередным занятиям.

В профиле мотивов профессиональной деятельности (составленном на основе ранжирования) выявлено следующее распределение: мотив профессионального мастерства, мотив социальной значимости труда, мотив самоутверждения в труде, мотив собственного труда.

Анализ результатов опроса по методикам Т. Эйлерс позволяет сделать вывод о том, что у респондентов подгруппы «А» выраженная мотивация к достижению успеха сочетается с умеренно выраженной мотивацией к избеганию неудач.

Обобщая результаты подгруппы «А», отметим следующие тенденции. Учебная и профессиональная мотивация направлены на профессионально-личностное развитие и высокие достижения в работе, получение интеллектуального удовлетворения от деятельности. Для респондентов данной группы важно, чтобы их профессиональная деятельность носила социально значимый характер. Они отметили высокую удовлетворенность своим выбором организации для трудоустройства и переживание положительных эмоциональных состояний в процессе трудовой деятельности в период первичной производственной адаптации.

Обобщение результатов опроса участников подгруппы «В» позволило выявить следующие основные тенденции. Учебная и профессиональная мотивация были направлены на профессионально-личностное развитие и обеспечение условий для своего успешного профессионального продвижения. Респонденты данной группы также отметили высокую удовлетворенность выбором места работы, положительные эмоциональные состояния в процессе деятельности.

Рассмотрим результаты подгруппы «С» (с низкими показателями по фактору «ОИ»). В структуре мотивов учебной деятельности наиболее выражены: избегание осуждения и наказания за плохую учебу, желание получать стипендию и не отставать от сокурсников. На самых низких рангах в мотивационном профиле оказались следующие мотивы: добиться уважения от родителей и окружающих, стать высококвалифицированным специалистом, получать интеллектуальное удовлетворение от деятельности.

Структура мотивов профессиональной деятельности (выделенная на основе ранжирования): мотив собственного труда, мотив самоутверждения в труде, мотив социальной значимости труда, мотив профессионального мастерства. Следует отметить, что значение показателей, отражающих степень выраженности всех мотивов в подгруппе «С», на статистически значимом уровне ниже, по сравнению с показателями в первой и во второй группах.

Результаты обследования по методикам Т. Эйлерс говорят о том, что у респондентов данной группы достаточно отчетливо проявилась мотивация к избеганию неудач и слабо выражена мотивация на достижение успеха.

Обобщая результаты группы «С», можно отметить следующие тенденции. Низкая организационная идентичность соотносится с низкой удовлетворенностью выбора места для трудоустройства, несоответствием ожиданий реальным условиям деятельности, переживанием негативных эмоциональных состояний в процессе трудовой деятельности. Выявленные особенности можно соотнести с признаками кризиса профессиональных ожиданий [7]. Известно, что кризисы являются естественным сопровождением профессионального становления субъекта деятельности и могут завершаться как

деструктивным, так и конструктивным поведением. Преодоление кризисных явлений требует от личности профессионального поступка и психологически компетентного отношения к себе. Не каждый субъект деятельности может самостоятельно найти конструктивный выход из трудной ситуации. К эффективным средствам преодоления кризисов профессионального становления относятся организационные, воспитательные и социально-психологические технологии [3].

Обобщая результаты исследования, можно сделать следующие выводы. Организационная идентичность, сформированная у студентов к окончанию обучения в вузе, влияет на включенность молодых сотрудников правоохранительных органов в деятельность и ее успешность, на дальнейшее служебное продвижение. Низкая организационная идентичность влияет на формирование регрессивной мотивационной направленности и повышает риск развития кризиса профессиональных ожиданий. Высокая организационная идентичность способствует формированию прогрессивной мотивационной направленности и развитию личностного потенциала молодых сотрудников правоохранительных органов.

На основе выявленных в исследовании закономерностей были составлены рекомендации по оказанию содействия студентам в формировании организационной идентичности.

Перспективным вектором в исследовании влияния социальной идентичности на продуктивность правоохранительной деятельности является изучение гендерных аспектов [5].

Библиографический список

1. Иванова Н.Л., Румянцева Т.В. Социальная идентичность: теория и практика. М.: Изд-во СГУ, 2009.
2. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2008.
3. Карпов А.В., Орел В.Е., Тернопол В.Я. Психология профессиональной адаптации: монография. Ярославль: Институт «Открытое общество», 2003.
4. Липатов С.А. Проблема взаимодействия человека и организации: концепции и направления исследований // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2012. С. 85-96.
5. Ожигова Л.Н. Психология гендерной идентичности личности. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2006.
6. Романов В.В., Котлярова Л.Н. Юридическая психология: Учебник для академического бакалавриата. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019.
7. Сыманюк Э.Э. Психологические барьеры профессионального развития личности. Практико-ориентированная монография / Под ред. Э.Ф. Зеера. М.: Московский психолого-социальный институт, 2005.
8. Усачев А.А., Котлярова Л.Н. Правовые основы психологического отбора претендентов при поступлении на службу в органы прокуратуры // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 1358-1365.
9. Lipponen, J. Organizational identifications: Antecedents and consequences of identifications in a shipyard context. Helsinki, 2001.
10. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // S.Worchel, W.G. Austin (eds). Psychology of intergroup relations. 2nd ed. Chicago: Nelson-Hall, 1985. P. 7-24.

**ORGANIZATIONAL IDENTITY AND MOTIVATION
OF YOUNG LAW-ENFORCEMENT OFFICERS**

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the relationship between indicators of organizational identity and motivational orientation in young law enforcement officers. It is shown that weakly expressed organizational identity affects the formation of regressive motivational orientation and increases the risk of developing a crisis of professional experience. High organizational identity contributes to the formation of a progressive motivational orientation and the development of professional and personal potential.

Keywords: motivational orientation, organizational identity, employees, law enforcement agencies.

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)²⁴

Аннотация. В материале рассматривается значение социальных сетей и интернет-пабликов в конструировании имиджа субъекта РФ – Республики Адыгея. Автором анализируются определения социальных медиа, имиджа региона; контент пабликов и страниц в социальных сетях; рассматриваются результаты социологических опросов, проведенных онлайн среди населения республики и на сайтах отзывов. В результате автором формируется задача формирования и поддержания позитивного имиджа Республики Адыгея в социальных медиа, в первую очередь отражающего социально-экономическое развитие региона и качество жизни его населения.

Ключевые слова: имидж региона, социальные медиа, медиаимидж, коммуникативные технологии, аудитория социальных сетей, Республика Адыгея.

Проблема формирования позитивного медиаимиджа регионов в пространстве новых СМИ актуализируется в условиях интенсивного проникновения интернет-технологий и социальных сетей в жизнь каждого человека. В современном информационном обществе представления людей о чем-либо формируются в значительной мере в средствах массовой информации и в глобальной сети Интернет, которые играют большую роль в формировании имиджа государства, региона или города. Отношение граждан к тому или иному событию в большей степени зависит от того, как оно преподносится. Привлекательность любой территории чаще всего в последнее время оценивается в социальных сетях.

В рамках данного исследования имидж региона понимается как «относительно устойчивый знаково опосредованный, когнитивно обусловленный и эмоционально окрашенный, обладающий рядом характеристик стереотипа образ-представление о регионе, его своеобразии, конкурентных преимуществах, сильных и слабых сторонах, проблемах и возможностях, сложившийся у групп региональной общественности» [1, с. 46].

Цель данной статьи – исследование содержательных характеристик современного имиджа Республики Адыгея. В связи с этим рассмотрим аффективное (доминирует эмоционально-образное восприятие образа объекта, функционирует в виде чувств и переживаний) и когнитивное (доминирует рационально-логическое восприятие образа объекта, функционирует в виде оценки) восприятие имиджа Республики Адыгея в представлениях пользователей социальных сетей.

Имиджевая сфера Адыгеи разделена на два главных сегмента: политический, который, на наш взгляд, является базовым в структуре имиджа региона, и внеполитический имиджевый сектор, включающий в себя экономические и этнокультурные линии [2, с. 135]. Обеспечение устойчивого развития региона предполагает привлечение в республику инвестиций и квалифицированной рабочей силы, наращивание туристского потока и пр. Подобная

²⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90021 «Конструирование имиджа Республики Адыгея в пространстве социальных медиа».

капитализация ресурсов региона в современных условиях может быть достигнута во многом за счет создания и продвижения позитивного имиджа Адыгеи в восприятии населения.

Эмпирической базой исследования являются результаты онлайн-опроса, проведенного в январе-феврале 2020 года по стандартизированной анкете среди пользователей социальных сетей. Применялась целевая выборка опроса, когда опрашивались пользователи, состоящие в наиболее многочисленных тематических группах в социальных медиа (вКонтакте, Инстаграм, Одноклассники). Самой крупной информационно-развлекательной группой в социальных сетях является группа «Типичная Адыгея» – неофициальное интернет-сообщество Республики Адыгея, – которая была создана 4 декабря 2011 года и с тех пор активно развивается. Посредством этой группы освещаются самые важные аспекты жизни в республике, ежедневно выкладываются интересные новости и изменения в республике, формируется и поддерживается интерес к Адыгее как у самих жителей региона, так и у жителей других регионов. По количеству подписчиков «Типичная Адыгея» является крупнейшим пабликом региона (на конец 2019 года – 84 тыс. подписчиков в Instagram, 41 тыс. подписчиков ВКонтакте). Группы эти посвящены Республике Адыгея, поэтому информационный контент и комментарии пользователей концентрируются в области интересующей нас проблематики.

В онлайн-опросе приняло участие 638 человек, из них 39% мужчин и 61% женщин. В силу демографической специфики пользователей социальных сетей в опросе преобладает относительно молодое поколение: 32% пользователей в возрасте 18-24 года, 42% – 25-34 года, 18% – 35-44 года, 8% – 45-64 года. 90% опрошенных проживает в Республике Адыгея (70% – адыги, 23% – русские и 7% – другие национальности).

В исследовании ставилась задача выделения источников имиджеформирующей информации для пользователей социальных сетей. Результаты проведенного опроса ожидаемо показали, что чаще всего респонденты ориентируются на информацию из новых медиа, в которых у самих потребителей есть возможность создавать и обмениваться медиаконтентом (социальные сети, блоги, новостные интернет-сайты). Также для третьей доли опрошенных жителей республики важными являются сведения от круга повседневного общения.

Опрошенная аудитория социальных медиа в Адыгее позитивно оценивает существующий имидж республики (81%). С их точки зрения, населению других регионов примерно в равной степени присуще и положительное (35%), и нейтральное (34%) восприятие Адыгеи. На отрицательное отношение указывают в данном случае около десятой доли респондентов

Сравнение оценок этнических подгрупп респондентов показывает, что наиболее позитивны в оценке существующего имиджа республики опрошенные адыги (83%). У русских жителей немного меньше положительных ответов (72%), большая часть из которых смещается к среднему полюсу (вариант «скорее положительно»).

Лояльность к региону своего проживания обеспечивается и поддерживается на эмоциональном уровне. Проведенное социологическое исследование показывает, что большинство опрошенных испытывают гордость за свою республику (варианты «да, безусловно» и «скорее, да» отметили 84% респондентов). Сравнительный анализ по возрастным сегментам выявляет убывание степени выраженности чувства гордости от самых молодых респондентов к представителям старших поколений (18-24 года – 90%, 25-34 года – 82%, 35-44 года – 84%, 45-64 года – 76%).

В этическом разрезе наибольшие показатели гордости в отношении республики демонстрируют адыги (89%). Среди пользователей социальных сетей, относящихся

к русскому населению, данный показатель составляет 71%, среди опрошенных других национальностей – 76%.

Рационально-логическое восприятие имиджа Адыгеи предполагает изучение оценки населением региона конкурентных преимуществ региона, а также других факторов формирования позитивного образа территориального субъекта.

Результаты исследования показывают, что в представлении опрошенных среди имиджеобразующих факторов выделяются историко-географические и социокультурные факторы. Они оцениваются наиболее высоко аудиторией социальных сетей (от 8,1 до 9,2 средних баллов по 10-ти балльной шкале). Достаточно выраженной является и лояльность опрошенного населения к республике как месту жительства. Однако более критична аудитория социальных сетей в оценке возможностей культурной и образовательной инфраструктуры в Адыгее. Экономические возможности в регионе оцениваются еще ниже, особенно условия для развития бизнеса (4,7 средних балла). Хотя респонденты не часто отмечают согласие с тем, что в других регионах жизнь лучше.

Результаты исследования показывают, что состояние объектов сферы туризма и гостеприимства в республике оценивается аудиторией социальных сетей недостаточно высоко. Максимальная оценка отводится ресторанному бизнесу (6,8 средних баллов), минимальная – гостиницам (5,2). Уровень развития туристкой инфраструктуры и уровень сервиса в целом оценивается только на 5,7 и 5,5 средних баллов соответственно.

Полностью положительно оценивают деятельность региональных органов власти по формированию позитивного имиджа Адыгеи только 10% опрошенных. Половина говорит о «скорее грамотной и эффективной работе». На этом фоне более позитивные оценки высказывают респонденты в возрасте от 18 до 24 лет, а наиболее критичны потребители социальных медиа в возрасте от 35 до 44 лет. В процессе исследования аудитории социальных сетей задавался многовариантный вопрос «Что в большей степени может помочь созданию и поддержанию положительного имиджа Республики Адыгея?». Результаты онлайн-опроса фиксируют, что наиболее значимыми факторами выступают: развитие экономики республики (84%), повышение благоустроенности населенных пунктов (68%), развитие медицинских услуг (66%), эффективная работа региональной власти, уменьшение коррупции (64%), развитие туристкой инфраструктуры (56%), повышение инвестиционной привлекательности региона (52%).

Среди факторов, которые негативно влияют на образ республики, выделяются такие позиции, как: безработица (74%), невысокий уровень жизни населения (66%), коррупция в регионе (57%), плохое медицинское обслуживание (49%), неразвитая инфраструктура городов и районов республики (45%).

В современных условиях перед российскими регионами встает проблема продуманной и эффективной политики в области территориального брендинга. Без этого стратегия развития экономики и социальной сферы региона не будет комплексной. Имиджевые приобретения не только повысят конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность экономики территориального субъекта, но и укрепят позитивную региональную идентичность ее населения.

В нашем исследовании изучались аффективный и когнитивный компоненты имиджа Республики Адыгея в сознании регионального населения. Опрашивались пользователи социальных сетей, так как на современном этапе социальные медиа выступают ведущей площадкой производства и распространения имиджеобразующей информации.

Результаты исследования выявляют несоответствие высокого уровня эмоционального восприятия имиджа Адыгеи (гордость за республику, привлекательность ее природы, истории и культуры) и достаточно низкой рациональной оценки таких системообразующих для имиджа факторов, как экономическая конкурентоспособность, условия для развития бизнеса, возможности получения качественного образования, состояние туристской инфраструктуры и уровень сервиса. На этом фоне демонстрируют более позитивные оценки самая молодая аудитория социальных сетей (18-24 года) и коренные жители республики (адыги).

Позитивации образа Республики Адыгея мешают бедность населения, коррупция, неразвитость жилой и социальной инфраструктуры. Не очень высоко оценивается опрошенными жителями деятельность региональных органов власти по формированию положительного имиджа Адыгеи. В этой связи повышается роль направленной коммуникации органов власти в целенаправленном изменении, распространении и поддержании позитивно окрашенной идентификации региона среди представителей целевых групп.

Формирование позитивного имиджа – процесс долговременный, требующий комплексного и систематического подхода. Для этого необходимо приложение совместных усилий представителей региональной власти и управления, государственных и общественных организаций, руководителей регионообразующих предприятий, ведущих предпринимателей, специалистов в области PR-технологий, журналистов, а также населения данной территории. Успешность продвижения имиджа территории во многом зависит от эффективности взаимодействия региональной власти и СМИ, и результатом становится сформированное общественное мнение, которое способствует позитивному восприятию образа региона.

Библиографический список

1. Гавра Д.П., Таранова Ю.В. Имидж территориальных субъектов в современном информационном пространстве. СПб.: СПбГУ, 2013.
2. Жаде З.А., Кумпилов Т.М. Технологии формирования и конструирования имиджа Республики Адыгея // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: ИП Дорофеев В.Ю., 2019. С. 132-140.

Kumpilov T.M.
Adyghe State University
Maykop

FORMATION OF THE IMAGE OF THE REPUBLIC OF ADYGHEA IN SOCIAL NETWORKS (BASED ON EMPIRICAL RESEARCH)

Abstract. The article deals with the importance of social networks and publicly available internet sites in the construction of the image of the subject of the Russian Federation – the Republic of Adyghea. The author analyzes the definitions of social media, the image of the region, the content of public pages and pages in social networks, and the results of sociological surveys conducted online among the population of the Republic and on review sites. As a result, the author forms the task of forming and maintaining a positive image of the Republic of Adyghea in social media, primarily related to the socio-economic development of the region and the quality of life of its population.

Keywords: regional image, social media, media image, communication technologies, audience of social networks, Republic of Adyghea.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 19-311-90021.

Тучина Оксана Роальдовна
Кубанский государственный технологический университет
Краснодар
tuchena@yandex.ru
Тарасова Валерия Витальевна
Кубанский государственный технологический университет
Краснодар
tarassova1996@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ ИНЖЕНЕРОВ)²⁵

Аннотация. В статье представлен анализ исследования профессиональных ценностей молодых инженеров в контексте представлений о будущем. Использованные методы исследования: опросник «Якоря карьеры» Э. Шейна, семантический дифференциал «Временные аттитюды» Ж. Нюттена в авторской модификации, метод анализа среднего, корреляционный анализ, регрессионный анализ. Помимо этого, установлена связь между бытийным пространством личности и профессиональными ценностями, которые в дальнейшем влияют на выбор профессиональной деятельности.

Ключевые слова: идентичность личности, профессиональная идентичность, саморазвитие, профессиональные ценности, карьерная ориентация, ценностная ориентация.

В современном научном дискурсе особую актуальность приобретает исследование изменения отношения к труду и профессии, ценностно-смыслового содержания профессиональной идентичности в эпоху транзитивности. Важной социальной задачей становится поиск условий, путей и способов профессионального самоопределения молодых людей, их самореализации в профессиональной сфере, выявление ее адекватных психологических механизмов.

Сегодняшняя социальная реальность, характеризующаяся неустойчивостью социальных систем, частой сменой социальных статусов личности обуславливает методологический сдвиг в изучении личности от принципа единства сознания и деятельности к принципу единства личности и ее бытия. Важным теоретическим трендом в современном научном дискурсе является связь личностной идентичности и изменяющихся условий бытийности. Важным бытийным пространством личности является пространство профессионального бытия, в котором человек одновременно формирует свои смыслы и ценности и транслирует их в рамках своей профессиональной деятельности.

Субъектно-бытийный подход предполагает, что человек является субъектом профессионального саморазвития, проектируя свой профессиональный путь, определяя вектор своей профессиональной истории. Единство личности в многообразии ее идентификаций достигается через интериоризацию присущих данным идентификациям ценностей, формирование и объективацию личностного смысла, который выступает в качестве психологического механизма реализации личности. Профессиональные ценности, становясь личностными, определяют достижение личностью аутентичного бытия.

²⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-413-235002 «Самопонимание профессиональной идентичности молодежи в контексте представлений о будущем (на примере профессии инженера)».

И, напротив, если профессиональные ценности входят в конфликт с личностными, человек испытывает дискомфорт и стремится разрешить эту проблему.

Личность испытывает потребность в обретении и поддержке своей идентичности, в ее постоянной трансформации, переживаемой им как личностный рост и позитивная экспансия, расширяющая пространства личностного бытия. Соответственно, идентичность личности всегда ориентирована в будущее, что приводит к необходимости исследования данного феномена в контексте представлений о будущем.

Проблема формирования представлений об индивидуальном будущем изучалась в зарубежной психологии в контексте включения прошлого и будущего в настоящее и их существования в нем [11], в рамках исследования особенностей организации психологического времени [6], в рамках исследования жизненного пути личности [10]. В отечественной психологии с точки зрения «событийного подхода» будущее рассматривалось в планировании и оценке жизненных перспектив [2]) с позиции личностной организации времени и жизненного пути [1] как особое «смысловое образование» [5], через категорию «жизненный проект личности» [3; 4; 9]. Исследование профессиональной идентичности в контексте представлений о будущем дает возможность выявить основные проблемные точки дальнейшего профессионального роста молодого специалиста, поскольку, как показали исследования, значимым фактором риска образовательной среды вуза студенты считают именно профессиональную самореализацию после окончания вуза [7].

Целью работы является эмпирическое исследование профессиональных ценностей молодых инженеров в контексте представлений о будущем. Методы исследования: опросник «Якоря карьеры» Э. Шейна, семантический дифференциал «Временные аттитюды» Ж. Нюттена в авторской модификации, метод анализа среднего, корреляционный анализ, регрессионный анализ.

В исследовании приняли участие 97 молодых инженеров, 50 мужчин и 47 женщин, средний возраст 24,5 года, средний стаж работы по специальности 1,9 лет.

Исследование карьерных ориентаций респондентов при помощи методики «Якоря карьеры» выявило основные ценностные тенденции данной группы. Метод анализа среднего показал следующие результаты: высокий уровень выраженности профессиональных ценностей «предпринимательство» (7,52), «вызов» (7,16); средний – «интеграция стилей жизни» (6,80), «стабильность работы» (6,60), «стабильность места жительства» (6,57), «автономия» (6,45), «служение» (6,12); низкий – «менеджмент» (5,96), «профессиональная компетентность» (5,81). Таким образом, для данной выборки основные профессиональные ценности связаны с созданием нового креативного продукта и преодолением препятствий ради победы в конкурентной борьбе.

Результаты регрессионного анализа показали отсутствие влияния возрастных и гендерных особенностей, а также стажа работы по специальности на уровень карьерных ориентаций.

На следующем этапе исследования были выявлены связь выраженности карьерных ориентаций и представлений о будущем респондентов (семантический дифференциал «Временные аттитюды» Ж. Нюттена в авторской модификации). Корреляционный анализ (критерий Пирсона) показал следующие результаты ($p \leq 0,05$). Выраженность карьерной ориентации «предпринимательство» в данной группе респондентов связано с такими характеристиками будущего, как «темное», «безнадежное», «ужасное», «трудное», «бессмысленное», «чужое», «пассивное», «длительное», «насыщенное событиями», «незначительное», «несвободное», «нестабильное», «определенное», «связанное с прошлым».

Таким образом, ориентацию на создание нового продукта, своего дела молодые инженеры воспринимают в контексте восприятия будущего как проблемного, отчужденного от них, как пространства, где они не могут повлиять на текущие события.

Ценность «вызов», предполагающая ориентацию на решение заведомо сложных задач, преодоление препятствий, также связана у молодых инженеров с пессимистичным восприятием будущего, где стабильность связана со стагнацией: «неприятное», «безнадежное», «трудное», «чужое», «пассивное», «длительное», «насыщенное событиями», «незначительное», «застойное», «стабильное», «определенное», «консервативное», «связанное с прошлым».

Для представителей карьерной ориентации «интеграция стилей жизни» важнее выбирать и поддерживать определенный образ жизни, чем добиваться успеха в карьере. Выраженность данной ориентации коррелирует с характеристиками будущего «трудное», «бесмысленное», «чужое», «пассивное», «длительное», «насыщенное событиями», «незначительное», «несвободное», «нестабильное», «хаотичное», «связанное с прошлым».

Показательно, что такой образ будущего связан с прошлым, но не связан с настоящим, то есть именно события прошлого определяют данную картину будущего, на которую респонденты, по их мнению, не могут повлиять.

Для представителей карьерной ориентации «стабильность места жительства», которым важнее остаться на одном месте жительства, чем получить повышение или новую работу на новой местности, образ будущего связан с характеристикой «незначительное».

Цель карьерной ориентации «автономия» – получить возможность работать самостоятельно, способ реализации свободы. Выраженность данной ориентации связана с характеристиками будущего «безнадежное», «длительное», «насыщенное событиями», «незначительное», «несвободное», «нестабильное». Соответственно, ориентация на личную свободу связана с негативным, пессимистичным образом будущего.

Ценностная ориентация «служение» характерна для людей, стремящихся использовать свои таланты и опыт для реализации общественно важной цели. Данная ценностная ориентация связана с характеристиками будущего «безопасное», «упорядоченное» и «конфликтное». Таким образом, у представителей данной ценностной ориентации позитивный образ будущего, в котором, однако, присутствует конфликтность, что делает необходимым для респондентов их активную деятельность.

Ключевыми ценностями и мотивами для представителей ориентации «менеджмент» являются возможности для лидерства, высокого дохода, повышенных уровней ответственности и вклад в успех своей организации. Данная ценность связана с такими характеристиками будущего, как «удачное» и «чужое». Соответственно, для представителей данной ориентации будущее видится оптимистичным, но отчужденным от них.

Ценностная ориентация «профессиональная компетентность» связана с потребностью достичь успеха в профессиональной сфере, она коррелирует с характеристиками будущего «активное», «насыщенное событиями», «связанное с прошлым». Данная ценностная ориентация определяет позитивное отношение к будущему, обусловленное продуктивным настоящим.

На основании результатов проведенного исследования можно сделать выводы, что для молодых инженеров основные профессиональные ценности связаны с созданием нового креативного продукта и преодолением препятствий ради победы в конкурентной борьбе. При этом именно данные ценности связаны с восприятием будущего как проблемного,

отчужденного от них, как пространства, где они не могут повлиять на текущие события. Наиболее оптимистичный образ будущего связан с выраженностью ценности служения.

Библиографический список

1. Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. СПб.: Алтейя, 2007.
2. Головаха Е.И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов: Хрестоматия СПб.: Питер, 2009.
3. Клементьева М.В. Биографическая рефлексия как ресурс саморазвития взрослых людей // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 103-110.
4. Коржова Е.Ю. Введение в психологию жизненных ситуаций. СПб., 2015.
5. Леонтьев Д.А., Шелобанова Е.В. Профессиональное самоопределение как построение образов возможного будущего // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 57-65.
6. Нюттен Ж. Мотивация, действие, перспектива будущего. М., 2004
7. Лялюк А.В., Тучина О.Р. Исследование факторов риска образовательной среды современного вуза: позиции студентов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3: Педагогика и психология. 2018. № 3 (223). С. 57-65.
8. Рябикина З.И. Интерпретация профессиональной идентичности и профессионального роста личности с позиций субъектно-бытийного подхода // Личность курсанта: психологические особенности бытия: Материалы V Всерос. науч.-практ. конф. (с иностранным участием). Краснодар, 2014.
9. Сапогова Е.Е. Жизненный и экзистенциальный опыт в автобиографических нарративах личности // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 68-79.
10. *Bühler Ch: Genetic aspects of the self.* In: *Fundamentals of psychology of the self.* Annals of the New York Academy of Sciences, v. 96, art. 3. N. Y., 1962
11. Levin K. *Resolving Social Conflicts and Field Theory in Social Science* Washington: American Psychological Association, 2010.

Tuchina O.R.

Kuban State Technological University
Krasnodar

Tarasova V.V.

Kuban State Technological University
Krasnodar

YOUTH PROFESSIONAL VALUES IN THE CONTEXT OF IDEAS ABOUT THE FUTURE (BASED ON THE RESEARCH OF YOUNG ENGINEERS)

Abstract. The article presents an analysis of the study of professional values of young engineers in the context of ideas about the future. Research methods used: the questionnaire "career Anchors" by E. Shane, the semantic differential "Time attitudes" by J. Nutten in the author's modification, the method of average analysis, correlation analysis, regression analysis. In addition, there is a connection between the existence space of the individual and professional values, which later affect the choice of professional activity.

Keywords: personal identity, professional identity, self-development, professional values, career orientation, value orientation.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 19-413-235002.

ЛИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ МИРА ПРОФЕССИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Багадирова Сусанна Кимовна
Адыгейский государственный университет
Майкоп
susanna22@mail.ru

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ (НА ПРИМЕРЕ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

Аннотация. В статье представлена структурная модель самореализации личности в профессионально-спортивной деятельности (на примере дзюдо). В ней раскрываются структура и содержание компонентов самореализации, описываются виды, факторы и условия, ее определяющие, а также этапы многолетней подготовки соотносятся с уровнями и критериями оценки самореализации. Освоение профессионально-спортивной деятельности происходит поэтапно, что сопряжено с освоением психологической структуры деятельности. В данной работе профессионализация спортсмена рассматривается как главное условие самореализации личности.

Ключевые слова: самореализация личности, профессионально-спортивная деятельность.

Современную жизнь человека можно охарактеризовать как жизнь, насыщенную революционными изменениями, в ходе которых происходит частая смена парадигм существования человека, что определяет поиск новых, либо обнаружение резервов в уже известных сферах деятельности человека, где возможна его самореализация. Нам представляется, что профессионально-спортивная деятельность является тем видом деятельности, где обнаруживаются широкие возможности самореализации личности.

Анализ классических научных работ, посвященных проблеме самореализации, позволил нам установить несколько направлений, в которых рассматривается данная проблема. Самореализация личности как **цель** жизни человека представлена в исследованиях ученых А. Адлера, А. Бандуры, У. Джеймса, А. Маслоу, К. Роджерса, Дж.Роттера, В. Франкла, Э. Фромма, В. Штерна и ряда других авторов. Как **средство** обеспечения свободы личности, самореализация рассматривается в работах Н.А. Бердяева, В.С. Библера, М.К. Мамардашвили, В.С. Соловьева, Э. Фромма. Самореализация как непрерывающийся **процесс** развития личности исследовалась А. Маслоу, К. Юнгом, Э. Фроммом и другими исследователями. Самореализация как **состояние**, в контексте удовлетворенности ею, представлена в работах Д.А. Леонтьева, А. Маслоу, К. Роджерса. Самореализация как **итог** жизни или деятельности представлена в работах Б.Г. Ананьева, Г. Олпорта, Э. Фромма, Э. Эриксона, К. Юнга.

Обобщая представленные направления исследования самореализации, отметим, что самореализация рассматривается как активность личности, в ходе которой возможна реализация ее личностного потенциала. Также отметим, что в научной литературе часто используются понятия, связанные с самореализацией: «развитие личности», «самоактуализация», «самовыражение», «самоутверждение», «самосовершенствование».

Профессиональная самореализация личности происходит на фоне процессов профессионального становления личности (профессионализации).

Как было сказано ранее, профессионально-спортивная деятельность предоставляет человеку большие возможности для самореализации. Уверенность в этом обусловлена тем, что она, в отличие от многих других видов деятельности, не просто заключается в ее нормативном исполнении, а является высоко конкурентным видом деятельности и требует максимального приложения имеющегося у человека личностного потенциала, а часто и использования личностного резерва. В тоже время потребность в самореализации выступает как движущая сила профессионального развития личности. Следовательно, потребность в самореализации может быть успешно удовлетворена в процессе профессионализации и, в тоже время, как одна из базовых потребностей личности, стимулирует процесс освоения профессиональной деятельности. Кроме того, следует отметить, что требования спортивной деятельности (дзюдо), ее ресурсы, необходимый для освоения и реализации деятельности личностный потенциал, являются основой для самореализации личности в профессионально-спортивной деятельности.

Анализ научной литературы позволил нам обнаружить и осуществить анализ немногочисленных исследований данного феномена. Это В.Э. Бушманова, 2012; Г.Б. Горская, 2017; А.Н. Радостев, О.А. Козырева, 2016; Л.Г. Уляева, 2014. Авторы предложили несколько определений самореализации спортсмена в условиях профессионально-спортивной деятельности, которые не имеют значимых смысловых расхождений. В обобщенном виде самореализация спортсмена – есть реализация его потенциала в ходе достижения результатов вследствие совершенствования и самовыражения в спортивной деятельности.

Несмотря на внимание к заявленной теме, изучена она недостаточно. Нет каких-либо детальных и обобщенных исследований самореализации в профессионально-спортивной деятельности. В данной работе мы предлагаем собственное видение проблемы самореализации личности в профессионально-спортивной деятельности, которое выражается в сформулированной нами структурной модели самореализации личности в профессионально-спортивной деятельности (на примере дзюдо), представляемой в усовершенствованном варианте.

В данной модели раскрывается структура и содержание компонентов самореализации, виды, факторы и условия, ее определяющие, а также показано, с какими этапами многолетней подготовки соотносятся описанные нами уровни и критерии оценки самореализации.

Итак, в структуре самореализации спортсмена мы выделяем следующие компоненты: мотивационно-целевой, содержательный, оценочно-результативный. Мотивационно-целевой компонент – тактический и стратегический конструкт, который позволяет осуществлять управление и определяет направленность, а также позволяет определить личностные ресурсы, необходимые для самореализации. Содержательный компонент – системный и деятельностный конструкт, характеризуемый установленными формами, методами и средствами самореализации. Оценочно-результативный компонент – оценочный конструкт, который позволяет провести анализ результатов деятельности, осуществить прогнозирование направлений самореализации. Подобная структура самореализации определена нами не случайно. Обозначенные структурные компоненты позволяют отследить реализацию профессионально-спортивной деятельности, целью которой является самореализация личности [1, с. 370].

Вопрос определения видов самореализации в научной психологической литературе находится в стадии обсуждения. Нам представляется, что более разработанной является концепция о видах самореализации философа В.В. Байлука [2]. Он выделяет три группы видов самореализации. К первой группе относятся базовые виды самореализации, которые могут

быть активированы как самим индивидом, так и социумом. Они определяют жизненные ценности и системообразующие смыслы. Ко второй группе относятся самопознавательный, самообразовательный, самовоспитательный, самооздоровительный виды самореализации – эзотерическая (внутренняя) самореализация. За ней закреплена функция познания себя, нравственной и эстетической оценки. К третьей группе видов самореализации относится экзотерическая (внешняя) самореализация, так как объект активности человека находится вне его. На наш взгляд, все эти три вида самореализации создают целостную систему самореализации личности в рамках спортивной деятельности.

Успешная самореализация предполагает активность самого субъекта, находящегося под воздействием разнообразных способствующих и препятствующих факторов. Нам представляется, что внешними (социальными) факторами являются: **препятствующие** – нестабильность общества (К. Хорни); требования вида спорта; преобладание прагматических аспектов профессиональной деятельности; **способствующие** – ресурсы социума, ресурсы вида спорта, требования вида спорта (дзюдо). К числу внутренних (психологических) факторов, **препятствующих** самореализации личности, исследователи относят: низкую самооценку (Т.З. Козлова), пассивную и неадекватную жизненную позицию (А.С. Балык), страхи (Д.А. Леонтьев), ригидность как негибкость, неготовность и неспособность реагировать на изменения, неспособность реагировать на изменения, вызванные сменой макросоциальных условий (Э.В. Галажинский, И.В. Солодовникова) и т. д. С точки зрения исследователей, **способствующими** самореализации личности факторами являются: высокий уровень мотивации занятия спортом, направленность личности на достижение наивысшего спортивного результата, объективные критерии оценки результатов достижений спортсмена (О.М. Румянцева); развитие общих психомоторных способностей, осознанной саморегуляции действий и психических состояний, реалистичностью целеполагания, полноценной Я-концепцией, конструктивными взаимоотношениями с социальным окружением (Г.Б. Горская).

Для успешной самореализации личности необходимо создание специальных условий. Таковыми следует считать: создание развивающей среды в рамках учебно-тренировочной деятельности (внешние условия); готовность к самосовершенствованию, реальные и потенциальные способности, интересы и ценности, личностные качества, соответствующие требованиям дзюдо, как перспектива личностного роста, активную деятельность спортсмена как способ его перестройки структуры и повышения уровня его внутренней организации (внутренние (личностные) условия). Однако, несмотря на столь обширный перечень условий, спортивная деятельность, в ходе которой происходит профессионализация спортсмена, является главным условием самореализации личности.

Освоение профессионально-спортивной деятельности происходит поэтапно. Многолетняя подготовка в дзюдо представлена стадией базовой подготовки (этапы предварительной подготовки и начальной специализации), а также стадией максимальной реализации индивидуальных возможностей в дзюдо (этап спортивного совершенствования и этап спортивного мастерства). Нам представляется, что с самого начала занятий спортом спортсмен обретает возможность осознанной самореализации в профессиональной деятельности.

Освоение деятельности сопряжено с освоением психологической структуры деятельности, которая (по В.Д. Шадрикову) представлена следующими функциональными блоками: мотивация, цель, программа деятельности, информационная основа деятельности,

принятие решения, профессионально важные качества. Перечисленные блоки в ходе профессионализации спортсмена претерпевают ряд трансформаций.

Так, например, на этапах спортивной карьеры выделяется группа ведущих мотивов, специфичных для данного этапа подготовки, которые поддерживаются общими мотивами занятия спортом («дрейф» мотивов по В.Д. Шадрикову). Трансформация целей в континууме «производительность – качество» обусловлена требованиями деятельности, индивидуальным опытом субъекта, требованиями к реализуемой деятельности и т. д. Программа деятельности, изначально предлагаемая в форме образа деятельности и знаний о последовательности и способах выполнения действий, уверенно осваивается (деятельность по инструкции), а затем формируется индивидуальная программа деятельности. Становление ИОД происходит параллельно с освоением программы деятельности. Становление функционального блока принятия решения характеризуется освоением и/или выработкой решающего правила и критериев достижения цели и предпочтительности. Качества субъекта деятельности трансформируются в соответствии с требованиями деятельности, таким образом, формируется индивидуальный способ деятельности.

Итак, в ходе освоения психологической структуры деятельности функциональные механизмы психических свойств трансформируются в соответствии с требованиями деятельности в операциональные (переход от психического свойства к профессиональному качеству), что и определяет успешность самореализации личности.

Уровень самореализации, как нам представляется, обусловлен уровнем развития личности в деятельности и степенью адекватности приложения усилий по осуществлению деятельности. Нами определены и описаны следующие уровни самореализации спортсмена: адаптивный, репродуктивный, продуктивный уровни.

На **адаптивном уровне** деятельность выстраивается по схеме, так как спортсмен демонстрирует начальный уровень знаний техники и тактики дзюдо. В связи с этим не определяются перспективы самореализации в спорте. Достижение данного уровня возможно на предварительном этапе подготовки дзюдоистов.

На **репродуктивном уровне** спортсмен проявляет активность в рамках воспроизводящей деятельности. Возрастающие требования деятельности и высокая конкуренция среди спортсменов определяют осознание необходимости самосовершенствования как основы самореализации. Достижение данного уровня возможно на этапах начальной и углубленной специализации.

–На **продуктивном уровне** спортсмен показывает виртуозное владение техникой и тактикой дзюдо и становится образцом профессиональной самореализации. Данный уровень достигается на этапах спортивного совершенствования и высших достижений.

Важную роль в понимании феномена самореализации играют **критерии** самореализации. Нам представляется, что можно выделить следующие критерии самореализации: результативные (объективные и социальные) и персональные (субъективные и личностные) критерии. Социальные критерии являются индикаторами, которые спортивной общественностью воспринимаются как самореализация в спорте. Объективные критерии предполагают оценку деятельности спортсмена (очки, баллы, занятое место и т. д.). В основе субъективных критериев лежат представления самого спортсмена, который субъективно оценивает полноту самореализации. Личностные критерии, по мнению Г.Б. Горской, свидетельствуют о наличии психологической культуры спортсмена [3], которая является

совокупностью психологических знаний и умений спортсменов, определяющих их самореализацию в спорте.

Итак, рамки данной статьи не позволяют нам более детально представить проблему самореализации личности в профессионально-спортивной сфере. Однако представленная в работе структурная модель самореализации спортсмена в рамках профессионально-спортивной деятельности позволяет увидеть структуру и содержание компонентов самореализации, виды, факторы и условия, ее определяющие, а также увидеть, с какими этапами многолетней подготовки соотносятся описанные нами уровни и критерии оценки самореализации. Данная модель позволит спортсмену осознанно планировать самореализацию в спорте, а психологам осуществлять процесс психологического сопровождения спортивной карьеры так, чтобы нейтрализовать негативные факторы, влияющие на самореализацию в спорте, а также создать условия, способствующие успешной профессионализации спортсмена.

Библиографический список

1. Багадирова С.К. Структурная модель самореализации спортсмена в условиях профессионализации в дзюдо // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2019. № 12 (178). С. 369-373.

2. Байлук, В.В. Сущность самореализации личности и ее структура // Педагогическое образование в России. 2011. № 4. С. 12-17.

3. Горская Г.Б., Психологические ресурсы и барьеры самореализации спортсменов на разных этапах спортивной карьеры // Рудиковские чтения: Материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. психологов физической культуры и спорта (11-12 мая 2017 г.) / Под общ. ред. Ю.В. Байковского, А.В. Воцинина. М.: РГУФКСМиТ, 2017. С. 142-146.

Bagadirova S.K.
Adyge State University
Maykop

PERSONAL SELF-REALIZATION WITHIN PROFESSIONAL SPHERE (SPORTS ACTIVITIES AS EXAMPLE)

Abstract. The article presents a structural model of personal self-realization in professional sports activities (judo as an example). It reveals the structure and content of the components of self-realization, describes the types, factors and conditions that determine it, as well as the stages of long-term training correlate with the levels and criteria for evaluating self-realization. The development of professional sports activities takes place in stages, which is associated with the development of the psychological structure of the activity. In this paper, the professionalization of an athlete is considered as the main condition for self-realization of the individual.

Keywords: Personal self-realization, professional and sports activities.

Бафанова Валентина Евгеньевна
Кубанский государственный технологический университет
Краснодар
valya.bafanova.99@mail.ru
Чемулова Алена Валерьевна
Кубанский государственный технологический университет
Краснодар
chemulovaa@yandex.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОФЕССИИ ИНЖЕНЕРА)²⁶

Аннотация. В условиях изменения сферы труда и требований к различным профессиональным группам актуальным становится проведение исследований, фиксирующих и описывающих представление молодежи о профессиональной группе. Целью статьи является представление результатов эмпирического исследования профессиональных авто- и гетеростереотипов инженеров. В процессе теоретического анализа было выявлено, что формирование профессиональной идентичности инженеров является одним из важнейших критериев профессионального становления инженера как субъекта труда, а также может рассматриваться как внутренний источник личностного роста. Эмпирическое исследование выявило, что профессия инженера в массовом сознании предполагает наличие аналитического склада ума, хороших прикладных и теоретических знаний, направленных на применение в практических условиях, постоянное изобретение сложных инструментов и технологий.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, инженеры, молодежь, профессиональные стереотипы.

Инженерные профессии составляют большую часть группы профессий STEM (Science, Technology, Engineering, Mathematics). Значимость установок и ориентаций молодых представителей этой профессии для развития модернизационных процессов очевидна. Интерес, который эти проблемы вызывают у специалистов по социологии и экономике труда, связан, с одной стороны, с ведущей ролью инженеров в экономическом и социальном развитии предприятий, а с другой – с теми существенными изменениями, которые технический прогресс приносит в процесс профессиональной подготовки, в социальный и трудовой опыт молодых. Настоящее время может быть охарактеризовано как этап субституции в рамках развития технологий, что связано с уменьшением сферы малоквалифицированного и низкооплачиваемого труда, а также уменьшением новых рабочих мест [1, с. 66]. Следствием данного процесса непосредственно является снижение престижности профессии инженера, на которую воздействует деструкция в рамках цифровизации, приводящей к исключению инженеров промышленной эпохи из процесса производства.

Говоря об образе представителя инженерной профессии в массовом сознании, можно сказать, что статус и престиж профессии менялся в зависимости от политической, экономической и социокультурной обстановки [2]. Подобные значительные расхождения в оценках были связаны со сложностью и многоплановостью рассматриваемого феномена, по-видимому, из-за различий условий, в которых проводились исследования. На сегодняшний

²⁶Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект 19-413-235002 «Самопонимание профессиональной идентичности молодежи в контексте представлений о будущем (на примере профессии инженера)».

день выявления факторов, связанных с переходом к принципиально новой «идентификационной матрице» инженера, обусловлено запросом на интеграцию инженеров новой формации в «креативный» класс [2, с. 5]. Перепроизводство инженерных кадров, сопровождавшееся ухудшением качества их подготовки, непропорциональный рост инженерных должностей на предприятиях и связанная с этим деградация функций этой группы работников, а также массовая депрофессионализация инженеров и относительное снижение заработной платы сделали падение престижа профессии практически неизбежными [3].

Таким образом, в рамках современного производства от инженеров требуется гибкое мышление в принятии управленческих решений, инициативность, что приводит к повышению ценности качеств быстрой адаптации и стрессоустойчивости, а также способности работать в сжатых сроках. При этом, безусловно, особое место занимает качественный потенциал будущих представителей данной профессии. Современному производству необходимы технократические профессионалы, способные эффективно использовать достижения современной науки [4].

Соответственно, актуализируется потребность в новых исследованиях, описывающих и анализирующих динамику профессионального самосознания социально-профессиональной группы инженеров. Особенно важным в данном случае является определение показателей, фиксирующих изменения в идентификационной матрице молодежи, приобретающей профессию.

Исходя из гносеологических пробелов в рамках описания современного облика инженера, отсутствия важной информации о том, что вкладывает молодежь в понятие «инженер», насколько важным считает данную профессию, научной проблемой исследования стало выявить представление об инженерной профессии с разных профессиональных позиций.

Целью исследования является выявление профессиональных авто- и гетеростереотипов, касающихся профессии инженера с использованием ассоциативного эксперимента.

Выборка исследования: 440 студентов Кубанского государственного технологического университета, среди которых 297 будущих инженеров, из них 238 респондентов мужского пола и 59 женского, средний возраст 19,5 лет, и 143 респондента социально-гуманитарных специальностей, из которых 57 мужчин и 86 женщин, средний возраст 20 лет. Используемым методом является ассоциативный эксперимент. Респондентам были предложены два вопроса: кто такой инженер? и какими качествами он обладает? Методы обработки: контент-анализ (извлечение смысловых единиц из текста и их количественный замер).

Представители социально-гуманитарных специальностей выделили следующие качества. 57 респондентов мужского пола выделили такие качества инженера: «умный» (15 ответов), «изобретательный» (13 ответов), «специалист» (11 ответов), «рабочий» (9 ответов), «технар» (7 ответов). Респондентами женского пола гуманитарных специальностей были выделены следующие качества, присущие инженеру: «специалист» (42 ответа), «изобретательный» (26 ответов), «умный» (18 ответов), «проектировщик» (9 ответов), «ответственный» (8 ответов).

Представители инженерных специальностей приоритетными для своей профессии считают следующие качества. Респонденты мужского пола выделили следующие свойства, по их мнению, присущие инженеру: «умный» (99 ответов), «специалист» (71 ответ), «ответственный» (68 ответов), «креативный» (61 ответ), «образованный» (37 ответов). Респонденты женского пола инженерных специальностей выделили следующие качества:

«умный» (28 ответов), «специалист» (17 ответов), «ответственный» (16 ответов), «трудолюбивый» (13 ответов), «изобретатель» (11 ответов).

Подводя итог проведённому эксперименту, можно сделать следующие выводы:

- анализ результатов ассоциативного эксперимента помог выявить константные качества профессии инженера, отраженные в массовом сознании молодежи;
- были выявлены основные отличия в восприятии профессии инженера представителями технических и гуманитарных направлений;
- авто и гетеростереотипы совпадают в обеих группах при оценке инженера как специалиста в своей области, умного и креативного;
- как показали результаты, будущие инженеры в большей степени рассматривают профессию с точки зрения высококвалифицированного труда, интеллектуальной деятельности, креативного подхода, в то время как представители социально-гуманитарных профессий видят инженера как рабочего, который занимается непосредственно физическим трудом.

Соответственно, можно говорить о том, что молодое поколение инженеров понимает свою значимость в обществе, осознает те качества, которые помогают им преуспевать в своей профессиональной области.

Можно отметить, что и у представителей гуманитарных отраслей преобладает положительное мнение об инженерах, понимание их сильных сторон и преимуществ, что при сравнении показало схожесть с оценками непосредственно самих представителей инженерной направленности.

Резюмируя всё вышеизложенное, стоит сказать, что по результатам ассоциативного эксперимента в массовом сознании молодежи профессия инженера предполагает наличие аналитического склада ума, мышления, хороших прикладных и теоретических знаний, направленных на применение в практических условиях, постоянное изобретение сложных инструментов и технологий, что способствует накоплению и передаче новых знаний будущим поколениям.

Соответственно, формирование профессиональной идентичности инженеров имеет огромное значение и актуализируется как один из важнейших критериев профессионального становления инженера как субъекта труда, а также как внутренний источник личностного роста.

Библиографический список

1. Апполонов А., Отельникова Т., Бандуровский К., Кралечкин Д., Кушнарера Д. Есть ли будущее у капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
2. Арасланова А.А. Профессиональное становление специалиста: анализ советского периода (60-80-е годы XX столетия) // Фундаментальные и прикладные аспекты современных психолого-педагогических и социологических исследований. Ришон-ле-Цион: Medial. 2016. № 2. С. 7-29.
3. Щербакова Л.И., Дегтярев А.К., Коренюгина Т.Ю. Социально-профессиональная идентичность инженеров нового поколения как ресурс повышения производительности труда. Новочеркасск: ЮРГПУ, 2015.
4. Щербакова Л.И., Дегтярев А.К., Коренюгина Т.Ю. Социально-профессиональная идентичность инженера: социальные показатели // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6. С. 212-215.

Bafanova V.E.
Kuban State Technological University
Krasnodar
Chemulova A.V.
Kuban State Technological University
Krasnodar

**PROFESSIONAL STEREOTYPES AMONG YOUNG PEOPLE (BASED
ON THE RESEARCH OF THOUGHTS ABOUT THE ENGINEERING PROFESSION)**

Abstract. In the context of changes in the sphere of work and requirements for various professional groups, it becomes relevant to conduct research that captures and describes the idea of young people about a professional group. The purpose of the article is to present the results of an empirical study by professional auto-and heterostereotypes of engineers. In the course of theoretical analysis, it was revealed that the formation of professional identity of engineers is one of the most important criteria for the professional development of an engineer as a subject of labor, and can also be considered as an internal source of personal growth. Empirical research has revealed that the profession of an engineer in the mass consciousness implies the presence of an analytical mindset, good applied and theoretical knowledge aimed at practical application, and the constant invention of complex tools and technologies.

Keyword: professional identity, engineers, youth, professional stereotypes.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 19-413-235002.

РОЛЬ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ БЛАГОПОЛУЧИИ ПЕДАГОГОВ ПОЗДНЕГО ВОЗРАСТА²⁷

Аннотация: От переживания кризиса позднего возраста зависит благополучие и успешность дальнейшей профессиональной деятельности педагога. В данном исследовании мы рассматриваем жизнестойкость как ресурс, позволяющий обеспечить психологическое благополучие педагога поздней зрелости. В исследовании приняли участие 298 педагогов свердловской области в возрасте от 60 до 74 лет. Инструментарием исследования выступили «Краткая версия теста жизнестойкости» Е.Н. Осина, Е.И. Рассказовой; «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко). Результаты исследования показали, что жизнестойкость позитивно связана с психологическим благополучием.

Ключевые слова: психологическое благополучие, жизнестойкость, поздний возраст, кризис, педагог.

Переживание возрастно-психологических и социальных изменений в позднем возрасте является кризисным периодом жизни человека, от разрешения которого зависит благополучие дальнейшей жизни. Данное благополучие будет касаться всех сфер жизни человека позднего возраста, в том числе профессионального.

Отдельного внимания в контексте профессиональной деятельности заслуживает благополучие педагога позднего возраста. Это связано с тем, что в педагогической среде не принято завершать профессиональную деятельность по достижении пенсионного возраста, однако деструктивное разрешение возрастного кризиса может привести к потере социально-профессиональной адекватности. Тем не менее, педагоги позднего возраста обладают богатым опытом и педагогическим мастерством, который позволяет качественно реализовывать образовательный процесс и сформировать потенциал для дальнейшего развития.

Данная проблема актуализирует поиск ресурсов конструктивного разрешения возрастного кризиса, обеспечивающих конструктивную реализацию профессиональной деятельности.

В качестве такого ресурса может выступить «Жизнестойкость». Э.Ф. Зеер рассматривает жизнестойкость как «качество человека, обнаруживающееся в сложных ситуациях, трудностях, невзгодах и требующее мобилизации его жизненных сил, личностных ресурсов для преодоления неблагоприятных обстоятельств жизни» [1, с. 78.].

Жизнестойкость – это адаптированный Д.А. Леонтьевым конструкт «Hardiness» [2]. Так, жизнестойкость – совокупность установок личности, которые помогают в изменении восприятия стрессовых обстоятельств. Человек, обладающий большой жизнестойкостью, воспринимает жизненные сложности как возможности развития.

Установки жизнестойкости: вовлеченность – убеждение, что справляться с трудностями возможно через включенность в деятельность и поддержание контакта с окружением;

²⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00790 «Преодоление кризиса утраты профессиональной деятельности у педагогов в период поздней зрелости».

контроль – стремление оказывать влияние на условия в любой ситуации; принятие риска – восприятие проблемных обстоятельства как источники развития из-за приобретения опыта.

Человек, обладающий жизнестойкостью, имеет выраженность всех трех установок, если у человека выражена одна установка – это не может являться жизнестойкостью [3].

Рассмотрим благополучие как отражение конструктивной реализации жизненного пути и профессиональной деятельности. Благополучие является объектом многих наук. В психологии благополучие имеет различные определения: «счастье», «субъективное», «психологическое», «общественное», «психосоциальное», «эмоциональное» и т. д. В контексте нашего исследования уместно обратиться к концепции «психологического благополучия» К. Рифф. Автор характеризует психологическое благополучие как комплексную характеристику позитивного функционирования человека, которая предполагает реализацию широкого спектра психологических возможностей и является многомерным процессом, а не состоянием. Данный подход позволил обобщить и выделить компоненты психологического благополучия: позитивные отношения с окружающими, автономия, управление окружающей средой, личностный рост, цель в жизни, самопринятие [4]. Так в нашем исследовании, основываясь на концепции К. Рифф, мы рассматриваем благополучие как процесс реализации человеком деятельности, обеспечивающей достижение целей, нахождение смысла, создание позитивных отношений, выстраивание необходимых условий, сопротивление внешнему влиянию, принятие своих сильных и слабых сторон.

Целью нашего исследования является определение влияния жизнестойкости на психологическое благополучие педагогов поздней зрелости.

Для определения влияния жизнестойкости на психологическое благополучие педагогов позднего возраста нами было проведено эмпирическое исследование. Группу исследования составили учителя школ в возрасте от 60 до 74 лет. Выборка исследования составляла из 298 испытуемых (22 мужчины, 276 женщин).

В качестве инструментария исследования выступили опросники: «Краткая версия теста жизнестойкости» Е.Н. Осина, Е.И. Рассказовой; «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко).

Для обработки данных исследования использовался корреляционный анализ по t -критерию Спирмена. Данный критерий выбран в связи с тем, что переменные не соответствуют нормальности распределения по критерию Колмогорова-Смирнова.

Все полученные корреляционные связи имеют значимость на уровне $p < 0,01$. Коэффициент корреляции между переменными представлены в скобках в тексте.

Корреляционный анализ показал положительную связь интегральных показателей жизнестойкости и психологического благополучия (0,725). Данная связь показывает, что жизнестойкость является ресурсом психологического благополучия педагогов в период поздней зрелости. То есть, способность воспринимать возникающие трудности как источник развития способствует процессу благополучия и реализации позитивного функционирования.

Кроме того, установки жизнестойкости позитивно связаны со всеми компонентами психологического благополучия.

Вовлеченность (0,542), контроль (0,374), принятие риска (0,404) способствуют созданию позитивных отношений, созданию доверия и теплоты во взаимодействии, способности пойти на уступки.

Вовлеченность (0,395), контроль (0,425), принятие риска (0,444) способствуют поддержанию автономии, проявлению самостоятельности, способности сопротивляться общественному мнению.

Вовлеченность (0,682), контроль (0,608), принятие риска (0,607) позволяют управлять окружающей средой, в виде создания необходимых условий для реализаций целей и потребностей, управления внешней деятельностью, реализации возможностей.

Вовлеченность (0,509), контроль (0,421), принятие риска (0,487) способствуют личностному росту, реализации потенциала, непрерывному развитию, самореализации.

Вовлеченность (0,618), контроль (0,494), принятие риска (0,613) способствует обладанию целями в жизни, пониманием смысла прошлого и наличием смысла будущего.

Вовлеченность (0,706), контроль (0,594), принятие риска (0,646) способствуют самопринятию, положительному отношению к себе, принятию своих как позитивных и негативных сторон.

Результаты проведенного исследования показывают, что жизнестойкость в целом является ресурсом психологического благополучия педагогов в период поздней зрелости, также все установки жизнестойкости имеют позитивное влияние на компоненты психологического благополучия. На основе данных результатов можно сделать вывод, что развитие жизнестойкости, путем проведения программ тренингов, позволит педагогам позднего возраста сохранять свое психологическое благополучие и, как следствие, успешно реализовать профессиональную деятельность.

Ограничением проведенного исследования является гендерный перекос выборки, с подавляющим большинством женщин, вследствие чего результаты репрезентативны для женщин-педагогов.

Библиографический список

1. Зеер Э.Ф. Транспективный анализ развития жизнеспособности человека // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2016. Т. 11, № 3 (155). С. 77-85.
2. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
3. Maddi S. Hardiness: An Operationalization of Existential Courage // Journal of Humanistic Psychology. 2004. № 3. Vol. 44. P. 279-298.
4. Ryff C.D., Keyes C.L. M. The structure of psychological well-being revisited // Journal of personality and social psychology. 1995. Т. 69. № 4. P. 719.

Borisov G.I.
Ural Federal University
Yekaterinburg

THE ROLE OF RESILIENCE IN THE PSYCHOLOGICAL WELL-BEING ADVANCED AGE TEACHERS

Abstract. The well-being and success of the teacher's further professional activity depends on the experience of advanced age teachers. In this study, we consider resilience as a resource that allows us to ensure the psychological well-being of a teacher of late maturity. The study involved 298 teachers of the Sverdlovsk region aged 60 to 74 years. The research tools were "a short version of the test of resilience" by E.N. Osin, E.I. Rasskazova; "Scale of psychological well-being" by K. Riff (adaptation by T.D. Shevelenkova, P.P. Fesenko). The results of the study showed that resilience is positively associated with psychological well-being.

Keywords: psychological well-being, resilience, advanced age, crisis, teacher.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20-013-00790.

ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДИНАМИЧНЫХ УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЫ ОБЩЕСТВА²⁸

Аннотация. Модификация трудовых функций и прогрессивное развитие цифровых технологий и средств коммуникаций приводит к появлению новых профессий, а также изменению требований к уже существующим профессиональным стандартам. В связи с этим в последнее десятилетие появилось большое количество исследований, изучающих особенности изменения профессиональной идентичности на современном этапе общественного развития. Целью данной статьи является анализ современных теоретических и эмпирических исследований профессиональной идентичности в условиях цифровизации и транспрофессионализма. На основе результатов анализа были выделены основные факторы, влияющие на изменение профессиональной идентичности в условиях транзитивности, и определены направления дальнейшего изучения социально-психологического конструкта профессиональной идентичности.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, транспрофессионализм, цифровизация, труд, профессиональная дистрибуция, профессиональный маргинализм.

Профессионально-трудовая сфера современного общества меняется под воздействием развития средств цифровизации и глобализации. Сегодня человек не обязательно должен работать только в рамках одной организации в строго отведенное для этого рабочее время – можно находиться в любой точке Земли, заниматься любимым делом и при этом зарабатывать. Профессия и хобби перетекают друг в друга, что размывает границы разных типов идентичности. Меняется отношение к труду и пониманию профессии [10]. Исследования профессиональной идентичности сегодня направлены на изучение того, как изменения в профессионально-трудовой сфере влияют на процессы становления, развития профессиональной идентичности.

Целью данной статьи является анализ современных теоретических и эмпирических исследований профессиональной идентичности в условиях цифровизации и транспрофессионализма.

Во-первых, появляется феномен, при котором у одного человека имеется несколько актуальных профессиональных ролей, в научном дискурсе начинает использоваться термин «транспрофессионализм» [6]. Транспрофессионализм предполагает «одновременное сосуществование и сочетание нескольких видов профессиональных квалификаций, приобретаемых по индивидуальным образовательным траекториям в основном и дополнительном профессиональном образовании на протяжении всей профессиональной жизни субъекта» [6]. Всё больше индивидов осуществляют более одной профессиональной функции, более того исследования показывают, что такие личности чувствуют себя более уверенно и счастливо по отношению к респондентам, занятым только на одной работе [16].

²⁸ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-413-235002 «Самопонимание профессиональной идентичности молодежи в контексте представлений о будущем (на примере профессии инженера)».

Профессиональная идентичность в таких условиях становится особенно гибкой – перед человеком встает вопрос об определении актуальной для него профессиональной роли из всех, которые он осуществляет в определенный жизненный период. Среди западных исследователей Б. Каза более активно занимается изучением множественной профессиональной идентичности, тем, как сочетаются и взаимодействуют все профессиональные роли индивида [17].

Во-вторых, и отечественные, и зарубежные исследователи анализируют взаимосвязь социальных сетей и других средств цифровизации с профессиональной идентичностью [2]. Ван Дейк называет тексты в социальных сетях «личным и профессиональным брендингом», а создание публикаций в Интернете – «рассказыванием историй», что приближает его к нарративной традиции построения личной идентичности [18].

Исследователи отмечают позитивные возможности, которые дают интернет-коммуникации для укрепления профессиональной идентичности: укрепление и развитие профессиональных коммуникаций внутри группы, формирование профессионального образа и трансляция его другим социальным образованиям через медиа-средства [4].

Однако вместе с положительным эффектом для формирования профессиональной идентичности, социальные сети могут оказывать и негативное влияние на нее, размывая ее границы. Например, у фрилансеров – людей, не закрепленных официально на рабочей позиции – ослаблена социальная составляющая профессиональной идентичности (коммуникации со своей профессиональной группой, традиции, привычные паттерны поведения). Непрерывная смена мест работы не позволяет усвоить эксплицитные практики и стать профессионалом в определенной сфере и, как следствие, сформировать профессиональную идентичность. Индивид лишается возможности четко понимать своё место в профессиональной структуре общества и видеть свои жизненные перспективы и достойные пути развития, что приводит к социальной аномии, беспокойству и отчуждению [9].

В глобальной сети формируется «медиаобраз» профессионала, который может эмоционально воздействовать на человека, способен сформировать общественную оценку, стать фактором профессионализации личности, мотивацией выбора профессии [14]. Однако, поскольку в медиа-пространстве профессиональные коммуникации переплетаются с межличностными, образ профессионала может быть искажен и неверно интерпретирован обществом, что, в свою очередь, будет вызывать неоднозначные оценки всей профессиональной группы [14].

На этапе профессионального самоопределения и становления во время обучения в учебных заведениях также происходят изменения: наблюдается увеличение количества выпускников вузов, которые получают много возможностей для самоопределения и реализации различных способов построения карьеры, но не имеют четких представлений, как это реализовать [15; 12]. Сегодня всё больше людей предпочитают работать не по полученной в учебном заведении специальности. Чтобы избежать подобной тенденции, профессионально ориентировать подростков необходимо еще в школе, но там отсутствуют эффективные инструменты, которые помогли бы выпускникам лучше понять себя и выбрать сферу профессиональной реализации.

Процессы трансформации мира профессий и труда размывают профессиональную идентичность и приводят к формированию профессионального маргинализма (состояние несформированной или утраченной идентичности). Масштабные профессиональные кризисы опасны тем, что в глобальном порядке способствуют появлению профессиональных маргиналов, отвергающих или негативно оценивающих свою прежнюю идентичность, что

снижает уровень зрелости общества в целом [3]. В связи с этим в рамках исследований профессиональной идентичности изучаются процессы профессиональных деформаций и деструкций. При этом под профессионально-идентификационными деструкциями идентичности понимаются разрушения связей и взаимосвязей входящих в нее компонентов и элементов профессионального образа «Я», которая, в свою очередь, включает в себя устойчивые и переменные характеристики личности, самоотношение и самоопределение [1]. Профессиональные деструкции и выгорания по-разному проявляются у представителей социальной и производственной сфер деятельности: разным фазам нормативного кризиса соответствуют разные уровни психического выгорания, что доказывает нелинейность развития профессиональных деструкций [11]. При этом становятся актуальными постоянные практики улучшения профессиональных навыков, например, повышение квалификации и профессиональной переподготовки. Программы профессиональной переподготовки связаны с последующей реализацией профессиональной деятельности на ином уровне исполнения [13].

Новые формы профессиональной деятельности часто связаны с применением творческих, креативных способностей, которые в рамках профессионализма сложно четко оценить: деятельность рассматривается и как творческая, досуговая, и как профессиональная. К таким профессиям относятся web-дизайнер, интернет-маркетолог, контент-менеджер, блогер и другие. Например, для графического дизайнера в сети Интернет характерна размытая, подвижная граница между профессиональным и непрофессиональным, из-за большого процента творческой составляющей, сложно поддающейся оценке, а также отсутствия четких критериев оценки профессионализма, что влияет на особенности профессиональной идентичности дизайнеров. С развитием современных технологий регулярно появляются новые методы и инструменты, стили, и направления в дизайне, которыми необходимо овладеть, часто еще находясь на стадии обучения [8].

Под влиянием цифровых технологий меняются и требования, предъявляемые к довольно традиционным и устойчивым профессиям, например, журналистам. В виртуальном пространстве любой человек может делать качественный контент и собирать аудитории, в десятки и сотни раз превышающие тиражи печатных изданий. Данное обстоятельство диктует новые требования к журналистам и влияет на их профессиональную идентичность [7].

Профессиональная идентичность сегодня подвергается угрозам со стороны процессов цифровизации общественной жизни: постоянное обновление технологий, нестабильность профессиональных задач и функций, всё возрастающая специализация и появление узкопрофильных профессий, отсутствие устойчивых образцов успешности профессиональной деятельности и личности профессионала. Все эти процессы могут привести к утрате или неспособности индивида сформировать профессиональную идентичность [5].

Проведенный анализ современного состояния исследования проблемы профессиональной идентичности в условиях транзитивности позволил сделать следующие выводы.

Одним из наиболее значимых факторов влияния на профессиональную идентичность личности в современном мире является цифровизация экономики и общества. Влияние данного фактора неоднозначно: с одной стороны, он способствует активному формированию профессиональной идентичности индивида при помощи интернет-коммуникации и виртуальных сообществ профессионалов; с другой стороны, происходит «размывание границ» профессиональной идентичности, в медиа-пространстве появляются инструменты, создающие искаженные профессиональные образы.

Для современного мира характерно появление новых форм деятельности, занимающих промежуточное положение между досуговой и профессиональной областями: блогер, таргетолог, event-менеджер, контент-менеджер, характеризующихся отсутствием устойчивых образцов профессиональной деятельности и личности профессионала.

Соответственно, данные факторы усложняют концептуализацию категории «профессиональная идентичность», влияют на такие ее особенности, как устойчивость, образ профессии, профессиональный выбор. Дальнейшие исследования в данной сфере должны учитывать влияние этих факторов на формирование и трансформацию профессиональной идентичности.

Библиографический список

1. Антиперович Е.Г. Особенности самооценки юристов стиля своего поведения в межличностном взаимодействии // Инновационные технологии в науке и образовании. 2016. № 1-1 (5). С. 309-314.
2. Гавриченко О.В. Специфика самопрезентации в интернете представителей разных профессиональных групп // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме: коллективная монография / Под ред. Т.Д. Марцинковской и др. М., 2019. С. 112-117.
3. Ермолаева Е.П. Мультидисциплинарный подход в модели «Человек – профессия – общество» // Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 1. С. 3-22.
4. Заковоротная М.В. Профессиональная идентичность как ключевой аспект современной социальной идентичности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-identichnost-kak-klyuchevoj-aspekt-sovremennoy-sotsialnoy-identichnosti>
5. Заводчиков Д.П. Психологические угрозы профессиональному будущему субъекта профессиональной деятельности // Профессиональное образование и рынок труда. 2019. № 2. С. 18-26.
6. Зеер Э.Ф. Методологические ориентиры развития транспрофессионализма педагогов профессионального образования // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 8. С. 9-28.
7. Каманина В.Е. Профессиональная идентификация современных журналистов: теоретические основы и реальные практики // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. № 3. С. 81-91.
8. Колодяжная Е.К. Профессиональная идентичность графических дизайнеров // Форум молодых ученых. 2018. № 9 (37). С. 182-185.
9. Посухова О.Ю. Прекариат мегаполиса и профессиональная идентичность в контексте неявного знания. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/16949659>
10. Сидорина Т.Ю. Жизнь без труда или труд во спасение? СПб.: Алетейя, 2018.
11. Солдатова Е.Л., Шевченко А.А. Особенности нормативного кризиса у представителей социальной и производственной сфер деятельности с разным уровнем выгорания // Наука, образование, общество. 2016. № 1 (7). С. 290-303.
12. Сыченко Ю.А. Профессиональная идентичность студентов в контексте транспрофессионализма // Транспрофессионализм как предиктор социально-профессиональной мобильности молодежи: Материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. / Под науч. ред. Э.Ф. Зеера, В.С. Третьяковой. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2019. С. 456-464.
13. Украинцева И.И., Новикова С.С., Мушкина И.А. Психологические условия сопровождения программы профессиональной переподготовки педагогических и управленческих кадров для систем выявления и поддержки одаренных детей и молодежи //

Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». 2019. № 1. С. 104-108.

14. Фролова А.С. Деконструкция медиаритуалов в контексте профессиональной идентичности // Власть. 2018. Т. 26. № 7. С. 128-136.

15. Шнейдер Л.Б. Дилеммы профессиональной идентичности личности в современных социокультурных условиях // Современная социальная реальность: вызовы, риски, перспективы / под науч. ред. О.А. Белобрыкиной. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2019. С. 39-58.

16. Carlos-María Alcover. Who Are «I»? Who Are «We»? A State-of-the-Art Review of Multiple Identities at Work // Psychologist Papers, 2018. URL: <http://www.papelesdelpsicologo.es/English/2858.pdf>

17. Caza B.B., Creary S.J. The Construction of Professional Identity. URL: <https://scholarship.sha.cornell.edu/articles/878/>

18. Kasperuniene J., Zydziunaite V.A. Systematic Literature Review on Professional Identity Construction in Social Media. // SAGE Open, 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/330854541_A_Systematic_Literature_Review_on_Professional_Identity_Construction_in_Social_Media

Burlachenko L.S.

Kuban State Technological University
Krasnodar

**PROFESSIONAL IDENTITY TRANSFORMATION PROCESSES:
DYNAMIC DEVELOPMENT OF THE PROFESSIONAL
AND LABOR SPHERE OF THE SOCIETY**

Abstract. Modification of labor functions and progressive development of digital technologies and means of communication leads to the emergence of new professions, as well as changes in the requirements for existing professional standards. In this regard, in the last decade, a large number of studies have appeared that study the features of changing professional identity at the present stage of social development. The purpose of this article is to analyze modern theoretical and empirical studies of professional identity in the context of digitalization and transprofessionalism. Based on the results of the analysis were the main factors influencing professional identity change during the transition period, and identifies directions for further research of socio-psychological construct of professional identity.

Keywords: professional identity, transprofessional, digitalisation, work, professional destruction, professional marginalism.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 19-413-235002.

Дёмин Андрей Николаевич
Кубанский государственный университет
Краснодар
demin@manag.kubsu.ru
Матвеева Александра Сергеевна
Кубанский государственный университет
Краснодар
matveevaa086@gmail.com

ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ФИНАНСОВЫХ ТРУДНОСТЕЙ²⁹

Аннотация. В исследовании рассмотрены два типа отношения к труду – терминальный и инструментальный. Проверяется гипотеза о том, что терминальный тип связан с выбором продуктивной, конструктивной стратегии совладания и блокированием стратегии избегания. Оценивались общие (опросник Д. Амирхана) и специфические для ситуации кредитной задолженности (опросник А.Н. Дёмина, О.В. Киреевой, Е.Ю. Педановой) стратегии. Показано, что терминальный тип отношения к труду связан с выбором общей продуктивной стратегии совладания и блокированием специфической стратегии избегания.

Ключевые слова: отношение к труду, кредит, финансовые трудности, совладающее поведение.

Проблема детерминации экономического поведения, понимания процесса осуществления выбора в условиях неопределенности является традиционной областью экономической психологии и поведенческой экономической теории. Выбор темы обусловлен недостаточной изученностью отношения человека к труду в контексте совладания с трудными ситуациями в условиях нестабильной экономической ситуации в России. Само отношение к труду является сложным социальным феноменом и, одновременно, индивидуальной характеристикой каждого человека. Необходимо осмысление роли труда в жизни человека не только как одного из факторов, определяющих общее экономическое благополучие, но и как навыка саморегуляции. Важно понять, как то или иное отношение к труду может быть связано с поведением человека, в частности, при столкновении с различными финансовыми вопросами. Предметом нашего интереса становится значение типа отношения к труду при выборе стратегии совладания с финансовыми трудностями. Это обстоятельство ставит перед исследователем задачу многостороннего изучения работ об особенностях экономического поведения человека, отношения к труду и способов совладания с трудными ситуациями [3; 4].

Теоретико-методологические основания исследования составили, во-первых, положения о субъектной сущности человека, признание человека субъектом многообразных форм произвольной активности (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, А.Н. Леонтьев), теория отношений В.Н. Мясищева, во-вторых – представления о том, что трудовая активность, отношение к труду и кредитно-заёмная активность связаны между собой (Ж. Бодрийяр) [3; 5; 8].

В исследовании рассмотрены два типа отношения к труду – терминальный и инструментальный. Для одних людей труд имеет значение важнейшей ценности, способа самореализации личности без «привязки» к уровню материального вознаграждения (терминальное отношение к труду), для других – средство удовлетворения потребностей,

²⁹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 18-013-01176 А.

лежащих за пределами сферы труда (инструментальное отношение к труду). При терминальном отношении к труду ключевое значение для работника имеет содержание, интерес, творчество, общественная полезность труда. При инструментальном отношении к труду – преобладание установок на высокий заработок по отношению к содержанию труда. Анализ показывает, что трудовая деятельность стала преимущественно инструментальной ценностью. Наиболее значимыми стали мотив заработка и гарантий занятости [1; 7].

Можно предположить, что сдвиг ценностных ориентаций связан с переориентацией общества с производства на потребление. Связь труда как созидательного процесса и личной идентичности ослабевает. Серьезной проблемой становится обесценивания труда. В обыденной жизни мы видим демонстрацию потребления, а не труда. Возрастают притязания на материальные блага. Консьюмеризм приводит к отказу людей от практик сбережения и рациональных покупок. В свою очередь экономическая система всячески стимулирует потребление, предоставляя услуги кредитования населению – стратегию «жить сегодня за счет завтра» [4; 6]. Кредитование начинает определять не только поведение потребления, но и, довольно часто, трудовую деятельность человека. Жизнь в кредит обязывает заемщика иметь определенный уровень доходов. Как следствие, человек будет стремиться выбирать работу с максимально высокой оплатой и гарантией занятости (инструментальный тип отношения к труду). Такие условия могут провоцировать повышение уровня психологической напряженности человека. Важную роль в стабилизации напряженности будут иметь навыки саморегуляции и выбранные стратегии совладания [2; 8].

Одна из гипотез данного исследования состоит в предположении, что терминальный тип отношения к труду связан с выбором продуктивной, конструктивной стратегии совладания и блокированием стратегии «избегание».

Совладающее поведение соотносится с различными трудными ситуациями. В нашем случае речь идёт о трудных финансовых ситуациях. Основным индикатором финансовых затруднений выступило наличие кредита, который предполагает достаточно существенные ежемесячные выплаты.

Исследование было организовано в три этапа. На первом этапе выборку составили мужчины и женщины в возрасте 25-44 лет (24 человека), имеющие в настоящее время или в прошлом опыте финансовые затруднения, связанные с выплатой различных видов кредитов (преимущественно ипотечный и потребительский). Возрастные рамки выбраны согласно стадийной модели Д. Сьюпера и соответствуют стадии упрочнения, включающей стабилизацию профессионального выбора, закрепление выбора и достижение успеха. Люди в этих возрастных границах уже имеют опыт работы, что позволяет оценить их тип отношения к труду и стратегии совладания с трудностями. Для сбора эмпирических данных выбраны: шкала приверженности работе (отношение к труду как ценности) А.Н. Дёмина; методика диагностики установок в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной; опросник «Отношение к кредитам» А.Н. Дёмина, О.В. Киреевой, Е.Ю. Педановой [9], в частности, блок способов совладания с кредитной задолженностью (поиск продуктивных вариантов решения проблемы; избегающее поведение; общественно-экономическая активность; целенаправленный поиск помощи в социальной сети); методика диагностики стресс-совладающего поведения Д. Амирхана, которая позволяет оценить не специфические, а общие стратегии совладания с трудностями (поиск продуктивного решения проблемы, поиск поддержки в социальной сети, избегание).

На втором этапе выборка была расширена до 112 человек (мужчины и женщины в возрасте 20-54), имеющих только ипотечный кредит. Использовались шкала

приверженности работе и шкалы, измеряющие способы совладания с кредитной задолженностью. Опросники О.Ф. Потёмкиной и Д. Амирхана на втором этапе не использовались.

На третьем этапе выборка составила 304 человека, мужчины и женщины 20-56 лет, имеющие различные виды кредитов (ипотечный, потребительский, займ в микрофинансовой организации). Использовались шкала приверженности работе и шкалы, измеряющие способы совладания с кредитной задолженностью. Опросники О.Ф. Потёмкиной и Д. Амирхана на третьем этапе не использовались. Были выделены две полярные группы. Сравнительный анализ групп проводился с применением критерия Манна-Уитни.

В результате проведенного исследования выявлены следующие корреляционные связи. На выборке 24 человека приверженность работе значимо коррелирует с базисной стратегией разрешения проблем по Д. Амирхану ($p < 0,05$) и общественно-экономической активностью как способом совладания с кредитной задолженностью ($p < 0,05$). Ориентация на труд по методике О.Ф. Потёмкиной тесно связана с приверженностью работе ($p < 0,001$), но не коррелирует ни с общими, ни со специфическими способами совладания.

На выборке 112 человек (ипотечные заёмщики) выявлена обратная связь между приверженностью работе и выбором стратегии избегания в ситуации кредитной задолженности ($p < 0,01$). Значимых связей с другими способами совладания не выявлено.

На выборке 304 человека были выделены две полярные группы по признаку приверженности к работе. Группа с низким показателем приверженности работе (среднее значение 16,95) составила 51 человек, группа с высоким показателем (среднее значение 36,65) – 49 человек. В данных группах выявлены статистически значимые отличия по предпочтению стратегий совладания: избегание ($p < 0,05$), общественно-экономическая активность ($p < 0,05$), поиск помощи в социальной сети ($p < 0,05$).

Таким образом, найдено подтверждение гипотезы: терминальный тип отношения к труду (приверженность работе) связан с выбором общей (неспецифической) продуктивной стратегии совладания и блокированием специфической (для ситуации кредитной задолженности) стратегии избегания. Однако на разных этапах исследования эта картина дополняется другими связями. Анализ позволил выяснить, что на первом этапе в состав выборки вошли в основном люди с достаточно высокими доходами, а на втором и третьем этапе выборка была более сбалансированной.

Библиографический список

1. Бауман З. Возвышение и упадок труда // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 77-86.
2. Битюцкая Е.В. Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 1. С. 100-111.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999.
4. Галишников Е.В. Финансовое поведение населения: сберегать или тратить // Финансовый журнал. 2012. № 2. С. 133-140.
5. Дёмин А.Н., Киреева О.В., Педанова Е.Ю. Взаимосвязь отношения к труду, кредитов и сбережений // Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее. 2019. Т. 4. № 4. С. 59-64.
6. Ильин А.Н. Статус труда в обществе потребления // Горизонты гуманитарного знания. 2015. № 3. С. 114-138.

7. Ирсетская Е.А. Материальное положение человека как индикатор отношения к труду в современном российском обществе // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2016. № 1. С. 17-20.

8. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: Дис. ... докт. психол. наук. Кострома, 2005.

9. Трудные жизненные ситуации и кризисы, связанные с гендерной социализацией и экономической активностью личности: Монография / А.Н. Дёмин, Л.Н. Ожигова, О.В. Киреева, Е.Ю. Педанова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018.

Demin A.N.

Kuban State University
Krasnodar

Matveeva A.S.

Kuban State University
Krasnodar

ATTITUDE TOWARDS WORK AND OVERCOMING FINANCIAL DIFFICULTIES

Abstract. The study considers two types of attitudes to work – terminal and instrumental. We test the hypothesis that the terminal type is associated with the choice of a productive, constructive coping strategy and blocking the avoidance strategy. General strategies (questionnaire by D. Amirkhan) and specific strategies for the situation of credit debt (questionnaire by A.N. Demin, O.V. Kireeva, and E.Yu. Pedanova) were evaluated. It is shown that the terminal type of attitude to work is associated with the choice of a General productive coping strategy and blocking a specific avoidance strategy.

Keywords: attitude to work, credit, financial difficulties, coping behavior.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 18-013-01176 A.

Коропец Ольга Анатольевна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург
okor78@mail.ru

Федорова Алена Эдуардовна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург
dekan_2002@mail.ru

Поленц Илона Артуровна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург
watt@bk.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ВЛИЯНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ НА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ РАБОТНИКОВ ИНДУСТРИИ 4.0³⁰

Аннотация. Цель статьи заключается в анализе существующих междисциплинарных подходов к проблеме глобальных рисков. Особое внимание авторы уделяют глобальным экономическим и социальным угрозам Индустрии 4.0. Увеличение конкуренции за рабочие места, цифровизация и роботизация производства, технологическая безработица и другие глобальные риски негативно воздействуют на благополучие и психологическую безопасность работников различных категорий. Авторы делают вывод о важности оценки и мониторинга различных показателей социально-психологического благополучия работников с учетом глобальных угроз макросреды.

Ключевые слова: глобальная психология, социально-психологическое благополучие, социальные риски, экономические риски, Индустрия 4.0.

В настоящий момент под влиянием четвертой промышленной революции происходит трансформация сферы трудовых отношений. В странах с передовой экономикой развивается новая модель труда и занятости «Работа 4.0». Одновременно во всем Мире увеличивается прекаризация занятости и конкуренция за рабочие места. Профессиональная сфера является одной из важнейших в жизни человека благодаря возможности удовлетворять его основные потребности как материальные, так и потребность в уважении, признании. Профессиональное неблагополучие отрицательным образом влияет на другие сферы жизни человека. Изучение влияния глобальных экономических и социальных угроз на благополучие работников разных категорий является важным элементом формирования системы новых знаний о возникающих вследствие глобализации и цифровизации экономики феноменах в сфере трудовых отношений. Разработка инструментария мониторинга различных параметров социально-психологического благополучия работников позволит научно обосновано подойти к выбору экономических, социальных и управленческих мер для предупреждения и снижения негативных последствий рисков. Под глобальными рисками наиболее часто понимаются события, которые с определенной долей вероятности могут нанести серьезный урон разным странам или мировой экономике в целом. Традиционно экспертами Всемирного экономического форума рассматриваются пять основных категорий глобальных рисков: экономические, экологические, геополитические, социальные и технологические. Однако

³⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00952.

отмечается, что это выделение достаточно условно и все глобальные риски взаимосвязаны [20]. Изучение глобальных рисков в настоящий момент находится в сфере интересов междисциплинарных исследований (экономических, социологических, политологических, психологических, культурологических), что объясняется невозможностью исследовать такие глобальные феномены в узких рамках одной дисциплины. Например, биологические и экологические риски рассматриваются в их неразрывной связи с экономическими перспективами. Отмечается, что осведомленность общественности, тщательное исследование рисков и согласованные цели помогут политикам повысить устойчивость к стихийным бедствиям [16]. В работах А.Л. Журавлева и Т.А. Нестика рассматриваются психологические факторы отношения личности и группы к глобальным рискам, выделяются их социально-психологические детерминанты. Выделяется глобальная психология как новое направление для рассмотрения психологических феноменов и их влияния на судьбу человечества [9]. Одной из важнейших особенностей современного развития экономики является масштабное распространение новых информационных технологий, таких как: цифровизация, роботизация, искусственный интеллект. Влияние данных технологий на сферу труда создает новые социальные риски глобального характера, связанные с сокращением рабочих мест и снижением вознаграждения за труд [8]. Дж. Гереффи и Х. Ло изучают экономические риски, с которыми сталкиваются фирмы и их работники в непосредственной связи с открывающимися возможностями. Определены механизмы распределения рисков, а также новые возможности и проблемы для компаний и отдельных лиц на мировой арене с точки зрения модернизации экономики и социальной модернизации. В результате исследования делается вывод о возможностях экономического и социального обновления, в том числе относительно сферы социальной защиты и труда [14]. Л. Оксельхайм и С. Вильборг рассматривают значимость управления глобальными рисками в турбулентной мировой экономике [15]. Г. Шанцюань изучает процессы экономической глобализации, а также тенденции и стратегии предотвращения рисков [19]. Ряд экспертов, в том числе Е.Е. Луцкая сходятся во мнении, что в ближайшие годы глобальная экономика будет по-прежнему находиться в стадии экономического подъема, однако прослеживаемые уже сейчас риски развития могут проявиться в более отдаленном будущем [7]. О.Б. Иванов, рассматривая глобальные риски, акцентирует внимание на анализе развития современной геополитической и социально-экономической ситуации [2]. В сфере нашего внимания находятся глобальные экономические и социальные риски, которые могут оказать сильное влияние на различные параметры социально-психологического благополучия работников в условиях Индустрии 4.0. Проблема социально-психологического благополучия широко освещается в зарубежных и отечественных научных исследованиях такими учеными, как: К. Рифф, Э. Динер, М. Селигман, Л.В. Карапетян, П.П. Фесенко и др. [4; 12; 17; 18; 12]. В отечественных исследованиях рассматриваются различные проявления благополучия человека [5]. Интересная обобщающая модель личностного благополучия с подробным описанием факторов, его обеспечивающих, представлена авторским коллективом под руководством Н.А. Батурина. В данной модели к внеличностным факторам относятся: биологические, социальные и материальные внешние факторы. К психологическим или личностным факторам относятся базовые свойства личности, которые обеспечивают позитивное функционирование человека. К факторам субъективно-личностного уровня относятся компоненты субъективного благополучия [1]. Следует отметить, что категория благополучия является общенаучной и рассматривается не только в психологической науке, но и в других научных дисциплинах: этике, философии, педагогике и экономике. В экономических исследованиях традиционно

внимание уделено различным внешним факторам, которые влияют на различные параметры благополучия. Например, А.В. Пеша изучает, каким образом современные технологии влияют на нестандартную занятость, а также на здоровье и другие аспекты благополучия дистанционно работающих женщин [10]. В работах О.А. Коропец рассматривается психологическое благополучие работников в условиях социального загрязнения трудовых отношений [6]. Четвертая промышленная революция кардинально меняет новую экономику и приносит огромные выгоды для населения, связанные с появлением новых технологий. Одновременно она несет глобальные социальные риски, прежде всего связанные с цифровым разрывом между странами и разрывом в уровне благосостояния и благополучия различных категорий населения. В частности, автоматизация может очень сильно ударить по низкоквалифицированным работникам и женщинам [11]. К глобальным социальным рискам, выделенным экспертами Давосского форума в 2020 году, относятся: несостоятельность городского планирования, продовольственный и водный кризис, крупномасштабная вынужденная миграция, социальная нестабильность, а также быстрое и массовое распространение инфекционных заболеваний. Социальные риски находятся во взаимосвязи с экономическими рисками. К ним относятся: завышенная стоимость жилья, акции и сырьевые товары, дефляционные процессы и неуправляемая инфляция, высокий уровень структурной безработицы, скачки цен на энергоносители и т. д. [20]. В качестве примера можно привести беспрецедентное влияние пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, вызванной коронавирусом SARS-CoV-2 на экономику в России и Море. В Российской Федерации по данным Ростата доля безработных выросла с 4,7% в марте до 5,8% в апреле 2020 года. Безработица достигла максимальных значений за период с 2016 года [13]. В разных странах на фоне пандемии обострились социальные проблемы, увеличился уровень безработицы и преступности. Убытки испытывают целые секторы экономики, а также малый и средний бизнес. Все это негативно сказывается на различных аспектах социально-психологического благополучия работников. Под угрозой находится и психологическая безопасность работника, которая является важным аспектом обеспечения безопасности труда. Потребность в безопасности является базовой и воздействует на все аспекты индивидуальной и социальной жизни человека. В данный момент времени в более выгодной ситуации оказались компании, которые смогли организовать для своих сотрудников работу в дистанционном формате с использованием цифровых технологий. Прогнозируется, что в последующем в Трудовой кодекс могут быть внесены поправки для легализации удаленного труда [3]. Например, если еще в недавно переход сферы образования полностью в цифровой и дистанционный формат казался отдаленной перспективой, то сегодня это реальность, с которой нужно считаться. Очевидно, что уровень социально-психологического благополучия человека во многом будет зависеть от возможности быстро адаптироваться к условиям и новым угрозам окружающей среды, а также от уровня развития цифровых компетенций и востребованности профессии в новых условиях труда и занятости. Таким образом, нельзя недооценивать влияние глобальных рисков на благополучие экономически активного населения. Тем не менее, на сегодняшний день фактически отсутствуют исследования социально-психологического благополучия работника в условиях глобальных рисков и угроз «Индустрии 4.0». В связи с чем представляется необходимым провести исследование факторов и причинно-следственных связей влияния глобальных угроз макросреды на трудовые отношения. Выход исследователей на общественный уровень анализа проблемы позволит разработать методику оценки социально-психологического благополучия, учитывающую глобальные экономические и социальные риски трансформирующейся макросреды.

Библиографический список

1. Батурин Н.А., Башкатов С.А., Гафарова Н.В. Теоретическая модель личностного благополучия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2013. Т. 6. № 4. С. 4-14.
2. Иванов О.Б. Глобальные риски и тенденции современного мира // ЭТАП. 2017. № 1. С. 7-20.
3. Ивушкина А. Рабочее вместо: в России обсуждают введение нового вида занятости. URL: <https://iz.ru/988401/anna-ivushkina/rabochee-vmesto-v-rossii-obsuzhdaiut-vvedenie-novogo-vida-zaniatosti> (дата обращения 29.04.2020).
4. Карапетян Л.В. Возрастная динамика представлений о собственном эмоционально-личностном благополучии у мужчин и женщин // Дискуссия. 2014. № 11 (52). С. 104-111.
5. Корниенко Д.С. Личностные предикторы психологического благополучия // Фундаментальные исследования. 2014. Т. 2. № 11. С. 429-432.
6. Коропец О.А. Модели поведения и психологическое благополучие работников в условиях социального загрязнения трудовых отношений // Вопросы управления. 2019. № 4 (40). С. 217-224.
7. Луцкая Е.Е. Современная глобальная экономика: риск торговых войн // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Серия 2. Экономика: Реферативный журнал. 2018. № 4. С. 35-40.
8. Нариньяни А. С. Между эволюцией и сверхвысокими технологиями: новый человек ближайшего будущего // Информационные технологии. 2010. № 1. С. 65-77.
9. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 127-138.
10. Пеша А.В. Влияние нестандартных форм занятости на физическое и психосоциальное здоровье женщин. Обзор исследований // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2018. № 4 (64). С. 111-125.
11. Соколов Ю.И. Глобальные социальные риски высоких технологий XXI века // Проблемы анализа риска. 2012. Т. 9. № 6. С. 4-29.
12. Фесенко П.П. Имеет ли понятие психологического благополучия социально-культурную специфику? // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 132-138.
13. Эксперты допустили рост безработицы в России в 3 раза при жестком кризисе. URL: <https://www.rbc.ru/economics/29/05/2020/5ecfb8df9a79475c018a64a8>
14. Gereffi G., Luo X. Risks and opportunities of participation in global value chains // The World Bank, 2014.
15. Oxelheim L., Wihlborg C. Macroeconomic uncertainty-international risks and opportunities for the corporation / John Wiley & Sons, 1987.
16. Perrings C. et al. Biological invasion risks and the public good: an economic perspective // Conservation Ecology. 2002. Т. 6. № 1. URL: <http://www.consecol.org/vol6/iss1/art1/>
17. Ryff C.D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // Journal of personality and social psychology. 1989. Т. 57. № 6. С. 1069.
18. Seligman, M.E.P. Authentic happiness: using the new positive psychology to realize your potential for lasting fulfillment. New York: Free Press, 2002.
19. Shangquan G. et al. Economic globalization: trends, risks and risk prevention // Economic & Social Affairs, CDP Backround Paper. 2000. Т. 1.

20. The Global Risks Report 2020. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf/

Koropets O.A.

The Ural Federal University named after the first President of Russia Yeltsin B.N.
Yekaterinburg

Fedorova A.E.

The Ural Federal University named after the first President of Russia Yeltsin B.N.
Yekaterinburg

Polehts I.A.

The Ural Federal University named after the first President of Russia Yeltsin B.N.
Yekaterinburg

THEORETICAL BASIS FOR ANALYZING THE IMPACT OF GLOBAL RISKS ON THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF WORKERS 4.0

Abstract. The aim of the article is to analyze existing interdisciplinary approaches to the problem of global risks. The authors pay special attention to global economic and social threats to Industry 4.0. Increasing competition for jobs, digitalization and robotization of production, technological unemployment and other global risks negatively affect the well-being and psychological safety of employees of various categories. The authors conclude that it is important to assess and monitor various indicators of social and psychological well-being of employees, taking into account the global threats of the macro environment.

Keywords: global psychology, socio-psychological well-being, social risks, economic risks, Industry 4.0.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20-010-00952.

Помазан Игорь Александрович
Кубанский государственный университет
Краснодар
4632164@mail.ru
Дёмин Андрей Николаевич
Кубанский государственный университет
Краснодар
demin@manag.kubsu.ru

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ И СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОГО СТАТУСА

Аннотация. Решается задача – изучить взаимосвязи между параметрами самореализации и предпочитаемыми способами совладающего поведения. Предполагается, что эти взаимосвязи зависят от социально-трудового статуса (нормативный – ненормативный, т. е. порицаемый обществом). На выборке женщин представлены эмпирические данные, подтверждающие данное предположение.

Ключевые слова: самореализация, совладающее поведение, ненормативный социально-трудовой статус.

В научных исследованиях, посвященных самореализации личности, отсутствует единое понимание данного явления. По определению А. Маслоу, самоактуализация – это умение человека стать тем, кем он способен стать, реализовать то, что в нем заложено в соответствии с собственными высшими потребностями [6]. Т. е. самоактуализация включает в себя самореализацию или даже тождественна ей. В отечественной науке наблюдается близкая позиция. Вопросы самореализации активно изучаются социальной психологией, в которой делается акцент на социальном смысле деятельностной сущности человека, и психологией личности – с акцентом на целостность и единство сущности человека в процессе самореализации (Э.В. Галажинский, В.Е. Ключко, Л.А. Коростылев, С.И. Кудинов, Д.А. Леонтьев, А.А. Деркач, В.А. Петровский и др.). Несмотря на многообразие суждений, общая трактовка понятия сводится к тому, что самореализация, наряду с самоактуализацией, является отношением потенциальных возможностей личности к действительным актам их опредмечивания.

Среди исследований самореализации личности одним из наиболее полных является системный подход С.И. Кудинова. Системный подход позволяет всесторонне изучать сложные психические образования и устанавливать связи с различными характеристиками личности. В контексте данного подхода самореализация рассматривается как сложная структурно-функциональная система, представленная комплексом психологических образований, базовыми условиями которой выступают психозекологические, психофизиологические, психологические, педагогические и социальные условия. Самореализация – непрерывный процесс опредмечивания внутреннего потенциала личности через выражение себя в различных сферах деятельности от начала и до конца существования живого организма [4; 5].

Самореализация занимает одно из центральных мест в структуре формирующейся личности и тем самым играет доминирующую роль в преодолении трудных жизненных ситуаций [1]. Но возможно и обратное влияние: способы преодоления трудных ситуаций

(совладающее поведение) обеспечивают самореализацию личности, поскольку являются важной составной частью саморегуляции личности [2; 3; 7; 8 и др.].

Задача исследования – изучить взаимосвязи между параметрами самореализации и предпочитаемыми способами совладающего поведения. С нашей точки зрения, эти взаимосвязи обусловлены позицией, которую занимает человек в системе социальных, трудовых, профессиональных отношений, которые формируют у него оценки собственных ресурсов и влияют на выбор типичных способов решения проблем.

В эмпирическом исследовании было задействовано 100 женщин в возрасте от 18 до 30 лет, работающих в различных сферах занятости, в том числе 50 женщин с нормативным социально-трудовым статусом и 50 женщин с ненормативным социально-трудовым статусом. Последний означает, что цели деятельности порицаются общественной моралью, попадают в разряд отклоняющихся форм активности. В нашем исследовании в эту категорию вошли женщины «лёгкого поведения», зарабатывающие себе на жизнь в рамках порицаемой обществом формы занятости. Как правило, эта категория женщин изучается юристами, социологами, врачами (одно из наименований категории – женщины с пониженной социальной ответственностью), её психологических исследований практически нет. В категорию женщин с нормативным социально-трудовым статусом вошли представители «привычных» профессий – менеджеры, секретари, экономисты, педагоги, юристы и др.

Диагностика самореализации осуществлялась с помощью “Многомерного опросника самореализации личности” (МОСЛ), разработанного и стандартизированного С.И. Кудиновым. Для оценки совладающего поведения применялась «Анкета оценки копинг-стратегий» С.S. Carver в адаптации Л.И. Дементий. Это самая ранняя адаптация на русский язык, позже появились и другие, но их содержание практически идентично с опросником в адаптации Л.И. Дементий.

У всех испытуемых, независимо от социально-трудового статуса, наблюдается адаптивный уровень общей самореализации личности. Такие женщины не стремятся выделиться из окружения, им свойственна умеренность. Не видя большого смысла в достижении совершенства, они всё же стараются подражать другим и в некоторых ситуациях превосходить их.

У женщин с ненормативным социально-трудовым статусом выявлен низкий уровень социоцентрической мотивации и низкий уровень личностных барьеров самореализации. Это указывает на отсутствие социально одобряемых мотивов самореализации у женщин с ненормативным статусом при относительном эмоциональном спокойствии и уверенности в себе. Этим женщинам более свойственно в спокойной, уверенной манере преследовать узколичностные мотивы в достижении «профессионального» совершенства. В стремлении к финансовой независимости они не считаются с мнением других и всегда поступают, исходя из личной заинтересованности.

Сравнение женщин двух групп по способам совладания показало, что у них очень близкие приоритеты в степени предпочтения способов совладания: доминируют активный копинг, планирование, положительное истолкование и рост. Но одновременно выявлены статистически значимые различия в частоте обращения к четырём способам совладающего поведения. Женщины с ненормативным социально-трудовым статусом реже, чем женщины с нормативным социально-трудовым статусом занимаются поиском активной общественной поддержки ($p = 0,001$) и эмоциональной поддержки ($p = 0,02$), принятием ($p = 0,02$), фокусированием на эмоциях и их выражении ($p = 0,004$). По-видимому, они понимают ограниченность внешней социальной поддержки, менее эмоциональны при решении проблем.

Если обратиться к характеру взаимосвязей между аспектами самореализации и способами совладания, то обнаруживаются следующие отличительные особенности женщин с разным социально-трудовым статусом. Во-первых, у женщин с ненормативным статусом почти на 30% меньше статистически значимых связей между изучаемыми переменными. Это можно интерпретировать как наличие у них более «рыхлой» структуры саморегуляции самореализации. Во-вторых, у женщин с нормативным социально-трудовым статусом 9 параметров самореализации из 19-ти имеют тесные связи с поиском активной общественной поддержки и/или поиском эмоциональной поддержки в трудной ситуации. Этого нет у женщин с ненормативным статусом, но у них другая отличительная особенность: подавление конкурирующей деятельности тесно связано с общей и профессиональной самореализацией, активностью и личностными барьерами, а ментальное отстранение – с личностной самореализацией и оптимистичностью.

В целом можно говорить о том, что у двух групп женщин разные структуры совладающего поведения в процессах самореализации.

Библиографический список

1. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: ИП РАН, 2004.
2. Дементий Л.И. К проблеме диагностики социального контекста и стратегий копинг-поведения // Журнал прикладной психологии. 2004. № 3. С. 20-25.
3. Дёмин А.Н. Личность в кризисе занятости: стратегии и механизмы преодоления кризиса. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004.
4. Кудинов С.И., Кудинов С.С. Психодиагностика личности: Учеб. пособ. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2012.
5. Кудинов С.И. Полисистемная концепция самореализации личности // Дизайн и Технологии. Научный журнал. 2014. № 41 (83). С. 114-120.
6. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999.
7. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения COPE // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 1. С. 82-118.
8. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: Дис. ... докт. псих. наук. Кострома, 2005.

Pomazan I.A.
Kuban State University
Krasnodar
Demin A.N.
Kuban State University
Krasnodar

SELF-REALIZATION AND COPING BEHAVIOR DEPENDING ON SOCIAL AND LABOR STATUS

Abstract. The task is to study the relationship between the parameters of self-realization and the preferred ways of coping behavior. It is assumed that these relationships depend on the social and labor status (normative-non – normative, i.e. censured by society). A sample of women presented empirical data supporting this assumption.

Keywords: self-realization, coping behavior, abnormal social and labor status.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ УПРАВЛЕНЦЕВ

Аннотация. В статье рассмотрена проблема ценностей и ценностных ориентаций студентов. Выявлено, что на процесс формирования ценностных ориентаций молодежи влияют различные факторы, важная роль в процессе формирования ценностных ориентаций студенческой молодежи отводится образовательной среде. Проведенный анализ показал, что для постоянного поддержания творческого и рабочего состояния, подготовки будущего специалиста-управленца к реалиям профессиональной деятельности необходимо применять активные формы проведения занятий: творческие дискуссии и дебаты, деловые игры, коллоквиумы, пресс-конференции и т. д., организовывать экскурсии на производственные предприятия, в органы государственного управления. Необходимо также сохранять действенные, проверенные временем ценности академического образования с опорой на фундаментальность, интегративность научного знания, квалифицированность состава преподавателей.

Ключевые слова: ценностные ориентации, управленческая деятельность, студенчество, профессиональная деятельность.

Современная социально-экономическая ситуация требует от молодых специалистов обладания сформированными свойствами и качествами, соответствующими определенному уровню, быть конкурентоспособными и адаптивными к постоянно изменяющимся внешним условиям. Максимальная эффективность трансформирования качеств личности происходит в период смены социальных позиций и ролей в социуме, в процессе становления личностно-профессиональных качеств. В данном случае период студенчества является особо важным в плане становления системы ценностных ориентаций. Образовавшаяся динамическая система ценностей позволяет молодежи более конструктивно переносить кризисные ситуации, сопутствует качественному включению в профессиональную деятельность, выступая в качестве «вектора» личностного развития.

Проблема ценностей и ценностных ориентаций студентов носит междисциплинарный характер и находится на стыке взаимодействия многих наук, таких как философия, социология, психология, педагогика [1, с. 111]. Среди отечественных авторов, занимавшихся вопросами исследования ценностей, следует выделить таких, как С.Ф. Анисимов, Л.П. Буева, Ф.Ю. Гайфулин, А.Г. Здравомыслов, М.С. Каган, В. Момов, В.Н. Сагатовский, А.Л. Темницкий, В.П. Тугаринов, И.Т. Фролов, М.Н. Яковлева, Е.В. Ярина и др.

В результате проведенного исследования с целью выявить ценностные ориентации студентов-будущих управленцев, нами были опрошены 73 студента (47 бакалавров и 26 магистров) факультета управления и психологии Кубанского государственного университета. В качестве методов исследования были применены: методика М. Рокича «Ценностные ориентации», методика О.Ф. Потемкиной «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере».

Методика М. Рокича позволила нам проследить, какие терминальные и инструментальные ценности студентов являются более значимыми, а какие менее.

Исследование показало доминирующее значение таких ценностей как «здоровье», «семейная жизнь», «воспитанность», «аккуратность», «образованность», тогда как менее всего у студентов выражены «творчество», «красота», «общественное признание», «счастье других», «высокие запросы» и «непримиримость к недостаткам в себе и других». Это связано с тем, что большая часть студентов – молодые люди 17-24 лет, которые в первую очередь беспокоятся о своей семье и здоровье.

Выбор менее значимых ценностей обусловлен, по нашему мнению, некоторой сменой общественных ценностей в молодежной среде. Для студенческой молодежи, очевидно, менее приоритетны творчество, красота и счастье других, как ценностные категории. Также значительное место в расхождении расстановки ценностей занимает зависимость от родителей и влияние профессиональной деятельности.

В результате анализа данных, полученных при помощи методики диагностики социально-психологических установок личности О.Ф. Потемкиной, мы получили вполне логичные показатели. Так, в паре «эгоизм – альтруизм» и бакалавры, и магистранты более ориентированы на «альтруизм», что можно связать со спецификой выбора профессии, с ее нацеленностью на создание благоприятных условий труда. Ведущей установкой в паре «труд – деньги» как у бакалавров, так и у магистров является установка на труд, что может быть связано, с тем, что для работников управленческого труда важно самосовершенствоваться в своей профессиональной деятельности для достижения результатов и что труд является способом получения удовлетворенности и самореализации человека в процессе образовательной и профессиональной деятельности. Наиболее выраженный показатель в паре «власть – свобода» у обеих групп респондентов является установка на свободу, причем здесь максимально наглядная разница в сравнении с другими парами.

Данный факт можно объяснить тем, что большинство студентов, обучающихся по исследуемому нами направлению, это девушки 17-24 лет, которым не свойственно стремление к большим деньгам и власти.

В паре «процесс – результат» обнаружилась разница в выборе ответов, так у бакалавров выше стоит «процесс», в то время как у магистров «результат». Полученный результат свидетельствует о том, что бакалавры – это в основном студенты, которые всё время посвящают учебному процессу, и их основная задача на настоящий момент – это положительные результаты в учебе. В свою очередь, магистрам первостепенен результат, так как зачастую это уже работающие в какой-либо компании люди.

В целом результаты ответов по превосходству той или иной ориентации как у магистров, так и у бакалавров совпадают, однако, нами замечен пониженный уровень определенности у магистров. На наш взгляд, это может быть связано с тем, что на бакалавриате учатся недавно окончившие школу молодые люди, чьи ориентации ещё не успели адаптироваться к самостоятельной жизни, и в связи с этим ещё имеют определенные четкие ожидания от предстоящей жизни.

Следует отметить, что на процесс формирования ценностных ориентаций молодежи влияют различные факторы: характер эпохи, уровень экономического и культурного развития страны, степень решения социальных проблем, существующая система воспитания, средства массовой информации, политические партии и общественные объединения, семья, группы общения и другие. Важную роль в процессе формирования ценностных ориентаций студенческой молодежи играет образовательная среда.

Вузы являются социальным институтом, служащим удовлетворению потребностей общества в высокопрофессиональных специалистах, способных осваивать новейшие

достижения мирового научного опыта и внедрять их в практику. Они призваны формировать высококультурную личность, ориентированную на усвоение общечеловеческих и национальных ценностей. Для становления будущего специалиста необходимо не только освоение определенного объема знаний, но и систематическая интеллектуальная работа, связанная с переходом к самообразованию и самоуправлению. В отличие от ранее существовавшей логики обучения и воспитания, где студент – только объект воздействия, следует исходить из того, что молодой человек есть субъект образования, создатель самого себя.

Также нельзя не сказать о роли преподавателя вуза, которая не может быть сведена лишь к передаче определенного багажа знаний, а должна состоять в обеспечении обучающихся важнейшими человеческими ценностями, смыслами изучаемых объектов, а не информацией как таковой. Чтобы полноценно организовать личностно-ориентированный образовательный процесс, преподаватель, во-первых, должен знать студента, его потребности, интересы, склонности, идеалы, чтобы незаметно участвовать в формировании его мировоззрения, ценностных ориентаций, в его жизненном самоопределении, а во-вторых, должен сам хорошо ориентироваться в системе важнейших жизненных ценностей, иметь устойчивые гражданские и профессиональные позиции, обладать внутренней культурой, высокими личностными качествами. Высокие требования предъявляются прежде всего к преподавателям социально-гуманитарных дисциплин, ибо нравственные позиции тех, кто приходит в студенческие аудитории, – важнейшая предпосылка духовно богатой личности будущего специалиста.

В данной связи, постоянного поддержания творческого и рабочего состояния, важного для подготовки будущего специалиста управленца к реалиям профессиональной деятельности, можно добиться при помощи применения активных форм проведения занятий (творческие дискуссии и дебаты, деловые игры, тренинги, коллоквиумы, прессконференции и т. д.), организации экскурсий на выставки, походов на культурно массовые мероприятия, производственные предприятия, в органы государственного управления, а также проведение индивидуальной работы со студентами.

Для формирования у студентов активного личностного отношения к знаниям, а через знания – нравственно богатого отношения к жизни, необходима разработка по каждому предмету гуманитарного цикла системы проблемных ситуаций, развивающих способность к осуществлению достойного морального выбора, что, в свою очередь, является важным качеством для управленцев. В курсах учебных предметов должны быть выделены наиболее ценные в воспитательном отношении проблемы, экзистенциально значимые научные, нравственные, социально-политические, эстетические идеи [2, с. 23].

Таким образом, ценностные ориентации выступают в качестве целей жизни и основных средств их достижений, в силу этого приобретая функцию важнейшего регулятора социального поведения индивидов. Становится важной проблема сохранения действенных, проверенных временем ценностей академического образования: опоры на фундаментальность, интегративность научного знания, познавательную активность, сотрудничество, этичность отношений, квалифицированность состава преподавателей и, в значительной степени, развитие ценностей тех, кто включен в образовательную сеть получения знаний и опыта. Университетское образование построено на классических ценностях, оно всегда имеет многомерные связи, всеохватность, универсальность. Но сами по себе ценности не возникают на основе усвоения творческих истин, они должны нести в себе обновление и развивающий потенциал, подкрепляться деятельностью субъектов образования. Ценностные ориентации являются объектом воспитания, целенаправленного воздействия и

становятся не только определяющим элементом в структуре мировоззрения, но и важнейшим фактором консолидации людей, интеграции их в сообщество, обеспечивают общественное согласие всех граждан и отдельных групп.

Библиографический список

1. Михайлова Т.Е. К вопросу о ценностях // Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 110-118.
2. Передерий В.А., Скрипниченко Л.С. Исследование представлений кубанского студенчества об управленческой деятельности: специфика и основные характеристики // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 2. С. 19-23.

Skripnichenko L.S.
Kuban State University
Krasnodar

VALUE ORIENTATIONS OF FUTURE MANAGER STUDENTS

Abstract. The article deals with the problem of values and value orientations of students. It is revealed that the process of forming value orientations of young people is influenced by various factors. The important role in the process of forming value orientations of students is assigned to the educational environment. The analysis showed that in order to constantly maintain the creative and working state, prepare the future Managers for the realities of professional activity, it is necessary to apply active forms of classes: creative discussions and debates, business games, colloquiums, press conferences, etc., organize excursions to industrial enterprises, public administration bodies. It is also necessary to preserve the effective, time-tested values of academic education, based on the fundamental, integrative nature of scientific knowledge, and the qualification of the teaching staff.

Keywords: value orientations, management activities, students, professional activities.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ТРУДОМ В СИСТЕМЕ УСЛОВИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье дается общий обзор современных концепций удовлетворенности трудом как значимого условия профессионально-личностной самореализации (Е.А. Климов; Д. Геберт, Л. Розенштиль; М.И. Магура; А.Л. Свенцицкий). Рассмотрены аспекты удовлетворенности трудом в концепциях трудовой мотивации (Дж. Адамс; М. Чиксентмихайя) и организационного лидерства (А.Н. Занковский). Приведены данные эмпирического исследования, в котором получено подтверждение существенной роли в обеспечении условий достижения работником удовлетворенности трудом и профессиональной самореализации индивидуального управленческого стиля организационного лидера.

Ключевые слова: удовлетворенность трудом; трудовая мотивация; профессиональная самореализация; организационное лидерство; управленческий стиль.

История труда – это история освобождения человека от нелегких тягот труда. Однако, как отмечал Е.А. Климов, будучи высвобожденными от борьбы за «кусочек хлеба», люди начинают без принуждения и платы штурмовать горные вершины, спортивные снаряды, лезть на скалы, «до упаду» репетировать танец для концерта, летать на парашюте [3]. В труде личность находит пути и средства самореализации – объективации богатства своего внутреннего мира, реализации способностей и личностных стремлений к продуктивной, активной, социально одобряемой деятельности.

Отношение работника к предприятию и профессиональному сообществу связано с его отношением к труду, а психологическим маркером этой связи является удовлетворенность трудом. Отметим два основных подхода к пониманию труда и, следовательно, удовлетворенности трудом. Наиболее разработанным и известным является направление, которое основывается на понимании труда как процесса удовлетворения потребностей человека. Сторонники этого подхода ввели в тезаурус теории удовлетворенности трудом общепсихологические термины «потребность», «мотив», «установка», «отношение», «стимул». В рамках этого направления удовлетворенность трудом понимается как насыщение потребностей человека, которые он стремится удовлетворить в сфере, связанной с процессом и объектом труда [6].

Д. Геберт и Л. Розенштиль отмечают, что удовлетворенность трудом представляет собой сочетание определенных оценочных отношений к множеству разных конкретных сторон труда работника. В частности, авторы выяснили, что структуру удовлетворенности трудом составляют:

- состояние физической и эстетической среды на рабочем месте;
- наличие или отсутствие нормированности рабочего времени, сверхурочной работы;
- удаленность работы от места жительства;
- наличие в работе риска, ответственности, новизны, а также возможности управления своим временем;

– соответствие квалификации работника выполняемой им работе; карьерные перспективы и т. д. [1, с. 20].

Вторая группа теорий основывается на понимании труда как общественного разделения функций. Теории удовлетворенности трудом, основанные на таком понимании труда, разрабатываются с опорой на понятия: «социальный статус», «социальный обмен», «социальное сравнение» и т. д. [8].

Кроме понятия «удовлетворенность трудом», в психологии труда разрабатывается понятие «удовлетворенность работой», которое также имеет ряд толкований. М.И. Магура утверждает, что удовлетворенность работой – это гипотетический конструкт, такой же, как мотивация и потребности [4, с. 108]. Это эмоциональная реакция человека на рабочую ситуацию, которая выступает своеобразным регулятором его психофизиологических состояний и особенностей. В случаях, когда психофизиологические свойства работника находятся в оптимальном соответствии с требованиями, предъявляемыми конкретным видом труда, он испытывает удовлетворенность функциональным содержанием труда. В этом аспекте уровень удовлетворенности работой может быть использован в качестве показателя успешности трудовой деятельности [5, с. 94]. По мнению А.Л. Свенцицкого удовлетворенность работой – это отношение, оценка, установка, чувство, эмоциональное состояние, мотив, связанные с содержанием, целью, процессом и результатом труда, осуществляемого конкретной личностью [7, с. 107].

В социологии удовлетворенность работой рассматривается через конструкт «гражданское поведение». Это вид социального поведения в виде поступков, совершаемых членами организации и одобряемых должностными лицами. Такие поступки не связаны непосредственно с индивидуальной продуктивностью труда, более того, они выходят за рамки должностных обязанностей [8, с. 35]. Отмечается, что люди, которые испытывают большую удовлетворенность работой, чаще берут на себя обязанности, не входящие в круг их прямых служебных задач [8].

В ряде концепций мотивации прослеживается связь удовлетворенности трудом с трудовой мотивацией. Так, согласно теории справедливости Дж. Адамса, субъект труда сравнивает соотношение между результатом своего труда и затраченными усилиями с соотношением результатов и вложений других людей [1, с. 71]. Несправедливой представляется ситуация, когда человек интуитивно чувствует, что получаемая отдача и его вклад в выполнение работы отличается от соответствующего соотношения у других работников. В соответствии с теорией справедливости, удовлетворенность трудом достигнет высоких значений, если индивидуальное соотношение результат / усилия будет равно или несколько выше среднего значения для данного вида деятельности. Однако есть исследования, свидетельствующие, что удовлетворенность трудом снижается и в тех случаях, когда данное соотношение существенно выше среднего. Работники в этих случаях испытывают чувство вины за несоответствие трудовых усилий и полученного результата и стремятся избавиться от него за счет увеличения своего вклада в трудовую деятельность, тем самым исправляя выявленную несправедливость [6]. В этой связи основным недостатком теории справедливости считается существенное ограничение учета социально-психологических факторов, которые обуславливают удовлетворенность трудом: сложившаяся в организации система межличностных отношений; статусно-ролевая позиция личности в неформальной групповой структуре и др. [там же].

В концепции мотивации «потока» (англ. *flow-effect*) М. Чиксентмихайи наибольшая удовлетворенность трудом достигается при конгруэнтности сложности задач выполняемой деятельности и уровня профессиональной квалификации [11]. Попадая в состояние «потока», субъект получает истинное удовлетворение от процесса и результатов труда, его сознание фиксирует движение по пути самореализации.

В эмпирическом исследовании, проведенном в группе сестринского персонала многопрофильной больницы регионального статуса, было получено подтверждение подхода, согласно которому существенную роль в обеспечении условий достижения работником удовлетворенности трудом и профессиональной самореализации играет индивидуальный управленческий стиль организационного лидера [2; 10]. Установлено, что для работников медсестринского труда характерна достаточно высокая степень удовлетворенности трудом. Ни по одному из оцениваемых компонентов не было выявлено сниженных показателей. Были вскрыты различия в уровнях удовлетворенности трудом в группах медсестер, дифференцированных по стилевым характеристикам реализации управленческих функций старшими медицинскими сестрами. Общая удовлетворенность трудом и основные ее компоненты значительно более выражены в группе сестринского персонала, руководимой менеджером, опирающимся на стиль «Авторитет – сотрудничество» (диагностирован с применением концепции Блейка и Мутон [9]). Медицинские сестры этой группы высоко удовлетворены достижениями в работе, взаимоотношениями с сотрудниками. взаимоотношениями с руководством. Они имеют высокий уровень притязаний в профессиональной деятельности, а также высокий уровень профессиональной ответственности. В группах, руководимых менеджерами, опирающимися на управленческий стиль «Авторитет – подчинение», на среднем уровне и на границе сниженных показателей выражены как общая удовлетворенность трудом, так и некоторые важные ее составляющие (профессиональные притязания; удовлетворенность достижениями в работе; удовлетворенность взаимоотношениями с руководством).

Удовлетворенность трудом – это интегральное чувство, устойчивость которого может рассматриваться в качестве условия движения личности по сложному и тернистому пути профессиональной самореализации, становления субъектности в основных ее проявлениях. Обеспечение непрерывности этого процесса – сверхзадача системы менеджмента организации, социального контекста трудовых отношений.

Библиографический список

1. Геберт Д., Розенштиль Д. Организационная психология. Человек и организация. Харьков: Гуманитарный центр, 2006.
2. Занковский А.Н. Психология организационного лидерства: в поисках корпоративной синергии. М.: Литера, 2015.
3. Климов Е.А. Введение в психологию труда: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во МГУ; ИЦ «Академия», 2004.
4. Магура М.И. Поиск и отбор персонала. М.: Управление персоналом, 2003.
5. Магура М.И. Курбатова М.Б. Секреты мотивации, или мотивация без секретов // Управление персоналом. 2007. № 13-14.
6. Носкова О.Г. Психология труда: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. Е.А. Климова. 2-е изд. М.: Академия, 2006.
7. Свенцицкий А.Л. Социальная психология. М., Проспект, 2014.

8. Ядов В.А., Кисель А.А. Удовлетворенность работой: анализ эмпирических обобщений и попытка их теоретического толкования // Социологические исследования, 1974. № 1. С. 13-21.

9. Ясько Б.А. Введение в организационную психологию: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2013.

10. Ясько Б.А. Организационная психология здравоохранения: персонал, лидерство, культура: Монография. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2013.

11. Csikszentmihalyi M. Flow: The psychology of optimal experience. New York: Harper Collins Publishers. 1990.

Yasko B.A.
Kuban State University
Krasnodar

Job satisfaction in the system of conditions for individual's professional self-realization

Abstract. The article provides a General overview of modern concepts of job satisfaction as a significant condition for professional and personal self-realization (E.A. Klimov; D. Gebert, L. Rosenstiel; M.I. Magura; A.L. Sventsitsky). Aspects of job satisfaction in the concepts of labor motivation (J. Adams; M. Chiksentmihaya) and organizational leadership (A.N. Zankovsky) are considered. The article presents the data of an empirical study that confirms the essential role of the individual managerial style of an organizational leader in ensuring the conditions for employee satisfaction with work and professional self-realization.

Keywords: job satisfaction; work motivation; professional self-realization; organizational leadership; managerial style.

ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ И РЕГУЛЯТОРНЫЕ АСПЕКТЫ

Горская Галина Борисовна
Кубанский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма
Краснодар
gorskayagalina@mail.ru

ДИНАМИКА РЕГУЛЯЦИИ ПСИХИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В УСЛОВИЯХ ДОЛГОВРЕМЕННЫХ СТРЕССОВЫХ ВОЗДЕЙСТВИЙ

Аннотация. Целью исследования явилась эмпирическая проверка гипотез об изменении регуляторов психической устойчивости к длительно действующим стрессорам. Получены подтверждения того, что поддержание психической устойчивости к стрессорам такого рода происходит за счет устойчивых, связанных со спецификой деятельности, и изменчивых, обусловленных условиями деятельности, компонентов, необходимых для этого ресурсов. Показано, что изменение регуляции психической устойчивости по мере увеличения времени действия стрессовых факторов может иметь характер как интеграции, так и дифференциации личностных ресурсов, необходимых для ее поддержания. Установлено, что по мере увеличения продолжительности действия стрессовых факторов может происходить рассогласование поддержания индивидуальной и командной устойчивости к действию стресса, которое чаще всего носит характер повышения внимания к поддержанию индивидуальной психической устойчивости в ущерб командной.

Ключевые слова: долговременные стрессовые воздействия, личностные ресурсы, регуляция психической устойчивости, командная деятельность

Жизненный мир современного человека отличается стремительностью его изменений, высоким уровнем неопределенности жизненных ситуаций, превращением стресса в атрибут повседневной жизни. В зависимости от профессии, образа жизни, сферы интересов значительное число людей сталкивается с действием долговременных источников психической напряженности, следствием которого является психическое выгорание, повышение риска развития психосоматических заболеваний. В связи с этим повышается интерес к ресурсам повышения устойчивости к неблагоприятным воздействиям.

Длительное время исследования психологических ресурсов устойчивости к стрессу и выгоранию имели характер однократной регистрации показателей психической устойчивости к неблагоприятным воздействиям и предполагаемых личностных свойств, повышающих устойчивость к их действию. Установление корреляционных связей между этими группами параметров рассматривалось как способ выявления личностных свойств, выступающих ресурсами устойчивости к действию факторов, повышающих уровень психической напряженности. Такой способ выявления личностных ресурсов устойчивости к стрессу был обусловлен достаточно длительно сохранявшимся интересом исследователей к острому стрессу. В настоящее время насыщенность жизни человека стрессорами длительного действия, следствием чего становится психическое выгорание, привлекла внимание к проблеме преодоления личностью долговременных стрессовых воздействий [1; 3]. Исследования, посвященные реакции человека на долговременно действующие стрессоры,

показали, что по мере их действия изменяется механизм противостояния им за счет перестройки регуляторных процессов и более активного вовлечения необходимых для этого ресурсов [5]. Эти исследования подтверждают значимость анализа изменения регуляции устойчивости к стрессу при длительном нахождении человека под влиянием стрессовых факторов.

Благоприятные условия исследования того, каким образом человек справляется с длительно действующими на него стрессорами, является спорт высших достижений. Спортсмены высокого класса находятся под влиянием значительного числа источников повышения психической напряженности. Они связаны как с особенностями и условиями их деятельности, так и с обстоятельствами их жизни за пределами спорта [2; 5]. Исследования подтверждают изменение психической регуляции деятельности спортсменов на разных временных отрезках деятельности. Значимость различных предпосылок результативности соревновательной деятельности на разных этапах достаточно длительных соревнований прослеживается в исследованиях яхтсменов высокой квалификации [7]. Различный вклад в поддержание конструктивных стратегий преодоления стресса личностных и социально-психологических факторов установлен у спортсменов – представителей игровых видов спорта [8]. Источником стресса становится для спортсменов высокой квалификации высокая интенсивность участия в соревнованиях, относительно замкнутая и конкурентная социальная среда, многочисленные организационные факторы, влияние которых активно изучается в последние годы [10; 11].

Целью данного исследования было установление динамики включения личностных и командных ресурсов устойчивости к соревновательному стрессу в спортивных командах на протяжении соревновательного сезона, имевшего продолжительность от четырех до шести месяцев.

В исследовании проверялись следующие предположения. Во-первых, поддержание психической устойчивости спортсменов, выступающих в командном виде спорта, осуществляется за счет стабильных личностных регуляторов, обусловленных спецификой вида спорта, и ситуативных регуляторов, которые активируются в зависимости от ситуации осуществления командной деятельности. Индикатором изменения регуляции психической устойчивости может служить изменчивость либо устойчивость корреляционных связей между показателем психической устойчивости и показателями личностных и командных ее регуляторов. Основанием для выбора данного критерия динамики регуляции психической устойчивости являются данные исследований об изменении корреляционных связей между индивидуально-психологическими характеристиками личности в стрессовых ситуациях по сравнению с наблюдаемыми в обычных условиях [6, с. 230]. Во-вторых, изменение регуляции психической устойчивости по мере увеличения времени действия стрессовых факторов может иметь характер как интеграции, так и дифференциации личностных ресурсов, необходимых для ее поддержания. В-третьих, по мере увеличения продолжительности действия стрессовых факторов может происходить рассогласование поддержания индивидуальной и командной устойчивости к действию стресса, которое чаще всего носит характер повышения внимания к поддержанию индивидуальной психической устойчивости в ущерб командной.

Для получения данных, позволяющих оценить справедливость проверяемых гипотез, было принципиально важно проследить изменение регуляции психической устойчивости в реальной группе спортсменов, участвующих в совместной деятельности, происходящей в стрессовых условиях, на протяжении длительного времени. Поэтому для исследования был

избран метод анализа отдельных случаев (case study). В исследовании приняли участие три женских команды высокого класса: команда по пляжному гандболу, состоящая из четырнадцати спортсменов в возрасте 19-27 лет, являющихся членами сборной команды Краснодарского края и России по пляжному гандболу, и двух команд по эстетической гимнастике, каждая из которых состояла из десяти спортсменов высокой квалификации в возрасте 16-23 лет. У всех спортсменок оценивалась психическая устойчивость по методике А. Голдберга. Показатели личностных и командных ресурсов поддержания психической устойчивости в командах по пляжному гандболу и эстетической гимнастике различались в связи с задачами исследования. Измерение изучаемых показателей проводилась трижды: в начале, середине и конце соревновательного сезона.

Исследование в команде по пляжному гандболу позволило получить подтверждение первого и третьего из проверяемых предположений.

В период проведения исследования команда с успехом участвовала в трех турах чемпионата России. Достаточно высокая успешность команды может привести к предположению, что соревновательная деятельность скорее всего не вызвала значительного психического напряжения, подрывающего устойчивость спортсменов к стрессу. Действительно, интегральные показатели устойчивости спортсменок к стрессу достоверно не изменялись от этапа к этапу соревновательного сезона. Однако анализ корреляционных связей показателей на разных этапах соревновательного сезона свидетельствует о перестройке ресурсов поддержания психической устойчивости. При наличии устойчивых корреляционных связей показателя психической устойчивости и показателей подвижности нервных процессов и силы процесса торможения, которые отражают специфику деятельности спортсменок, требующей сочетания быстроты реакции с высоким самоконтролем, были зафиксированы и изменения корреляционных связей, обусловленных ситуативными особенностями. От начала к концу сезона увеличивается число показателей, коррелирующих с показателем психической устойчивости с трех на первом этапе исследования до семи на третьем. Вместе с тем наблюдается обособление групп корреляционных связей показателей личностных (типологические свойства нервной системы) стратегий поведения в ситуациях соперничества и командных (активности, организованности группы) ресурсов преодоления стресса.

В исследовании двух команд высококвалифицированных спортсменов эстетической гимнастики получила подтверждение вторая из проверяемых гипотез. В команде с более высокой успешностью по мере продолжения соревновательного сезона отмечается меньшая вовлеченность личностных ресурсов поддержания психической устойчивости по сравнению с менее успешной командой, доказательством чего является меньшее количество корреляционных связей показателей психической устойчивости и показателей личностных ресурсов ее поддержания. В менее успешной команде от начала к концу соревновательного сезона зафиксировано увеличение отдельных групп коррелирующих между собой показателей психической устойчивости с показателями личностных ресурсов ее поддержания. Это можно расценить как рассогласование регуляторов поддержания психической устойчивости, отражающее их слабую сформированность.

Результаты исследования подтверждают справедливость выдвинутых гипотез и свидетельствуют о том, что динамический анализ ресурсов поддержания устойчивости к длительно действующим стрессорам дает реалистичное представление о психологических механизмах сопротивляемости личности неблагоприятным воздействиям.

Библиографический список

1. Водопьянова Н.Е. Профилактика и коррекция синдрома выгорания. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2011.
2. Горская Г.Б. Макровременные регуляторы психических нагрузок высококвалифицированных спортсменов // Теория и практика физической культуры. 1994. № 11. С. 8-11.
3. Горская Г.Б. Организационный стресс в спорте: источники, специфика проявлений, направления исследований // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2012. № 4. С. 74-76.
4. Ильин Е.П. Психология спорта. СПб.: Питер, 2008.
5. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М.: Наука, 1983.
6. Попова В.В. Системное исследование совладающего поведения с позиции теории интегральной индивидуальности. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. 2011. № 4 (7). С. 229-231.
7. Потапов В.Я., Горская Г.Б. Влияние индивидуально-психологических особенностей на динамику результативности выступлений в парусных регатах // Теория и практика физической культуры. 1985. № 1. С. 16-17.
8. Совмиз З.Р. Психологические ресурсы индивидуальных и групповых стратегий преодоления стресса субъектами командной деятельности // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. Вып. 5. С. 71-74.
9. Morgan В.С., Fletcher D., Sarkar M. Defining and characterizing team resilience in elite sport // Psychology of sport and exercise, 2013. V. 14. P. 549-559.
10. Morgan В.С., Fletcher D., Sarkar M. Understanding team resilience in the world best athletes, a case study of rugby union World Cup winning. //Psychology of sport and exercise, 2015. V. 16. P. 91-100.

Gorskaya G.B.

Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism
Krasnodar

THE DYNAMICS OF THE MENTAL STABILITY REGULATION IN TERMS OF LONG-TERM STRESS EFFECTS

Abstract. The aim of the study was to empirically test hypotheses about changes in the regulators of mental stability to long-term stressors. It is confirmed that the maintenance of mental stability to stressors of this kind occurs at the expense of stable and variable components of the necessary resources, related to the specifics and the conditions of the activity. It is shown that changes in the regulation of mental stability as the duration of stress factors increases can have the character of both integration and differentiation of personal resources necessary for its maintenance. It is established that, as the duration of stress factors increases, there may be a mismatch in maintaining individual and team resistance to stress, which most often has the character of increasing attention to maintaining individual mental stability to the detriment of the team.

Keywords: long-term stress effects, personal resources, regulation of mental stability, team activity.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УЯЗВИМОСТЬ: АДАПТАЦИЯ МЕТОДИКИ

Аннотация. Психологическая уязвимость понимается как когнитивная модель убеждений, отражающая зависимость от достижений или внешних источников самоутверждения для чувства собственной значимости. В статье приводятся результаты адаптации русскоязычной версии методики «Psychological Vulnerability Scale» (Sinclair V., Wallston K.), получившей в переводе название «Шкала психологической уязвимости». Выборку исследования составили 91 человек (средний возраст – 34,7 года). Русскоязычный вариант методики был проверен на внутреннюю согласованность (коэффициент α Кронбаха – 0,74). Дальнейшие этапы работы связаны со стандартизацией в пределах разных исследовательских групп, уточнением данных о валидности.

Ключевые слова: психологическая уязвимость, когнитивные убеждения, опросник, внутренняя согласованность.

Конструкт психологической уязвимости имеет когнитивную структуру, указывающую на уязвимость человека в условиях стресса. Под психологической уязвимостью понимается форма когнитивной уязвимости, связанная с зависимостью, перфекционизмом и потребностью быть одобренным внешними источниками [7]. Это когнитивные убеждения, которые делают людей менее защищенными при столкновении с множеством негативных жизненных переживаний, более зависимыми и восприимчивыми к тревоге и депрессии.

По мнению А. Бека, дезадаптивные когнитивные способности лежат в основе развития депрессии [1], а общий перфекционизм вносит вклад в психологический дистресс. Эгоцентричные перфекционисты стремятся к безупречности, устанавливают чрезмерно высокие личностные стандарты деятельности, сопровождающиеся чрезмерно критической оценкой собственного поведения [9]. Самокритика и зависимость имеют отношение к развитию депрессии [2]. Самокритика настраивает на неполноценность, чувство вины, чувство сурового самоанализа и недостойности. Самокритики борются за чрезмерные достижения, испытывают огромный страх неодобрения и испытывают меньше воспринимаемой поддержки. Зависимость – это самоощущение незащищенности, бессилия, неспособности адекватно функционировать без помощи других и чувство слабости. Зависимые люди боятся быть отвергнутыми, брошенными и чрезмерно зависимы от социальной обратной связи для получения удовлетворения.

Уязвимость рассматривается как естественное следствие человеческого существования [3]. Психологическая уязвимость в более ранних исследованиях определялась как психологическая реактивность или психологический дистресс [4]. Уязвимые люди испытывают больше негативной эмоциональности, чем незащищенные люди, а также более подвержены влиянию стрессовых событий, чем другие.

Ряд исследователей указывает на связь когнитивной уязвимости с психологическим срывом, главным образом депрессией, с негативным аффектом, воспринимаемой беспомощностью, дезадаптивным совладающим поведением [8]. Кроме того, он также

является предиктором алекситимии и отрицательным предиктором благополучия. Установлено, что психологическая уязвимость отрицательно связана с такими адаптивными конструктами, как жизнестойкость, позитивный аффект, социальная поддержка, диспозиционный оптимизм, удовлетворенность жизнью и самоэффективность, социальная компетентность, субъективное счастье, удовлетворенность жизнью, социальная безопасность, позитивный аффект, процветание и Надежда [7]. И наоборот, были обнаружены положительные связи с негативными последствиями для здоровья, такими как зависимость от Facebook, воспринимаемая беспомощность, самоосуждение, чрезмерная идентификация, негативный аффект, враждебность [6]. Некоторые исследования приводят данные о том, что психологическая уязвимость студентов может быть негативным предиктором устойчивости и субъективного благополучия [6].

В целом, интерес к изучению психологической уязвимости связан с вниманием исследователей к психическому здоровью, поскольку дезадаптивные когнитивные паттерны выступают фактором риска развития депрессивных симптомов у взрослых [5]. В отечественной психологии отсутствуют исследования, посвященные психологической уязвимости, а также психодиагностический инструмент для ее диагностики.

Опросник «Шкала психологической уязвимости» (Psychological Vulnerability Scale = PVS) был разработан для выявления уязвимых лиц во взрослом возрасте [7]. Психологическая уязвимость, измеряемая опросником, представляет собой набор из шести дезадаптивных когнитивных паттернов или когнитивных установок, способствующих неблагоприятному поведению. По мнению авторов, это понятие включает в себя межличностную чувствительность, негативное мышление по поводу жизненных событий, автоматические негативные мысли (о себе, мире и т. д.) будущее) и глобальная жесткая функция [1; 8].

Опросник «Шкала психологической уязвимости» направлен на определение психологической уязвимости как когнитивной модели убеждений, отражающей зависимость от достижений или внешних источников самоутверждения чувства собственной значимости. Данная методика является надежным и действенным методом для выявления людей с когнитивными моделями поведения, которые делают их более восприимчивыми к стрессу. Опросник содержит 6 пунктов. При работе с методикой респонденты, отвечая на вопросы, могли выбирать один из пяти ответов в границе от «полностью согласен» до «полностью не согласен».

Пункты опросника отражают личностные переменные, которые рассматриваются в качестве факторов уязвимости для развития депрессии. Например, первый пункт опросника обнаруживает тенденцию к глобальным, жестким, негативным атрибуциям. Другие пункты отражают тенденции к перфекционизму (например, нереалистичное целеполагание), критической самооценке и зависимости от одобрения других. Пункты 2 и 6 изображают человека, который постоянно испытывает разочарование из-за неудовлетворенных ожиданий в отношении других людей к нему. Пассивный, обиженный тон этих пунктов показывает разочарование и беспомощность относительно социальных отношений.

Адаптация методики проходила на выборке людей в возрасте от 19 до 60 лет ($M=34,74$, $SD=14,9$) в количестве 91 человек.

Первый этап нашей работы был связан с осуществлением прямого перевода текста опросника и прилагаемой инструкции с английского языка на русский профессиональным переводчиком. После перевода методики в целях валидации содержания утверждений и их интерпретации были привлечены психологи в качестве экспертов. Согласно предварительным

результатам содержательной валидности, адаптация опросника обладает достаточной степенью понятности и непротиворечивости.

На *втором этапе* нами была подсчитана внутренняя согласованность опросника «Шкала психологической уязвимости» при помощи коэффициента Альфа Кронбаха (Cronbach's Coefficient Alpha). Полученные значения коэффициента α -Кронбаха по показателям методики равны 0,74, что свидетельствует о внутренней согласованности инструмента, указывающей на его надежность.

Далее мы сопоставили результаты, полученные нами в ходе психометрической проверки методики с результатами, высчитанными другими исследователями. По данным авторов, показатели внутренней согласованности, оцененные с помощью коэффициент α -Кронбаха, составили по разным исследованиям от 0,71 до 0,86.

На основе сопоставления коэффициентов внутренней согласованности шкал и утверждений методики мы приходим к выводу, что опросник может быть использован для изучения личностных характеристик, предрасполагающих к негативным ожиданиям, срыву целей и неудаче.

В статье представлены результаты первого этапа адаптации русскоязычного варианта опросника «Шкала психологической уязвимости». К перспективе будущего исследования можно отнести проверку репрезентативности методики и критериальной валидности.

Библиографический список

1. Beck A., Haigh E. Advances in cognitive theory and therapy: The generic cognitive model // Annual Review of Clinical Psychology. 2014. Vol. 10. P. 1-24. DOI: 10.1146/annurevclinpsy-032813-153734
2. Blatt S.J. Polarities of experience: Relatedness and self-definition in personality development, psychopathology, and the therapeutic process. Washington, DC: American Psychological Association, 2008.
3. Kottow, M.H. Vulnerability: what kind of principle is it? // Medicine, Health Care and Philosophy. 2004. Vol. 7. P. 281-287.
4. Pearlin L.I., Johnson J.S. Marital status, life strains, and depression // American Sociological Review. 1977. Vol. 42 (5). P. 704-715.
5. Proag V. The concept of vulnerability and resilience // Procedia Economics and Finance. 2014. Vol. 18. P. 369-376. DOI: 10.1016/S2212-5671(14)00952-6
6. Satici S. Psychological vulnerability, resilience, and subjective well-being: The mediating role of hope // Personality and Individual Differences. 2016. Vol. 102. P. 68-73. DOI: 10.1016/j.paid.2016.06.057
7. Sinclair V., Wallston K. The development and validation of the Psychological Vulnerability Scale // Cognitive Therapy and Research. 1999. Vol. 23. P. 119-129.
8. Sinclair V., Wallston K. Psychological vulnerability predicts increases in depressive symptoms in individuals with rheumatoid arthritis // Nursing Research. 2010. Vol. 59. P. 140-146.
9. Stoeber J. Multidimensional perfectionism and the DSM-5 personality traits // Personality and Individual Differences. 2014. Vol. 64. P. 115-120. DOI: 10.1016/j.paid.2014.02.031

PSYCHOLOGICAL VULNERABILITY: METHODOLOGY ADAPTATION

Abstract. Psychological vulnerability is understood as a cognitive model of beliefs that reflects dependence on achievements or external sources of self-affirmation for a sense of self-worth. This article presents the results of adaptation of the Russian version of the "Psychological Vulnerability Scale" method (Sinclair V., Wallston K.), which is called the "scale of psychological vulnerability". The study sample consisted of 91 people (average age-34.7 years). The Russian version of the method was tested for internal consistency (Cronbach's coefficient α – 0.74). Further stages of the work are related to standardization within different research groups, refinement of data on validity.

Keywords: psychological vulnerability, cognitive beliefs, questionnaire, internal consistency.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МЕНТАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ³¹

Аннотация. В статье анализируются современные концепции регуляции психических состояний. Показано, что в этих концепциях базовыми регуляторными свойствами являются качества личности: регуляторный процесс осуществляется с опорой на устойчивые личностные структуры. Новым концептуальным взглядом на регуляцию состояний субъекта является обращенность к характеристикам сознания как основным регуляторным образованиям, детерминирующим регуляторный процесс. Предлагается концептуальная модель регуляции, ведущими структурами которой являются характеристики сознания: репрезентации, рефлексия, переживания, смысловые структуры, ментальный (субъективный) опыт, система Я человека. Рассматриваются отношения между данными структурами в регуляции состояний.

Ключевые слова: регуляция, состояние, сознание, структура, личность.

Изучение взаимоотношений между категориями психических явлений является важнейшей методологической проблемой психологии. В этом контексте исследование отношений между «сознанием» и «состоянием» позволит объяснить механизмы ментальной регуляции последних и развития регуляторных способностей субъекта.

Функция регуляции настолько важна, что невозможно представить направленного целевого действия без участия сознания в регуляторном процессе – регуляция (саморегуляция) влияет на когнитивные процессы, состояния, поведение, деятельность субъекта. Изучение структур сознания, их вклада, роли и значения в регуляции состояний и становлении регуляторных способностей человека в процессе обучения и жизнедеятельности, в целом, имеют особую значимость в понимании психической организации человека.

Обращаясь к психическим состояниям, отметим, что жизнедеятельность человека актуализирует состояния различной модальности, длительности, интенсивности и знака. Необходимость в регуляции собственных состояний возникает, как правило, у человека в случае неадекватности его состояния обстоятельствам и ситуациям жизнедеятельности. Существенным условием саморегуляции является осознание человеком необходимости в изменении собственного состояния.

В области регуляции психических состояний основными, на наш взгляд, являются работы Л.Г. Дикой [1] и А.Б. Леоновой [2]. По мнению Л.Г. Дикой, психическая саморегуляция функциональных состояний (психофизиологических) представляет собой специфический вид деятельности субъекта, для которой характерны определенные отношения с профессиональной деятельностью и развитие которой обуславливает становление адаптивных личностных свойств субъекта, обеспечивающих эффективность, надежность, работоспособность и др. характеристики профессиональной деятельности. Психическая саморегуляция не только обусловлена взаимодействием с личностными и деятельностными

³¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07072.

механизмами регуляции, но одновременно и сама является важной «внутренней» детерминантой деятельности субъекта. Уровни саморегуляции состояния определяются Л.Г. Дикой по их отношению к таким характеристикам активности, как произвольность/непроизвольность, сознаваемость/неосознаваемость, целенаправленность. Выделено 4 уровня саморегуляции, для каждого из которых определены ведущий компонент структуры саморегуляции и способы саморегуляции, отнесенные к тому или иному компоненту психологической структуры деятельности.

Концептуальные позиции саморегуляции функциональных состояний А.Б. Леоновой (структурно-интегративный подход) базируются на деятельностной парадигме А.Н. Леонтьева. Саморегуляция ею рассматривается на уровнях операционно-технического обеспечения деятельности (операции); изменений в целевой структуре деятельности (действия); смены доминирующей мотивационной направленности субъекта труда (деятельность в целом). Соответственно, каждый уровень характеризуется спецификой саморегуляции. По мнению А.Б. Леоновой, эта схема удобна для анализа механизмов регуляции деятельности в двух плоскостях: вертикальной, при рассмотрении взаимосвязей между иерархическими уровнями «деятельность-действие-операция», и горизонтальной, как соотношение «ситуация – нагрузки – условия – текущие адаптационные перестройки» внутри каждого из названных иерархических уровней [2].

В литературе по саморегуляции состояний широко представлены различные методы оптимизации психических состояний (включая адаптированные зарубежные технологии): аутогенная и психомышечная тренировка (И.Г. Шульц, А.Т. Филатов, Л.Д. Гиссен, А.В. Алексеев, В.Л. Маришук и др.), методы активной релаксации (Дж. Эверли, Р. Розенфельд, Э. Джекобсон и др.), идеомоторная тренировка, сенсорная репродукция, медитация (Г.Ш. Габдреева, Н.М. Пейсахов, Р. Бэндлер, Дж. Гриндер и др.), методы вербально-музыкальной саморегуляции (Г.Д. Горбунов, В.Н. Некрасов) и др. Разработаны комплексные программы обучения навыкам саморегуляции (А.Б. Леонова, А.С. Кузнецова), включающие нервно-мышечную релаксацию, цветомузыкальные средства, позитоническую гимнастику и самомассаж (см. обзор А.О. Прохоров) [3].

При всех достоинствах представленных взглядов исследователей на регуляцию состояний, в которых основной «опорой» являются психологические качества субъекта, а вектором процесса регуляции является деятельность или поведение, наименее разработанной в этих концепциях является ментальная составляющая регуляторного процесса: недостаточно изучены отношения регуляторного процесса и структур сознания, не изучен вклад последних в изменения состояний субъекта, их роль и значение в регуляторном процессе.

В контексте предмета нашего исследования – психических состояний – обратимся к предлагаемой нами концептуальной модели структурно-функциональной организации ментальной регуляции психических состояний субъекта [4].

Модель представляет собой структуру взаимоотношений между психическими состояниями, характеристиками сознания (репрезентации, рефлексия, переживания, смысловые структуры, ментальный (субъективный) опыт) и внешними факторами (ситуации, пространство культуры, образ жизни, временные факторы и социальная среда) вкупе с регуляторными действиями и обратной связью).

Рассмотрим составляющие этой модели и их взаимодействия. В совокупности весь регуляторный комплекс является составляющей частью субъективного (ментального) регуляторного опыта человека. Включенность опыта в ситуациях жизнедеятельности

проявляется в актуализации психического состояния определенного качества, в использовании наиболее часто употребляемых способов и приемов регуляции состояний, «наработанных» или «выработанных», или стихийно сложившихся в ходе освоения деятельности и жизнедеятельности, в целом, а также в организации «упорядоченных» структур сознания, образующих функциональный комплекс, «настроенных» на регуляцию состояний определенного качества, модальности и интенсивности. Она (организация) формируется в связи со спецификой комплексов (блоков), состоящих из состояний, средств регуляции и ментальных структур, образующихся в диапазоне текущего времени и в условиях повторяющихся ситуаций жизнедеятельности.

Субъективный (ментальный) опыт интегрирует смысловые структуры сознания (личностный смысл, ценности, конструкты, смысловые установки и ориентации и др.), ментальные репрезентации, входящие в структуру знаний (ассоциативные, оценочные, понятийные, образные характеристики), переживания, значения с категориальными структурами сознания, рефлексии и её виды, образы, процессы понимания.

Отношения между компонентами модели, на наш взгляд, следующие. Включенность мнемических характеристик, организующих элементы опыта по признаку их жизненной значимости в ментальные механизмы, связана с их ролью в объединении определенных структур сознания, «настроенных» на изменение состояний определенного качества, модальности и интенсивности. Субъективный (ментальный) опыт интегрирует смысловые структуры сознания, отражающие значимость для субъекта ситуаций жизнедеятельности. Существенным звеном ментальной регуляции является воплощение смысла в значениях, что приводит к связыванию значения (объекта, предмета, ситуации и пр.) и психического состояния. Осознание необходимости в регуляции и выбор средств осуществляется благодаря рефлексии и образу собственного состояния субъекта. Переживание, включенное в ментальный опыт, изменяет смысловые структуры и психическое состояние. Регуляторный процесс опосредуется ситуациями жизнедеятельности, пространством культуры и образом жизни. Операциональная сторона регуляторного процесса связана с действиями субъекта, направленными на изменение состояния, обратной связью и временными характеристиками.

Существенным звеном в данной модели ментальной регуляции, на наш взгляд, является система Я, выполняющая узловую регулирующую функцию в организации включения ментальных структур в саморегуляцию состояний, влияющая на выбор операциональных средств (способы, приемы) и регуляторных действий.

Не акцентируя внимание на опосредующих факторах, влияющих на ментальную регуляцию состояний (ситуация, пространство культуры и образ жизни), отметим только, что регуляторный процесс связан с образом жизни субъекта. Связь образа жизни и ситуации осуществляется через пространственно-временные характеристики, в которых жизнедеятельность социальных субъектов осуществляется как единство условий сознания и деятельности, а «ситуация» понимается как прошедшие сферу сознания и включенные в повседневную жизнедеятельность людей условия жизни. Поэтому понятие «ситуация» позволяет анализировать отношение субъекта деятельности к обстоятельствам жизни как целостному феномену, в котором реализуются цели и задачи деятельности (образ жизни субъекта). Другими словами, можно сказать, что «образ жизни» – это близкие или повторяющиеся ситуации. Образ жизни через совокупность соответствующих ситуаций сказывается в регуляции психических состояний. В этом же контексте отметим, что ментальная регуляция опосредуется пространством культуры, носителем которой является субъект. Основными формами культуры, посредством которых осуществляется влияние

структур сознания, являются вещи (артефакты), знаковые системы (семиосфера) и модели поведения.

В функциональном плане в основании саморегуляции находятся механизмы регуляции отдельного психического состояния. Достижение цели – желаемого состояния – связано с включенностью в регуляторный процесс ментальных структур (смысловых, рефлексии, переживаний и др.) и осуществляется через цепь переходных состояний. Переход от состояния к состоянию осуществляется при использовании различных психорегулирующих приемов и средств. Информация о достижении желаемого состояния реализуется при помощи обратной связи. Регуляция совершается при активном участии психических процессов и с опорой на психологические свойства (темперамент, характер, способности и пр.).

Регуляторный процесс осуществляется в конкретной социальной среде на фоне культуральных, этнических, профессиональных и др. влияний в определенной социальной ситуации жизнедеятельности: экономической, юридической, связанной с местом субъекта в малой группе: его социальными ролями, статусами и пр., связан с характерным для него образом жизни. «Развертывание» регуляторного процесса, а также его параметры и их изменения в жизнедеятельности определяются требованиями социального функционирования субъекта, спецификой профессиональной деятельности и субъектно-личностными особенностями человека.

Библиографический список

1. Дикая Л.Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека. М.: Институт психологии РАН, 2003.
2. Леонова А.Б. Психологические механизмы саморегуляции функциональных состояний // Субъект и личность в психологии саморегуляции: Сб. науч. трудов / Под ред. В.И. Моросановой. М.: ПИ РАО; Ставрополь: СевКавГТУ, 2007. С. 345-370.
3. Прохоров А.О. Технологии психической саморегуляции. Харьков: Гуманитарный Центр, 2017.
4. Прохоров А.О. Структурно-функциональная модель ментальной регуляции психических состояний субъекта // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 1. С. 5-18.

Prokhorov A.O.
Kazan Federal University
Kazan
alprokhor1011@gmail.com

CONCEPTUAL MODEL OF MENTAL REGULATION OF PSYCHOLOGICAL STATES

Abstract. In this article, modern concepts of psychological states regulation are analyzed. It is shown that in these concepts, the basic regulatory properties are the personality qualities: the regulatory process is based on sustainable personality structures. A new conceptual view of the subject's state regulation is the appeal to the characteristics of consciousness as the main regulatory formations that determine the regulatory process. The conceptual model of regulation is proposed, the leading structures of which are the characteristics of consciousness: representations, reflection, experience, semantic structures, mental (subjective) experience, the self-system. The relationships between these structures in the process of the mental state regulation are considered.

Keywords: regulation, mental state, consciousness, structure, personality.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 19-29-07072.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА И ЭКСПРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Воронцова Татьяна Алексеевна
Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону
shkurko@sfedu.ru

ЦЕЛОСТНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЖЕНЩИН: ФОРМУЛА «ЭФФЕКТА ОМОЛОЖЕНИЯ»³²

Аннотация. Целью исследования выступило изучение влияния целостного оформления внешнего облика женщин на их воспринимаемый возраст. Воспринимаемый возраст рассматривается как результат социальной перцепции, представленный в возрасте объекта восприятия, приписанном ему субъектом восприятия. В качестве основного метода исследования выступила процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» Т.А. Воронцовой. Разница между воспринимаемым возрастом женщин до и после целостного преобразования внешнего облика названа «эффект омоложения». С помощью линейного регрессионного анализа создана формула «эффекта омоложения», позволяющая прогнозировать его в зависимости от возраста женщины.

Ключевые слова: внешний облик, воспринимаемый возраст, оформление внешнего облика.

Исследование выполнено в рамках социально-психологического подхода к внешнему облику (ВО) В.А. Лабунской [4; 5]. Оформление ВО в рамках данного подхода трактуется как социальный ВО и представляет собой его среднеустойчивый компонент, наряду с устойчивым (индивидуально-конституциональные характеристики человека – физический ВО) и динамическим (экспрессивное поведение) компонентами. На трансформацию оформления ВО нацелены индустрия моды, красоты, ухода и т. п. Выделяются [2; 8; 9; 10] следующие элементы оформления ВО: одежда, обувь, гигиена лица, макияж (визаж) (для женщин), борода / усы (для мужчин); стрижка, причёска, цвет волос, аксессуары (украшения, очки, сумки).

Учеными [2; 3; 5; 6-10] рассматривается ряд психологических функций оформления ВО: самопрезентация личности, проявление отношения к другим; проявление отношения к самому себе; регуляция самоотношения; проявление индивидуальности; маскировка; формирование первого впечатления; формирование представления о красивом теле; управление впечатлением; презентация своей Я-концепции; самоконтроль (через демонстрацию соответствия социальному окружению); подчеркивание своего социального статуса; демонстрация социальной / профессиональной / этнической / гендерно-возрастной принадлежности к той или иной группе. В нашей работе мы апеллируем к такой функции оформления внешнего облика, как выражение / демонстрация / маскировка возрастной принадлежности его носителя, которая приобретает особое значение в последние десятилетия в связи с желанием современного человека выглядеть моложе своего возраста.

³² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-18-01260 «Социальная психология внешнего облика: функции, значимость, удовлетворенность, обеспокоенность, интерпретации в межличностном и внутригрупповом взаимодействии в молодежной среде».

Целью исследования, более подробное обоснование и описание которого приведено в одной из наших работ [1], стало изучение влияния целостного оформления ВО женщин на их воспринимаемый возраст. Воспринимаемый возраст (ВВ) является «результатом социальной перцепции и представляет собой возраст человека, приписанный ему субъектом восприятия» [11, с. 194]. В последние десятилетия проблема ВВ, анализ факторов и механизмов его конструирования в процессе социального познания входит в число актуальнейших научных проблем. В качестве целостного оформления ВО нами рассматривается процедура трансформации всех его элементов (стрижка, покраска, укладка, макияж, подбор одежды, обуви, аксессуаров) с привлечением специалистов в области моды, стиля, имиджа.

Гипотезой исследования выступило предположение, что ВВ женщин-«моделей», полученный на основе восприятия их ВО другими людьми до и после его целостного оформления, будет различаться. В качестве основного метода исследования выступила процедура «Фотовидеопрезентации ВО» Т.А. Воронцовой [12]. Процедура состоит в предъявлении различных комплектов видео и фотоизображений ВО объектов восприятия «оценщикам» (субъектам восприятия) для оценки их возраста. Специально для данного исследования нами создан Комплект № 5 данной процедуры, в который вошли фотоизображения «моделей», различающихся оформлением своего ВО. В качестве «моделей» выступили героини телевизионной передачи «Модный приговор» на Первом канале Российского телевидения, фотографии которых до и после целостного оформления их ВО в открытом доступе имеются в сети Интернет (на официальном сайте программы www.modniy.tv). Каждая «модель» в данном комплекте фотографий представлена дважды: 1) до процедуры трансформации всех элементов ВО, а именно: с оформлением ВО, который сделан ею самой «в соответствии с модными советами и собственными представлениями о своем идеальном образе» (цитата с сайта программы); на этом этапе телепередачи «модели» самостоятельно экспериментируют с одеждой, обувью и аксессуарами, минимально используя макияж и прическу; 2) после процедуры трансформации: с целостным оформлением ВО, которое сделано стилистами. Объектом восприятия выступили 72 «модели» (женщины от 22 до 89 лет; $M=48,62$; ст. откл.=15,48; выравнивание выборки по количеству «моделей» на каждый десятилетний возрастной интервал). В качестве стимульного материала, предъявляемого «оценщикам», выступили их фотографии до и после целостного оформления ВО, всего 144 фотографии. В качестве субъектов восприятия («оценщиков») выступили 35 женщин и 16 мужчин в возрасте от 18 до 79 лет.

ВВ «моделей» был получен следующим образом. Альбом с фотографиями «моделей» (расположенных в нем случайным образом, но так, чтобы их фотографии до и после преображения ВО не следовали бы друг за другом) был представлен «оценщикам» с вопросом: «Сколько лет женщине на фотографии?». По каждой «модели» была получена 51 оценка ее возраста до и 51 оценка ее возраста после целостного оформления ВО – всего 102 оценки на каждую «модель», или 7344 оценок по всем «моделям».

К полученным данным о возрасте каждой «модели» был применен Т-критерий Уилкоксона, который применяется для обнаружения так называемого «эффекта обработки», то есть влияния на однородные данные какого-либо фактора. Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы:

1) у 78% от общей выборки женщин – участниц программы «Модный приговор» обнаружен «эффект обработки», то есть доказано влияние оформления ВО на их ВВ, что

позволяет нам подтвердить первую гипотезу о влиянии целостного оформления ВО на ВВ моделей;

2) обнаруженное влияние является разнонаправленным: у 53% (38 женщин) ВВ уменьшился, у 25% (18 женщин) увеличился, что позволяет сделать вывод о наличии преобладающей тенденции – снижении ВВ;

3) наличие двух эффектов целостного оформления ВО («омолаживающего» и «старящего») эмпирически обосновывает существование дополнительных факторов, опосредующих влияние оформления ВО на ВВ женщин.

В качестве таких дополнительных факторов, опосредующих влияние целостного оформления ВО женщин на их ВВ, в нашем исследовании выступили индивидуально-психологические и социально-демографические характеристики «моделей», размещенные на сайте телепередачи «Модный приговор» в открытом доступе: возраст, рост, вес, размер одежды, работа, семейное положение, количество детей в семье. Для анализа влияния данных факторов на ВВ мы разделили выборку на 3 подгруппы:

1) в первую подгруппу вошли 38 женщин, ВВ которых уменьшился в результате целостного оформления ВО;

2) во вторую подгруппу вошли 18 женщин, ВВ которых увеличился;

3) третью подгруппу составили 16 женщин, чей ВВ не изменился.

Далее мы сравнили первую и вторую подгруппы по критерию Манна-Уитни, который показал значимые различия по параметрам возраста (ср. ранг 1 гр. = 35,43; ср. ранг 2 гр. = 13,86; $Z = -4,626$; $p = 0,000$) и роста (ср. ранг 1 гр. = 25,03; ср. ранг 2 гр. = 35,83; $Z = -2,323$; $p = 0,020$). Таким образом, возраст и рост женщин являются дополнительными переменными, которые участвуют в процессах конструирования возраста на основе целостного оформления ВО. Обнаруженный в исследовании эффект омоложения в результате оформления ВО в большей степени характерен для зрелых женщин, а также для женщин, которые имеют низкий рост; для молодых и рослых женщин использование комплексного оформления ВО может приводить к тому, что они будут выглядеть старше с точки зрения воспринимающего субъекта.

Для выявления специфики влияния возраста и роста на эффект омоложения в результате целостного оформления ВО женщин нами был применен линейный регрессионный анализ. В качестве зависимой переменной выступила разница между ВВ женщин до и после целостного оформления ВО (ВВдо-ВВпосле), названная нами «Эффект омоложения». Эта переменная может принимать как положительные, так и отрицательные значения, причем, чем более высокие положительные значения она принимает, тем омолаживающий эффект сильнее. Отрицательные значения данного параметра говорят об обратном эффекте («старящем»). Переменная «эффект омоложения» в изучаемой выборке имела размах от -11,35 до 13,57 лет. Применение линейного регрессионного анализа, где в качестве предиктора (независимой переменной) выступал рост, не показало его значимого линейного влияния на эффект омоложения (зависимую переменную). Анализ влияния возраста моделей на эффект омоложения (зависимая переменная: «эффект омоложения» (ВВдо-ВВпосле); предиктор: возраст) показал следующие результаты: $B = 0,184$; Ст. ошиб. = 0,036; $B = 0,518$; $t = 5,072$; $p = 0,000$; общие показатели регрессии: $R = 0,518$; $R^2 = 0,269$; $F = 25,730$; $p = 0,000$. Уравнение регрессии представляет собой следующее выражение: «Эффект омоложения» (ВВдо-ВВпосле) = $0,184 \times \text{Возраст} - 6,703$. Полученное уравнение регрессии позволяет вычислить тот возраст, который ассоциирован с нулевым эффектом (отсутствием омолаживающего эффекта). Соответственно, возраст свыше «нулевого» связан с омолаживающим эффектом

(показатель ВВдо-ВВпосле принимает положительные значения); возраст ниже «нулевого» ассоциирован с обратным эффектом (показатель ВВдо-ВВпосле принимает отрицательные значения). Решение уравнения $0,184 \times \text{возраст} - 6,703 = 0$ позволило нам вычислить этот возраст. Он равен 36,43 года. То есть, возраст «модели» свыше 36 лет позволяет нам прогнозировать омолаживающий эффект целостного оформления ВО, а возраст «модели» ниже данного возраста – обратный («старящий») эффект.

Результаты проведенного исследования продемонстрировали влияние целостного оформления ВО женщины на ее ВВ. Обнаружено, что целостное оформление ВО оказывает дифференцированное влияние на ВВ: молодых женщин старит, а зрелых – омолаживает. Полученные данные подтверждают закономерность, обнаруженную Р. Руссел с коллегами [13] на примере макияжа. Вслед за авторами, мы считаем, что целостное оформление ВО влияет на социальное восприятие через восходящие маршруты, изменяя визуальные сигналы (контраст лица, однородность кожи, модная одежда, современная прическа и т. д.), а также через нисходящие маршруты, актуализируя социальные представления и нормы, связанные с использованием тех или иных элементов оформления ВО (например, применение макияжа ассоциировано с более взрослой возрастной группой). При этом нам удалось с помощью линейного регрессионного анализа создать формулу «эффекта омоложения», позволяющую прогнозировать этот эффект в зависимости от возраста женщины. Нами обнаружен возраст женщины, меняющий знак «эффекта омоложения» с минуса на плюс, со старящего на омолаживающий. Этот возраст составляет 36 лет.

Библиографический список

1. Воронцова Т.А. Влияние целостного оформления внешнего облика на воспринимаемый возраст женщин // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 2. С. 141-160.
2. Золотухина-Аболина Е.В. Внешность и возраст: косметология как культурный феномен // Внешний облик в различных контекстах взаимодействия: Материалы Всерос. науч. конф. (28-30 октября 2019 г.) / Под общ. ред. П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской, Г.В. Серикова. М.: Кредо, 2019. С. 72-74.
3. Костригин А.А. Потребительское поведение в сфере моды: психологические аспекты // МНТФ «Первые международные Косыгинские чтения – 2017». М.: Московский государственный университет дизайна и технологии, 2017. С. 302-305.
4. Лабунская В.А., Сериков Г.В. Теоретические основы и методические подходы к изучению феномена «ценность внешнего облика» // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 91-103.
5. Лабунская В.А., Дроздова И.И. Теоретико-эмпирический анализ влияния социально-психологических факторов на оценки, самооценки молодыми людьми внешнего облика // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 2. С. 202-226.
6. Музалевская Ю.Е. Мужские и женские черты во внешнем облике представителей субкультур 20 – начала 21 веков // Известия высших учебных заведений. Технология легкой промышленности. 2016. Т. 3. № 3. С. 84-87.
7. Петрова Е.А. Визуальная психосемиотика общения. М.: Издательство Академии имиджелогии, 2015.
8. Погонцева Д.В. Отношение к женщинам с различным этно-религиозным оформлением внешнего вида // Психолог. 2017. № 5. С. 26-32.

9. Рягузова Е.В. Социокультурная обусловленность восприятия внешности незнакомого другого // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. Вып. 2 (14). С. 166-169.

10. Черникова А.А., Обласова О.В. Вербальные и невербальные паттерны самопрезентации в контексте публичного выступления // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 4 (53). С. 190-192.

11. Шкурко Т.А., Сериков Г.В. Влияние динамического компонента внешнего облика на восприятие визуальных презентаций возраста другого человека // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 3. С. 190-209.

12. Шкурко Т.А. Фотовидеопрезентации внешнего облика как метод изучения воспринимаемого возраста человека // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 104-117.

13. Russell R., Batres C., Courrèges S., Kaminski G., Soppelsa F., Morizot F., Porcheron A. Differential effects of makeup on perceived age // British Journal of Psychology. 2019. Vol. 110 (1). P. 87-100.

Vorontsova T.A.
Southern Federal University
Rostov-on-Don

HOLISTIC DESIGN OF WOMEN'S APPEARANCE: "REJUVENATION EFFECT" FORMULA

Abstract. The aim of this research was to study the influence of the holistic design of women's appearance on their perceived age. Perceived age is the result of social perception, represented in the age of the object of perception, attributed to it by the subject of perception. The main method of research was the procedure of "photo-visual representation of appearance" by T.A. Vorontsova. The difference between the perceived age of women before and after a complete transformation of their appearance is called the "rejuvenation effect". Using a linear regression analysis, a formula for the "rejuvenation effect" was created, which allows predicting it depending on the age of a woman.

Keywords: the appearance of perceived age, making the external appearance.

Funding: The reported study was funded by RSF, project number 17-18-01260.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ЛИЧНОСТИ С ПОЗИЦИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА³³

Аннотация. В статье подчеркивается, что важнейшим вопросом является вопрос, касающийся роли активной интерпретационной деятельности, направленной на свой и чужой внешний облик. В статье отмечается, что проблема принятия разнообразия внешнего облика входит в глобальную проблему принятия человеком разнообразия бытия. В ней утверждается, что проблемы бытия человека в мире визуальной культуры являются фундаментом, на котором выстраиваются ожидаемые психологические проблемы конкретного человека. Психологические проблемы, возникающие у человека, сопровождаются социально-психологическими эффектами: «диспозиционной сосредоточенностью на внешнем облике», глубинным переживанием привилегий человека, наделенного привлекательным внешним обликом; предубеждениями, приводящими к приписыванию статуса «дефекта» отдельным компонентам и элементам внешнего облика, постоянным привлечением внимания Других и навязыванием им своего взгляда на свой внешний облик. В заключение констатируется: страдания, связанные с внешним обликом, гиперкритическое отношение к нему, ведет к «словому» социально-психологических связей, отвлекает от друзей, семьи, работы, способствует избеганию тех ситуаций, тех профессий, в которых человек должен быть представлен Другим людям.

Ключевые слова: социальная психология, интерпретация, психологические проблемы, внешний облик

Важнейшим вопросом психологии внешнего облика является вопрос, касающийся роли активной интерпретационной деятельности, направленной на свой внешний облик и внешний облик других людей, в возникновении у человека психологических проблем. В этой связи рассматривается влияние контекста взаимодействия на актуализацию ряда феноменов, сопровождающих интерпретацию и оценку внешнего облика, например, лукофобия. Как сообщают Nichola Rumsey, Diana Narcourt [8], большое количество людей отмечают влияние их внешнего облика на самочувствие. Они также констатируют, что люди различных возрастных групп связывают явные или надуманные проблемы с внешним обликом с выбором определенных способов поведения и отношения к здоровью, к благополучию, с трудностями, возникающими в сфере социальных контактов. Перед ними стоит задача преодолеть в обществе, стремящемся к идеализированным образцам внешнего облика, как негативное восприятие их внешнего облика Другими, так и негативное самовосприятие, постоянно отвечать на вопрос: «почему я доволен/не доволен своим внешним обликом, а другие люди не обеспокоены/обеспокоены им?»

Иными словами, на передний план выдвигается несколько вопросов. Первый из них – это определение круга психологических проблем личности, порожденных отношением, самоотношением к внешнему облику. Далее – это постановка вопроса о том, как в бытийном пространстве, в процессе практической работы могут проявлять себя эти проблемы. За этими

³³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-18-01260 «Социальная психология внешнего облика: функции, значимость, удовлетворенность, обеспокоенность, интерпретации в межличностном и внутригрупповом взаимодействии в молодежной среде».

вопросами следует вопрос о том, какие факторы обуславливают актуализацию проблем, связанных с интерпретацией, оценкой, в целом, с отношением к внешнему облику. Кроме этих вопросов можно поставить вопрос о том, как человек относится к осознаваемым и неосознаваемым проблемам, порожденным интерпретационными практиками внешнего облика. К данному ряду вопросов примыкает вопрос о том, как люди адаптируются к возрастным изменениям своего внешнего облика, к отличиям своего внешнего облика от эталонных образцов, к отличиям своего внешнего облика от внешнего облика многих других людей. Короче говоря, проблема принятия разнообразия внешнего облика входит в глобальную проблему принятия разнообразия бытия человека в этом мире.

Необходимо отметить тот факт, что поставленные вопросы еще недостаточно обсуждаются в отечественных научных, практико-ориентированных исследованиях. Возможно, такая ситуация складывается в определенной мере потому, что у научного сообщества сложилось и закрепилось представление о психологических проблемах человека, порожденных внешним обликом, как о проблемах малозначимых, волнующих только небольшую группу людей, как о проблемах, которые не ведомы российским гражданам. Полагаю, что такого рода утверждения можно было бы отнести к заблуждениям и предубеждениям. На протяжении всей истории человечества не только рассматривается феномен «красивый внешний облик», но и феномены удовлетворенности и беспокойности внешним обликом, феномены оценки и самооценки внешнего облика, анализируется влияние внешнего облика на качество жизни человека [4].

На мой взгляд, необходимо отметить тот факт, что в современных исследованиях внешнего облика [1; 2; 3; 5] подчеркивается, что мера влияния внешнего облика на различные аспекты жизни человека определяется тем, насколько сфокусирован человек на различных компонентах внешнего облика, на его оценках и самооценках, на стремлении выглядеть лучше для того, чтобы жить лучше, быть счастливее. В зависимости от силы центрации на реальных или надуманных дефектах внешнего облика наблюдаются переходы от легкой озабоченности внешним обликом к выраженной озабоченности, а затем к дистрессу, нарушающему связи в социальной и профессиональной жизни человека [6].

По-видимому, сензитивность человека к тем функциям внешнего облика, которые он может выполнять в пространстве бытия личности, приводит к центрации на его отдельных компонентах и характеристиках, способствуя тем самым формированию, актуализации психологических проблем, порожденных внешним обликом.

Исходя из теоретических размышлений, приведенных выше, в контексте социальной психологии внешнего облика можно выделить ряд психологических проблем личности, порожденных отношением к своему и чужому внешнему облику: проблема «диспозиционной сосредоточенности на внешнем облике» [7]; проблема привилегий человека, наделенного привлекательным внешним обликом; проблема дифференциации людей на внешне привлекательных и не привлекательных; проблема позитивного/негативного влияния привлекательного/непривлекательного внешнего облика на благополучие человека; проблема предубежденного (дискриминационного) отношения к человеку, наделенному как привлекательным, так и непривлекательным внешним обликом. Эти проблемы человека в мире визуальной культуры являются тем фундаментом, на котором выстраиваются ожидаемые психологические проблемы конкретного человека, представленные в различных исследованиях [3; 4]. Прежде всего, это мера позитивности/негативности оценки и самооценки внешнего облика; проблема соотношения удовлетворенности и беспокойности внешним обликом; проблема ценности и меры

значимости внешнего облика в пространстве бытия человека; проблема переживаний, порожденных как позитивными, так и негативными оценками внешнего облика – от легкой озабоченности до формирования лукофобии (страх оценки внешнего облика). Иными словами, такие психологические проблемы, как «стыдливое отношение к своему внешнему облику» [7] или низкая самооценка являются результатом пристального внимания к различным аспектам внешнего облика, становятся следствием постоянной «объективизации» внешнего облика и обнаружения его несоответствия сложившимся эталонам красоты и привлекательности.

В целом можно заключить, что представленность внешнего облика в пространстве бытия человека, его постоянная интерпретация увеличивает набор психологических проблем, приводит к эскалации фрустрации в ответ на оценочный компонент интерпретации внешнего облика, способствует формированию дезадаптивного поведения, ведет к снижению уровня субъективного благополучия, удовлетворенности жизнью, усиливает переживание одиночества, тревоги и т. д. Следовательно, при обнаружении дезадаптивного поведения, снижения субъективного благополучия, удовлетворенности жизнью, склонности к одиночеству и т. д. мы можем предположить, что в их основе лежат психологические проблемы человека, порожденные его отношением к внешнему облику.

Прежде всего, перечисленные выше психологические проблемы обнаруживаются в рассказах людей, в процессе межличностного общения. Содержание рассказов, включающее различные сюжеты, свидетельствует о том, что человеку свойственно проявлять интолерантность к оценкам внешнего облика, высказывать повышенную озабоченность тем, как он выглядит, испытывать навязчивый страх, обостряющийся в различных публичных ситуациях. Авторы рассказов склонны приписывать внешнему облику ответственность за все то, что происходит в их жизни, переживать эмоционально-когнитивный диссонанс, «культурный шок», порожденные столкновением различных представлений о внешнем облике.

Испытывая «социокультурное давление», осуществляемое различными средствами информации, «социально-психологическое давление», осуществляемое различными группами, членами семьи, коллегами, сверстниками, обиденный человек ставит вопрос о введении «запрета» на непосредственные оценки внешнего облика, указывает на необходимость некой нормы как в конструировании внешнего облика, так и в его интерпретации. Вместе с этим, необходимо отметить то, что, несмотря на «социальное и социально-психологическое давление», большую роль в актуализации психологических проблем, связанных с внешним обликом, играет так называемая «новая субъектность», порожденная цифровым обществом.

Психологические проблемы, переживаемые в связи со своим внешним обликом, приводят к вторичным социально-психологическим эффектам: к безудержной центрации на своем и чужом внешнем облике; к выделению отдельных компонентов и элементов внешнего облика, которым приписывается статус дефекта; к противоречивым представлениям о своем внешнем облике, которые реализуют программу «Внешний облик для меня» и «Мой внешний облик для Других», к постоянному привлечению внимания Других к своему внешнему облику и навязывания им своего представления, своего взгляда на свой внешний облик.

Таким образом, страдания, переживания, связанные со своим внешним обликом, порой гиперкритическое отношение к нему ведет к «слому» социально-психологических связей,

отвлекает от друзей, семьи, работы, способствует избеганию тех ситуаций, тех профессий, в которых человек должен быть представлен Другим людям.

Библиографический список

1. Лабунская В.А. Отношение к внешнему облику, его ценность и значимость как факторы субъективного благополучия молодых людей // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 51-66.
2. Лабунская В.А. Самооценка, ценность, значимость внешнего облика в студенческой среде и удовлетворенность жизнью // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 4. С. 198-209.
3. Рамси Н., Харкорт Д. Психология внешности / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2009.
4. Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования: Коллективная монография / Под науч. ред. проф. В.А. Лабунской, доц. Г.В. Серикова, доц. Т.А. Шкурко. Ростов-на-Дону: Мини-Тайп, 2019.
5. Mulgrew K. E., Prichard I., Stalley N., Lim Megan S.C. Effectiveness of a multi-session positive self, appearance, and functionality program on women's body satisfaction and response to media // *Body Image*. 2019. № 31. P. 102-111.
6. Mulgrew K. E., Tiggemann M. Form or function: Does focusing on body functionality protect women from body dissatisfaction when viewing media images? // *Journal of Health Psychology*. 2018. № 23(1). P. 84-94.
7. Noser A., Zeigler-Hill V. Investing in the ideal: Does objectified body consciousness mediate the association between appearance contingent self-worth and appearance self-esteem in women? // *Body Image*. 2014. Vol. 11. P. 119-125.
8. The Oxford handbook of the psychology of appearance / Rumsey, N., & Harcourt, D. (Eds.). Oxford University Press, 2014. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199580521.001.0001>

Labunskaya V.A.
Southern Federal University
Rostov-on-Don

INTERPRETATION OF PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF THE INDIVIDUAL FROM THE STANDPOINT OF SOCIAL PSYCHOLOGY APPEARANCE

Abstract. This article emphasizes that the most important issue is the question of the role of active interpretive activity aimed at one's own and someone else's appearance. The article notes that the problem of accepting the diversity of appearance is part of the global problem of human acceptance of the diversity of being. It states that the problems of human existence in the world of visual culture are the foundation on which the expected psychological problems of a particular person are built. Psychological problems that arise in a person are accompanied by socio-psychological effects: "dispositional focus on appearance", a deep experience of the privileges of a person endowed with an attractive appearance; biases that lead to attributing the status of "defect" to individual components and elements of appearance, constantly attracting the attention of Others and imposing their own view of their appearance. In conclusion, it is stated: the suffering associated with appearance and a hyper-critical attitude towards it, leads to the "breakdown" of socio-psychological ties, distracts from friends, family, work, and helps to avoid those situations in which a person would be presented to Other people.

Keywords: social psychology, interpretation, psychological problems, appearance.

Funding: The reported study was funded by RSF, project number 17-18-01260.

УСТОЙЧИВЫЕ ПАРАМЕТРЫ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА КАК ОБЪЕКТ ЛУКИЗМА³⁴

Аннотация. В статье рассматривается проблема лукизма, те дискриминации по внешнему облику, когда основным объектом выступают устойчивые характеристики внешнего облика, такие как вес, рост, черты лица. В современных исследованиях довольно косвенно затрагиваются данные параметры дискриминации, в то время как сам факт дискриминации отражается в частушках (как наследие русского фольклора), дразнилках (как часть детского фольклора) и в современных онлайн-постах в различных социальных сетях, которые и проанализированы в данной работе.

Ключевые слова: устойчивые параметры внешнего облика, лукизм, буллинг, вес, внешний облик, дискриминация

Рассматривая «Я для другого», В.А. Лабунская [1] выделяет три группы характеристик внешнего облика: динамические (мимика, жесты, позы), среднеустойчивые (прическа, макияж, одежда) и устойчивые характеристики (вес, рост, черты лица). Каждая из этих групп характеристик может выступать пусковым механизмом лукизма, те дискриминации по внешнему облику, а также объектом вербального буллинга, который в свою очередь является частной формой проявления лукизма. Особенность устойчивых характеристик внешнего облика заключается в том, что они менее всего подвержены изменениям в единицу времени, при этом если вес можно изменить, то рост и черты лица изменить гораздо труднее, исходя из этого мы можем говорить о том, что это те характеристики внешнего облика, которые могут являться объектом дискриминации на достаточно длительный временной отрезок. Как отмечают А. Маццоне с коллегами [3], рассматривая проблему буллинга среди детей и подростков эмигрантов и не эмигрантов, ключевым триггером буллинга выступает привычка «судить о книге по обложке». Таким образом, авторы подчеркивают роль внешнего облика для категоризации другого, а также для проявления лукизма. Однако чаще в зарубежных исследованиях изучается проблема дискриминации, связанной с лишним весом человека (weightism, weight discrimination, weight bullying). Так Дж.Г. Рендалл с коллегами [4] отмечают, что проблемы, связанные с буллингом из-за веса, возникают еще в старшем дошкольном возрасте на уровне интеракций и формирования дружеских отношений. В более старшем возрасте, в развитых странах, лишний вес связывают с такими личностными характеристиками, как: слабый характер, отсутствие силы воли, лень.

Как отмечает А. Сутин с коллегами [5], люди с лишним весом чаще всего подвергаются как вербальной, так и невербальной дискриминации, при этом вербальная выступает в форме буллинга, а невербальная затрагивает различные жизненные ситуации от устройства на работу до обустроенности социальной среды. Стигматизация веса, по мнению авторов, является одним из самых стрессогенных факторов, который влияет на эмоциональное состояние, когнитивную сферу и затрагивает биохимические процессы. В результате их исследования

³⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-18-01260 «Социальная психология внешнего облика: функции, значимость, удовлетворенность, беспокойность, интерпретации в межличностном и внутригрупповом взаимодействии в молодежной среде».

было показано, что те респонденты, которые сталкивались с буллингом из-за своего веса, чаще набирают еще больший вес, «заедая» дискриминационные высказывания вредной едой (такой как фаст-фуд и продукты с высоким содержанием сахара). Также следует отметить, что все чаще в работах изучающих роль веса в процессах взаимодействия, возникает такой термин, как «шейминг», от английского shame – стыд. Так к шеймингу относят все высказывания, которые направлены на то, чтобы вызвать у человека чувство стыда из-за особенностей его внешнего облика. Одной из особенностей шейминга можно выделить такое явление, как прямое и косвенное обращение, особенно это можно увидеть в пространстве социальных сетей, являющихся отражением общих тенденций современного общества.

Для изучения особенности проявления лукизма по отношению к такому устойчивому параметру внешнего облика, как вес, мы проанализировали фольклорные тексты (частушки – как пример вербального буллинга), интернет посты (как образец прямого и косвенного кибербуллинга) и непосредственно опыт респондентов в ситуациях взаимодействия (шутки, прозвища, дразнилки, анекдоты).

Так, из 63 частушек, направленных на высмеивание различных параметров внешнего облика, мы выделили 13 частушек (20%), которые посвящены высмеиванию веса, при этом 2 из них высмеивают худобу («Проводила Коленьку За новую часовеньку. Покачала головой: Какой Коля стал худой»), а 11 акцентируют внимание на лишнем весе (например: «Ах, подруженька моя, Ты танцуешь – молодец! Ты танцуешь и трясешься, как у чашке холодец»; «Ты играй, играй, гармошка, Десятиладовая. У Сафрона есть жена Десятипудовая»). Интересно отметить, что частушки могут быть двух типов: первые направлены на высмеивание характеристик другого, а вторые отражают элемент самокритики. Примером самокритики могут служить частушки: «Говорят, что я тоскую, знаю – исстрадалася: Было сорок килограммов, шестьдесят осталось»; «Редко, редко, милый, ходишь, редко, редко, дорогой. Ты меня, девчонку, высушил, и сам такой худой». Таким образом, мы можем говорить о том, что в русской традиции высмеивался как слишком высокий вес, так и низкая масса тела, однако важно отметить, что эти параметры субъективны и ни в каких текстах не приводятся данные, какие параметры должны считаться нормой.

Мы также проанализировали юмористические посты в социальной сети «ВКонтакте», которые визуализируют шутки про внешний облик, переводя вербальный буллинг в пространство интернет-взаимодействия (кибербуллинг). Из 66 постов, высмеивающих различные параметры внешнего облика, 57 (около 88%) посвящены весу, при этом 51 шутка указывают на лишний вес («Все просто: если у вас что-то трясется, значит оно жирное»; «Вся жизнь – это дворовой футбол, а ты толстый мальчик, которого всегда ставят на ворота»), 2 посвящены недостаточному весу («А почему тебе худые девушки не нравятся? – Я на досках и в гробу посплю»; «Ты худая, потому что змеи не толстеют») и две включают также параметр лица («Ты когда искренне улыбаешься, у тебя глаз не видно за щеками»; «Сейчас в моде скулы. Но я за модой не гонюсь»). Особенность этих постов в том, что они являются обезличенными и на первый взгляд лишь косвенно могут оцениваться как проявление лукизма, однако мы предложили их оценить 50 респондентам (25 женщин и 25 мужчин в возрасте от 20 до 45 лет) с позиции, считают ли они эти шутки обидными и стали бы они пересылать их знакомым людям с лишним весом. Интересно отметить, что 80% респондентов отметили, что не считают шутку оскорбительной или обидной, но 90% не стали бы пересылать эти посты друзьям с лишним весом. Такие ответы могут указывать на то, что на уровне обезличенных шуток они не являются дискриминационными, однако, когда мы отправляем ее

кому-либо, мы переводим ее на новый уровень, и она становится по сути визуализацией вербального буллинга и шейминга.

Отдельно хотелось бы выделить такой феномен, как «прозвища» и «дразнилки». Так, Е.С. Набойченко [2] отмечает, что дразнилки, дразнение – это выработанные социокультурные механизмы стигматизации людей с атипичной анатомо-физиологической организацией. И несмотря на то, что данное поведение не одобряется обществом, они продолжают транслироваться из поколения в поколение в детской субкультуре; никто из родителей не учит своих детей обзывать сверстников «очкариками» и т. д., но каждое новое поколение детей знает такие слова и не так уж редко ими пользуется, даже при посторонних.

Для изучения современного взгляда на «детский фольклор», к которому относят дразнилки, мы опросили 100 человек (от 18 до 50 лет) с просьбой вспомнить и перечислить дразнилки, связанные с внешним обликом человека, которые они слышали как в свой адрес, так и в адрес других людей. Важно отметить, что дразнилки относят к «детским фольклорным текстам» и отмечается, что дразнилки передаются от одной группы детей к другой, при этом дети являются «целостным социальным организмом». Было названо 244 дразнилки, а также приведены в пример ряд анекдотов, которые мы разделили на те же группы, что и частушки. Так описывающих вес было выделено около 32% дразнилок (из них 80% описывающих полноту: самка гиппопотама, жиробас, корова; и 20% дразнилок, которые описывают чрезмерную удобу: глиста в скафандре, селедка, дрыщ).

Отдельно можно выделить анекдоты, которые респонденты также приводили в пример как «дразнилки», по описанию респондентов, они их внесли в список дразнилок, поскольку слышали, как их рассказывали в компании, и они вызывали негативные эмоции у людей с лишним весом. Так, были приведены следующие анекдоты: «Девушка спрашивает парня: – А ты будешь меня любить, когда я потолстею? – Я уже»; «Толстая девочка не мыла руки после еды, потому что они все равно оставались жирными»; «Чем ходить в тренажёрный зал, проще найти толстых друзей»; «Добрые люди всегда толстые. Им просто некому отдать ужин»; «Толстые люди добрые, потому что не могут сильно ударить и быстро убежать»; «Нет толстых людей, есть только те, которым просто не хватает роста – метра два-три». Можно отметить, что эти анекдоты / шутки вполне могут быть и образцами кибербуллинга, поскольку являются короткими высказываниями, высмеивающими внешний облик.

В целом мы можем говорить о том, что вес, являясь устойчивым параметром внешнего облика, является одним из основных параметров внешнего облика, который исторически подвергался дискриминации. Важно также подчеркнуть, что респонденты воспринимают болезненно данные шутки и считают недопустимым их распространение, однако в качестве обезличенных воспринимают такие шутки более позитивно. Таким образом, пока эта шутка не обращена к конкретному человеку с отличающимся внешним обликом (в нашем случае – по весу), шутки про лишний вес воспринимаются более позитивно и не оцениваются как проявление дискриминации, в то же время те же шутки, направленные на конкретного человека, оцениваются как проявление лукизма большинством респондентов. В дальнейшем мы планируем провести опрос среди школьников, чтобы показать, что лукизм не имеет возрастных границ, и хотя взрослые осуждают дискриминационное поведение, в детской среде оно также присутствует. Также мы планируем рассмотреть примеры вербального буллинга (частушки, анекдоты, дразнилки, посты в социальных сетях), поделив их по трем группам характеристик внешнего облика, выделенным В.А. Лабунской [1].

Библиографический список

1. Лабунская В.А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. Ростов н/Д: Феникс, 2009.
2. Набойченко Е.С. Внутренние и внешние детерминанты, влияющие на стигматизацию личности с атипичными особенностями внешности // Журнал научных статей Здоровье и образование в XXI веке. 2015. Т. 17. № 1. С. 72-76.
3. Mazzone A., Thornberg R., Stefanelli S., Cadei L., Caravita S. "Judging by the cover": A grounded theory study of bullying towards same-country and immigrant peers Children and Youth Services Review. 2018. № 91. P. 403-412.
4. Randall J.G., Zimmer C.U., Ridgway O'Brien K., Trump-Steele R.C.E., Villado A.J., Hebl M.R. Weight discrimination in helping behavior. Revue europeenne de psychologie appliquee. 2017. № 67. P. 125-137.
5. Sutin A., Robinson E. Daly M., Terraciano A. Weight discrimination and unhealthy eating-related behavior. Appetite. 2016. № 102. P. 83-89.

Pogontseva D.V.
Southern Federal University
Rostov-on-Don

STABLE APPEARANCE PARAMETERS AS AN OBJECT OF LOOKISM

Abstract. The article deals with the problem of lookism, discrimination based on appearance, when the main object is stable characteristics of appearance, such as weight, height, and facial features. Modern research quite indirectly affects these parameters of discrimination, while the fact of discrimination is reflected in ditties (as a legacy of Russian folklore), teasers (as part of children's folklore) and in modern online posts in various social networks, which are analyzed in this work.

Keywords: sustainable options of the external appearance, lookism, bullying, weight, appearance, discrimination.

Funding: The reported study was funded by RSF, project number 17-18-01260.

Сериков Геннадий Витальевич
Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону
gvserikov@sfedu.ru
Дроздова Ирина Ивановна
Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону
iidrozdova@sfedu.ru

ПРОБЛЕМА ИНТОЛЕРАНТНОСТИ К ОЦЕНКАМ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА: ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ К ПРАКТИКЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ³⁵

Аннотация. Статья посвящена феномену возрастающей в настоящее время ценности и значимости привлекательного внешнего облика (ВО), что в случае высокой чувствительности к его негативным оценкам и самооценкам может приводить субъектов к неприятным эмоциональным переживаниям или к патологическому пищевому поведению и неврозам. В связи с этим авторы анализируют некоторые теоретические представления о процессах восприятия и самовосприятия ВО и потенциальных возможностях коррекции его самооценки и повышения толерантности к его оценкам другими в практике психологической помощи. Это: 1) современная версия теории социального сравнения (Л. Фестингер); 2) теория внутриличностного расхождения (Э.Т. Хиггинс); 3) теория стремления к превосходству (А. Адлер) в интерпретации А.И. Розова. Рассматриваются также варианты практической работы с проблемой коррекции оценки и самооценки ВО в когнитивной и поведенческой психотерапии.

Ключевые слова: привлекательный внешний облик, психологическая помощь, коррекция, самооценка, толерантность к оценкам

Разработка проблем, связанных с восприятием и оценкой/самооценкой внешнего облика (ВО), отношением к нему достаточно актуальна в современной российской социокультурной ситуации, характеризующейся размыванием коллективистических ценностей, заменой их на индивидуалистические, появлением у людей финансовых возможностей преобразования своего ВО и повышения его аттрактивности, а также возрастанием ценности и значимости привлекательного ВО в межличностном общении и карьерных достижениях под влиянием интенсивной демонстрации в СМИ роликах неких «стандартов», «идеалов внешности», к которым надо стремиться [2; 3; 4; 6; 8].

В связи с этим актуальность приобретает постановка проблемы повышения (формирования) толерантности к оценкам ВО, коррекции самооценки и самоотношения к нему. При этом необходимо прояснить следующие моменты: 1) в какой степени возможно повышение толерантности субъекта к оценкам другими людьми ВО, а также и коррекция его самооценки ВО; 2) какие компенсаторные, защитные механизмы, копинг-стратегии применяет в норме сам субъект, организуя свою жизнь и взаимодействие с другими людьми, каким способом он пользуется для снижения значимости ВО в своей системе ценностей; 3) какие теоретические представления могут быть основой для практики психологической коррекции,

³⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-18-01260 «Социальная психология внешнего облика: функции, значимость, удовлетворенность, обеспокоенность, интерпретации в межличностном и внутригрупповом взаимодействии в молодежной среде».

психотерапевтической помощи, в тех случаях, когда применяемые субъектом собственные копинг-стратегии оказываются недостаточно эффективными; 4) какие конкретные методы, техники могут быть предложены для работы с проблемой толерантного отношения к оценкам ВО в групповом социально-психологическом тренинге (здесь возникает задача разработки СПТ, определения критериев его эффективности, способов диагностики изменений и т. п.).

В данном коротком сообщении мы лишь эскизно коснемся теоретических представлений о процессах восприятия и самовосприятия ВО и основанных на них потенциальных возможностях коррекции его самооценки, повышения толерантности к оценкам ВО другими людьми.

Психологические «механизмы», обуславливающие возникновение «проблемного отношения» к своему ВО, рассматриваются в современных вариантах теории социального сравнения Л. Фестингера [9; 11]. В ней постулируется наличие двух направлений сравнения: при *восходящем сравнении* (ВС) субъект сравнивает себя (те или иные параметры своего тела) с тем(и), кто превосходит его по выбранному показателю, а при *нисходящем сравнении* (НС) – с тем(и), кто уступает ему в этом отношении. В результате, если сравнение оказывается не в пользу субъекта (обычно, это происходит при ВС), то страдает его самооценка, что же касается НС – то оно, как правило, ее повышает. При этом ВС своего тела с телом идеализированной СМИ персоны, с носителем доминирующего в социуме стандарта привлекательности может происходить автоматически, даже в том случае, когда человек не желает этого. В теории социального сравнения предлагаются следующие потенциальные возможности коррекции, которые может сознательно осуществлять сам индивид, стремящийся сохранить положительный образ себя: 1) «устранение» последствий ВС за счет НС, но по другим показателям (к примеру, «чувство юмора», «интеллектуальные способности»); 2) сравнение может быть «отклонено» в том случае, если субъект придет к выводу о недостаточном сходстве между собой и другим; 3) восходящее сравнение с (какой-нибудь моделью) может не приводить к негативным эффектам, если, подставляя себя на ее (его) место, человек фантазирует о том, как хорошо ему (или ей) было бы, если бы он (а) был (а) таким (ой) же.

В теории внутриличностного расхождения Т. Хиггинса [10; 12] предполагается наличие у индивида нескольких «Я»: *актуальное* или фактическое; *идеальное* – представления о том, каким он хотел бы быть (оно может быть задано нереалистичными стандартами ВО, демонстрируемыми в СМИ, модных журналах, «подкрепляющих» у читателей и зрителей связь привлекательного ВО и жизненных успехов и убеждающих в достижимости рекламируемых стандартов); *обязательное* – это представления о том, кем человек должен быть, чем он должен обладать, сформированное на основе родительских ожиданий. Время от времени субъект сравнивает эти «Я» между собой и, в зависимости от результатов такого сравнения у человека могут проявляться неблагоприятные эмоциональные и поведенческие последствия: стыд, повышенный страх в отношении негативных оценок других людей, возрастание депрессивных реакций, снижение самооценки и т. п. (Исследователи утверждают, что у студентов, молодежи наиболее высок риск возникновения подобных проблем). На основе данной теории предлагаются следующие, направленные на психологическое благополучие людей, меры вмешательства и профилактики: 1) коррекция актуального, фактического «Я» (работа по устранению искажений при восприятии своего тела); 2) коррекция идеальных представлений о ВО за счет демонстрации более разнообразных и реалистичных его образов; 3) снижение значимости расхождений, связанных с телом, фокусировка на других аспектах себя.

Рассмотренные нами теории, дополняя друг друга, дают представление о том, как разворачивается процесс, нередко приводящий субъекта к негативным эмоциональным переживаниям или к патологическому пищевому поведению. В основе его лежит механизм *рассогласования*. При этом *внутреннее* в субъекте (образы «Я», их рассогласование-расхождение, проявляющееся в результате социального сравнения на когнитивном и эмоциональном уровнях) актуализирует потребность в устранении данного рассогласования и порождает как внутренние механизмы компенсации, коррекции, так и *внешние* – поведение, направленное на улучшение своего ВО, приведение его в соответствие с идеалами и «стандартами».

Объяснить мотивационные аспекты, описываемые в данных теориях, и, в целом, природу рассматриваемого нами явления может, по всей видимости, *стремление к превосходству (СКП)* (как одно из основных влечений человека) в трактовке А.И. Розова [5]. Его понимание существенным образом дополняет и по-новому интерпретирует взгляды психоаналитика А. Адлера. А.И. Розов рассматривает СКП как общечеловеческое влечение, обладающее «фундаментальной мотивационной силой»; как мотивы, имеющие «глубокие биологические корни», которые, с точки зрения теории Ч. Дарвина «выражают тенденции особого порядка – иметь перевес (преимущества) перед особями своего вида» [5, с. 134-135]. СКП, по мнению автора, может объяснить множество существующих в социуме явлений (как положительных, так и негативных), поскольку превосходство всегда связано с привилегиями. (Привлекательный ВО, как было показано во множестве исследований, см., например, их краткое перечисление-обзор в [6], часто помогает их получить). А.И. Розов считает, что унижающее, оскорбительное поведение людей по отношению друг к другу, насмешки над их ВО также основаны на желании ощутить свое превосходство, возвыситься в собственных глазах, а оборотной стороной СКП является зависть к тому, кто этим превосходством обладает. Автор утверждает, что уровень притязаний вовсе не является изначальной личностной характеристикой, но производной от СКП, «вторичным образованием, в основе которого лежит *согласование* стремления к превосходству с реальными возможностями человека» [5, с. 140]. Какие же практические рекомендации дает А.И. Розов? По его мнению, сам факт осознания индивидом существования подобного влечения может сделать его управляемым, подчинить волевому контролю. (То есть, применительно к теме нашей статьи, может стать фактором, который поможет субъекту быть более толерантным в противостоянии негативным оценкам характеристик его ВО).

Избегая, ранее упомянутых поведенческих последствий рассогласования (стыд, страх-опасение негативных оценок со стороны других и т. п.), люди, считающие свой ВО недостаточно привлекательным, становятся в большей степени ориентированными на оценки-подтверждения (или же опровержения) установившегося у них представления о своей внешности. Такого рода установка отражается на их поведении, делая его менее уверенным, отчужденным, «защищающимся» (опущенная голова, взгляд вниз и т. п.). Можно предположить, что его коррекция возможна с помощью техник поведенческой психотерапии, позволяющих через *внешнее* «прийти» к *внутреннему* и чувствовать себя более уверенно. В отличие от лиц, обеспокоенных своим ВО, и ищущим подтверждения оснований для своего беспокойства, интерпретируя взгляды и реакции других людей, люди с привлекательным ВО, постоянно подвергающиеся пристальному рассматриванию, выработали поведенческую стратегию презентации себя, которую можно было бы обозначить, пользуясь театральным термином «публичное одиночество». (Как если бы человек находился наедине с самим собой, не замечая при этом сотен глаз зрителей, устремленных на него. И. Гофман [1] описывает

подобную поведенческую стратегию, цитируя литературное произведение, в котором человек, находясь на заполненном людьми пляже, старается ни с кем не встретиться взглядом, дает понять, что он ни в ком не заинтересован, смотрит сквозь людей, мимо них, в пространство).

Подытоживая наше краткое рассмотрение проблемы, следует отметить, что помимо поведенческой психотерапии отдельные техники и процедуры психодрамы, подходы когнитивной психотерапии по устранению искажений в мышлении и негативных интерпретаций (так, в соответствии с этой теорией [7] человек может испытывать чувство безнадежности в результате негативной интерпретации-оценки своей физической привлекательности), работа с иррациональными убеждениями в РЭТ (А. Эллис) – также могут быть ценными источниками для создания программы СПТ, нацеленного на исследование и смягчения проблем, связанных с ВО: интолерантности к его оценкам другими; коррекции у субъекта самооценки ВО.

Библиографический список

1. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000.
2. Лабунская В.А. Внешний облик человека в контексте психологии социального познания и социально-перцептивного подхода // Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования: Коллективная монография / Под ред. В.А. Лабунской, Г.В. Серикова, Т.А. Шкурко. Ростов-на-Дону: Мини-Тайп, 2019. С. 13-40.
3. Лабунская В.А., Дроздова И.И. Теоретико-эмпирический анализ влияния социокультурных и социально-психологических факторов на оценки и самооценки молодых людей внешнего облика // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 2. С. 202-226.
4. Лабунская В.А., Сериков Г.В. Теоретические основы и методические подходы к изучению феномена «ценность внешнего облика // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 91-103.
5. Розов А.И. Стремление к превосходству как одно из основных влечений // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 6. С. 134-141.
6. Сериков Г.В. Социально-психологические механизмы и социокультурные факторы, обуславливающие отношение человека к своему внешнему облику как к личностной проблеме // Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования: Коллективная монография / Под ред. В.А. Лабунской, Г.В. Серикова, Т.А. Шкурко. Ростов-на-Дону: Мини-Тайп, 2019. С. 293-308.
7. Aggrey G.B., Anakwah N., Sarfo J.O. 'Unattractive, So Hopeless?' Feelings of Physical Unattractiveness and Hopelessness among Senior High Students // European Researcher. Series A. 2016. Vol. 110. Is. 9. P. 500-507.
8. Cash E.T. et al. Encyclopedia of Body Image and Human Appearance / Published by Elsevier Inc. 2012. Vol. (1, 2).
9. Halliwell E. Social Comparison Theory and Body Image // Encyclopedia of Body Image and Human Appearance. Published by Elsevier Inc. 2012. Vol. 2. Pp. 750-757.
10. Higgins E.T. Self-discrepancy: A theory relating Self and affect // Psychological Review. 1987. Vol. 94. № 3. P. 319-340.
11. Myers T.A. and Crothers J.H. Social Comparison as Predictor of Body dissatisfaction. A Meta-Analytic Review // Journal of abnormal psychology. 2009. Vol. 118. № 4. P. 683-698.
12. Vartanian L.R. Self-Discrepancy Theory and Body Image // Encyclopedia of Body Image and Human Appearance. Published by Elsevier Inc. 2012. Vol. 2. P. 711-717.

Serikov G.V.
Southern Federal University
Rostov-on-Don
Drozdova I.I.
Southern Federal University
Rostov-on-Don

**THE PROBLEM OF TOLERANCE TO PHYSICAL APPEARANCE
ASSESSMENTS: FROM THEORETICAL INTERPRETATIONS
TO THE PRACTICE OF PSYCHOLOGICAL HELP**

Abstract. This article is devoted to the phenomenon of the value and significance of attractive physical appearance (PA) increasing at the present time, which in case of high sensibility to negative assessments and self-assessment of it, can lead subjects to unpleasant emotional experiences or to pathological eating behaviors and neuroses. In this regard, some theoretical ideas about the processes of perception and self-perception of PA and the potential opportunities to correct its self-esteem and to increase tolerance to its assessments by others in the practice of psychological help are analyzed by the authors. They are: 1) the modern version of the Social Comparison Theory (L. Festinger); 2) the *Self-Discrepancy Theory* (E.T. Higgins); 3) the theory of Striving for Superiority (A. Adler) in interpretation of A.I. Rozov. Variants of practical work with the problem of PA assessment and self-assessment correction in cognitive and behavioral psychotherapies are also discussed.

Keywords: attractive physical appearance, psychological help, correction, self-esteem, tolerance to assessments.

Funding: The reported study was funded by RSF, project number 17-18-01260.

ЗДОРОВЬЕ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

Вержибок Галина Владиславовна
БИП-Институт правоведения
Минск, Беларусь
galina_minsk@mail.ru

ЗДОРОВЬЕ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. В статье раскрывается одна из актуальных проблем современного мира – здоровье, которое в условиях ускорения рисков выступает глобальной ценностью жизни каждого индивида. Политика «здоровье для всех» ВОЗ основывается на ценности здоровья как основополагающего права человека, расширении индивидуальных и коллективных прав и возможностей, участии в укреплении здоровья отдельных лиц, групп, учреждений и организаций. На примере Беларуси раскрываются конкретные антикризисные меры в условиях обострения эпидемиологической ситуации в мире.

Ключевые слова: здоровье, риски, человеческий капитал, ресурсы, адаптационный потенциал, ценность жизни, пандемия, коронавирус.

В современном мире сегодня повсеместно отмечается возрастание рисков, их разнообразие предполагает поливариантность выбора стратегий преодоления ситуационных трудностей, изменяя и содержание адаптационных процессов. Достижение успешности деятельности субъекта связывается в этом плане с наличием определенного капитала (культурного, социального, трудового, интеллектуального, и др.) у человека, его социальными и личностными (внешними и внутренними) ресурсами. Ресурсы есть условия, по мнению В.Т. Воронина (2000), необходимые для реализации каких-либо процессов, под которыми понимаются любые изменения, движение или развитие. Однако ресурсы могут выступать также и как средства осуществления, совокупность возможностей, определенные личностные свойства, которые имеются в наличии. Именно индивидуальные особенности и ресурсы, включенные в личностный капитал, считаются ключевыми факторами, определяющие поведение человека.

Актуализация субъектом тех или иных социальных ресурсов, составляющих их адаптационный потенциал (В.А. Ядов, 2001), связывается с уточнением биологической выживаемости и психической целостности (экология человека, медицина катастроф), выявлением эффективных способов действия и стратегий достижения статуса безопасности (социологический подход), обоснованием связи социально-психологической адаптации и личностных установок на риск (психологический подход), снижения вероятности возникновения неблагоприятного результата и минимизация возможных потерь при принятии управленческих решений (риск-менеджмент). Процесс адаптации может быть направлен либо на избежание неопределенности неблагоприятных событий, либо на вынужденное приспособление социальных субъектов (общности) к рискам. Одними из критериев адаптационного потенциала выступает готовность индивида к риску и состояние его здоровья [4, с. 26, 28, 29].

Изменение окружающей среды и снижение экологической устойчивости, увеличение плотности и миграционная активность населения, как и иные другие факторы, провоцируют появление разного рода инфекций. Как чрезвычайная ситуация международного значения по COVID-19 («coronavirus disease») остро поставила вопрос не только о защите от нее, но и

обострила проблему отношения к своему здоровью в разновозрастных группах. Являясь значимым событием для практического большинства людей, это явление вбирает в себя разные стороны.

Пандемия как угроза и риск здоровью и жизни человека является серьезно обсуждаемой темой на разных уровнях – государственном, социальном, индивидуальном. Тематика обсуждений, в основном, касается либо вопросов самосохранного поведения, либо прогноза последствий планетарного масштаба. Осознание всей возможной опасности сформировало высокий уровень стресса среди населения, что потребовало от людей изменения стандартных форм поведения. Многие страны оперативно приняли пакеты антикризисных мер, однако практически только в Швеции и в Беларуси меры по введению запретов и карантина были минимизированы, что способствовало снижению паники. При этом, эти страны находятся, по информации распространения коронавируса в мире, находятся на 24 и 23 местах, соответственно (по количеству зараженных лидируют США, Бразилия, Россия).

В Беларуси населению предоставляется оперативная информация по эпидемиологической ситуации в стране, в учреждениях и организациях введены правила самоконтроля и социального дистанцирования. Министерством здравоохранения страны разработаны рекомендации по соблюдению мер предосторожности на рабочих местах, для пожилых людей; созданы памятки для пациентов, работников сферы социального обслуживания и почтовых отделений, волонтеров; представлены инструкция по режиму и поведению граждан, находящихся на самоизоляции и др. Всем медицинским работникам оказывается разноплановое содействие, им выделяется финансовая помощь, действует служба психологической поддержки. В стране проявляется разнонаправленное волонтерское движение, инициируется помощь пожилым и одиноким людям по месту проживания, проводятся акции по сбору денег (Красный Крест, платформа «Имена»), открыты благотворительные счета и пр. Также были приглашены представители ВОЗ для консультаций и уточнения статистики, т. к. государственные системы, как и в других странах, не всегда могли мобильно отреагировать на эти риски.

Особую важность имеет стратегическое внимание к обеспечению здоровых условий жизни для подрастающего поколения (коллективное самообразование среди сверстников – “равный равному”, программы медико-санитарной грамотности) и для пожилых людей (инициативы в поддержку активной и здоровой старости) [1, с. 4, 9, 15]. Для сохранения их здоровья организованы дополнительный медицинский и санитарный контроль за детьми и персоналом школ, многие вузы переведены на работу в удаленном режиме. Такое положение позволило не только освоить новые технологии дистанционного обучения, но и выйти на новый этап развития системы образования. Становятся все более востребованными новые способы реагирования и управления ситуациями для снижения последствий неблагоприятного воздействия, достижения благоприятности пространства и безопасного самосуществования.

Социокультурные факторы XXI века выдвигают на ведущее место в оценке здоровья социальную составляющую, недооценка этой тенденции на индивидуальном и социальном уровнях приводит к «обесцениванию здоровья» [3, с. 10]. Понимание системных проблем, негативно влияющих на физическое и психологическое здоровье, позволит обеспечить его сохранение и укрепление. В таких критических ситуациях происходит переоценка ценностей, возникает необходимость разрешать эти проблемы и рассматривать повышение качества жизни людей на ином уровне. Центральной становится глобализация проблемы здоровья и выдвигается идея ценности самой жизни. Идеи эти ранее были раскрыты в базовых документах страны:

- Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь на 2016-2020 годы» (пост. СМ РБ № 200 от 14.03.16), в т. ч., цели конкретизированы и раскрыты в подпрограмме 2 «Государственная программа профилактики, борьбы и контроля неинфекционных заболеваний на 2015-2020 годы»;
- Концепция реализации государственной политики формирования здорового образа жизни населения Республики Беларусь на период до 2020 года (пр. МЗ РБ № 335 от 31.03.11);
- Приоритетные направления научных исследований Республики Беларусь на 2016-2020 годы (пост. СМ РБ № 190 от 12.03.15), где главная линия отражена в п. 13. Безопасность человека, общества и государства;
- Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года (2015), где подчеркиваются цели и приоритеты социальной политики государства: повышение стандартов жизни человека, обеспечение благоприятной окружающей среды, качественное воспроизводство человеческого потенциала и эффективное его использование в долгосрочной перспективе.

Содержание означенных документов направлено на организацию совместных действий государственных органов и организаций по укреплению здоровья, снижению смертности населения, мониторингу факторов риска и разработке системы управления ими, обеспечению доступности и качества услуг образования и здравоохранения. Акцентируется проведение информационной кампании среди населения (рекламные мероприятия, образовательные акции, проекты) в целях популяризации активных форм досуга, развитию степени осознанности и ответственности за свое здоровье, формирования мотивации к здоровому образу жизни и культуре здоровья, повышения осведомленности по вопросам психического здоровья и самосохранительного поведения. Обозначены приоритеты профилактической деятельности и ответственности за сохранение и укрепление здоровья на национальном и региональном, индивидуальном уровнях.

Степень относительности здоровья конкретного общества ограничена определенными пределами: объективностью функций здоровья, его зависимостью от исторической эпохи, соотношением с другими ценностями, психической организацией человека. Тенденция в динамике значимости составляющих здоровья такова: от физического через духовное к социальному [3, с. 12-13].

Общая цель создания новой политики «Здоровье-2020» – это значительно улучшить здоровье и повысить уровень благополучия населения, сократить неравенства в отношении здоровья, укрепить охрану общественного здоровья и обеспечить наличие универсальных, социально справедливых, устойчивых и высококачественных систем здравоохранения, ориентированных на человека [1, с. 1]. Здоровье трактуется целостно и предлагается рассматривать его в двух аспектах – как баланс здоровья (динамическое равновесие между организмом человека и окружающей средой, стабильная связь человека с окружающим внешним миром) и потенциал здоровья (ресурсы человека, индивидуальная способность противостоять влияниям окружающей среды, угрожающим балансу здоровья). Одна постоянная цель заключается в достижении полной реализации всеми людьми их «потенциала здоровья», две других раскрываются через укрепление и охрану здоровья людей на протяжении всей их жизни; снижение распространенности и уменьшение страданий, вызываемых основными болезнями, травмами и увечьями [2, с. 8-9]. Совместная работа различных секторов направлена на решение двух взаимосвязанных стратегических задач: улучшение здоровья для всех и сокращение неравенств по показателям здоровья; совершенствование лидерства и коллективного руководства в интересах здоровья [1, с. 4].

В настоящее время накоплен значительный опыт исследования в области здоровья как ценности и ресурса (В.А. Ананьев, Т.В. Белинская, И.В. Журавлева, Г.С. Никифоров и др.), его оценки в разных странах и в разные исторические периоды (E. Lahelma, S. Arber, 2001; S. Wamala, G. Agren, 2002 и др.), здорового образа жизни, здоровьесберегающих технологий (М.Ю. Горохова, С.А. Маничев, Л.Н. Овчинникова, Р.Н. Терехина, И.А. Чернов и др.), культуры здоровья (А.М. Лощаков, Н.Н. Малярчук, Е.Л. Семенова, М.В. Хватова и др.). Один из центральных, но пока еще очень слабо разработанных вопросов, это отношение к здоровью, где поиск ответа сводится, в сущности, к одному: как добиться того, чтобы здоровье стало ведущей, органичной потребностью человека на всем протяжении его жизненного пути. Важным источником поддержки является развитие связей с новыми типами партнерств в интересах здоровья, предоставление людям возможностей его контролировать, способствуя развитию сообществ и повышению их качества жизни [1, с. 4, 15].

Поставленные задачи должны стать своего рода эталоном, мерилom оценки хода работы и достижений по улучшению и охране здоровья и уменьшению факторов риска для здоровья [2, с. 9]. Это выступает взаимовыгодным решением в сохранении условий успешной жизнедеятельности личности, утверждении как базового трудового ресурса, создания резервов устойчивости разных социальных групп, что является экономически эффективным для стабильного развития общества и государства. Такой системно-комплексный анализ позволяет осмыслить проблему здоровья именно как универсальный феномен человеческой культуры, значение которого остается непреходящим в любую эпоху и время.

Библиографический список

1. Здоровье-2020: Основы Европейской политики в поддержку действий всего государства и общества в интересах здоровья и благополучия. Европ. регион. комитет, 62 сессия. Мальта, 10-13 сент. 2012 г. (ВОЗ. Европ. регион. бюро).
2. Здоровье-21: Основы политики достижения здоровья для всех в Европейском регионе ВОЗ: введение / Пер. с англ. М. Хусаинов. Копенгаген, 1998. (ВОЗ. Европ. серия «Здоровья для всех», № 5).
3. Ларионова И.С. Здоровье как социальная ценность: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 2004.
4. Мозговая А.В. Социальные ресурсы и адаптация к риску: выбор стратегии (на примере социальной общности в ситуации конкретного риска) // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4 (8). С. 25-49.

Verzhybok H. V.

Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus

HEALTH AS A GLOBAL VALUE OF LIFE IN A PANDEMIC

Abstract. The article reveals one of the most pressing problems of the modern world – health, which is a global value of each individual's life in the conditions of accelerated risks. Who's health for all policy is based on the value of health as a fundamental human right, the empowerment of individuals and groups, and the participation of individuals, groups, institutions and organizations in promoting health. Using the example of Belarus, specific anti-crisis measures are revealed in the context of the worsening epidemiological situation in the world.

Keywords: health, risks, human capital, resources, adaptive potential, value of life, pandemic, coronavirus.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ³⁶

Аннотация. В статье рассматривается влияние пандемии коронавируса COVID-19 на трансформацию идентичности личности. Аргументируется тезис о том, что в условиях непосредственного риска интегрирующим все человечество явился глобальный уровень идентичности. Глобальная идентичность определяется как один из важнейших уровней личностной идентичности, создающей чувство тождественности индивида с человеческим сообществом. Ключевым содержанием данного уровня идентичности выступает осознание причастности к общечеловеческим идеям и ценностям, а также осознание принадлежности к человечеству в целом. Глобальная идентичность, измененная пандемией, явилась одним из механизмов преодоления непосредственного риска и неопределенности, когда мир вступил в планетарный кризис, связанный с выживанием человека. Делается вывод о том, что формирование глобального уровня идентичности не отрицает наличия у личности иных уровней идентичности.

Ключевые слова: многоуровневая идентичность, глобальная идентичность, пандемия коронавируса COVID-19, трансформация идентичности.

На фоне всеобъемлющих стремлений всего человечества по выживанию перед лицом коронавируса все интенсивнее доносятся предостережения о вступлении мирового сообщества в новый миропорядок – с видоизменяющимся политическим и экономическим укладом и новыми социокультурными трендами. К их числу следует отнести кризис идентичности личности.

В текущий исторический момент структура идентичности личности подверглась размыванию, теряет свою гомогенность, устойчивость и цельность. Более того, содержательное наполнение тех или иных ее составляющих постоянно модифицируется. Преобразование принципов самоидентификации ведет к изменению идентичности всего человечества, тенденция к ее усложнению привела к распространению практики многоуровневой идентичности. Сегодня разные уровни идентичности (этническая, региональная, территориальная, гражданская, национальная, религиозная/конфессиональная, социокультурная, профессиональная и иные) обозначились как идентичности «второго порядка». Также оказались размыты границы между носителями разных идентичностей. Это стало следствием стремительно развивающейся глобальной угрозы пандемии коронавируса, перед которой практически весь мир оказался бессилён. В этих условиях интегрирующим все человечество явился глобальный уровень идентичности, характеризующийся отождествлением себя с человечеством в целом.

В этой связи назрела острая потребность и необходимость в осмыслении особенностей трансформации идентичности личности, которая особенно остро высветилась в условиях кризисной ситуации, связанной с пандемией COVID-19. В первую очередь подчеркнем, что

³⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31523.

в современных социальных и гуманитарных науках практически отсутствуют фундаментальные труды, в которых анализируется влияние пандемии коронавируса на идентичность личности.

По нашему представлению, сложившийся коронакризис приведет к усилению фактора глобальной идентичности в системе нового миропорядка. Также ускорит процессы создания новых образцов глобальной идентичности и трансформацию сложившихся, которая выявляет динамическую взаимосвязь процессов самоопределения личности в условиях неопределенности. Трансформируясь, многоуровневая идентичность превращает индивидуальное «я» в единое «мы».

В данном контексте рассмотрим сущность глобальной идентичности, порожденной процессами глобализации. Данная категория введена в научный оборот сравнительно недавно и описывает идентификацию личности со всем человечеством в целом. В последние годы российскими учеными предприняты усилия по концептуализации глобальной идентичности в качестве научной категории. В современной российской социогуманитарной науке существуют различные подходы к определению анализируемого феномена. Значительным опытом анализа глобальной идентичности являются труды Т.А. Нестика, который определяет ее как отождествление личностью себя с человечеством [1, с. 147]. Автор справедливо полагает, что глобальная идентификация связана с позитивными установками личности в отношении окружающего мира, является одним из механизмов конструктивного совладания с изменениями и неопределенностью. На выраженность глобальной идентичности влияют интенсивность международных контактов, озабоченность глобальными рисками, уровень социального доверия, характеристики временной перспективы, убеждение личности в способности влиять на свое будущее. Глобальная идентификация не противоречит патриотизму: переживание личностью своей принадлежности к россиянам и гордость за свою страну являются предикторами готовности отождествлять себя с человечеством [1, с. 168].

Другие авторы рассматривают глобальную идентичность в контексте дополнения и существенного преобразования системы прежних (локальных) идентичностей. По мнению В.Н. Финогентова, дополнение системы «прежних» идентичностей соответствующего субъекта и состоит в формировании у этой системы нового, в определенном смысле высшего, уровня идентичности – уровня глобальной (планетарной, общечеловеческой) идентичности [2, с. 45].

Данный феномен рассматривается также посредством категории «космополитическая идентичность». Так, для обозначения наличия общечеловеческих интересов и ценностей, которые обладают приоритетом перед всеми партикулярными, Л.А. Фадеева использует понятие космополитической идентичности [3, с. 251].

Анализируя возможные последствия пандемии коронакризиса для европейской идентичности, Р.Н. Лункин вводит понятие «коронаидентичность» (вслед за понятием «коронакризис») [4]. На наш взгляд, данное понятие отражает в целом нынешнее состояние человечества, которое объединено единой целью.

Нами представлен неполный перечень исследований, посвященных изучению глобальной идентичности. В поле идентитарных исследований малоизученной остается ее глобальный уровень, что делает данную проблему крайне актуальной. Отдельные аспекты данной проблемы можно найти в междисциплинарных исследованиях, наработках различных социогуманитарных наук. Вместе с тем в отечественной науке нет единства в определении природы глобальной идентичности.

На наш взгляд, глобальная идентичность представляет собой особый тип мироощущения, это один из важнейших уровней личностной идентичности, создающей чувство тождественности индивида с человеческим сообществом. Ключевым содержанием данного уровня идентичности выступает осознание причастности к общечеловеческим идеям и ценностям, а также осознание принадлежности к человечеству в целом. Вместе с тем формирование глобального уровня идентичности не отрицает наличия у личности иных уровней идентичности, поскольку происходит наряду с формированием других ее уровней, однако имеет свои специфические особенности. Глобальная идентичность, как и другие уровни идентичности, демонстрирует многообразие современного миропорядка.

Среди механизмов формирования глобальной идентичности можно выделить конструирование коллективной памяти и коллективного образа будущего (в том числе под влиянием глобальных медиа), формирование кросс-культурной компетентности и участие в деятельности глобальных интернет-сообществ, групповую рефлексивность, а также механизмы защиты позитивной идентичности [1, с. 167].

Глобальная идентичность, измененная пандемией, явилась одним из механизмов преодоления непосредственного риска и неопределенности, когда мир вступил в планетарный кризис, связанный с выживанием человека. Общая беда способствовала объединению человечества.

Сегодняшняя пандемия, как и любой глобальный риск, раскрывает потенциал общечеловеческой мобилизации и солидарности. Осмысление научной элитой специфики переживаемого исторического периода для работы над проектом глобальной идентичности может явиться одним из важнейших факторов по борьбе с пандемией и залогом жизнеспособности человечества в развернувшем свои угрозы и вызовы XXI столетии.

Занимаясь не первый год общими вопросами идентичности и ее многоуровневой спецификацией, мы отдаем себе отчет в том, что прорыв в изучении всего комплекса проблем, касающихся идентификационного поиска в современных условиях, возможен только при совместных усилиях всех заинтересованных в этом специалистов и фокусировке их интересов на ключевых, концептуально значимых вопросах.

Таким образом, такой глобальный риск, как пандемия коронавируса, оказывает влияние не только на здоровье и психику человека, на политические, экономические, демографические и иные процессы. В данной статье предпринята попытка определить направления влияния пандемии на трансформацию идентичности личности.

Библиографический список

1. Нестик Т.А. Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование // Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 4. С. 145-185.
2. Финогентов В.Н. Формирование у современного человека глобальной идентичности как необходимое условие вступления человечества в эпоху ноосферы // Ноосферные исследования. 2017. Вып. 2. С. 42-49.
3. Фадеева Л.А. Космополитическая идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Под ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2017. С. 250-254.
4. Лункин Р.Н. Будущее европейской идентичности на фоне коронакризиса. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an193.pdf>

**TRANSFORMATION OF PERSONAL IDENTITY
IN THE CONTEXT OF A PANDEMIC**

Abstract. The article examines the impact of the COVID-19 coronavirus pandemic on the transformation of personal identity. The thesis is argued that in the conditions of direct risk, the global level of identity was integrating all of humanity. Global identity is defined as one of the most important levels of personal identity that creates a sense of identity of the individual with the human community. The key content of this level of identity is the awareness of belonging to universal ideas and values, as well as the awareness of belonging to humanity in general. The global identity changed by the pandemic, it was one of the mechanisms for overcoming immediate risk and uncertainty when the world entered a planetary crisis related to risk of human survival. It is concluded that the formation of a global level of identity does not negate the presence of other levels of identity in the individual.

Keywords: multilevel identity, global identity, COVID-19 coronavirus pandemic, identity transformation.

Funding: The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-31523.

Харламенкова Наталья Евгеньевна

Институт психологии РАН

Москва

nataly.kharlamenkova@gmail.com

Никитина Дарья Алексеевна

Институт психологии РАН

Москва

d.a.nikitina@yandex.ru

ИНТЕНСИВНАЯ ТРЕВОГА КАК ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ НА УГРОЖАЮЩЕЕ ЖИЗНИ ЗАБОЛЕВАНИЕ³⁷

Аннотация. Анализируются отдаленные психологические последствия по поводу переживания собственного опасного для жизни заболевания и заболевания близкого человека. *Выборка:* 520 человек в возрасте от 17 лет до 41 года (Med=21), 231 мужчины и 289 женщин. *Методики:* PCL-5 (Posttraumatic Stress Disorder Checklist); Опросник выраженности психопатологической симптоматики (Symptom Check List-90-r-Revised, SCL-90-R). *Выводы:* Результаты исследования показывают, что ситуации, связанные с переживанием по поводу собственного опасного для жизни заболевания и заболевания близкого человека, являются психотравмирующими; наиболее выраженный посттравматический стресс, который сопровождается тревожными и депрессивными состояниями, избегающим стилем поведения, нарушением механизмов социальной перцепции и взаимодействия, характерен для людей, переживания которых связаны с собственным заболеванием.

Ключевые слова: посттравматический стресс, тревога, депрессия.

Принципы исследования личности как целостной и динамической системы рассматриваются в работах Л.И. Анцыферовой в качестве фундаментального основания научно обоснованного подхода к изучению человека. Продолжая развивать представления С.Л. Рубинштейна о личности как «целостной совокупности внутренних условий..., через которые преломляются внешние воздействия» [2, с. 117]. Л.И. Анцыферова относит к этой системе внутренних условий разные личностные особенности, в том числе и высшие ценности, и идеалы человека, его духовность и нравственность.

Ценность здоровья человека тесно соотносится с его отношением к жизни, с тем, способен ли субъект «противостоять... угрожающим обстоятельствам, внести в жизнь определенность – или любыми путями уклоняться от тяжелых переживаний, уйти от трудных ситуаций, нередко жертвуя своими духовными ценностями» [1, с. 17].

Угрожающее жизни заболевание является критической для личности ситуацией, в которой отношение к своему здоровью непосредственно связано либо со стремлением к жизни, либо со страхом смерти. Продолжая традиции изучения личности в контексте методолого-теоретического подхода к ее анализу, предложенного С.Л. Рубинштейном и его ученицей Л.И. Анцыферовой, а также традицию исследования проблемы посттравматического стресса [3], авторы настоящей статьи рассматривают интенсивный стресс, вызванный тяжелой болезнью, как фактор, которому часто сопутствует ряд психопатологических симптомов, препятствующих реабилитации и выздоровлению пациента [6]. Такими симптомами могут

³⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-02155.

быть повышенной тревогой и депрессией, нарушениями, связанными с правильным пониманием реальности и построением межличностных отношений. Тревожные состояния инвертируют ценность здоровья в ценность болезни и проявляются в постоянном переживании жизненной ситуации как угрожающей и опасной [5].

В психологии посттравматического стресса (ПТС) принято различать переживания по поводу собственного заболевания и заболевания близкого человека (родственника, супруга/супруги, друга). Согласно различным данным, оба переживания могут быть интенсивными и длительными, сопровождаться нарушением идентичности и адаптации, вызывать чувства безысходности, уныния, апатии. Попытка понять природу тревоги за свою жизнь и жизнь близкого человека позволяет обнаружить между ними различия. Следует предположить, что по сравнению с угрозой жизни близкому человеку, которая в ряде случаев, безусловно, может восприниматься практически как угроза собственному здоровью, последняя переживается человеком более болезненно, вызывает интенсивное чувство тревоги, стремление отрицать случившееся.

Тревога за собственное здоровье вызвана самыми разными причинами, одной из которых является, как уже было сказано выше, страх смерти, а другой – беспокойство по поводу возможности вернуться к прежней жизни, быть способным самостоятельно себя обслуживать, оставаться востребованным специалистом, полноценной личностью. Для преодоления разнообразных переживаний требуется достаточный ресурс совладания, способность к регуляции эмоций и самопринятию, уверенность в себе, мотивация выздоровления. Правильно оценивая сопутствующие высокому уровню посттравматического стресса феномены при воздействии различных стрессоров, можно прогнозировать, насколько длительным и результативным будет период восстановления пациента после болезни, давать более или менее точные оценки внешним и внутренним ресурсам, которые должны быть актуализированы в случае появления неблагоприятной психопатологической симптоматики.

Целью настоящего исследования стал анализ отдаленных психологических последствий угрожающего жизни заболевания, отмеченного участниками исследования у себя и своих близких.

В качестве *гипотезы* было сформулировано предположение о том, что высокий уровень посттравматического стресса сопровождается и более высокой тревогой, которая в комплексе с другими психопатологическими симптомами – депрессией, паранояльностью и психотизмом, оказывается интенсивнее у респондентов с высоким уровнем ПТС, вызванным собственным заболеванием.

Участники исследования: общее число респондентов – 520 человек (Москва, Чита, Архангельск, Астрахань, Кострома), из которых 231 мужчина и 289 женщин. Возраст респондентов – от 17 до 41 лет, со средним значением Med=21. Респондентов, которые в качестве стрессора высокой интенсивности выделили опасное для жизни заболевание, оказалось 49 человек (16 муж. и 33 жен.). Возраст респондентов – от 18 до 41 года, со средним значением Med=21. В этой части выборки также представлены респонденты, проживающие в разных городах России.

Методики: PCL-5 (Posttraumatic Stress Disorder Checklist) использовалась для выявления наиболее тяжелых жизненных событий и их последствий. Подсчитывались общий индекс психотравматизации и степень выраженности симптомов посттравматического стресса (ПТС): навязчивое повторение (кластер В), избегание (кластер С), негативные изменения в когнитивно-эмоциональной сфере (кластер D), возбудимость (кластер E) [4]. *Опросник выраженности психопатологической симптоматики* (Symptom Check List-90-r-Revised, SCL-90-

R) применялся для оценки выраженности психопатологических симптомов – соматизации, межличностной сенсензитивности, обсессивно-компульсивного расстройства, депрессии, тревожности, враждебности, фобической тревожности, паранойяльной симптоматики, психотизма [3].

Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы Statistica 10, включая расчет описательной статистики, в частности медианный анализ и частотный анализ, U-критерий Манна-Уитни для оценки групповых различий, на уровне значимости $p < 0,05$.

Результаты исследования. С помощью методики PCL-5 были выделены группы событий, в которые вошли наиболее психотравмирующие ситуации, указанные респондентами ($n=520$). Кодирование событий и их группировка проведена на основе списка стрессовых ситуаций (по данным LEC-5).

Для более детального анализа были отобраны респонденты, указавшие опасное для жизни заболевание в качестве стрессора высокой интенсивности ($n=49$). Одна часть этой группы (гр. 1, $n=29$) в качестве психотравмирующего события отметила собственное заболевание, другая (гр. 2, $n=20$) – заболевание близкого человека. Используя медианный критерий ($Med=13$) деления респондентов по уровню посттравматического стресса (ПТС), группа, отметившая собственное заболевание (гр. 1), была разделена на подгруппы с низким и высоким уровнем ПТС. Аналогичным образом ($Med=9,5$) была поделена вторая группа (гр. 2). В качестве критерия деления использовался общий индекс психотравматизации методики PCL-5.

Статистический анализ показал, что респонденты гр. 1 с высоким уровнем ПТС отличаются от респондентов этой же группы с низким уровнем ПТС по всем симптомам, таким как навязчивое повторение ($U=9,5$; $p=0,00003$), избегание ($U=18$; $p=0,0002$), негативные изменения в когнитивно-эмоциональной сфере ($U=2$; $p=0,000008$), возбудимость ($U=20$; $p=0,0002$). Респонденты гр. 2 с высоким уровнем ПТС также демонстрировали более выраженные симптомы: навязчивое повторение ($U=1$; $p=0,0003$), избегание ($U=19,5$; $p=0,02$), негативные изменения в когнитивно-эмоциональной сфере ($U=7,5$; $p=0,002$), возбудимость ($U=14$; $p=0,008$). Проведенный анализ показал, что для наиболее уязвимой части выборки переживания по поводу собственного заболевания и заболевания близкого человека являются психотравмирующими.

Для проверки гипотезы было проведено сравнение между подгруппами с низким и высоким ПТС в каждой из выделенных групп (гр. 1 и 2).

Обнаружено, что при *низком уровне* ПТС различий в степени переживаний по поводу собственного заболевания (гр. 1) и заболевания близкого человека (гр. 2) не наблюдается ($p > 0,2$). При *высоком уровне* ПТС события, связанные с переживанием по поводу собственного заболевания, оказались более психотравмирующими ($U=43,5$; $p=0,04$); дополнительно удалось установить различия по такому симптому ПТС как избегание ($U=42,5$; $p=0,04$).

Для дальнейшей проверки гипотезы был проведен анализ психопатологической симптоматики (Опросник выраженности психопатологической симптоматики, SCL-90-R).

У респондентов, отметивших *собственное заболевание* (гр. 1) с высоким уровнем ПТС, была выявлена *тревожность* ($U=58,5$; $p=0,04$) и *депрессия* ($U=41,5$; $p=0,006$). Различия в уровне психопатологических симптомов у респондентов, указавших на *заболевание близкого человека* (гр. 2) с высоким и низким ПТС, выявлены не были ($p > 0,1$). Обсуждая полученные результаты, следует сказать, что сопутствующие ПТС психопатологические симптомы –

тревожность и депрессия, наиболее интенсивно проявили себя при оценке респондентом собственного заболевания. Этот факт можно было бы объяснить более глубокими переживаниями человека за себя самого, его тревогу по поводу собственного здоровья и жизни. Отметим, однако, что большой вклад в этот опыт вносит не только эмоциональное переживание пациента по поводу болезни, но и его телесные ощущения, связанные с болью, недомоганием, физическими ограничениями, с принятием необходимости лечения (в том числе и хирургического вмешательства). Кроме того, ситуация, связанная с переживанием по поводу собственного заболевания, может носить пролонгированный характер и сопровождаться рядом дополнительных психотравмирующих событий.

Анализ подгрупп респондентов с *одинаковым уровнем психотравматизации*, но разными психотравмирующими событиями (гр. 1 и гр. 2) показал, что при наличии *низких показателей* посттравматического стресса различий в психопатологической симптоматике не наблюдается ($p > 0,1$). При *высоком уровне* ПТС респонденты, испытывающие стресс по поводу переживания ситуации собственного заболевания, имеют более высокие показатели тревожности ($U=44$; $p=0,05$) и психотизма ($U=41,5$; $p=0,04$) по сравнению с респондентами, испытывающими стресс, связанный с переживанием ситуации заболевания близкого человека.

Полученные данные позволяют верифицировать выдвинутую гипотезу. Интенсивные переживания по поводу собственного заболевания сопровождаются высокой тревогой, депрессией и, по сравнению с переживанием ситуации ухудшения здоровья близких людей, усугубляются появлением симптомов психотизма, а именно нарастанием подозрительности и настороженности, формированием иррациональных враждебных установок. Данная симптоматика может способствовать избеганию социальных контактов и появлению склонности к изолированному стилю поведения.

Обсуждаемые нами проблемы касаются случаев, когда «личностная «теория»» человека не может быть оптимальным образом реконструирована, перестроена, что «приводит к разрыву сложившихся в сознании систем значений, к разрушению субъективного жизненного мира» [1, с. 101]. Отстраненность от реальности и повышенная тревога создают неблагоприятные условия для обращения человека за социальной поддержкой, формируют представления о мире как об угрожающей реальности, которая рассматривается человеком в качестве причины его собственной болезни.

Сопоставляя полученные нами данные с представлениями Л.И. Анцыферовой о совладании с трудными жизненными ситуациями, мы также склонны считать, что «лишь сам субъект в силах изменить свою индивидуальную «теорию», сделать ее более реалистичной, переосмыслить выпавшее на его долю несчастье как неотъемлемую часть жизни...» [1, с. 101].

Выводы:

1. Ситуации, связанные с переживанием по поводу собственного, опасного для жизни заболевания и заболевания близкого человека, являются психотравмирующими событиями, вызывают посттравматический стресс и сопутствующие ему психопатологические симптомы у наиболее уязвимой части выборки; наиболее выраженный посттравматический стресс испытывают люди, имеющие в анамнезе угрожающее жизни заболевание.

2. В отличие от переживания по поводу болезней близких людей, стресс, связанный с собственным заболеванием, сопровождается тревожными и депрессивными состояниями, формированием избегающего стиля поведения, нарушением механизмов социальной перцепции и социального взаимодействия.

Библиографический список

1. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Институт психологии РАН, 2004.
2. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.
3. Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса. Теория и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
4. Тарабрина Н.В., Харламенкова Н.Е., Падун М.А., Хажуев И.С., Казымова Н.Н., Быховец Ю.В., Дан М.В. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности. М.: Институт психологии РАН, 2017.
5. Lukoševičiūtė J., Šmigelskas K. Illness perception and its changes during six months after cardiac rehabilitation: Relevance of biopsychosocial factors // European Journal of Health Psychology. 2019. № 26 (3). P. 90-100. <https://doi.org/10.1027/2512-8442/a000034>
6. Sima A.P., Yu H., Marwitz J.H., Kolakowsky-Hayner S.A., Felix E.R., Bergquist T.F., Whiteneck G., Kreuzer J.S., Johnson-Greene D. Outcome prediction from post-injury resilience in patients with TBI // Rehabilitation Psychology. 2019. № 64 (3). P. 320-327. <https://doi.org/10.1037/rep0000263>

Kharlamenkova N.E.

Institute of Psychology of the Russian Academy of Science
Moscow

Nikitina D.A.

Institute of Psychology of the Russian Academy of Science
Moscow

INTENSE ANXIETY AS AN EMOTIONAL RESPONSE TO A LIFE-THREATENING ILLNESS

Abstract. The article analyzes the long-term psychological consequences of experiencing your own life-threatening illness and the illness of a loved one. Sample: 520 people ranging in the age from 17 years to 41 years (Med=21), 231 men and 289 women. Methods: PCL5 (PosttraumaticStressDisorder Checklist); questionnaire on the severity of psychopathological symptoms (SymptomCheck List-90-r-Revised, SCL-90-R). Conclusions: the results of the study showed that situations related to the experience of their own life-threatening disease and the disease of a loved one are psychotraumatic. The most pronounced post-traumatic stress, which is accompanied by anxiety and depressive states, an avoidant behavior style, and a violation of the mechanisms of social perception and interaction. This is a characteristic of people whose experiences are associated with their own disease.

Keywords: Post-traumatic stress, anxiety, depression.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 17-29-02155.

Шаталова Надежда Евгеньевна
Институт психологии Российской академии наук
Москва
shatalova_n.e@mail.ru
Никитина Дарья Алексеевна
Институт психологии Российской академии наук
Москва
d.a.nikitina@yandex.ru

ОБЪЯСНЕНИЕ ПРИЧИН ЗАБОЛЕВАНИЯ ПАЦИЕНТАМИ С ДИАГНОЗОМ «МЕНИНГИОМА»³⁸

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу и соотнесению показателей уровня посттравматического стресса, включая группу отдельных его симптомов, с пониманием пациентами причин возникновения собственного заболевания (менингиомы). *Методики исследования:* Шкала оценки влияния травматического события (ШОВТС) (Impact of Event Scale – IES-R). *Выборка:* 56 человек с диагнозом «менингиома», при наличии минимального когнитивного дефицита, в возрасте от 30 до 70 лет (Med=54 года). *Выводы:* Психологическое объяснение причин болезни, по сравнению с физиологическим, у пациентов с диагнозом «менингиома» сопряжено с более выраженным уровнем психотравматизации, включая такие симптомы посттравматического стресса, как избегание и физиологическая возбудимость.

Ключевые слова: посттравматический стресс, вторжение, избегание, физиологическая возбудимость, менингиома, субъективная причина заболевания.

С каждым годом в России и во всем мире отмечается рост тяжелых и опасных для жизни заболеваний, относимых к стрессорам высокой интенсивности, приводящим у части пациентов к развитию посттравматического стресса (ПТС) и посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Сердечно-сосудистые, онкологические и другие заболевания, представляющие угрозу для жизни пациента, рассматриваются как «невидимая» угроза. Среди взрослого населения достаточно распространенным заболеванием являются менингиомы – доброкачественные внемозговые опухоли, исходящие из клеток арахноидальной оболочки (18-34 % от числа диагностированных первичных опухолей по данным из различных источников) [6].

Уровень ПТС внутри групп больных с одним и тем же диагнозом может различаться в зависимости от лечебных процедур и от восприятия самим человеком соматических угроз [7]. Пациенты, которым поставлен один из подобных диагнозов, нуждаются не только в квалифицированной медицинской помощи, но и в психологической помощи и поддержке, так как не всегда улучшение физического самочувствия после оперативного лечения сопровождается улучшением психического состояния. В связи с этим возрастает необходимость изучения психологических особенностей людей, страдающих подобными заболеваниями, а также их восприятия болезни и ее причин с целью оказания адекватной психологической и психотерапевтической помощи.

Любое заболевание имеет свои объективные причины. Научно доказано, что развитию менингиом способствуют такие факторы, как генетические синдромы и ионизирующее излучение (у работающих на ядерном производстве, пациентов с онкологическим диагнозом,

³⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00324.

проходящих лучевую терапию и др.) [2]. Также имеются данные о развитии данного заболевания вследствие черепно-мозговых травм, уровня половых гормонов эстрогена и прогестерона [1]. Однако почти все пациенты, у которых диагностировали опасное для жизни заболевание, ищут свое собственное объяснение его возникновению. Как правило, половина пациентов видят болезнь как следствие физиологических причин (наследственность, физическая травма и т. п.). Не меньшее число респондентов отмечают причины психологического характера: психотравмирующие ситуации (чаще всего смерть близкого человека), личностные и характерологические особенности и т. д. Так, у женщин с диагнозом «рак молочной железы» частым объяснением причины заболевания было «наказание за что-то» в сочетании с самообвинением: «я – плохая мать», при этом частота аборт и несчастных случаев с детьми (либо смерть ребенка) в данной группе женщин оказалась больше, чем в контрольной группе, которую составили здоровые женщины [5]. В редких случаях пациенты не пытаются найти объяснение причин болезни и считают, что заболевание никак не повлияет на их дальнейшую жизнь [4].

Цель исследования: соотнесение показателей уровня посттравматического стресса у пациентов с диагнозом «менингиома» с пониманием пациентами причин своего заболевания.

Гипотеза исследования: Было выдвинуто предположение о том, что убежденность пациентов в возможных причинах заболевания (физиологических или психологических) может оказывать влияние на увеличение/уменьшение общего уровня посттравматического стресса и его симптомов при диагностировании опасного для жизни заболевания («менингиома»).

В статье представлена часть результатов комплексного исследовательского проекта, проводимого в рамках договора между Институтом психологии РАН и исследовательской базой, представленной НМИЦ нейрохирургии имени академика Н.Н. Бурденко.

Методики исследования. Шкала оценки влияния травматического события (ШОВТС) (Impact of Event Scale – IES-R) – вариант в адаптации проф. Н.В. Тарабриной для определения интегрального показателя выраженности посттравматического стресса (ИТ) и его симптомов, таких как избегание, вторжение и физиологическая возбудимость [3]. Статистическая обработка результатов включала использование U-критерия Манна–Уитни на уровне значимости $p < 0,05$. Описательная статистика включала анализ следующих параметров: Min – минимальное значение, Max – максимальное значение, Med – медиана. При статистическом анализе использовался программный пакет STATISTICA 10.

Описание выборки. Из всей выборки 56 человек ($n=56$) с диагнозом «менингиома» были отобраны 13 человек ($n=13$) с высоким уровнем ПТС (ИТ в диапазоне 37-98 баллов). Возраст участников исследования – от 30 до 70 лет, со средним значением по выборке 54 года. Дополнительным критерием отбора пациентов стало наличие минимального когнитивного дефицита. Данный критерий контролировался группой психиатров НМИЦ нейрохирургии им. ак. Н.Н. Бурденко. Перед началом исследования респонденты подписывали информированное согласие.

Результаты. В ходе обследования респонденты отвечали на вопрос о вероятной (по их мнению) причине заболевания. На основании полученных ответов выборка разделена на две подгруппы: ФП – физиологические причины и ПП – психологические причины. В первую подгруппу вошли пациенты ($n=5$), которые назвали физиологические причины, а именно: травма головы, возрастные гормональные изменения.

Вторую подгруппу ($n=8$) составили пациенты, предположившие, что причиной заболевания послужило психотравмирующее событие в прошлом, либо убежденные

в неизбежности болезни как наказания за что-то. Также некоторые пациенты склонны думать о заболевании как необходимом им для чего-то (например, для понимания смысла жизни, пересмотра своего отношения к близким людям). Как правило, в качестве стрессовых факторов прошлого респонденты называли такие события, как внезапная потеря близкого человека, проблемы на работе (увольнение). В эту же подгруппу были включены респонденты, затрудняющиеся с ответом/отказавшиеся отвечать.

Сравнение подгрупп показало, что в подгруппу ПП вошли респонденты с более высоким, чем в подгруппе ФП уровнем образования, ответственные, эмоционально реагирующие на события («все принимаю близко к сердцу»).

Анализ данных не выявил статистически достоверных различий в подгруппах по такому показателю, как «Вторжение» ($p > 0,05$) (подгруппа ПП Med=19, подгруппа ФП Med=17). Респонденты независимо от предполагаемой ими причины заболевания с одинаковой частотой страдают от навязчивых мыслей и сосредоточенности на заболевании.

Вероятно, отсутствие различий между подгруппами по шкале «Вторжение» объясняется нахождением респондентов во время исследования в лечебном учреждении, где они вынуждены вновь возвращаться к ситуации постановки диагноза и теме заболевания и их опасением рецидива заболевания или осложнения от лечения, которые возможны вне зависимости от объективных или субъективных причин его возникновения.

Выявлены статистические различия подгрупп ФП и ПП по интегральному показателю ПТС ($p = 0,014$) и отдельным симптомам: «Избегание» ($p = 0,050$), «Физиологическая возбудимость» ($p = 0,016$). Данные показатели оказались выше в подгруппе ПП. По субшкале «Избегание»: подгруппа ПП Med=24, подгруппа ФП Med=18. По субшкале «Физиологическая возбудимость»: подгруппа ПП Med=18, подгруппа ФП Med=10. Общий уровень психотравматизации (ИТ): подгруппа ПП Med=59, подгруппа ФП Med=42.

Таким образом, было выявлено, что лица с выраженной тенденцией анализировать психотравмирующую ситуацию (в данном случае – болезнь), искать психологическое объяснение ее возникновению, стремятся, тем не менее, избегать всего, что связано с ней: не говорить и не думать о болезни, стараются не расстраиваться. Одновременно с этим они чаще живут в ожидании чего-то плохого, испытывают неприятные физические ощущения, им сложнее сосредоточить внимание, чем пациентам чье представление о причинах болезни сводится к физическим травмам и изменениям на гормональном уровне.

Можно предположить, что, представляя болезнь как следствие психологических причин, пациенты не считают возможным говорить о ней, так как это, по их мнению, следствие прошлых психотравмирующих ситуаций, «расплата», «наказание за грехи прошлого» (о которых не следует никому рассказывать), и им «нужно нести свой крест».

Заключение. Результаты исследования позволяют сделать вывод о немалом вкладе пережитых в прошлом стрессовых ситуаций в развитие посттравматического стресса у больных с диагнозом «менингиома».

Для больных, чьи представления о болезни рассматриваются как следствие психологических травм или наказания за прошлое, характерны реакции избегания и более выраженные симптомы физиологической возбудимости.

Психологическое объяснение причин болезни связано с более выраженным чувством вины (за то, что в какой-то момент не справились с саморегуляцией, не сумели простить, усложняли ситуацию, а также были настолько погружены в переживания за другого, что игнорировали симптомы у себя).

Симптомы «Вторжения» одинаково встречаются у больных с высоким ПТС независимо от их представлений о причинах болезни.

Библиографический список

1. Алимов Д.Р., Сон Т.Р., Чартаева А.Э.К. Причины развития менингиомы // Актуальные проблемы современной науки в 21 веке: Материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. Махачкала, 2016. С. 159-160.
2. Жумадильдина А.Ж., Адильбеков Е.Б., Карибай С.Д., Ахметов К.К. Влияния половых гормонов на развития менингиом головного мозга // Нейрохирургия и неврология Казахстана. 2015. № 3 (40). С. 35-39.
3. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.
4. Тарабрина Н.В., Ароян Л.Х., Харламенкова Н.Е. Отношение к болезни и жизненные перспективы у больных, перенесших операцию по удалению менингиомы // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2015. № 5. С. 366-372.
5. Тарабрина Н.В., Генс Г.П., Падун М.А., Коробкова Л.И., Шаталова Н.Е. Взаимосвязь психологических характеристик посттравматического стресса и иммунологических параметров у больных раком молочной железы // Социальная и клиническая психиатрия. 2008. Т. 18. № 4. С. 22-28.
6. Тиглиев Г. С., Олюшин В.Е., Кондратьев А.Н. Внутрочерепные менингиомы. СПб.: РНХИ им. проф. А.Л. Поленова, 2001.
7. Edmondson D., Birk J.L., Ho V.T., Meli L., Abdalla M., Kronish I.M. A Challenge for Psychocardiology: Addressing the Causes and Consequences of Patients' Perceptions of Enduring Somatic Threat // American Psychologist. 2018. № 73 (9). P. 1160.

Shatalova N.E.

Institute of Psychology of the Russian Academy of Science
Moscow

Nikitina D.A.

Institute of Psychology of the Russian Academy of Science
Moscow

EXPLANATION CAUSES OF THE DISEASE PRESENTED BY PATIENTS DIAGNOSED WITH MENINGIOMA

Abstract. This study is devoted to the analysis and correlation of indicators of the post-traumatic stress level, including a group of individual symptoms, and with patients' understanding of the causes of their own disease (meningioma). Methods of study: Scale assessment of the impact of traumatic events (SHOUTS) (ImpactofEventScale – IES-R). Sample: 56 people diagnosed with meningioma, with minimal cognitive deficits, aged from 30 to 70 years (Med=54 years). Conclusions: The psychological explanation of the causes of the disease, compared with the physiological one, in patients diagnosed with meningioma is associated with a more pronounced level of psychotraumatization. Such symptoms of post-traumatic stress are avoided and physiological excitability.

Keywords: post-traumatic stress, intrusion, avoidance, physiological excitability, meningioma, subjective cause of the disease.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 18-013-00324.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ БЫТИЯ И СО-БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ

Вартанова Ирина Ивановна

МГУ имени М.В.Ломоносова

Москва

iivart@mail.ru

Маркина Наталья Юрьевна

ГБОУ Образовательный центр «Протон»

Москва

Njm2306@mail.ru

УЧЕБНАЯ МОТИВАЦИЯ И СМЫСЛ «Я»: ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ³⁹

Аннотация. Целью данной работы было изучение гендерной специфики системы взаимосвязей параметров самоотношения старшеклассников в зависимости от характера мотивации учебной деятельности. Отдельно для групп мальчиков и девочек выявлялись: 1) структура эмоционального отношения к ценностям школьной жизни с помощью факторного анализа оценок по методике Семантического Дифференциала; 2) показатели самоотношения по методике С.Р. Пантилеева; 3) корреляционные взаимосвязи выделенных факторов с параметрами самоотношения. Исследовались школьники 9-10 классов (14-16 лет) школы г. Москвы. Всего опрошено 112 учеников, из которых получено полных данных по двум методикам – 96 (47 мальчиков и 49 девочек). В результате обнаружено, что учащиеся с мотивацией самоутверждения, достижения и учебно-познавательной мотивацией имеют более позитивное самоотношение. Для мальчиков, воспринимающих учебу как принуждение, характерны в самоотношении внутренние конфликты и самообвинение, в тоже время девочки с такой мотивацией часто сомневаются в своей способности вызывать положительное отношение у окружающих. В целом у девочек эмоциональное отношение к учебе в большей степени согласуется с параметрами самоотношения.

Ключевые слова: гендер, мотивация, смысл «Я».

Гендерные роли и гендерные особенности в мотивации и самоотношении личности на этапе школьного обучения определяют существенный аспект воспитания ответственного отношения к учебной деятельности. Система мотивации в старшем подростковом возрасте не только определяет содержание ведущей деятельности, но и задает развитие личности. Старший школьный возраст характеризуется также потребностью в углубленном самоанализе, поиском и обретением идентичности, ростом устойчивости Я-концепции. В период старшего школьного возраста повышается степень осознанности своих переживаний, развивается представление о Я-идеальном. Сопоставление реальных и идеальных представлений о себе становится основой Я-концепции, в которой можно выделить два аспекта: знание о себе и самоотношение, т. е. выражение смысла «Я» [5].

Происходит развитие и собственно эмоциональной сферы. При этом эмоциональное отношение является важной частью мотивации и имеет определенную гендерную специфику. Гендерные особенности эмоциональной сферы школьников изучались в основном через проявления базовых эмоций [7]. При этом исследуются и возрастные особенности

³⁹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-0084.

переживания, экспрессии эмоций, а также понимания чужих эмоций и эмоциогенных ситуаций [6]. Однако данных о гендерных особенностях эмоционального отношения к учебе все еще не достаточно.

Поэтому одним из важных моментов школьного обучения является необходимость учитывать гендерную специфику учеников, особенно старших классов. В исследованиях [1; 8; 9; 10] были получены результаты, свидетельствующие о различиях психологических характеристик подростков разного пола. При этом изменение внутренней структуры личности также в значительной степени может определяться спецификой взаимосвязей мотивации и самоотношения, характерных для учащихся различного пола.

Таким образом, и мотивация учебной деятельности, и самоотношение подростка, оставаясь психологически самостоятельными сущностями, совместно формируются в подростковом возрасте, и, очевидно, влияют друг на друга. Следовательно, взаимосвязи между характером мотивации учебной деятельности и параметрами самоотношения являются важной проблемой, особенно в связи с гендерной спецификой учащихся.

Целью работы было исследовать гендерную специфику системы взаимосвязей параметров самоотношения старшеклассников в зависимости от характера мотивации учебной деятельности.

Методика. Для исследования особенностей эмоционального отражения старшеклассниками объектов-ценностей школьной жизни анализировались оценки по системе шкал, заданных парой прилагательных (использовалось 25 пар прилагательных), в соответствии с методикой семантического дифференциала Ч. Осгуда, адаптированной В.Ф. Петренко [4]. Для этого каждый учащийся должен был оценить числом от -3 (степень соответствия левому прилагательному в паре) до +3 (степень соответствия правому прилагательному в паре) каждую из следующих десяти ценностей школьной жизни: «самосовершенствование в учебе», «общение в школе», «признание в коллективе», «глубокие и прочные знания», «мой авторитет и Я», «успешная учеба», «верные и хорошие друзья», «одобрение окружающих людей», «быть лучше других», «преодоление препятствий». К полученным данным применялся факторный анализ. Полученные оценки по семантическому дифференциалу ценностей школьной жизни (всего 250 оценок) были обработаны факторным анализом (метод главных компонент). Для определения самоотношения использовалась методика «Исследование самоотношения» (ИС) С.Р. Пантिलеева [3].

В опросе добровольно (при согласии родителей) приняли участие школьники 9-10 классов двух школ г. Москвы с традиционной парадигмой обучения. По методике СД опрошено 112 учеников, из которых получено полных данных по методике ИС – 96 учеников (47 мальчиков и 49 девочек).

Результаты и их анализ. Полученные оценки по семантическому дифференциалу ценностей школьной жизни (всего 250 оценок) были обработаны факторным анализом (метод главных компонент). Выделение факторов (интерпретируемых далее как мотивы учения) осуществлялось на основе статистической оценки числа выделяемых факторов (по критерию Кэттела) и их вращения до достижения простой структуры (методом Варимакс). Содержательная интерпретация внутренней структуры выделяемых факторов осуществлялась через вес исследуемых ценностей школьной жизни и их характеристик.

В результате было выделено 4 фактора, которые получили следующую интерпретацию:

Фактор 1 можно охарактеризовать как эмоциональное отношение, определяемое мотивацией самоутверждения через общение и принятие ближайшего окружения. В него

вошли ценности: «общение в школе» (легкий, активный, жизнерадостный), «признание в коллективе» (легкий, большой, активный), «мой авторитет и Я» (легкий, активный, жизнерадостный), «верные друзья» (радостный, хороший, родной), «преодоление препятствий» (дорогой, активный).

Фактор 2 описывает эмоциональное отношение, определяемое мотивацией долженствования (учеба как тяжелый труд). В него вошли следующие ценности: «глубокие и прочные знания» (сильный, напряженный, сложный), «успешная учеба» (сложный, напряженный), «преодоление препятствий» (сложный, напряженный).

Фактор 3 описывает эмоциональное отношение, определяемое мотивацией достижения успеха. В него вошли следующие ценности: «самосовершенствование в учебе» (приятный, добрый), признание в коллективе (хороший), глубокие и прочные знания (умный, светлый), успешная учеба (сильный), одобрение окружающих людей (сильный, хороший, светлый, приятный, добрый), быть лучше других (хороший, упорядоченный), преодоление препятствий (светлый, приятный).

Фактор 4 описывает эмоциональное отношение, определяемое учебно-познавательной мотивацией. В него вошли ценности: «самосовершенствование в учебе» (любимый, свежий, хороший), «признание в коллективе» (радостный, любимый, свежий), «глубокие и прочные знания» (родной, жизнерадостный, любимый, свежий), «мой авторитет и Я» (свежий, родной), «успешная учеба» (умный, хороший, светлый), «быть лучше других» (большой, радостный), «преодоление препятствий» (любимый, чистый).

Анализ корреляционных взаимосвязей (учитывались только значимые при $p < 0,05$ корреляции) между мотивацией и самоотношением показал, что выраженность мотивации первого типа (самоутверждение через статус в коллективе) значимо положительно связана с самоуверенностью (МИС 2), саморуководством (МИС 3) и отраженным самоотношением (МИС 4). Такие связи наблюдаются по всей выборке в целом ($r=0,38$; и $r=0,29$; $r=0,47$ соответственно). Внутри группы девочек с мотивацией самоутверждения значимые положительные связи обнаружены с параметрами самоуверенность и саморуководство (МИС 2 – $r=0,41$ и МИС 3 – $r=0,52$ соответственно), а у мальчиков эта мотивация положительно коррелирует только с отраженным самоотношением (МИС 4 – $r=0,43$). Таким образом, для девочек с мотивацией самоутверждения характерно отношение к себе как к уверенному и самостоятельному человеку. То есть для них характерны самоуверенность, ощущение силы своего «Я», чувство обоснованности и последовательности своих внутренних побуждений и целей, в то время как для мальчиков с этой мотивацией большее значение имеет положительное отношение к себе большинства окружающих.

Обнаружены также положительные взаимосвязи следующих параметров самоотношения с мотивацией достижения в учебе: с самоценностью (МИС 5 – $r=0,41$) и отраженным самоотношением (МИС 4 – $r=0,34$), а также обратная связь с самообвинением (МИС 9 – $r=-0,33$), которые характерны в целом по выборке. В группе девочек дополнительно выявлена еще более значимая положительная корреляция этой же мотивации с выраженностью шкалы самоценность (МИС 5 – $r=0,52$), тогда как в группе мальчиков с мотивацией достижения значимых корреляций с параметрами самоотношения не выявлено. Таким образом, для девочек с мотивацией достижения в учебе характерно чувство самоценности и ценности собственной личности для других, а также ожидание положительного отношения от большинства окружающих. Они в целом положительно относятся к себе, ощущают баланс между собственными притязаниями и требованиями окружающей реальности.

Выраженность мотивации долженствования положительно коррелирует с самообвинением ($r=0,25$) и с внутренней конфликтностью ($r=0,34$), и отрицательно с отраженным самоотношением ($r=-0,32$), открытостью ($r=-0,31$) и самопривязанностью ($r=-0,35$). Эти связи характерны для всей выборки в целом. В группе мальчиков с мотивацией долженствования значимые положительные связи обнаружены с внутренней конфликтностью (МИС8 – $r=0,71$) и с самообвинением (МИС 9 – $r=0,77$) и отрицательная связь с самопривязанностью (МИС 7 – $r=-0,58$). В группе девочек обнаруживается обратная связь с параметром отраженное самоотношение (МИС 4 – $r=-0,35$).

Следовательно, для мальчиков, воспринимающих учебу как принуждение и тяжелый труд, характерны в самоотношении внутренние конфликты, сомнения, а также самообвинение и общее негативное отношение к себе. Обратная связь с параметром самопривязанность в самоотношении у мальчиков означает, что они меньше привязаны к своему образу «Я», менее консервативны относительно своего образа «Я». Девочки с такой мотивацией часто сомневаются в своей способности вызывать положительное отношение у окружающих.

Выраженность учебно-познавательной мотивации отрицательно коррелирует с параметрами самопринятия (МИС 6 – $r=-0,28$) и самопривязанности (МИС 7 – $r=-0,24$) по всей выборке в целом и в группе девочек. То есть, чем больше выражена у девочек учебно-познавательная мотивация, тем сильнее у них желание изменений и развития собственного «Я». Таким образом, для девочек с положительным эмоциональным отношением к познанию и самосовершенствованию характерны неудовлетворенность собой, желание изменений и отсутствие ригидности в самоотношении.

В группе мальчиков дополнительно выявлена положительная связь этой мотивации с параметром отраженного самоотношения (МИС 4 – $r=0,39$) и отрицательная с самообвинением (МИС 9 – $r=-0,38$). Следовательно, мальчики с учебно-познавательной мотивацией уверены в положительном отношении к себе большинства окружающих, а также имеют склонность к защите собственного «Я» и отрицанию собственной вины.

Таким образом, обнаружены ряд взаимосвязей характера мотивации учебной деятельности с параметрами самоотношения, которые имеют существенную гендерную специфику. Полученные результаты необходимо учитывать при реализации психологического сопровождения детей и построении процесса обучения в рамках образовательных учреждений.

Библиографический список

1. Берн Ш. Гендерная психология / Пер. с англ. М.: Прайм-Еврознак, 2004.
2. Божович Л.И. Проблемы формирования личности: Избранные психологические труды. М.: Международная педагогическая академия, 1995.
3. Пантिलеев С.Р. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993.
4. Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику. Исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
5. Столин В.В. Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
6. Пономарева М.С. Возрастно-половые особенности эмоциональности школьников 9-17 лет и ее восприятие учителями: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2005.
7. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб: Питер, 2001.
8. Вартанова И.И. Психологические особенности мотивации и ценностей старшеклассников разного пола // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 3. С. 63-70.

9. Lupart J.L., Cannon E., Telfer J.A. Gender differences in adolescents academic achievement, interests, values and life-role expectations // High Abilities Studies. 2004. V. 15.1. P. 28-39.

10. Vartanova I.I. Motivations of high school students of different sex and age // Psychology in Russia: State of the Art. 2018. Vol. 11, № 3. P. 209-224.

Vartanova I.I.

Lomonosov Moscow State University
Moscow

Markina N.Yu.

Educational Center «Proton»
Moscow

EDUCATIONAL MOTIVATION AND THE MEANING OF "I": HIGH SCHOOL STUDENTS' GENDER SPECIFICS

Abstract. The purpose of this research was to study the gender specifics in the relationships system between the parameters of self-attitude of high school students, and motivation for educational activities. Separately for groups of boys and girls identified: 1) the structure of the emotional attitude to the school life values with the help of analysis factor for assessments using the method of Semantic Differential; 2) indicators of self-attitude according to the method of S.R. Pantileyev; 3) correlations of the selected factors with the parameters of self-attitude. Students from grades 9-10 (14-16 years old) of a Moscow school were watched out and studied. Totally 112 students were interviewed. The complete data was obtained using two methods – 96 (47 boys and 49 girls). As a result, it was found that students with self-affirmation, achievement, and educational and cognitive motivation have a more positive self-attitude. For boys who perceive learning as a compulsion, internal conflicts and self-blame are characteristic in their self-attitude. Talking about girls with such motivation often doubt their ability to evoke a positive attitude from others. In general, girls' emotional attitude for learning is more consistent with the parameters of self-attitude.

Key words: gender, motivation, sense of “I”.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20-013-0084.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Аннотация. Включение в психологический тезаурус лингвистической категории грамматического рода (gender) требует пересмотра предмета социально-психологического исследования маскулинности и фемининности. Поскольку язык обладает нормирующим свойством и функцией определения места объекта в структуре отношений, использование категории гендера смещает акцент с простого описания гендерных различий и содержания гендерных ролей на раскрытие социально-нормативной природы гендерной идентичности и способов функционирования личности в иерархической структуре гендерных отношений. Перспективным решением этой задачи является развитие в социальной психологии методов экспериментальной психосемантики со смещением акцентов на анализ ненормативных гендерных практик.

Ключевые слова: гендерные исследования, квир-методология, гендер, гендерная идентичность, маскулинность, фемининность, гендерная нормативность.

Шестьдесят пять лет назад, в 1955 г., Дж. Мани в небольшой статье «Возможности языка и психодинамическая теория» обратил внимание на эвристическую функцию лингвистической категории грамматического рода (*англ.* gender), которая, по его мнению, позволяла по-иному увидеть психологическое содержание феноменов мужественности и женственности [8]. Грамматический род в языке указывает на общественный и конвенциональный способ определения мужских и женских качеств любых объектов, а также определяет порядок возможных и допустимых отношений между ними. Именно правила языка, упорядочивающие приписывание объектам мужских или женских качеств, заставляют нас нервно вздрагивать, когда мы слышим в маршрутном такси от водителя-мигранта подобные высказывания: «Следующий остановка улица Турмалиновский. Женщина, ты почему вошел и не оплатил?». Грамматический род выполняет функцию разделения сфер применения социально определяемых качеств, определяет границы допустимого наличия этих качеств у тех или иных объектов, подчеркивает нормативный характер определений мужского и женского.

По мысли Ж. Лакана, язык является средством освоения символического (т. е. культурного в понимании К. Леви-Строссом) порядка, который формирует личность, задает восприятие мира. Через язык человек воспринимает свое тело, биологические различия мужского и женского организма, придает им символическое значение. При этом язык обладает нормирующим свойством и функцией определения места в социальной структуре, он оказывает императивное воздействие на человека, т. е. требует безусловного исполнения и подчинения правилам [5]. Введение категории гендера в психологический тезаурус тем самым неизбежно подвигает психологию к анализу механизмов нормативизации проявлений мужского и женского и саморефлексии по поводу того, как психология сама участвует в производстве правил нормального функционирования индивида в пространстве гендерных отношений.

Осознание важности роли языка в проявлениях мужественности и женственности привело Дж. Мани к полному отказу от применявшихся ранее понятий психологического и социального пола в качестве культурной надстройки над биологической сущностью мужского и женского. Гендер было предложено использовать в качестве зонтичного понятия, охватывающего весь комплекс характеристик (включая гениталии, вторичные половые признаки, оформление внешнего облика и т. д.), которые связаны с социальными правилами определения людей в качестве мужчин или женщин. В дальнейшем Дж. Мани предложил производные от гендера понятия: гендерной идентичности и гендерной роли, – через которые он раскрыл психологическое наполнение гендера. Под гендерной идентичностью предлагалось понимать всеобъемлющее ощущение себя в качестве мужчины или женщины на основе имеющихся свойств и качеств, а также степень конформности по отношению к социальным нормам маскулинности и фемининности. Именно из такого понимания нормативного характера гендерной идентичности исходила С.Л. Бем, разрабатывая опросник ориентации на половые (гендерные) роли, и поныне популярный у отечественных психологов под названием «Опросник гендерной идентичности». В социальном восприятии гендер личности всегда представлен окружающим через поведение и внешний облик, и этот аспект гендера Дж. Мани предложил называть гендерной ролью, в которой сосредоточена социально-символическая природа маскулинности и фемининности, имеющая нормативный характер.

Большинство людей гендерно нормативны и конгруэнтны: их гендерная идентичность, гендерные роли и другие символические проявления мужественности и женственности соотносятся между собой и не противоречат социальным нормам. Однако это не отменяет того обстоятельства, что гендер всегда выступает и результатом, и средством нормативизации мужского и женского. Как отмечает Дж. Батлер, гендер не существует до социальной регуляции, он не является объектом социального регулирования, напротив, гендер появляется лишь в процессе социальной регуляции, в процессе подчинения социальному порядку различия мужского и женского, имеющего исключительно конвенциональную природу [1].

Однако любое психологическое исследование в той или иной мере сталкивается с невозможностью анализа нормативной природы гендера посредством привычного для этой науки инструментария – опросов, интервью, тестирования. Весь этот инструментарий основывается на базовом методологическом допущении о том, что в человеке всегда присутствует глубинная, устойчивая и непротиворечивая связка ключевых элементов, которая скрывается за множеством поверхностных и текучих различий. Все собираемые посредством опросников и тестов эмпирические данные о маскулинности и фемининности психология пытается интерпретировать посредством концепта гендерной идентичности, который формирует представление о человеке как целостном субъекте, способном к согласованному и предсказуемому поведению [3]. Идея идентичности была сформирована в XIX в., когда наука пыталась овладеть миром через его категоризацию и рационализацию, пыталась представить человека и весь мир как предсказуемые, контролируемые и полностью познаваемые феномены. Однако уже тогда тщетность подобных попыток была зафиксирована К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые обратили внимание на то, что развивающиеся явления никогда невозможно схватить с помощью стабильных категорий и что диалектика присуща не только понятиям, но и самому миру, особенно культуре и обществу. Действительная эпистемологическая функция любых устойчивых категорий – это нормализация (статистическое усреднение) и нормативизация (приведение в соответствие с некоторой моралью), а не описание и не понимание реальности. Категория гендерной идентичности задает рамки социального восприятия индивида (самовосприятия и восприятия другими)

с точки зрения статистической нормальности и моральной нормативности, но не отражает никакой внутренней сущности. Ее использование ограничивается возможностью описания характеристик системы гендерных отношений личности, выявления иерархической структуры этих отношений и способов функционирования индивида в рамках такой структуры.

В этой связи необходимо обратить внимание на критику психологических трактовок гендерной идентичности, в которых она выражается посредством сочетания маскулинных и фемининных черт. Как отмечает Д.Д. Исаев, в психологическом дискурсе из концепта гендерной идентичности полностью исчезла предполагаемая Дж. Мани нормативизирующая составляющая (уровень конформности по отношению к гендерным нормам), которая подменилась простым описанием содержания гендерных ролей [2]. Простой фиксации уровня конформности личной ориентации на гендерные роли, как это делала С. Бем, или методологически продвинутого определения степени нормативности гендерных установок, как это предлагает Р. Луйт, а вслед за ним И.С. Клёцина и Е.В. Иоффе [4], также недостаточно для понимания психологических механизмов функционирования личности в пространстве гендерно обусловленного бытия. Наиболее перспективным представляется развитие методов экспериментальной психосемантики, которые позволяют зафиксировать субъективную гендерную картину мира, в которой мужественность и женственность наделены как индивидуальными значениями, так и соотносятся с социальными ожиданиями и актуальными нормами конкретных сообществ, к которым принадлежат люди. Содержательная интерпретация выделяемой с помощью психосемантических методов структуры гендерных отношений позволяет увидеть мир глазами самого человека, почувствовать его способы осмысления мира.

Чтобы адекватно оценить особенности понимания, переживаний, поведения личности в пространстве гендерно обусловленного бытия, недостаточно просто классифицировать людей по единичным нормативным категориям. Нужно фокусировать внимание на том, как представители различных общностей нарушают в своих индивидуальных образах нормированный гендерный порядок, пересекая установленные гендерными категориями границы и создавая новые комбинации гендерных признаков. Важно увидеть, в каком контексте люди устанавливают различия, как устанавливаемые гендерные границы становятся приемлемыми и при каких обстоятельствах. Использование концепта гендерной идентичности имеет эвристическое значение только при обращении к трансгрессивным (раздвигающим рамки существующих нормативных определений, включающих элементы, которые признаются невозможными при существующем порядке) и субверсивным (сознательные игры со штампами, нарушение установленного порядка, взрывающее его своей недоступностью для категоризаций, выход за категориальные рамки, уклонение от возможности дать себе четкое определение) гендерным практикам. Только при этом мы получаем возможность увидеть процесс конструирования гендерных идентичностей и схватить процесс трансформации гендерно обусловленного бытия личности. В противном случае психологическое исследование обречено оставаться в пределах повторения текущих социальных фактов.

Вычленение и анализ трансгрессивных и субверсивных гендерных практик позволяет зафиксировать потенциальные точки прорыва нормативно заданной на сегодняшний день гендерной нормы (как статистической, так и моральной) и спрогнозировать появление нового мира, нелинейно вытекающего из существующего порядка. Подобный анализ фокусируется на определении различий между трансгрессивными / субверсивными практиками и нормативным содержанием категорий и реализуется в интра-категориальном сравнении (внутри категориальных гендерных идентичностей: мужчин, женщин, гетеро-, гомо-, би -,

асексуалов и т. д.). В случае такого применения категориального анализа критическим становится разграничение позиции исследователя и позиции исследуемых людей и обнаруживаемых фактов, чтобы избежать принятия исследовательской интерпретации феномена за объективную реальность. Психологическим предметом исследования в такой перспективе становится выявление социально-психологических механизмов установления различий (что начинает считаться различием, а что нет, и как это связано со структурой и качеством отношения), а также определение социально-психологических функций установления гендерных различий.

Одним из интересных исследовательских проектов в рамках отказа от жесткого применения гендерных категорий могут служить работы Дж. Хальберстам, в которых постулируются феномены мужской и женской маскулинности [6; 7]. Будучи исследовательницей, находящейся на позициях квир-методологии, она совершает радикальное отделение маскулинности и фемининности от концепта пола и анализирует их исключительно в качестве текстуальных, знаковых феноменов социального общения. Женский бокс, женская борьба, женщины-исполнительницы мужской роли в травести шоу – на примере этих социальных явлений Дж. Хальберстам демонстрирует особенности включения и проявления нормативных психологических характеристик маскулинности женскую субъективность. Встречный процесс происходит и в отношении включения и проявления нормативных психологических характеристик фемининности в мужскую субъективность, что находит отражение в феномене метросексуальности или «потребительской» маскулинности.

На сегодняшний день гендерные исследования в социальной психологии оказываются перед неизбежностью поворота лицом к квир-методологии, когда под «квир» понимается не столько гомосексуальность, сколько любое ненормативное пересечение и проявление гендерных характеристик и практик, которое не укладывается в содержательные рамки определенной гендерной категории. То, что становится квир (т. е. ненормативным, неправильным, девиантным), всегда зависит от конкретного времени и места, от политического измерения системы социальных отношений личности. Квир-методология ценна для нас тем, что она обращает наше внимание на множественность гендерных проявлений личности, на точки и процессы постоянного стремления людей к выходу за границы текущей гендерной нормы, на невозможность безболезненного ограничения гендерно-обусловленного бытия стабильными рамками предустановленных правилами (институционализированного) существования. Поскольку каждый человек может обнаружить в своем опыте выход за пределы установившейся гендерной нормы, психологии важно начать понимать где, как, с кем, когда, при каких условиях и для чего происходят эти выходы.

Библиографический список

1. Батлер Дж. Гендерное регулирование // Неприкосновенный запас. 2011. № 2 (76). С. 11-29.
2. Исаев Д.Д. Системный подход к проблеме гендерной идентичности // Педиатр. 2012. Т. 3. № 4. С. 37-40.
3. Кимберг А.Н., Макаревская Ю.Э. Концепт идентичности как инструмент социального исследования // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 4. С. 4-15.
4. Клецина И.С., Иоффе Е.В. Результаты первичного этапа адаптации российского аналога опросника «Мужские нормативные установки» // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 32. С. 6.

5. Фатнева О.В. О категории «Другой» в структурном психоанализе // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 302. С. 58-61.
6. Halberstam, J. *Female masculinity*. Durham: Duke University Press, 1998.
7. Halberstam J. *In a Queer Time and Place: Transgender Bodies, Subcultural Lives*. New York: New York University Press, 2005.
8. Money J. *Linguistic Resources and Psychodynamic Theory* // *British Journal of Medical Sexology*. 1955. Vol. 20. P. 264-266.

Vorontsov D.V.
Southern Federal University
Rostov-on-Don

THEORETICAL CHALLENGES AND PROSPECTS FOR GENDER STUDIES: DEVELOPMENT IN SOCIAL PSYCHOLOGY

Abstract. The inclusion of the linguistic category of grammatical gender in the psychological thesaurus requires a revision of the subject of socio-psychological research of masculinity and femininity. Since language has a normalizing property and a function of determining the location of an object in the structure of relations. The use of gender categories shifts the focus from a simple description of gender differences and content of gender roles for the disclosure of socio-normative nature of gender identities. The use of gender categories depends on functioning of the individual in the hierarchical structure of gender relations. A promising solution to this problem is the development of experimental psychosemantics in social psychology with a shift to emphasis of the analysis and non-normative gender practices.

Keywords: gender research, queer methodology, gender, gender identity, masculinity, femininity, gender normativity.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ)⁴⁰

Аннотация. Статья посвящена вопросу гендерной специфики психологического времени личности в современном глобализированном обществе. Целью эмпирического исследования являлось изучение особенностей психологического времени личности студентов с учетом их половой принадлежности. В исследовании принимали участие студенты (294 человека) в возрасте от 17 до 21 года. В результате обнаружены особенности психологического времени у студентов в зависимости от их пола. Полученные данные свидетельствуют о важной роли половых характеристик в восприятии времени, отношении к прошлому, настоящему и будущему. Кроме того, особенности психологического времени студентов рассматриваются как маркеры психологического времени в условиях глобализации.

Ключевые слова: психологическое время, молодежь, пол.

Актуальность исследования психологического времени личности связана с процессами глобализации и информатизации в обществе, меняющимися привычный уклад жизни людей и их отношение со временем.

Жизнь становится все более динамичной, требующей самодетерминации решений и поступков, что приводит к постепенному размыванию ценностей и стандартов поведения. Социально-культурные детерминанты перестают играть важную роль в становлении человека, становятся менее значимыми в определении будущего. Независимо от типа и уровня культуры становится сложно выделить базовые и текущие ценности вследствие высокой динамичности современных ценностей. В этих условиях время как психологический конструкт приобретает особую значимость в качестве маркера динамичности и специфики ценностей личности [4].

Несмотря на существующие в науке исследования психологического времени личности (К.А. Абульханова-Славская, Т.Н. Березина, А.К. Болотова, Т.А. Нестик и др.), в психологии недостаточно разработаны вопросы гендерной специфики психологического времени личности в современном глобализированном обществе [4]. Под гендером в данном случае понимаются признаки физического пола (мужчины и женщины). Наибольшую актуальность сегодня имеют исследования особенностей психологического времени молодого поколения, поскольку именно молодежь наиболее активно вовлекается в процессы глобализации.

Авторы, изучая феномен психологического времени личности, используют разную терминологию: жизненные стратегии (К.А. Абульханова-Славская), самоорганизация времени жизни (Л.Б. Шнейдер), временная перспектива (А.А. Кроник, Ж. Нюттен, Ф. Зимбардо и др.), временная транспектива (В.И. Ковалев). По мнению Е.И. Головахи и А.А. Кроника, психологическое время – это время, переживаемое человеком [3]. Чаще всего в психологических исследованиях при изучении психологического времени ученые обращаются к изучению временной перспективы. Исследователи временной перспективы широко используют подходы Ж. Нюттена и Ф. Зимбардо. Ж. Нюттен разделяет три разных

⁴⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00201 А.

аспекта психологического времени: временная перспектива, временная ориентация и временная установка. Временная перспектива является мотивационной переменной, обладающей протяженностью, глубиной, насыщенностью распределения объектов в различные периоды (прошлого и будущего), степенью структурированности этих объектов (наличием или отсутствием связей между объектами или группами объектов), уровнем реалистичности, яркостью. Поведение человека в настоящем направлено на будущее и обусловлено мотивами [9]. Временную перспективу понимают как «степень ориентированности индивида на будущее, его способность и готовность выстраивать долгосрочные планы в жизни» [8]. Временная перспектива является неотъемлемой частью мировоззрения, важной для осознания смысла жизни, связанной с ценностями личности, процессом планирования жизни [2]. Она приносит ощущение удовлетворенности жизнью и психологическое благополучие личности [8].

По мнению Ф. Зимбардо, временная перспектива может быть устойчивой личностной чертой, а также иметь ситуативную детерминацию. Уровень развития будущей временной перспективы связан с уровнем психического и социального развития личности, а также с социально-экономической обстановкой [8]. Излишняя фиксация на негативном прошлом, неспособность повлиять на свою жизнь являются признаками неблагоприятной временной перспективы личности.

Проблема изучения психологического времени личности особенно актуальна у студентов. Именно во время обучения в вузе намечаются пути профессионального и личностного развития. Для студентов необходима способность предвидеть долговременные последствия каждого решения с целью уменьшения неблагоприятных результатов [5].

Для молодого поколения, выросшего в эпоху постоянных реформ, характерна временная ориентация на настоящее. Такая ориентация не является продуктивной. Предполагается, что причина кроется в отсутствии у молодежи долговременной перспективы и позитивного образа будущего, которое влияет на наличие жизненной стратегии, жизненных планов, долгосрочных целей [8]. Долговременная перспектива связана с психологическим здоровьем молодого поколения, от которого зависит будущее благополучие общества в целом. Именно поэтому проблема психологического времени молодого поколения является актуальной, а ее решение имеет важное практическое значение для социального и экономического развития личности и общества. Кроме того, психологическое время личности имеет свои особенности в зависимости от возраста и пола. Поэтому в исследовании психологического времени личности существует необходимость учета возраста и пола испытуемых.

Практически во всех возрастах скорость психомоторных реакций у женщин ниже, чем у мужчин. При этом личный темп у женщин быстрее [10]. Временная перспектива у женщин в период средней взрослости (30-40 лет) имеет выше ориентацию на фаталистическое настоящее, чем у мужчин в этот же период. Вероятно, развитие фаталистического отношения ко времени связано с изменением социальной ситуации, ограничением социальных контактов и зависимостью от партнера [7]. Некоторые исследования указывают на склонность женщин к актуализации прошлого, а мужчин – будущего. Женщины воспринимают более оптимистично время своей жизни в целом, чем мужчины. В раннем юношеском возрасте мальчики более ориентированы на будущее. Их ожидания на будущее более реалистичны [1].

Несмотря на имеющиеся данные, гендерный аспект психологического времени личности студентов является недостаточно изученным. В своем исследовании мы ставим цель изучить особенности психологического времени личности студентов с учетом их половой принадлежности.

В исследовании участвовало 294 испытуемых в возрасте от 17 до 21 года, из них 75 мужчин и 219 женщин. Испытуемые были разделены на две группы по половому признаку. Была выдвинута гипотеза о том, что существует особенности психологического времени у студентов в зависимости от пола.

При проведении эмпирического исследования применялся следующий диагностический инструментарий: опросник временной перспективы ZPTI (Ф. Зимбардо, Дж. Бойд, в адаптации А. Сырцовой, О.В. Митиной), методика изучения временных аттитудов (Ж. Нюттен, в адаптации Н.Н. Толстых), шкала ценности времени как экономического ресурса (Ж. Узюнье), шкала полихронных ценностей (А. Блюдорн, в адаптации Т.А. Нестика). Указанные в работе методики исследования позволяют всесторонне раскрыть ключевые характеристики психологического времени личности студентов.

Исследование различий в показателях психологического времени у студентов в зависимости от пола позволило выявить некоторые тенденции. Сравнение распределения признаков между группой женщин и группой мужчин проводилось с помощью t-критерия Стьюдента.

В ходе сравнения результатов по выраженности временной перспективы у мужчин и женщин на уровне статистической тенденции обнаружены различия только по показателю «фаталистическое настоящее» ($t=-1,721$; $p=0,087$). Несмотря на ориентированность на фаталистическое настоящее всех испытуемых, у женщин ориентация выражена больше, чем у мужчин (мужчины: $x=2,613$; женщины: $x=2,786$). Для людей с ориентацией на фаталистическое настоящее характерно чувство беспомощности, ощущение невозможности влиять на ход своей жизни, что может усиливать раздражительность и вспыльчивость. Они убеждены, что находятся во власти судьбы и должны настоящее переносить с покорностью и смирением.

В обеих группах средние показатели склонности личности рассматривать время как ценный экономический ресурс (мужчины: $x=4,591$; женщины: $x=4,393$). Можно предположить, что интересы студентов больше ориентированы на постоянное обучение, получение знаний и навыков, и в меньшей степени они ищут время для заработка и поиска работы. По показателю «экономическая ценность времени» различия обнаружены на уровне статистической тенденции ($t=1,806$; $p=0,073$). Мужчины в большей степени воспринимают время как ценность и экономический ресурс, чем женщины. То есть в представлениях мужчин-студентов, несмотря на преобладание интересов, связанных с обучением будущей профессии, время отождествляется с деньгами в большей мере, чем у женщин-студентов.

Статистически значимые различия между мужчинами и женщинами обнаружены по показателю «полихронность» ($t=-2,229$; $p=0,027$). В обеих группах значения на среднем уровне (мужчины: $x=2,666$; женщины: $x=2,900$). Но у женщин они значимо выше. Что свидетельствует о большем предпочтении женщин включаться в решение нескольких задач или осуществление нескольких деятельностей одновременно.

Средние показатели, полученные по методике Нюттена, свидетельствуют о преобладании временной ориентации студентов на настоящее (мужчины: $x=2,976$; женщины: $x=2,715$). Им важно быть здесь и сейчас, а прошлое и будущее занимают меньше места в их текущем жизненном пространстве. Настоящее не воспринимается студентами как инструмент будущего. Студенты не заглядывают в будущее и не создают долговременные проекты.

Статистически значимые различия обнаружены по показателю «отношение к будущему» ($t=2,630$; $p=2,208$). Несмотря в целом на позитивное отношение к будущему всех студентов, у

студентов мужского пола в большей степени выражена устремленность в будущее, ориентация на постановку целей и создание стратегий развития. По остальным показателям значимых различий между мужчинами и женщинами не обнаружено.

Таким образом, в результате эмпирического исследования выявлены особенности психологического времени у студентов в зависимости от их пола. Данные указывают на важную роль половых характеристик в восприятии времени и отношении к прошлому, настоящему и будущему в студенческом возрасте. Полученные значения по шкалам полихронности, ориентации на настоящее, ценности времени как экономического ресурса как у мужчин, так и у женщин могут рассматриваться как маркеры психологического времени личности в условиях глобализации.

Результаты исследования согласуются с данными, полученными ранее учеными, изучающими временную перспективу молодого поколения. У молодого поколения отсутствует долговременная перспектива, что может неблагоприятно сказаться на их психологическом здоровье и негативно повлиять в целом на социально-экономическое развитие общества [8]. Молодежь, предпочитающая жить настоящим, ориентирована на пассивные, универсальные ценности, имеющие значения для общества и других людей. Они не склонны проявлять социальную активность, самостоятельность и добиваться успеха [4].

Таким образом, результаты исследования подчеркивают необходимость изучения социально-демографических характеристик как предпосылок развития психологического времени личности. Кроме того, на основе результатов данного исследования может быть разработана программа, направленная на изменение временной перспективы у студентов на более сбалансированную.

Библиографический список

1. Алиев М.Ш. Гендерные различия в восприятии временной перспективы старшеклассников // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2009. № 4. С. 7-12.
2. Головаха Е.И., Кроник А.А. Понятие психологического времени // Категории материалистической диалектики в психологии / Под ред. Л.И. Анциферовой. М., 1988.
3. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев, 1984.
4. Дейнека О.С., Забелина Е.В., Честюнина Ю.В., Трушина И.А. Модель психологического времени молодого поколения в период глобализации, обусловленная динамикой универсальных ценностей // Вестник Удмуртского университета. 2018. Т. 28 (2). С. 182-192.
5. Егоренко Т.А., Родина Е.М. Роль временной перспективы в профессиональном самоопределении студентов // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 4. С. 11-15.
6. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени: Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010.
7. Кузнецова О.В., Петрушова И.В. Взаимосвязь механизмов психологической защиты и временной перспективы в период средней зрелости // Психолого-педагогические исследования. 2018. Т. 10. № 1. С. 20-31.
8. Лебедева Н.М. Ценности культуры и развитие общества. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.
9. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004.
10. Сырцова А. Возрастная динамика временной перспективы личности. М., 2008.

**GENDER FEATURES OF THE PSYCHOLOGICAL TIME
OF THE INDIVIDUAL (BASED ON “STUDENTS-AGE-YOUTH” STUDY)**

Abstract. The article is devoted to the issue of gender specificity of the psychological time of the individual in the modern globalized society. The purpose of the empirical study was to study the features of the psychological time of the students' personality, taking into account their gender. The study involved students (294 people) aged from 17 to 21 years. As a result, the features of psychological time for students depended on their gender were found. The data obtained indicate the important role of sexual characteristics in the perception of time, attitude to the past, present and future. In addition, the features of students' psychological time are considered as markers of psychological time in the context of globalization.

Keywords: psychological time, youth, gender.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 18-013-00201 A.

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОЦЕНОЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ О СУБЪЕКТЕ⁴¹

Аннотация. Проведен лингвостатистический анализ оценочных высказываний в нехудожественных текстах авторов мужского и женского пола о персонах мужского и женского пола. Использовались четыре шкалы оценочных определений субъекта – позитива и негатива (полюса холистического оценочного измерения), притяжения и отвержения (полюса дистантивного оценочного измерения). Материалом исследования послужили автобиографии, биографии, дневники, записные книжки, мемуары, записки, личные письма, тексты блогов, конференций, смс-сообщений, форумов, составившие пользовательские подкорпуса Национального Корпуса русского языка. Подтверждена гипотеза о существовании половых различий в оценочных высказываниях о субъекте. Оценочные высказывания в текстах женщин встречаются заметно чаще, чем у мужчин. Авторами одного и другого пола по шкалам притяжения и отвержения персоны женского пола оцениваются чаще, чем – мужского. Высказано предположение, что сделанные выводы требуют уточнений, в частности из-за того, что объемы текстов, составляющих подкорпусы, существенно различны как по типам текстов, так и по половой принадлежности авторов.

Ключевые слова: языковая картина человека, эмотивная и когнитивная лингвистика, гендер, лингвостатистический подход, социальная лингвистика, психолингвистика чувств и эмоций.

Предметом исследования выступили половые различия в оценочных высказываниях в нехудожественных текстах, входящих в Национальный корпус русского языка [1], доступный для поиска электронный онлайн-корпус русских текстов (далее, НКРЯ). Был проведен сопоставительный количественный и качественный анализ оценочных высказываний авторами мужского и женского пола.

Методический подход. В исследовании применялись методы и методики корпусной лингвистики. Лингвостатистический анализ открывает богатые возможности для изучения многих явлений, составляющих языковой базис обыденного сознания. Материалом исследования послужили нехудожественные тексты – автобиографии, биографии, дневники, записные книжки, мемуары, записки, личные письма, тексты блогов, конференций, смс-сообщений, форумов, составившие пользовательские подкорпуса. Подкорпус авторов женского пола имеет объем 607 документов, 586316 предложений, 6926986 слов. Подкорпус авторов мужского пола имеет объем 3539 документов, 2929960 предложений, 39533971 слово. Собирались статистические данные о частоте словесных конструкций, включающих оценочное прилагательное и одну из персон определенного пола. Перечень именованных персон женского пола включал следующие лексемы: женщина, жена, девушка, девочка, девица, баба, старуха, дама. Перечень именованных персон мужского пола включал следующие лексемы: парень, мальчик, старик, ученик, муж, работник, учитель, мужик, гражданин, мужчина, юноша. В данные перечни включены высокочастотные имена существительные, не имеющие выраженной эмоциональной коннотации. Они перечислены в порядке убывания частотности. Всего было обнаружено 4485 искомым словесных конструкций.

⁴¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-01194.

Использовались четыре шкалы оценочных определений субъекта – позитива, негатива, притяжения, отвержения. В **шкалу позитива** вошли лексемы: добрый, честный, хороший, благородный, порядочный, простой отзывчивый, чистый, славный, достойный, верный, мягкий, любящий, прямой, настоящий, серьезный, справедливый, искренний, чуткий, трудолюбивый, преданный, великодушный, сердечный, правдивый, работающий. В **шкалу негатива** вошли: злой, жестокий, страшный, грубый, ужасный, плохой, дурной, хитрый, трудный, опасный, нехороший, коварный, темный, бессердечный, низкий, вредный, бессовестный, жадный, недобрый, нечестный, несправедливый, негодный, проклятый, невоспитанный, серый, развратный, дрянной. В **шкалу притяжения** вошли: милый, красивый, прекрасный, приятный, симпатичный, скромный, любимый, любезный, нежный, интересный, обаятельный, тонкий, спокойный, прелестный, ласковый, легкий, душевный, очаровательный, яркий, приветливый, вежливый, привлекательный, элегантный, обходительный, чудный, чудесный. В **шкалу отвержения** вошли: скучный, неприятный, холодный, бессердечный, тяжелый, черствый, некрасивый, отвратительный, нудный, гадкий, противный, неинтересный, эгоистичный, скверный, мерзкий, неблагодарный, пошлый, ненавистный, гнусный, уродливый, сердитый, замкнутый, бездушный, корыстолюбивый.

Автор исходил из того, что оценка субъектом Другого осуществляется по нескольким измерениям, которые имеют свои лексико-семантические поля. В данном сообщении обсуждаются оценки только по двум измерениям – холистическому и дистантивному. Шкала позитива и шкала негатива представляют собой полюса холистического оценочного измерения (общей оценки Другого). Шкала притяжения (приятности оцениваемого субъекта) и шкала отвержения (неприятности, непривлекательности) представляют собой полюса дистантивного измерения.

Сбор данных происходил с использованием поисковых запросов в НКРЯ. Серия поисковых запросов позволила определить абсолютные частоты (число найденных словесных конструкций, включающих прилагательное и существительное) оценочных определений по каждой из четырех перечисленных шкал в пользовательских подкорпусах авторов-мужчин и авторов-женщин. Статистику составляли данные четырех видов: 1) оценочные определения (прилагательные) персон женского пола в текстах авторов-мужчин; 2) оценочные определения персон мужского пола в текстах авторов-мужчин; 3) оценочные определения персон женского пола в текстах авторов-женщин; 4) оценочные определения персон мужского пола в текстах авторов-женщин.

Обработка данных. Были вычислены частоты оценочных определений нескольких видов: оценки авторами-мужчинами мужчин, женщин (как объектов оценки), оценки авторами-женщинами мужчин, женщин. Для сопоставления количественных показателей использовались относительные частоты, они были получены в результате деления абсолютных частот на число упоминаний персон соответствующего пола. Для уменьшения числа нулей в показателях полученные частные умножались на 1000.

Результаты. В текстах авторов-женщин люди обсуждаются заметно чаще, чем в текстах мужчин. Мужчины обсуждают лиц женского и мужского пола примерно с одинаковой частотой (относительные частоты 1,34 и 1,21). Лиц своего пола женщины обсуждают почти вдвое чаще, чем мужчины (относительные частоты 2,21 и 1,21). Сопоставление объектов оценки показывает, что женщина чаще выступает объектом оценки, как у авторов-мужчин, так и авторов-женщин. Это различие особенно заметно у авторов-женщин: в текстах авторов мужского пола средние величины частоты оценок мужчин как объектов 7,10, а женщин 9,73, в текстах авторов женского пола средние величины частоты оценок мужчин как объектов 6,69, а женщин 11,92. Даже с учетом различного количества лексических величин в шкалах, хорошо видно, что, как у авторов-мужчин, так и у авторов-женщин, частота положительных оценок

(по шкалам позитива и притяжения) на порядок превосходит частоту отрицательных оценок (по шкалам негатива и отвержения).

Оценки по шкале позитива. Оценки позитивности лицам своего пола мужчины и женщины дают примерно с одинаковой частотой (14,90 и 14,19). Частоты оценок лиц противоположного пола различны: мужчины в полтора раза чаще оценивают позитивно мужчин, чем женщин (относительные частоты 14,90 и 9,88). У женщин такого рода различие выражено слабее, женщины в 1,29 раза чаще (относительные частоты 14,19 и 11,04) оценивают позитивно лиц женского пола, чем лиц мужского пола. Суммарные частоты позитивных характеристик, даваемые мужчинами и женщинами, мужчинам и женщинам примерно равны (25,94 и 24,07).

Оценки по шкале негатива. Негативные оценки лицам своего пола женщины дают несколько чаще, чем мужчины (2,55 и 2,06). Мужчины несколько чаще негативно оценивают женщин (1,79), чем женщины – мужчин (1,29). Наибольшее различие по критичности оценок у авторов-женщин: мужчины как объекты оценок имеют частоту 1,29, а женщины 2,55. Суммарные частоты негативных характеристик, даваемые мужчинами и женщинами одинаковы (3,85 и 3,84).

Оценки по шкале притяжения (привлекательности). По этой шкале женщины чаще оценивают Другого, чем мужчины (42,98 и 37,00). Оценки приятности лицам своего пола женщины дают почти в три раза чаще, чем мужчины (29,36 и 10,75). Привлекательность женщин оценивается существенно чаще, чем мужчин, как мужчинами (относительные частоты 26,25 и 10,75), так и женщинами (относительные частоты 29,36 и 13,62). Женщины чаще обнаруживают в мужчинах приятные черты (13,62), чем мужчины у мужчин (10,75). Суммарные частоты характеристик привлекательности, даваемые мужчинами и женщинами, мужчинам и женщинам сильно различаются (24,37 и 55,61).

Оценки по шкале отвержения (неприятности). Оценки неприятности лицам своего пола женщины дают более чем в два раза чаще, чем мужчины (1,57 и 0,69). Оценки отвержения и мужчины и женщины дают чаще женщинам, это различие у женщин 1,57 и 0,81, у мужчин 1,00 и 0,69. Женщины чаще оценивают по этой шкале Другого, чем мужчины (2,38 и 1,69). Женщины чаще оцениваются авторами как мужского, так и женского пола, мужчины реже (2,57 и 1,50).

Обсуждение результатов. Материал, который был взят нами для лингвостатистического анализа (автобиографии, биографии, дневники, записные книжки, мемуары, записки) представляет собой самопроизвольно сгенерированные тексты. Этим он существенно отличается от тех текстов (письменных или устных), которые можно получить от респондента в интервью, беседах или в ходе проведения опросов. Больше внимание женщин, в сравнении с мужчинами, к социальному миру, чем к предметному, рукотворному, было много раз отмечено как психологами, так и представителями других наук. Результаты проведенного нами эмпирического исследования позволили выявить ряд важных характеристик в оценивающих высказываниях. К ним я отношу расхождение в направленности различий в общих оценках субъекта, к числу которых относятся такие определения, как добрый, честный, хороший, благородный, порядочный (шкала позитива) и такие, как злой, жестокий, страшный, грубый, ужасный (шкала негатива). Авторы-женщины отмечают позитивные качества (определения: добрый, честный, хороший, благородный, порядочный...) у женщин как объектов оценки в 5,6 раз чаще, чем негативные (определения: злой, жестокий, страшный, грубый, ужасный...), а у мужчин как объектов оценки отмечают в 8,6 раз чаще. Авторы-женщины пишут о привлекательности (определения: милый, красивый, прекрасный, приятный, симпатичный) женщин как объектов оценки, в 18,7 раз чаще, чем о непривлекательности (определения: скучный, неприятный, холодный, бессердечный,

тяжелый...), а о привлекательности мужчин в 16,8 раз чаще, чем о непривлекательности. Авторы-мужчины отмечают позитивные качества мужчин как объектов оценки в 5,7 чаще, чем негативные качества, а у женщин как объектов оценки отмечают в 5,2 раза чаще, чем негативные. Авторы-мужчины пишут о привлекательности мужчин в 15,6 раз чаще, чем о непривлекательности, о привлекательности женщин в 26,3 раз чаще, чем о непривлекательности. Если эти различия описать кратко, то можно заключить, что по холистическому измерению (общая оценка описываемого субъекта – Другого) авторы-женщины чаще оценивают позитивно мужчин, чем женщин. Выраженных половых различий в оценках привлекательности описываемого субъекта не обнаружено.

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

1) В текстах женщин заметно чаще, чем у мужчин, встречаются оценочные высказывания. Это относится как к качествам, которые притягивают к субъекту, так и к качествам, которые отталкивают.

2) Как мужчинами, так и женщинами лица женского пола чаще оцениваются по шкалам притяжения и отвержения, чем мужского.

Полученные лингвостатистические показатели, возможно, требуют дополнительной проверки. В частности, это связано с тем, что объемы текстов, составляющих подкорпусы, существенно различны. Насколько сильно данные различия влияют на лингвостатистические показатели, к настоящему моменту оценить трудно, поскольку в отечественной науке отсутствуют данные, которые можно было бы использовать для оценки этого влияния.

Библиографический список

1. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>

Kulikov L. V.

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg

GENDER DIFFERENCES IN EVALUATIVE STATEMENTS ABOUT THE SUBJECT

Abstract. A linguostatistical analysis of evaluative statements in non-fiction texts of male and female authors about male and female characters was carried out. Four scales of evaluation definitions of the subject were used: positive and negative (the poles of the holistic evaluation dimension), attraction and rejection (the polusadistantive evaluation dimension). The research material was based on autobiographies, biographies, diaries, notebooks, memoirs, notes, personal letters, texts of blogs, conferences, SMS messages, forums, which formed the user subcorpus of the National Corpus of the Russian language. The hypothesis about the existence of gender differences in evaluative statements about the subject was confirmed. Evaluative statements in the texts of women are much more common than men. Authors of both sexes use the scales of attraction and rejection to evaluate female personalities more often than male ones. It is suggested that the conclusions drawn require clarification, in particular due to the fact that the volumes of texts that make up subcorpuses differ significantly both: by text types and by gender of the authors.

Keywords: human language picture, emotive and cognitive linguistics, gender, linguostatistical approach, social linguistics, psycholinguistics of feelings and emotions.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 18-013-01194.

МАСКУЛИННОСТЬ/ФЕМИНИННОСТЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ У СТУДЕНТОВ

Аннотация. В статье рассматривается актуальная тема для юношей и девушек – выбор профессии. Влияние гендерных стереотипов на профессиональное становление. Выявлено, что существуют мотивы, которые являются общими для юношей и девушек. К ним относятся социально значимый труд, стабильность, надежная работа на длительное время. Для девушек важнее всего в профессии – это свобода и независимость, возможность воплощать в работе свои идеалы и ценности, а для юношей возможность сохранять гармонию между сложившейся личной жизнью и карьерой.

Ключевые слова: маскулинность, феминность, гендерный стереотип, профессиональная мотивация, выбор.

Выбор профессии – это самый сложный, важный шаг современной молодежи. Этот процесс усложняют несколько факторов. Первым таким фактором является возраст человека. В 18 лет непросто принимать судьбоносные решения. Отсутствие жизненного опыта и незнание своих способностей не позволяют юноше или девушке в полной мере оценить свои возможности. Далее вмешиваются такие факторы, которые связаны с различными общественными явлениями – такими, как мода, престиж, оплата, стереотипы, которые могут ввести в заблуждение и направлять личность по ложному пути выбора. Все эти факторы влияют на мотивацию и ценности, которые определяют и направляют профессиональный выбор и самоопределение личности. То есть различные внешние и внутренние факторы могут лежать в основе профессиональной мотивации личности.

Так социальные стереотипы маскулинности и феминности могут влиять на выбор и профессиональное становление личности. Приобретение тех или иных типично мужских или типично женских психологических черт происходит в результате совместного влияния обеих групп факторов – биологического и социального порядка. В этом контексте психологический пол – это усвоенные и интегрированные личностью способы самопрезентации, которые приняты и одобрены обществом для определенного биологического пола. В современной психологии для определения совокупности социально-биологических характеристик используют понятие гендер. Существует три основных понятия, о которых принято говорить в связи с феноменом «психологический пол» – маскулинность, феминность и андрогинность.

Первое понятие – маскулинность – совокупность психологических качеств, принадлежащих типичному среднему мужчине. К маскулинным качествам и свойствам относятся: умение самоутвердиться, сильная личность, напористость, аналитичность, способность руководить, готовность рисковать, доминирование, мужественность, внешняя сдержанность, способность действовать в качестве лидера, сила, смелость, сила воли, выносливость. Второе понятие – феминность – совокупность психологических качеств, принадлежащих типичной средней женщине. К феминным качествам и свойствам относят: уступчивость, застенчивость, склонность к проявлению чувств, нежность, женственность, сострадательность, мягкость в высказываниях, стремление утешить, обаяние, доверчивость,

неиспользование резких и грубых выражений, красота, терпимость. Маскулинность и фемининность играют роль модели чисто мужского и женского. Третье понятие – андрогинность – совмещение маскулинных и фемининных черт в индивиде.

Различные врожденные психологические особенности (способности, таланты и т. д) и формируемые характеристики личности в будущем могут повлиять на склонность к той или иной профессиональной деятельности. Маскулинность и фемининность, как конструируемые психологические особенности также влияют на выбор и профессиональное становление личности.

Несмотря на демократизацию и усиление толерантности по отношению к гендерным стереотипам, выбирая профессию, личности по-прежнему приходится определяться в своем внутреннем континууме «допустимости» для себя работать в поло-типичной или полонетипичной профессии.

Воронцов Д.В. определяет гендерные стереотипы как устойчивые, повторяющиеся, общепринятые представления (мнения) о месте и исполняемых ролях того или иного гендера в обществе [2].

Гендерные стереотипы предполагают наличие у мужчин таких качеств, как рациональное мышление, активность, готовность отстаивать свои интересы. А женский образ включает в себя умение находить общий язык с людьми, оказывать эмоциональную поддержку [1].

По мнению Кона И.С. женщины шаг за шагом осваивают новые для себя занятия и виды деятельности, что сопровождается их психологическим самоизменением и изменением их коллективного самосознания, включая представления о том, как должны складываться их взаимоотношения с мужчинами [5].

То есть большинство исследователей выделяют, что гендерные стереотипы влияют на профессиональную мотивацию и профессиональный выбор. Например, по данным Головей Л.А. (1996), среди девушек преобладает социальная, артистическая направленность, а среди юношей – предпринимательская и исследовательская [3].

С древних времен традициям идентификации личности придавалась огромная значимость. Детей по всей строгости воспитывали быть только мальчиками или только девочками. Учили их определенным навыкам, свойственным их полу [4].

Таким образом, гендерные стереотипы, нормы и образцы половой идентификации и ее социальной презентации являются важным фактором, влияющим на профессиональное становление личности на разных этапах: от выбора профессии и в ходе ее получения в вузе.

В целом, создание эмоционально заряженных образов является фундаментом для формирования положительной мотивации личности при организации личностно-профессионального развития. В период обучения в высшем учебном заведении у студентов происходит формирование более зрелой мотивационной сферы, появляются такие мотивы, как мотивы самореализации, учебно-познавательные, профессиональные и другие. У молодых людей формируется качественно иное отношение к учению как к основе будущей профессиональной деятельности, приобретающей личностный смысл [7]. Поэтому исследование различных психологических факторов, которые влияют на профессиональную мотивацию личности студента, является актуальной задачей.

Таким образом, цель исследования – выявить особенности маскулинности/фемининности и профессиональной мотивации у студентов юношей и девушек.

В исследовании приняли участие 65 человек (33 девушка и 32 юноша) студенты гуманитарных специальностей КубГУ. в возрасте от 18 до 22 лет.

Методики исследования: методика диагностики психологического пола Бем С. (в адаптации Лопуховой О.Г.) [6]; методика исследования мотивации и установки на профессиональную деятельность у студентов (Крылова А.В., Игнатьева И.А.); методика диагностики ценностных ориентаций в карьере «Якоря карьеры» (Шейн Э., адапт. Чикер В.А., Винокурова В.Э.); «Опросник на выявление ведущих мотивов профессиональной деятельности» в модификации Головей Л.А.

Опишем полученные результаты.

1. Выявление особенностей маскулинности и фемининности у по результатам методики Бем С. показало, что у девушек-студенток высокий уровень выраженности маскулинности – 10,81 баллов, и высокий уровень выраженности фемининности – 11,19 баллов. Соотношение этих шкал в контексте используемой методики даёт тип психологического пола – андрогинность.

У юношей высокий уровень выраженности маскулинности – 10,43 баллов, и высокий уровень выраженности фемининности – 9,4 балла. Соотношение этих шкал даёт тип – андрогинность.

Таким образом, у девушек и юношей студентов преобладает андрогинный тип, с более выраженной фемининностью у девушек.

2. Для исследования мотивации и установки на профессиональную деятельность у студентов была использована методика Крыловой А.В., Игнатьевой И.А., где были изучены мотивация и установки на профессиональную деятельность у студентов.

Таким образом, как у девушек, так и у юношей средний уровень выраженности по шкале «установка на профессию», что говорит о среднем уровне профессиональной информированности (о перспективах, способах повышения квалификации и т. д. и т. п.). Высокий уровень выраженности по шкале «внутренняя мотивация», что говорит о сильном желании учиться выбранной профессии. Средний уровень выраженности по шкале «внешняя положительная мотивация», что говорит о средней степени внешнего положительного воздействия (поощрения) на студентов за работу. И низкий уровень выраженности по шкале «внешняя отрицательная мотивация», и это значит, что внешнее отрицательное воздействие (наказания) с целью улучшить работу студентов очень слабое.

3. Далее для выявления ценностных ориентаций в профессиональной деятельности у студентов была использована методика диагностики ценностных ориентаций в карьере «Якоря карьеры» (Шейн Э., адапт. Чикер В.А., Винокурова В.Э.). «Якоря карьеры» – это ценностные ориентации, социальные установки, интересы и т. п. социально обусловленные побуждения к деятельности, характерные для определённого человека. По итогам теста определяется ведущая карьерная ориентация - количество набранных баллов должно быть не менее пяти. Иногда ведущей не становится ни одна карьерная ориентация – в таком случае карьера не является центральной в жизни личности.

По результатам диагностики выявлено, что у девушек на первом месте ориентация на автономию (36,9), далее по убыванию. Ориентация на служение (36,6), на стабильность работы (21,9), на интеграцию стилей жизни (33,5), на предпринимательство (32,2), на менеджмент (27,3), на вызов (22,5), на профессиональную компетентность (17,7) и меньше всего девушки ориентируются на стабильность места жительства (8,29). Итак, для девушек важнее всего в профессии – это свобода и независимость. Для них важна свобода от организационных правил, предписаний и ограничений. Также для девушек важно

воплощать в работе свои идеалы и ценности. Данная ценностная ориентация характерна для людей, занимающихся делом по причине желания реализовать в своей работе главные ценности. Также по результатам исследования девушки заинтересованы в стабильной, надежной работе на длительное время. Они испытывают потребность в безопасности, защите и возможности прогнозирования и будут искать постоянную работу с минимальной вероятностью увольнения.

У юношей на первом месте ориентация на служение (38), далее по убыванию. Ориентация на стабильность работы (22,29), на автономию (35,81), на интеграцию стилей жизни (35,67), на вызов (31,43), на предпринимательство (29,29), на профессиональную компетентность (27,71), на менеджмент (26,24), и меньше всего юноши ориентируются на стабильность места жительства (12,81). Самым важным в работе для юношей является воплощать в работе свои идеалы и ценности. Данная ценностная ориентация характерна для людей, занимающихся делом по причине желания реализовать в своей работе главные ценности. Еще для юношей в профессиональной деятельности важно сохранение гармонии между сложившейся личной жизнью и карьерой. Для студентов карьера должна ассоциироваться с общим стилем жизни, уравнивая потребности человека, семьи и карьеры.

Таким образом, для девушек важнее всего в профессии – это свобода и независимость, возможность воплощать в работе свои идеалы и ценности и стабильная, надежная работа на длительное время. Самым важным в работе для юношей является воплощать в работе свои идеалы и ценности, стабильная, надежная работа на длительное время, свобода и независимость и сохранение гармонии между сложившейся личной жизнью и карьерой.

4. И еще одна методика позволила выявить некоторые аспекты профессиональной мотивации студентов – это «Опросник на выявление ведущих мотивов профессиональной деятельности» в модификации Головей Л.А.

По результатам данной методики выявлено, что у девушек на первом месте мотивы социальной значимости труда – 14,6 баллов, на втором месте мотивы собственного труда – 13,1 балла, на третьем месте мотивы самоутверждения в труде – 11 баллов, и на последнем месте мотивы профессионального мастерства – 6,57 баллов. Для юношей ведущими мотивами являются мотивы социальной значимости труда – 15,24 балла, на втором плане мотивы самоутверждения в труде – 11,86 баллов и мотивы собственного труда – 11,71 баллов, на последнем месте мотивы профессионального мастерства – 6,57 баллов.

То есть как у юношей, так и девушек на первом месте стоят мотивы социальной значимости труда, а на последнем месте мотивы профессионального мастерства. У девушек более выражены мотивы собственного труда.

5. Далее была проведена оценка значимости различий между выборками по U-критерию Манна-Уитни. Для анализа данных было использовано приложение «STATISTICA».

Анализ результатов показал, что выявлены значимые различия:

- в женской выборке сильная выраженность по шкале «фемининность» ($p=0,011884$). Это значит, что группа девушек студенток превосходит группу юношей студентов по выраженности фемининного типа гендерной идентичности.

- в мужской выборке сильная выраженность по шкале «профессиональная компетентность» ($p=0,001123$). Это значит, что группа юношей-студентов превосходит группу девушек-студенток по уровню ориентации быть профессионалом, мастером в своей профессиональной деятельности.

- в мужской выборке сильная выраженность по шкале «стабильность места жительства» ($p=0,045514$). Это значит, что группа юношей-студентов превосходит группу девушек-студенток по уровню ориентации в профессиональной деятельности жить в своём городе, то есть иметь минимум переездов и командировок.

- в мужской выборке сильная выраженность по шкале «вызов» ($p=0,009925$). Это значит, что группа юношей-студентов превосходит группу девушек-студенток по уровню ориентации в профессиональной сфере.

Итак, существуют гендерные различия мотивов: для девушек важнее всего в профессии – это свобода и независимость, возможность воплощать в работе свои идеалы и ценности, а для юношей – возможность сохранять гармонию между сложившейся личной жизнью и карьерой. Социально значимый труд, стабильность, надёжная работа на длительное время имеет большое значение для обеих выборок.

Библиографический список

1. Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001.
2. Воронцов Д.В. Гендерная социализация // Гендерная психология: Хрестоматия / Сост. Е.Е. Ли. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. С. 83-87.
3. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2007.
4. Ильин Е.П. Пол и гендер. СПб.: Питер, 2016.
5. Кон И.С. Маскулинность как история // Гендерные проблемы в общественных науках: сб. науч. тр. / Отв. ред. И.М. Семашко. М., 2000.
6. Лопухова, О.Г. Опросник «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности (российский аналог «Bemsexroleinventory») // Вопросы психологии. 2013. № 1. С. 147-154.
7. Семенова Е.А., Чопюк Н.Ю. Гендерные различия мотивации: социокультурный контекст // Филология и культура. 2014. № 1 (35). С. 333-338.

Lupenko N.N.
Kuban State University
Krasnodar

MASCULINITY/FEMININITY AND PROFESSIONAL STUDENTS' MOTIVATION

Abstract. The article deals with an essential issue for young men and women – choosing a profession. What is the influence of gender stereotypes on professional development? It is revealed that there are motives that are common for young men and women, such as socially significant work, stability, and reliable work that has to be selected for a long time. For girls, the most important thing in the profession is freedom and independence, the ability to embody their ideals and values in work. For young men it is the ability to maintain harmony between their personal life and career.

Keywords: Masculinity, femininity, androgyny, professional motivation.

**ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ГЕНДЕРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ХАРАКТЕРИСТИК
ЛИЧНОСТИ ПРЕДИКТОРОМ ЕЕ АДАПТИВНОСТИ
В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ?⁴²**

Аннотация. В статье обсуждаются отдельные результаты проверки гипотезы – может ли разнообразие гендерного поведения, наблюдаемое в современном обществе, быть следствием подстройки личности к жизни в условиях постоянных изменений. Методом корреляционного анализа изучена взаимосвязь гендерного стиля и жизнестойкости личности (N=60), ее толерантности к неопределенности (N=64). Обнаружена связь между гендерным стилем и толерантностью к неопределенности; связей между гендерным стилем и жизнестойкостью, ее компонентами не выявлено.

Ключевые слова: гендер, жизнестойкость, толерантность к неопределенности, социальное взаимодействие

В современном обществе происходит множество перемен, обусловленных самыми разными обстоятельствами: от интенсивного внедрения технологий в профессиональную и повседневную сферу жизни человека до необходимости организовывать свою жизнедеятельность в условиях пандемии коронавируса в текущем году. Добавим сюда также общую динамичность жизни за счет потока социально-экономических, политических и культурных событий, сопричастными которым мы становимся чуть ли не ежедневно с разницей лишь в том, что кто-то в большей, а кто-то в меньшей степени в них участвует. Все это определяет нагрузку на самые разные подсистемы личности и предъявляет к ней требования, связанные с адаптивностью к изменениям внешнего мира. Это обуславливает необходимость научного поиска личностных детерминант, которые являются предикторами адаптации и позволяли бы прогнозировать успешность, результативность деятельности личности, особенно в ситуациях социального взаимодействия, которые зачастую выступают краеугольным камнем, определяя интеграцию и дифференциацию в межгрупповом и межличностном взаимодействии.

Так, в ходе аналитической работы мы задались вопросом: быть может, то разнообразие гендерных характеристик личности, которое в последние десятилетия демонстрируется в социальном поведении, когда возрастает частота проявлений, активность в позиционировании своей гендерной индивидуальности, как-то связано с адаптивным потенциалом личности? Что через это гендерное разнообразие, классификация которого в научном плане еще находится в стадии понятийного осмысления [1], личность адаптируется к изменчивым условиям жизни современного общества, где традиционные модели гендерного поведения как будто бы становятся менее выигрышными, поскольку не соответствуют социальным реалиям?

Для проверки данного предположения мы обратили свое внимание на изучение взаимосвязи гендерных характеристик (маскулинности и фемининности) и таких

⁴² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00757.

интегральных характеристик личности, как жизнестойкость и толерантность к неопределенности. Маскулинность и фемининность являются психологическими измерениями гендера, свойствами личности, моделями социокультурного поведения, отличающимися степенью доминантности в отношениях, во взаимодействии, распределением ресурсов и различным доступом к возможностям. Мы предполагаем, что гендерные характеристики личности могут выступать предикторами ее адаптивности в изменяющихся условиях, в широком смысле этого термина, обозначенном Т.М. Марютиной, О.Ю. Ермолаевым и В.И. Трубниковым: «исходная характеристика индивида и его окружения, по которой можно с большим или меньшим основанием предсказывать другую (целевую) характеристику того же индивида» [3]. В качестве критериев адаптивности выступают жизнестойкость и толерантность к неопределенности.

Жизнестойкость – это возможность использовать ситуацию изменения для своего развития. Мы придерживаемся определения А.В. Махнач, что жизнестойкость представляет собой «особый паттерн установок и навыков, позволяющих превратить изменения в возможности» [4]. Жизнестойкость понимается как система убеждений человека о себе и о мире, об отношениях с ним, которые позволяют выдерживать и эффективно преодолевать стрессовые ситуации, возникающие в различных сферах жизнедеятельности личности. В одной и той же ситуации человек с высокой жизнестойкостью реже испытывает стресс и лучше справляется с ним. В работах С. Мадди жизнестойкость представляется как совокупность убеждений человека о себе, о мире и об отношениях с ним, включающая в себя три компонента: 1) вовлеченность; 2) контроль; 3) принятие риска [8], которые обеспечивают психологическую живучесть личности.

В понимании толерантности к неопределенности мы ориентируемся на определение Е.А. Любачевской [2], что это личностная характеристика, связанная со способностью человека выносить неопределенность и тревогу относительно негарантированного и непредсказуемого будущего, с готовностью принимать неопределенность как норму жизни, творчески преобразовывать окружающую действительность в субъективную определенность.

В ходе эмпирического исследования использовались: методика «Гендерный стиль лидерства» (А. Кэнн и Д. Зигфрид, модификация Т.В. Бендас) [5]; методика определения толерантности к неопределенности С. Баднер [6]; методика «Жизнестойкость» (С. Мадди, в адаптации Д.А. Леонтьева). Ниже представлены результаты по двум выборкам: выпускники-менеджеры (N=64) и предприниматели в сфере малого и среднего бизнеса (N=60).

В результате корреляционного анализа выявлены следующие взаимосвязи между изучаемыми характеристиками [7]: при высоком уровне толерантности к неопределенности (напомним, что шкала толерантности к неопределенности имеет обратный порядок значений) респондентам свойственно проявлять во взаимодействии маскулинные качества, такие как активность, уверенность в себе, независимость, доминантность, авторитарность и другие ($r = -0,63$), соответственно, респонденты с низким уровнем толерантности к неопределенности, наоборот, не склонны проявлять во взаимодействии маскулинные качества, а склонны к проявлению гендерно-нейтральных качеств, таких как тактичность, восприимчивость, систематичность, аналитичность, сознательность и другие ($r = 0,57$).

Взаимосвязи характеристик гендерного стиля и жизнестойкости личности по результатам корреляционного анализа нами не были обнаружены – выявлено наличие слабых связей: между гендерным стилем и общей жизнестойкостью ($r = - 0,07$); между гендерным стилем и вовлеченностью как возможностью получить что-то нужное, полезное или приносящее удовольствие ($r = - 0,05$); между гендерным стилем и контролем ситуации,

связанным с убежденностью влиять на ее результат своей борьбой, своими действиями ($r = -0,12$); между гендерным стилем и принятием риска через убежденность, что трудности дают личности новое знание и опыт ($r = 0,012$).

В подведение итогов обозначим следующее:

1) Результаты эмпирического исследования подтверждают наличие связей между гендерным стилем толерантностью к неопределенности, но не позволяют однозначно судить о характере причинно-следственной связи.

2) Результаты корреляционного анализа указывают на отсутствие связи между гендерным стилем и жизнестойкостью, ее компонентами – связи слабые.

3) Среди предпринимателей-респондентов, на выборке которых анализировалась связь с жизнестойкостью, в значительной доле преобладает гендерно-нейтральный стиль, в то время более дифференцированно оценить проявления гендерно-нейтрального стиля (напомним – не маскулинного и не феминного) не представляется пока возможным, так как ни типологии, ни психодиагностического инструментария для изучения вариативности гендерно-нейтральных или андрогинных моделей поведения нет.

4) Отвечая на вопрос, является ли гендерное разнообразие характеристик личности предиктором ее адаптивности в условиях социальных изменений, можем ответить пока неоднозначно – скорее да, но лишь отчасти. Для уточнения целесообразно продолжить изучение с оценкой других гендерных характеристик (по уровню маскулинности, фемининности, андрогинности) и их взаимосвязей с жизнестойкостью и толерантностью к неопределенности; проработать социально-психологическую типологию гендерного поведения.

Библиографический список

1. Воронцов Д.В. Гендер и квин: novum organum российской социальной психологии, или «приличные» термины для «неприличного» предмета // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 4. С. 14-28.
2. Любачевская Е.А. Толерантность к неопределенности как личностный феномен // Акмеология. 2013. № 3 (47). С. 78-80.
3. Марютина Т.М., Ермолаев О.Ю., Трубников В.И. О природе психологических предикторов // Психологическая наука и образование. 1998. Т. 3. № 1. С. 27-34.
4. Махнач А.В. Жизнеспособность как междисциплинарное понятие // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 6. С. 84-98.
5. Селезнева Н.Т., Дроздова Л.А. Управление командой: гендерный подход: Монография. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2008.
6. Солдатова Л.А. Психодиагностика толерантности личности: практическое пособие. М.: Смысл, 2008.
7. Титова О.И. Толерантность к неопределенности как фактор отношения к деловому взаимодействию в контексте развития общекультурных компетенций студентов вуза // Сибирский психологический журнал. 2018. № 68. С. 131-142.
8. Maddi S.R. On hardiness and other pathways to resilience // American Psychologist. 2005. Vol. 60. № 3. P. 261-262.

Titova O.I.

V.P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Krasnoyarsk

**IS THE GENDER DIVERSITY OF PERSONALITY CHARACTERISTICS
A PREDICTOR OF ITS ADAPTABILITY IN THE CONTEXT OF SOCIAL CHANGES?**

Abstract. The article discusses some results of testing the hypothesis whether the diversity of gender behavior observed in modern society and how can it be a consequence of the individual adjustment to life in the conditions of constant changes. Correlation analysis was used to study the relationship between gender style and personal resilience (N=60) and its tolerance to uncertainty (N=64). The relationship between gender style and tolerance to uncertainty was found; the relationship between gender style and resilience and its components was not revealed.

Keywords: gender, resilience, tolerance to uncertainty, social interaction.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20-013-00757.

Яресько Ирина Вадимовна
Кубанский государственный университет
Краснодар
Ожигова Людмила Николаевна
Кубанский государственный университет
Краснодар
topvolna@mail.ru

ГЕНДЕРНАЯ САМООЦЕНКА И ГЕНДЕРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Аннотация. В статье представлено исследование гендерной самооценки и гендерных характеристик (маскулинности/андрогинности/фемининности) личности у юношей и девушек. Выявлены статистически значимые различия между юношами и девушками в уровнях и гендерной самооценки, где юноши обладают более высокой и более позитивной гендерной самооценкой, а девушкам свойственно некритическое отношение к себе. В общей выборке большинство юношей и девушек имеет андрогинный психосоциальный пол. Гендерные характеристики рассмотрены более дифференцированно – андрогинно-маскулинные, андрогинно-фемининные, чем предложено в методике С. Бем (в адаптации О.Г. Лопуховой). Выявлены статистически значимые различия между юношами и девушками в предложенных дифференцированных типах гендерных характеристик: внутри группы андрогинов у девушек, по сравнению с юношами, преобладает андрогинно-фемининный тип; чистый андрогинный и андрогинно-маскулинный тип встречается у юношей чаще, чем у девушек

Ключевые слова: гендер, гендерная самооценка, гендерные характеристики, маскулинность, фемининность, андрогинность.

В современном мире гендерные аспекты личностной и социальной идентичности являются динамичными составляющими, не просто стремящимися к интеграции различных частей личности (внешнего и внутреннего), но часто подвергаются «атаке» со стороны социума, выражающейся в новых гендерных и мультигендерных моделях поведения. В итоге современный человек часто попадает в ситуацию некоторой внутренней разбалансировки имеющихся у него гендерных стереотипов и современной гендерной реальности, что может вызывать состояния фрустрации, кризиса экспектаций гендерных характеристик, беспокойство и тревогу, которые в режиме постоянной активации могут интериоризироваться в глубокие травматичные переживания. Возникает проблема нереализованной гендерной идентичности, что в целом препятствует достижению личности своей аутентичности.

Понятие «гендер» является составной частью современного процесса глобализации и определяется как социально-психологический пол личности, то есть обозначает сложный процесс социализации и интериоризации личностью установок и правил поведения в отношении своего биологического пола [1].

Наиболее упрощенная модель гендерной дифференциации фиксируется в биполярной патриархатной модели «мужское – женское», в более эгалитарной андрогинной модели С. Бем выделяют характеристики: маскулинные, фемининные, андрогинные, недифференцированные. В современной психологии выделяют новую модель гендерной идентичности – мультиполярную. Так, отмечается, что андрогинная модель идентичности

С. Бем является переходным вариантом от биполярной к мультиполярной, позволяющей более полно описать гендерную идентичность современной личности [2].

Гендер в мультиполярной модели – это подвижная и изменчивая множественность, продукт социума и культуры, производная системы гендерных представлений и ожиданий, существующей в конкретном обществе (стране, среде, общине) в конкретное время. Наши современники – мужчины и женщины – интерпретируются гораздо шире культурно обусловленных конструкторов мужественности и женственности.

Отсюда можно заключить, что выбираемый и переживаемый личностью гендер в современном мире подвижен и часто требует от человека более точной ориентировки в «наблюдаемом» гендере Другого, расширенного репертуара семантических установок в описании (буквально в словарном запасе) гендерных характеристик Я или Другого [3].

Особенно в юношеском возрасте гендерная дифференциация и гендерная ориентировка имеют существенное значение, так как в этот период происходит кристаллизация наиболее устойчивых Я-конструкций личности, поиск Другого, способного разделить опыт близких отношений, интимности психологической и телесной. Особо напряженная работа по становлению идентичности происходит в юности, в период установления устойчивых и определенных отношений с обществом и определения перспектив своего развития. Юношеский возраст характерен тем, что именно здесь гендерная идентичность достигает своей окончательной сформированности, цельности, что, по мнению В.А. Перегудиной, определяется существенным влиянием личного опыта на ее становление [4].

Поэтому актуально исследование гендерной самооценки как части общей Я-концепции личности и гендерных характеристик, которые позволяют личности соотнести себя с имеющимися в культуре гендерными стереотипами и пережить их как интегрированный опыт Я или найти мультиполярные определения своей гендерной идентичности.

Целью нашего пилотажного исследования стало изучение гендерной самооценки и гендерных характеристик у современных юношей и девушек.

Выборка сформирована из студентов КубГУ в объеме 60 человек (n=60). Из них 32 человека – девушки (53% выборки) и 28 юношей (47% выборки). Возраст студентов 17-22 года.

Для исследования гендерных характеристик были использованы следующие методики: 1. Методика исследования гендерной самооценки С.А. Будасси (модификация инструкции). 2. Опросник BSRI С. Бэм (в адаптации О.Г. Лопуховой) использовался нами для диагностики психосоциального пола в категориях маскулинности – фемининности – андрогинности. Во избежание усредненных данных по андрогинному типу личности была оценена степень выраженности у них маскулинных и фемининных характеристик. Таким образом, сформировались еще две категории: андрогинны маскулинные и андрогинны фемининные.

В результате проведенного эмпирического исследования было выявлено, что больше половины юношей и девушек имеют среднюю адекватную самооценку – 57 %, высокую адекватную самооценку имеют 28 % всех юношей и девушек. Остальные уровни гендерной самооценки проявляются лишь у отдельных респондентов: низкий неадекватный (8%), высокий неадекватный (5%) и низкий адекватный (2%). Неадекватная гендерная самооценка в общем зафиксирована у меньшинства (13%) респондентов. Это значит, что большинство юношей и девушек имеют четкие, совпадающие представления о своем реальном и идеальном гендерном образе Я. Им свойственно позитивное отношение к себе, принятие себя, самоуважение, ощущение собственной полноценности.

Отметим, что средние значения коэффициента корреляции по Спирмену юношей немного выше, чем у юношей и девушек вместе взятых и выше, чем у девушек

(0,36>0,34>0,31). У девушек, наоборот, в среднем корреляция между реальным и идеальным гендерным образом Я меньше, чем общая и еще меньше, чем у юношей (0,31<0,34<0,36). Таким образом, юношам свойственна большая согласованность реального и идеального гендерного образа Я, чем девушкам. Следует так же отметить, что все названные значения коэффициента ранговой корреляции Спирмена (0,31; 0,34; 0,36) относятся к средней адекватной гендерной самооценке.

Проверка статистической значимости различий между выборками юношей и девушек с помощью Фи-критерия Фишера показала, что высокий адекватный уровень гендерной самооценки у юношей и девушек, а также высокий неадекватный уровень гендерной самооценки у юношей и девушек статистически значимо различается ($p<0,01$) на высоком уровне. Средний адекватный уровень гендерной самооценки у юношей и девушек, а также низкий адекватный уровень гендерной самооценки у юношей и девушек статистически значимо различается ($p<0,10$) на невысоком уровне (тенденция). Нет статистически значимых отличий между юношами и девушками с низким неадекватным уровнем гендерной самооценки. Таким образом, юноши больше, чем девушки имеют высокую адекватную гендерную самооценку, а высокую неадекватную, в отличие от девушек, не имеют совсем.

На основании сырых баллов, путем сопоставления, были определены «маскулинный», «фемининный», «андрогинный» и «недифференцированный» пол личности. Большинство юношей и девушек имеет андрогинный психосоциальный пол (87%), у отдельных юношей и девушек зафиксирован фемининный (10%) и маскулинный (3%) психо-социальный пол личности. Недифференцированный тип не зарегистрирован.

В виду попадания большинства современных респондентов в группу андрогинов, которые различаются по степени выраженности маскулинных и фемининных характеристик, мы предприняли попытку выделения из группы андрогинов юношей и девушек с более высокими значениями по маскулинности / фемининности. Пересмотр результатов с такой позиции позволил уточнить полученные данные и выявить некоторые различия между юношами и девушками.

У юношей и девушек в общем преобладает андрогинный фемининный тип (32%), андрогинный (28%) и андрогинный маскулинный (27%). Т. е. часть юношей и девушек (32%) полагает, что они обладают маскулинными качествами, но отдают приоритет своим фемининным качествам. Часть юношей и девушек (28%), определяющих себя через андрогинные характеристики, считают, что они обладают выраженными и мужскими, и женскими качествами. По мнению 27% респондентов, у них сильнее развиты маскулинные качества, чем фемининные. Отдельные юноши и девушки (10%) определяют себя через фемининные характеристики, а маскулинных типов психосоциального пола в данной выборке практически нет (3%). Проверка статистической значимости различий (Фи-критерий Фишера, $p \leq 0,05$) показала, что отличия имеются только у андрогинно-фемининного типа.

Таким образом, большинство современных юношей и девушек имеют адекватную гендерную самооценку, большая часть из которой – средняя, а меньшая часть – высокая. То есть большинство юношей и девушек имеют четкие, совпадающие представления о своем реальном и идеальном гендерном образе Я. Однако, в среднем, юношам свойственна большая согласованность реального и идеального гендерного образа Я, чем девушкам. Наибольшие различия между юношами и девушками в уровнях гендерной самооценки проявились в случае высокой адекватной гендерной самооценки – у юношей она гораздо больше, чем у девушек; а также в случае высокой неадекватной гендерной самооценки – у девушек она больше, а у юношей вообще отсутствует. То есть юноши обладают более высокой, а значит и более

позитивной гендерной самооценкой. Девушкам, напротив, свойственно не критическое отношение к себе. В общей выборке большинство юношей и девушек имеет андрогинный психосоциальный пол, у отдельных юношей и девушек зафиксирован фемининный и маскулинный психосоциальный пол личности. Недифференцированный тип не зарегистрирован. В выборке юношей и в выборке девушек отмечается схожее распределение типов психосоциального пола, однако у девушек чаще, чем у юношей наблюдается андрогинный тип. Внутри группы андрогинов у девушек, по сравнению с юношами, преобладает андрогинно-фемининный тип. Чистый андрогинный, как и андрогинно-маскулинный тип встречается у юношей чаще, чем у девушек, однако эти различия статистически не значимы.

То есть в нашей выборке юношей и девушек преобладают традиционные представления – у юношей они больше связаны с маскулинными качествами, у девушек – с фемининными, хотя и прослеживается тенденция маскулинизации женщин и феминизации мужчин.

Библиографический список

1. Блохина Н.А. Понятие гендера: становление, основные концепции и представления // Летняя школа «Общество и гендер». Рязань, 2003.
2. Клецина И.С. Психология гендерных отношений. Теория и практика. СПб: Алетейя, 2004.
3. Ожигова Л.Н. Психология гендерной идентичности личности. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006.
4. Перегудина В.А. Возрастные модели гендерной идентичности // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 185-193.

Yaresko I.V.
Kuban State University
Krasnodar
Ozhigova L.N.
Kuban State University
Krasnodar

GENDER SELF-ESTEEM AND GENDER CHARACTERISTICS OF YOUNG MALES AND YOUNG LADIES

Abstract. The article presents a study of gender self-esteem and gender characteristics (masculinity/androgyny/femininity) of the individual in boys and girls. There are statistically significant differences between young males and young ladies in the levels of gender self-esteem. It is known that young males have a higher and more positive gender self-esteem, and young ladies tend to have a non-critical attitude to themselves. In the general sample, the majority of young males and young ladies have an androgynous psychosocial gender. Gender characteristics are considered in a more differentiated way-androgynous-masculine, androgynous-feminine, than suggested in the method of S. Bem (adaptation by O.G. Lopukhova). Statistically there are significant differences between young males and young ladies. In the prepositional differentiated types of gender characteristics were revealed: within the androgynous group, the androgynous-feminine type prevails in young ladies compared to young males. The weak androgynous and androgynous-masculine type occurs more often with young males than with young ladies.

Keywords: gender, gender self-esteem, gender characteristics, masculinity, femininity, androgyny.

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕМЕН: РИСКИ И ВЫЗОВЫ ИННОВАЦИЙ

Берберян Ася Суреновна
Российско-Армянский университет
Ереван, Армения
aspsy@inbox.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ К ЛИЧНОСТНО-ЦЕНТРИРОВАННОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

Аннотация. В статье раскрываются основные положения концепции гуманизации образовательной системы, направленные на создание условий саморазвития личности. Целью работы является исследование взаимосвязи психологической готовности к личностно-центрированному взаимодействию преподавателей высшей школы и их эмоционального интеллекта.

Методологической базой исследования являются научные работы в области личностно-центрированного подхода к образованию. В результате эмпирического исследования с преподавателями различных вузов были выявлены положительные концептуально-методические и технологические показатели к личностно-центрированному взаимодействию: новаторство, энтузиазм и рационализм, что говорит о подтверждении выдвинутой нами гипотезы. Личностные особенности преподавателей: уровень эмпатии, высокий показатель эмоционального интеллекта, высокий уровень субъективного контроля – играют значимую роль в области гуманизации образования, поскольку с точки зрения гуманистической парадигмы образования данные показатели подчеркивают важность субъект-субъектных отношений.

Ключевые слова: психологическая готовность, преподаватель высшей школы.

Образование является одной из важнейших сфер жизнедеятельности общества, его характеристика и развитие находятся в прямой зависимости от культурно-социального уровня общества, его политической организации, национальных и этнических особенностей, исторического развития, духовной атмосферы и др. Образовательная система становится тем общественным институтом, который не просто проводит знаниевую подготовку, но и способствует формированию мотивов саморазвития, обретению потребности самореализации, становлению самостоятельной личности, способной к самоопределению, саморазвитию, самополаганию, стимулирует интенцию на поиск и раскрытие личностных смыслов, формированию гуманной и экзистирующей личности, способной к проектированию своей собственной жизни, проживая «здесь и сейчас», и определяющая, в конечном счете, устойчивое развитие общества [1]. Традиционная система образования приводит к тому, что субъект образовательного процесса при теоретической подготовке не готов к практическому освоению профессиональной деятельности. Стратегия учебного процесса в контексте гуманизации образования должна строиться на подлинной саморегуляции и активном самоопределении личности обучающегося. Концепция гуманизации образовательной системы направлена на создание условий саморазвития личности, гуманистическая психология ставит запреты на любые прямые воздействия на личность, т. к. искусственное ограничение свободы выбора, самостоятельного развития личности тормозит развитие творческих, креативных возможностей личности» [1; 5].

Генеральная гипотеза: мы предполагаем, что существует взаимосвязь между психологической готовностью к личностно-центрированному взаимодействию и уровнем эмоционального интеллекта у преподавателей.

Целью работы является исследование взаимосвязи психологической готовности к личностно-центрированному взаимодействию преподавателей высшей школы и их эмоционального интеллекта.

Методологической базой исследования служат работы таких исследователей в области личностно-центрированного подхода к образованию, как Кульневич С.В., Якиманская И.С., Сериков В.В., Бондаревская Е.В., Викулина М.А., Андреев В.И., Берберян А.С.

Методами исследования являются: анкетирование, тестирование, наблюдение. В качестве **методик** исследования нами были выбраны: опросник для выявления уровня инновационной готовности к личностно-центрированному взаимодействию преподавателей ВУЗа (авторская методика) и диагностика «эмоционального интеллекта» (Н. Холл).

Новая модель образования рассматривает личностно-центрированное воспитание и образование в качестве ведущей идеи педагогической теории и практики (Бондаревская Е.В, Алексеев Н.А., Давыдов В.В., Кларин М.В., Крюкова Е.А., Зимняя И.А., Полат Е.С., Роджерс К., Якиманская И.С., Сериков В.В. и др.).

Единого понимания личностно-ориентированного подхода в современном образовании нет, несмотря на то, что он занимает лидирующие позиции на сегодняшний день.

На наш взгляд, для классификации существующих позиций удобно воспользоваться подходом Якиманской И.С., которая считала, что все «существующие модели личностно-ориентированного подхода к обучению условно могут быть разделены на три группы: социально-педагогическую, предметно-дидактическую, психологическую» [6]. Сложившаяся на сегодняшний день предметно-дидактическая модель личностно-центрированной педагогики связана с организацией научных знаний в комплексе с их предметным содержанием. Данная модель является своеобразной предметной дифференциацией, которая обеспечивает индивидуальный подход в обучении. В качестве средства индивидуализации обучения служили знания, а не их носитель – развивающийся ученик. Подача знаний организовывалась относительно степени их новизны, объективной трудности, уровню их интегрированности с учетом рациональных приемов усвоения, сложности его переработки, «порцией» подачи материала и т. п. Дидактика основывалась на предметной дифференциации, которая была направлена на раскрытие предпочтений обучаемого в работе с материалом разного предметного содержания и интерес к более углубленному его изучению, на предпочтениях обучаемого в отношении изучения разных видов предметной (профессиональной) деятельности. Конструирование предметной дифференциации составлялось с учетом объема и сложности учебного материала (задания повышенной/пониженной сложности).

Получается, что психологическая модель личностно-центрированного подхода в педагогике была сведена к признанию отличий в сфере познавательных способностей, трактуемых как сложное психическое образование, определенное анатомо-физиологическими, генетическими и социальными причинами и факторами в их непростом взаимовлиянии и взаимодействии.

Е.В. Бондаревской была предложена культурологическая модель личностно-центрированного образования [2]. Данная модель обеспечивает личностно-смысловое развитие учащихся. Главная идея ее концепции заключается в том, что развитие ученика

рассматривается не только как субъект жизнедеятельности, субъект познания, но и в качестве субъекта культуры – ее носителя, хранителя, пользователя, творца. Говоря о личностно-центрированном образовании нами подразумевается не только индивидуально-психологические особенности учащихся, но также определенный тип организации процесса образования, который основан на взаимодействии между педагогом и студентом. Данный тип создает более подходящие условия для развития у обучаемых способностей к самообразованию и реализации своих творческих способностей.

Стоит признать, что личностный компонент в содержании личностно-центрированного подхода к образованию является системообразующим (именно этим он и отличается от традиционного, где таковым признается когнитивный компонент). Особенность воплощения процесса личностно-центрированного образования заключается в создании определенной педагогической ситуации, которая ставит перед учащимся необходимость проявить себя как личность, подобная личностно-ориентированная ситуация называется «ситуацией востребования», которая «запускает механизмы» личностного роста, в ней затрагиваются вопросы самоопределения, признания, статуса, ведущих жизненных потребностей [4; 7; 8].

Личностно-центрированное обучение возникло как альтернатива традиционному «когнитивно-ориентированному». На сегодняшний день оно сталкивается с серьезными трудностями, например, в педагогике нет единого подхода в отношении построения модели личностно-центрированного образования; уже имеющиеся разработки трудны для реализации на практике, т. к. четких ориентиров для осуществления не дают. Именно поэтому и можно говорить о множественности концепций личностно-ориентированного подхода к образованию.

Нами было проведено исследование с преподавателями различных армянских вузов общим количеством 36 человек.

Проведя анализ полученных данных по выявлению преобладающего интегративного показателя уровня эмоционального интеллекта, получили следующий результат: 1) наибольшее количество респондентов обладают высоким интегративным уровнем EQ – 29 респондентов из 36 (80,5%), 4 респондента из 36 (11%) – средним уровнем EQ, наконец, 3 респондента из 36 (8,5%) – низким интегративным показателем EQ; 2) согласно результатам авторской методики для выявления уровня инновационной готовности к личностно-центрированному взаимодействию, положительным концептуально-методическим и технологическим показателем способности к личностно-центрированному взаимодействию являются показатели новаторства, энтузиазма и рационализма среди преподавателей высшей школы.

Однако среди респондентов с высоким уровнем интегративного EQ (29 респондентов из 36 – 80,5%) наибольшее число испытуемых обладает такими типами инновационной готовности к обучению, как новатор (10 испытуемых из 29 – 35%) и энтузиаст (7 испытуемых из 29 – 24%), что говорит о полном подтверждении выдвинутой нами второй частной гипотезы о наличии положительной корреляции между эмоциональным интеллектом и концептуально-методическим и технологическим показателями способности к личностно-центрированному взаимодействию преподавателей высшей школы, а также является косвенным подтверждением выдвинутой нами генеральной гипотезы. Полученные данные отражены в ниже приведенной диаграмме.

Исходя из выше представленных данных о проведенном нами эмпирическом исследовании взаимосвязи эмоционального интеллекта и психологической готовности к личностно-центрированному взаимодействию преподавателей высшей школы, мы можем заключить следующее: глобализации и продвижению гуманизации образовательного процесса, играющей, по нашему мнению, ключевую роль в развитии современного общества, способствуют, в том числе, такие качества личностные качества преподавателей, как высокий уровень эмоционального интеллекта, готовность к личностно-центрированному взаимодействию, лежащего в основе творческого развития обучающегося и его потенциала.

В качестве связующего компонента личностно-центрированного подхода преподавателей к процессу обучения и гуманизации образования нами был выбран показатель эмоционального интеллекта. Как отмечает А.И. Савенков, «эмоциональный интеллект, так же, как и академический и социальный, имеет определяющее влияние на достижение успеха индивида не только в повседневной жизни, но и в сфере профессиональной деятельности» [3, с. 25]. Поскольку деятельность педагога относится к реестру помогающих профессий, то эмоциональный интеллект является составляющей профессиональной компетенции специалиста помогающей профессии, что обусловлено спецификой содержания профессиональной деятельности специалиста данного профиля.

Исходя из результатов проведенной нами работы, мы можем заключить следующее: личностные особенности преподавателей, такие как уровень эмпатии, высокий показатель эмоционального интеллекта, высокий уровень субъективного контроля, играют одну из ключевых ролей в области гуманизации образования, поскольку преподаватель так же, как и студент, является субъектом образовательного процесса с точки зрения гуманистической парадигмы образования, подчеркивающей важность именно субъект-субъектных отношений.

Библиографический список

1. Берберян А.С. Психология высшего образования в контексте гуманизации: Учебное пособие. Прага: Vedecko vydavatel'ske centrum «Sociosfera-CZ».
2. Бондаревская Е.В. Теория и практика личностно-ориентированного образования: монография. Ростов-на-Дону, 2000.
3. Савенков А.И., Нарикбаева Л.М. Интеллект, ведущий к профессиональному успеху, как фактор развития профессиональной одаренности будущего специалиста // Одаренный ребенок. 2007. № 6. С. 22-36
4. Сериков В.В. Личностный подход в образовании: концепции и технологии. Волгоград, 1994.
5. Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности: Учеб. пособ. для студентов высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2003.
6. Якиманская И.С. Технология личностно-ориентированного образования. М.: Сентябрь, 2000.
7. Mayer J.D. A field guide to emotional intelligence // Ciarrochi J.D., Forgas J.P., Mayer J.D. (eds.) Emotional intelligence in everyday life. – Philadelphia, P.A., 2001.
8. Rogers C.R. On Becoming a Person. – Boston: Houghton Miffl in, 1961.

**PSYCHOLOGICAL READINESS OF HIGHER SCHOOL ACADEMIC STUFF
FOR PERSONAL-CENTERED INTERACTION**

Abstract. The article reveals the main provisions of the humanization concept of educational system. Such system has its aim to create conditions for self-development of the individual. The purpose of this work is to study the relationship between psychological readiness for personal-centered interaction of Higher school teachers and their emotional intelligence. The methodological basis of the research is scientific works in the field of personality-centered approach to education. As a result of an empirical study together with teachers from different universities, positive conceptual, methodological and technological indicators for personal-centered the following interaction were identified: innovation, enthusiasm and rationalism. This data indicates confirmation of our hypothesis. Personal characteristics of teachers: the level of empathy, a high indicator of emotional intelligence, a high level of subjective control – all of this plays a significant role in the field of humanization of education. Talking about humanistic paradigm of education, these indicators emphasize the importance of subject-subject relations.

Keywords: psychological readiness, teacher in higher education.

ВЕДУЩИЕ МОТИВЫ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ МАГИСТРАТУРЫ

Аннотация. В статье рассматриваются результаты исследования мотивации к процессу обучения в магистратуре по направлению «психология» как важнейшей проблемы личностно-профессионального развития студента. Выделен основной подход к пониманию ведущих мотивов обучения в магистратуре студентов-психологов, как главных из осознаваемых целей обучения. Эмпирическим путем выявлена структура ведущих мотивов обучения студентов-магистрантов направления «психология», описаны различия в характере ведущих мотивов, определяемые личностными особенностями студентов, относящимися к самооценке деловых способностей, к научной осведомленности.

Ключевые слова: ведущий мотив, мотивация обучения магистрантов, самооценка способностей, научная осведомленность.

С каждым годом растет число абитуриентов, желающих поступить в магистратуру факультета управления и психологии КубГУ на направление «Психология». Анализ результатов приемной кампании Кубанского государственного университета показал, что за 2015-2019 гг. среднее число абитуриентов магистратуры при запланированных контрольных цифрах составило 5 человек на бюджетное место. Аналогичная ситуация и с местами с оплатой по договору.

Обучение в магистратуре стало на сегодняшний день перспективным запросом личности и общества, отвечающим целям и мотивам личностно-профессионального развития магистрантов. Магистерское образование способствует развитию личностных характеристик, становлению компетентности, определяет дальнейшее направление профессиональной деятельности [1].

Ведущая деятельность в период обучения в магистратуре та же, что и на возрастном этапе юности или ранней взрослости: речь идет об учебно-профессиональной деятельности. Но отличительной чертой обучения на этом этапе выступает сочетание нескольких ведущих деятельностей (помимо учебно-профессиональной). Так, одним из основных видов профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники, освоившие программу магистратуры, согласно ФГОС, является научно-исследовательская. Поступление в магистратуру нередко становится шагом на пути к вхождению в науку, хотя многие выпускники остаются в практике.

Основными факторами эффективности обучения в магистратуре выступают личностные ресурсы студентов, в первую очередь мотивация обучения.

Известно, что деятельность человека полимотивирована. Другими словами, конкретная деятельность чаще всего служит удовлетворению сразу нескольких потребностей. Одни мотивы при этом выступают в роли ведущих, тогда как другие являются подчиненными, обеспечивающими дополнительную энергетическую поддержку. Одни студенты приходят в магистратуру для приобретения новых знаний и дополнительной специализации в профессии, другие – для получения диплома, так как он может быть полезным для карьерного роста, и др.

Обзор научной литературы позволил выделить изучение ведущих мотивов обучения студентов магистратуры как научную проблему, которая имеет прикладное значение. Мы опирались на определение исследователей в рамках концепции о развитии мотивации в период обучения (Г.В. Беляева, Е.Ф. Климов, А.Г. Маклаков, А.К. Маркова, Г.А. Мухина, А.Н. Печников и др.), предполагающее, что не все мотивы, побуждающие к деятельности, равнозначны: один из них, главный, называется мотивом ведущим, второстепенные – мотивами-стимулами. Именно ведущий мотив обладает смыслообразующей функцией [3].

На основании проведенного анализа научной литературы можно заключить, что ведущие мотивы обучения студентов магистратуры – это сложная психологическая переменная, в составе которой можно выделить следующие понятия:

- мотивы обучения студента;
- ведущий мотив обучения студента;
- ведущий мотив обучения студентов магистратуры [4].

В нашем исследовании мы рассматриваем ведущий мотив обучения студентов как главную из нескольких осознаваемых ими целей обучения.

Формулируя основную гипотезу исследования, мы предположили, что выделяются различные ведущие мотивы обучения в магистратуре студентов-психологов, как главные из осознаваемых целей обучения.

Второй гипотезой нашего исследования явилось предположение, что различия в характере ведущих мотивов студентов-магистрантов во многом определяются их личностными особенностями, относящимися к самооценке деловых способностей, к научной осведомленности,

Актуальность исследования обусловлена малой представленностью эмпирических исследований ведущих мотивов обучения в магистратуре, личностных особенностей студентов-магистрантов, относящихся к самооценке деловых способностей, к научной осведомленности.

Исследование проведено на базе факультета управления и психологии Кубанского государственного университета (магистратура по направлению «Психология»). В состав выборки вошли 126 студентов-магистрантов направления «Психология» в возрасте от 22 до 36 лет (средний возраст), среди них 38 мужчин (31 % выборки) и 88 женщин (69 % выборки).

Для выявления ведущих мотивов обучения студентов-магистрантов применялся опросник «Мотивы обучения в магистратуре» (автор С.Д. Некрасов), составленный на основе методики незаконченных предложений. Для выявления мотивов обучения магистрантам предлагалось закончить предложение: «Целью моего обучения в магистратуре является...»

Для проверки части гипотезы о том, что различия в характере ведущих мотивов студентов-магистрантов определяются их личностными особенностями, относящимися к самооценке деловых способностей, к научной осведомленности, были проанализированы данные, полученные с помощью методики «Самооценка способностей» (автор С.Д. Некрасов). В самооценку способностей вошли параметры: самооценка деловых способностей, самооценка учебных способностей, самооценка психологических способностей, самооценка исследовательских способностей. Мы анализировали способности, которые студент оценивает выше других: «высокие деловые способности», «высокие учебные способности», «высокие психологические способности», «высокие исследовательские способности».

Для статистической обработки результатов применялись методы сравнительного анализа данных (фи-критерий Фишера, критерий Краскела-Уоллеса ($p < 0,05$)).

Методом контент-анализа в качестве смысловых единиц выделены различные мотивы, которые мы объединили в три основные группы: «на науку», «на карьеру» и «на учебу».

Контент-анализ показал, что в структуре мотивации студентов-магистрантов направления «Психология» ведущим является мотив «на карьеру». 45% студентов указали главной целью «получение профессии», «получить психологическое образование», «дальнейшее трудоустройство», «повышение квалификации» и т.п. Данный мотив свидетельствует о превалировании внутренних оснований при принятии решения о продолжении профессионального образования. Студенты-магистранты увлечены профессией психолога, считают ее важной и перспективной.

Возможно, это объясняется тем, что хотя магистранты имеют уже высшее образование, у них нет четкого представления о профессиональном будущем, поэтому обучение в магистратуре они воспринимают как возможность «получить новую профессию», «возможность трудоустройства», «повышение квалификации» и «открытия нового дела». Следовательно, обретение профессиональных компетенций является для студентов магистратуры первоочередной задачей.

На втором месте мотив «на учебу» (39% респондентов). Магистранты с преобладанием данного мотива стремятся к получению новой информации, и поэтому самостоятельно осваивают дополнительную литературу, изучают учебные дисциплины. Им не требуется внешний контроль для того, чтобы хорошо учиться.

Скорее всего, это объясняется тем, что цели и задачи обучения в магистратуре принимаются студентами как лично значимые, они считают обучение необходимым для «личностного роста», «познания себя», осознают себя в роли студента, основной задачей обучения считают получение новых «глубоких и прочных» знаний».

Мотив «на науку» на третьем месте. 16% студентов в нашей выборочной совокупности связывает обучение в магистратуре с решением задачи «заниматься научной деятельностью», «возможность написания и защиты диссертационной работы» и т. п.

Целью магистерской программы, согласно ФГОС, является формирование современного конкурентоспособного специалиста в области психологии, способного к самостоятельной научно-исследовательской деятельности. Если соотнести мотивы группы «на науку» с мотивами удовлетворения потребностей «высшего уровня», то мотив можно сопоставить с «мотивом достижения», стремлением к успеху, достижению цели. То есть этот мотив имеет невысокую значимость для магистрантов.

Таким образом, выделено три группы ведущих мотивов обучения в магистратуре по направлению «Психология» как главных из осознаваемых целей обучения: «на карьеру», «на учебу», «на науку».

Далее мы проанализировали данные, полученные с помощью методики «Самооценка способностей» (автор С.Д. Некрасов), и выявили различия в характере ведущих мотивов студентов-магистрантов, связанные с их личностными особенностями, относящимися к самооценке деловых способностей, к научной осведомленности.

Мы анализировали способности, которые студент оценивает выше других: «высокие деловые способности», «высокие учебные способности», «высокие психологические способности», «высокие исследовательские способности».

Сравнительный анализ эмпирических данных показал, что процент студентов, у которых высокая самооценка психологических способностей, с ведущим мотивом

«на науку» (6%) статистически значимо меньше ($p < 0,05$) процента студентов с ведущим мотивом «на карьеру» (21%). Также выявлено, что процент студентов, у которых высокая самооценка психологических способностей, с ведущим мотивом «на науку» (6%) статистически значимо меньше ($p < 0,05$) процента студентов с ведущим мотивом «на учебу» (22%).

Таким образом, отличительной особенностью студентов с ведущими мотивами «на карьеру» и «на учебу» является то, что среди них больше студентов с высокой самооценкой психологических способностей по сравнению со студентами с ведущим мотивом «на науку».

Анализ научной осведомленности студентов магистратуры свидетельствует о низком уровне этого показателя. Проведен сравнительный анализ эмпирических фактов, относящихся к научной осведомленности студентов, различающихся ведущими мотивами «на науку», «на карьеру» и «на учебу» с помощью критерия множественных сравнений Краскела-Уоллеса ($p < 0,05$).

Выявлено, что у студентов с ведущим мотивом «на науку» научная осведомленность (38%) статистически значимо выше ($H=8,98$; $p < 0,05$) научной осведомленности студентов с ведущими мотивами «на учебу» и «на карьеру» (31%). Таким образом, отличительной особенностью студентов с ведущим мотивом «на науку» является то, что у них выше уровень научной осведомленности по сравнению со студентами с ведущими мотивами «на карьеру» и «на учебу».

На данном этапе проведенного исследования эмпирическим путем выявлена структура ведущих мотивов обучения студентов-магистрантов направления «Психология», описаны различия в характере ведущих мотивов, определяемые личностными особенностями студентов, относящимися к самооценке деловых способностей, к научной осведомленности.

Отметим, что результаты исследования важны для разработки практических рекомендаций по планированию и реализации эффективного мотивационного обеспечения учебного процесса студентов-магистрантов, а также могут быть использованы в консультационных, психокоррекционных и просветительских мероприятиях с абитуриентами и студентами в целях повышения уровня их учебной и профессиональной мотивации.

Библиографический список

1. Босенко М.В. Теоретические подходы к исследованию профессионального самосознания студентов направления "Психология" // Социально-психологические проблемы становления личности в современных условиях: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 13-14 мая 2016 года. Махачкала: ДГУ. С. 142-147.
2. Босенко М.В., Некрасов С.Д. Психологический портрет студентов магистратуры направления "Психология" // Человек. Сообщество. Управление: взгляд молодого исследователя. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2014. С. 10-13.
3. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2011.
4. Пакулина С.А. Психологическая диагностика мотивации достижения успеха студентов в вузе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 12. С. 23-32.
5. Роботова А.С. Проблемы и трудности обучения магистров: взгляд профессора педагогического университета // Непрерывное образование: XXI век. 2017. № 2 (18). С 37-51.

MASTER'S DEGREE STUDENTS LEADING MOTIVATIONS

Abstract. The article deals with the results of the study of motivation for the master's degree in psychology as the most important problem of personal and professional development of a student. The main approach to understanding the leading motives of training in the master's degree of psychology students, as the main of the realized learning goals, is highlighted. Empirically, the structure of the leading motives for teaching undergraduates in the field of psychology is revealed, and the differences in the nature of the leading motives determined by the personal characteristics of students related to self-assessment of business abilities and scientific awareness are described.

Keywords: leading motive, motivation for teaching undergraduates, self-assessment of abilities, scientific awareness.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ ПЕДАГОГОВ К ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Аннотация. Актуальность исследования подчеркивается необходимостью обеспечения профессионального роста самого педагога, а также его готовностью к организации исследовательской деятельности школьников. Цель исследования – определение возможности инновирования системы профессионального роста педагога, отвечающей требованиям времени и выявлению уровня их готовности к организации и проведению исследований обучающихся. В статье представлены результаты диагностики готовности педагогов, согласно которым они отличаются открытостью, интернальным локусом контроля, уверенностью, ответственностью и др. Установлено, что большинство обследованных педагогов стремятся организовывать исследовательскую деятельность школьников, но из-за недостаточного знания теории и методики организации процесса, недостаточно сформированных собственных исследовательских умений не всегда добиваются желаемых результатов. Статья предназначена психологам, сотрудникам и руководителям региональных институтов развития образования и повышения квалификации, педагогам образовательных организаций.

Ключевые слова: психологическая готовность, исследовательская деятельность, педагог, обучающиеся.

Важность системы образования в настоящее время обусловлена следующими императивами: образование является универсальным социальным институтом, охватывающим всех членов общества и воздействующим системно, научно и организовано на формирование человека; обеспечивает производство общественного интеллекта и развитой рабочей силы – главного элемента производительных сил; интегрирует научно-технический прогресс, экономический рост и социально-культурный потенциал в обществе.

Современный учитель должен не только учитывать тенденции развития современного общества, но и соответствовать требованиям системы образования, педагог должен быть готовым идти в ногу со временем и обеспечивать внедрение инноваций.

В Краснодарском крае достаточно развита образовательная экосистема, предполагающая интеграцию всех уровней государственного образования. Вместе с тем, исследования и наблюдения в ходе курсовой подготовки педагогов показывают, что многие из них демонстрируют низкий уровень мотивации к повышению квалификации и готовности к внедрению инноваций.

Психологическая готовность понимается нами как сложное психическое новообразование личности, структура которого состоит из взаимосвязанных компонентов [5]. Психологическая готовность является достаточно сложным психическим новообразованием личности, поскольку она обеспечивает согласованность и единство ее уровней и форм субъективного опыта для успешного выполнения педагогической деятельности [3].

И.А. Зимняя трактовала готовность как целостное проявление всех сторон личности, дающее возможность эффективно выполнять свои функции, а не только как проявление

индивидуально-личностных качеств, обусловленное характером будущей деятельности. Д.Н. Узнадзе и А.Ц. Пуни под готовностью понимали временную работоспособность, предстартовую активизацию психических функций, умение мобилизовать необходимые физические и психические ресурсы для реализации деятельности [4].

С помощью опросника В.Е. Ключко, О.М. Красноярцевой «Психологическая готовность к инновационной деятельности» нами была проведена диагностика педагогов для определения исходного ее уровня [2].

Анализ полученных результатов показал, что более половины обследованных педагогов отличаются открытостью, интернальным локусом контроля, готовностью действовать и уверенностью в собственных силах, ответственностью и выраженностью нестандартных форм поведения и деятельности, что свидетельствует о высокой выраженности признаков психологической готовности к инновационной деятельности. Треть опрошенных респондентов показали средний уровень выраженности показателей психологической готовности к инновационной деятельности.

Для изучения готовности учителей к руководству исследованиями учащихся нами была проведена анкета по теме «Организация исследовательской деятельности учащихся в школе». Анкетирование показало, что типичными трудностями в организации исследовательской деятельности школьников являются недостаточный уровень знаний и умений педагогов в данной области, нехватка свободного времени как у учителей, так и у учеников. В ходе исследования нами были выделены три группы учителей школ по уровню готовности к организации исследовательской деятельности учащихся.

К первой группе (с низким уровнем готовности) мы отнесли тех преподавателей, которые слабо владели теорией и методикой организации работы, у них не были сформированы умения организации исследовательской деятельности в урочное и внеурочное время, они не стремились вовлекать учащихся в исследовательскую деятельность. Учителя данной группы практически не участвовали с учениками в исследовательских конкурсах и конференциях (30% опрошенных респондентов).

Средним уровнем готовности обладали те учителя, которые понимали и стремились организовывать исследовательскую деятельность школьников, но из-за недостаточного знания теории и методики организации процесса, недостаточно сформированных собственных исследовательских умений не добивались желаемого результата (54 % респондентов).

К третьей группе учителей, с высоким уровнем готовности (16 % респондентов), мы отнесли тех педагогов, которые владели теорией и методикой организации исследовательской деятельности, умело вовлекали учащихся в исследовательскую деятельность как во время, так и вне урока, добивались заметных успехов в работе, активно участвовали в различных конкурсах.

Опыт преподавателей первой группы стал для нас ориентиром в нашей работе с учителями школ, позволил разработать программу курса семинаров-практикумов для учителей и классных руководителей по данной проблеме.

Итак, полученные в ходе исследования данные убедили нас в необходимости повышения уровня готовности учителей к организации исследовательской деятельности учащихся. Вместе с тем при выстраивании модели повышения психологической готовности педагогов целесообразно обратить внимание на следующие аспекты:

1. Необходимость психолого-педагогической поддержки педагога, предполагающей реализацию социально-психологических и педагогических способов и методов;

организацию психолого-педагогического сопровождения карьерного продвижения, способствующих социально-профессиональному самоопределению в процессе профессионального развития, адаптированности к условиям реализации собственной профессиональной карьеры; восстановлению потерянных и приобретению новых ресурсов. Это связано со спецификой профессиональной деятельности педагога, обусловленной риском повышенного эмоционального выгорания: высоким психоэмоциональным напряжением; повышенными требованиями к вниманию и памяти, коммуникативными способностями; постоянной нагрузкой на речевой аппарат; продолжительным пребыванием в аудитории [6].

2. Разработка и реализация механизмов осознания необходимости профессионального роста педагога как основы профессиональной карьеры, позволяющей приобретать профессиональную идентичность, рассматривать профессиональную карьеру как возможность выбора образовательных траекторий в соответствии с индивидуальными образовательно-профессиональными потребностями и требованиями социокультурной среды, то есть готовности и способности личности к целенаправленной психической работе по изменению личностных черт и поведенческих характеристик [1].

3. Формирование профессиональной успешности педагога как одной из самых значимых социокультурных установок личности и наиболее высоким критерием оценки профессиональной деятельности, универсальным мотивом самоидентификации.

4. Идентификация и нивелирование рисков профессионального роста педагога, требующих учета его затруднений и потребностей и проецирующихся на результативность его профессиональной деятельности. Различные профессиональные барьеры и препятствия для педагога могут быть разнообразными и связанными: с содержательной стороной деятельности (отсутствие необходимых знаний и умений); мотивационной стороной (отсутствие желания и стремления к чему-либо и т. д.); организационной стороной (отсутствие необходимых условий и т. п.) и другими аспектами деятельности.

Библиографический список

1. Ключко В.Е., Краснорядцева О.М. Особенности операционализации понятия «инновационный потенциал личности» // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 151-155.

2. Краснорядцева О.М., Баланев Д.Ю., Щеглова Э.А. Диагностические возможности опросника «Психологическая готовность к инновационной деятельности» // Сибирский психологический журнал. 2011. Вып. 40. С. 164-175

3. Рерке В.И., Бубнова И.С. Готовность педагогов к инновационной деятельности в образовательной организации: организационно-психологический аспект // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19. № 1. С. 59-67.

4. Rerke V.I., Bubnova I.S., Tatarinova L.V., Berinskaya I.V., Babitskaya L.A. The leadership problem and style of managing the pedagogical staff of pre-school educational organization // Espacios. 2019. Т. 40. № 8. С. 30.

5. Rerke V.I., Bubnova I.S., Tatarinova L.V., Zhigalova O.V., Gordina O.V., Gordin A.I. Motivational Readiness Of Teachers To Innovate In Educational Organization: Psychological Aspect // Espacios. 2019. Т. 40. № 26.

6. Tatarinova L.V., Rerke V.I., Bubnova I.S. Innovative activity of teachers: study and directions of development // Espacios. 2019. Т. 40. № 33. P. 6.

**PSYCHOLOGICAL READINESS OF TEACHERS
TO ORGANIZE STUDENTS' RESEARCH ACTIVITIES**

Abstract. The relevance of the research is emphasized by the need to ensure the professional growth of the teacher, as well as the readiness to organize research activities of schoolchildren. The purpose of the research is to determine the possibility of innovating the system of professional growth of a teacher. Nowadays the system meets the requirements of the time and to identify the level of teachers' readiness to organize and conduct the students' research. The article presents the results of diagnostics of teachers' readiness, according to which they differ in openness, internal locus of control, confidence, responsibility, etc. It is established that most of the surveyed teachers strive to organize research activities of schoolchildren, but due to insufficient knowledge of the theory and methodology of organizing the process, insufficiently formed their own research skills, they do not always achieve the desired results. The article is intended for psychologists, employees and managers of regional institutes of education development and professional development, teachers of educational organizations.

Keywords: psychological readiness, research activity, teacher, students.

РИСКИ В РАЗВИТИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Аннотация. В статье представлена концептуальная постановка вопроса о рисках цифровизации в образовании. Отмечается, что развитие цифровизации является рискогенным фактором и провоцирует рост числа различного рода рисков. Автором выделяется несколько групп рисков и делается вывод о необходимости научного прогнозирования с целью предупреждения их развития в образовательной среде.

Ключевые слова: риск, рискогенная среда, образовательная среда, образовательная система, цифровизация образования, прогнозирование.

Цифровизация образования – глобальный процесс современности. И поскольку этот процесс является неизбежным, следует обладать знаниями в области рисков его применения к условиям конкретной образовательной среды. Предупреждение рисков направлено на оптимальное протекание цифровизации в образовании, что ставит необходимость их изучения и классификации.

Под риском контекстуально понимается реальная или потенциальная угроза, создаваемая внедрением цифровых технологий в образовательный процесс. Поскольку цифровые технологии не являются априори присущими системе образования, а привнесены извне лишь на современном этапе ее развития, то и число угроз образованию как системе и ее участникам при этом возрастает кратно. Умение прогнозировать риски и выстраивать алгоритмированные механизмы по их своевременному предупреждению выступает стратегической задачей управления образованием.

Итак, использование рискованного подхода базируется на теории У. Бека его концепции «общества риска» [2]. Современное общество суть общество изменений, и процессы изменений все более ускоряются. Цифровизация в образовании относится к одним из таких модернизационных процессов, серьезным образом трансформирующих образовательные системы. Цифровизация, в русле теории Бека, представляет собой процесс управления возникающими рисками на основе их прогнозирования.

Понятие «риск» может иметь различную интерпретацию. Мы склонны трактовать его как несвоевременную реакцию образовательной системы на вызовы цифровизации. Так, все риски цифровизации образования мы интерпретируем исходя из понятия «образовательная среда» которое включает в себя несколько базовых элементов, обозначенных нами в предыдущей статье. В соответствии с выделенными компонентами образовательной среды мы выделяем следующие группы рисков цифровизации образования.

Первая группа – технологические риски. Данные риски формируют угрозу разрушения целостности среды, в которой функционирует личность в процессе получения образования, что непосредственно уже отмечалось нами ранее [3]. В случае, если цифровизация образования осуществляется по линии разрыва между системами технологической (включая техническую) и социальной, функционирующих внутри образовательной системы, создается некий вакуум, и указанные подсистемы функционируют автономно. Это создает высокий риск

утраты безопасности личности, поскольку данный раскол нарушает механизм ее адаптации к новым условиям образовательной среды.

Вторая группа – коммуникативные риски. Условно мы предлагаем их разделить на риски социальные и риски психологические. Социальные риски предполагают угрозу вытеснения «живого» общения его виртуализацией. В свою очередь, это приводит к утрате сути человеческого общения как социальной потребности человека. Коммуникация не может заменить собой общение. Образовательная среда конструируется на процессах коммуникации и общения [1, с. 136]. Следовательно, эти два процесса должны постоянно находиться рядом, взаимообуславливая и взаимодополняя друг друга. От утраты одного компонента и замены его другим качество образовательной среды ухудшается, что создает угрозу безопасности личности как человеческого индивидуума. В свою очередь, это продуцирует развитие психологических рисков как угрозы психологической безопасности человека в образовательной среде. Кроме того, коммуникативные риски также связаны с недостаточным вниманием к развитию межсубъектных коммуникаций и, в целом, субъектного пространства образовательных систем; невниманием к новым интересам субъектов образовательной среды, вызванным развитием цифровизации; недостаточным использованием потенциала самоорганизации и развития эффекта синергии в образовательном процессе и управлении им; недостаточным использованием ресурса доверия и диверсификации управления внутри образовательных систем.

Третья группа – информационные риски. Они представляют собой угрозу нарушения целостности информационного пространства внутри образовательной системы. Поскольку информационное пространство становится более динамичным и подвижным, образовательная система и ее участники должны уметь адекватно и своевременно реагировать на ее изменения. Отсутствие данной реакции или ее несвоевременность продуцируют риски запаздывания информации, ее отрыва от внешней среды. Также к информационным рискам следует отнести недостаточную открытость системы информации внутри образовательных систем, ее непубличность; недостаточный уровень информационной грамотности субъектов образовательной среды.

Четвертая группа – ценностно-организационные риски. Изменения в ценностно-организационной среде (системе ценностей в образовании) могут заметно отставать от изменений технологических и коммуникативных. В таком случае происходит дисбаланс между новыми ценностями и ценностями прежними, которые теперь выступают тормозящим фактором в цифровизации. Конфликт ценностей – зона риска в развитии образовательной системы, включая ценности в отношении развития инноваций в образовании.

Пятая группа – риски целеполагания. Внедрение цифровых технологий может вызывать риски несоответствия целей образовательной системы потребностям внешней среды. Отставание в целеполагании означает акцент на статичных знаниях в противоположность потребностям приобретения подвижных, динамичных компетенций. Это, в свою очередь, продуцирует риски утраты стабильности самих образовательных систем, поскольку они становятся неким тормозом в общественном развитии.

Шестая группа – структурные риски, которые можно подразделить на риски организационно-управленческие и риски административные (кадровые). Данную группу рисков можно считать самой объемной, поскольку она создает угрозу стабильности всей образовательной системе и ее развитию во внешней среде. К организационно-управленческим рискам следует отнести все угрозы, связанные с недостаточно активным внедрением новых практик управления образовательным процессом и его подпроцессами, абсолютное доминирование традиционных управленческих практик над новаторскими. При усложнении

среды, формировании полисубъектности социального взаимодействия организационно-управленческие практики часто отстают от скорости изменений, что связано с их инертностью. Административные риски связаны с непрофессионализмом управленческого и административного персонала, отставанием уровня необходимых компетенций от требуемых в условиях цифровизации. Таким образом, выделенные две группы структурных рисков тесно взаимосвязаны и создают угрозы снижения скорости изменений образовательных систем в условиях динамичных изменений внешней среды.

Седьмая группа – ресурсные риски. Данная группа рисков основана на вероятности несоответствия используемых в образовательных системах ресурсов потребностям внешней среды. В эпоху цифровизации происходит увеличение в ресурсном обеспечении доли инновационно-методического и инфокоммуникационного видов обеспечения как совокупности ресурсов, создающих новые возможности для внедрения цифровых технологий. Ответное реагирование образовательной системы на данные вызовы логично предполагает усиление данных составляющих в ресурсном обеспечении. Если этого не происходит, система нарушает баланс самосохранения. В этом состоят ресурсные риски.

Соответственно, не предупреждение каждой из выделенных групп рисков приводит к нарушению работы образовательных систем в определённой перспективе, что связано с прогрессом цифровизации образования и отсутствием адекватного ответа образовательной системы на вызовы внешней среды. В результате своевременного реагирования образовательной системы на вызовы и риски происходит постепенная и впоследствии устойчивая адаптация ее к новой ситуации функционирования в условиях цифровизации. Следовательно, здесь мы выходим на способы определения факторов, а также критериев и индикаторов развития рисков в условиях цифровизации образования.

Библиографический список

1. Баева И.А. Сопровождение психологической безопасности учащихся в образовательной среде // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 6. С. 132-140.
2. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. Панченко О.Л., Мухаметзянова Ф.Г., Хайрутдинов Р.Р. Вызовы и риски цифровизации безопасности личности в условиях цифровизации образования // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: Сб. материалов Всерос. симпозиума психологов / Под общ. ред. Д.В. Сочивко. Рязань, 2019. С. 640-645.

Panchenko O.L.

Kazan (Volga region) Federal University
Kazan

RISKS IN THE EDUCATION DIGITALIZATION DEVELOPMENT AND THEIR CLASSIFICATION

Abstract. The article presents a conceptual presentation of the issue of digitalization risks in education. It is noted that the development of digitalization is a riskogenic factor and provokes an increase in the number of various risks. The author identifies several risk groups. The author concludes that scientific forecasting is necessary to prevent their development in the educational environment.

Keywords: risk, riskogenic environment, educational environment, educational system, digitalization of education, forecasting.

ЛИЧНОСТНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ КАЧЕСТВА ПЕДАГОГА, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ⁴³

Аннотация. Цель исследования заключается в изучении личностных качеств педагогов, предопределяющих особенности их взаимодействия с обучающимися. Сформированность профессионально значимых коммуникативных характеристик и конструктивные характеристики самоотношения педагогов предопределяют становление субъект-субъектного типа взаимодействия. Полученные эмпирические данные о связи эмоциональной составляющей самоотношения педагога и типа взаимодействия с обучающимися позволяют констатировать необходимость введения в практику психологической службы школы поддержки и педагогического коллектива.

Ключевые слова: субъект-субъектное взаимодействие, коммуникативные и личностные качества педагогов.

Уже стало традицией, что профессионализм педагога, эффективность его деятельности и даже педагогические способности связываются с определенным набором личностных качеств [1, 8]. Д.В. Бердниковой, А.А. Печеркиной, Э.Э. Сыманюк описана авторская уровневая модель профессиональной активности педагога. Высшим уровнем профессионализма педагогов определена «активность на уровне личности, которая характеризуется стремлением к самоактуализации, стремлением к смыслу и к общности» [1, с. 425].

Одной из компетенций педагога В.И. Панов определяет «умение встать в рефлексивную (самоосознающую) позицию по отношению к тому, кого учить, зачем учить, чему учить, как учить, кому и где учить, то есть от педагогов требуется осознанное (рефлексивное) понимание того, на какие дидактические принципы, а также психологические закономерности и особенности развития учащихся необходимо опираться в своей работе» [6, с. 122].

Наше исследование выполнено в контексте экопсихологического подхода. Личностные и коммуникативные качества педагога мы рассматриваем как условия, способствующие/препятствующие формированию субъект-субъектного взаимодействия с обучающимися. В данной статье мы рассмотрим особенности самоотношения педагогов и возможные связи с профессионально значимыми коммуникативными качествами.

Самоотношение в отечественной психологии тесным образом связано с «сознательной активной избирательностью переживаний и поступков человека» [5] или же представляет собой «переживание, относительно устойчивое чувство, пронизывающее самовосприятие и «Я-образ» [3]. В своих исследованиях И.И. Чеснокова отмечает, что развитие самосознания осуществляется в последовательности «самопознание – самоотношение – саморегуляция», где эмоциональным компонентом, «концентрирующимся» в системе «Я – Я» выступает самоотношение [10, с. 134]. Ряд исследователей также относят самоотношение к процессуальной эмоционально-оценочной стороне самосознания, рассматривая его как

⁴³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00667 А «Личностный ресурс становления субъектности старшеклассников в современных условиях школьного обучения».

аффективный компонент, связанный с переживаниями человека по поводу имеющихся знаний о себе [4, с. 160], отражающий ценностное отношение к различным сторонам и образам своего «Я» в виде чувства самоуважения, самопринятия, переживания своей успешности [2, с. 625], что позволяет личности «отображать» себя, сохранять внутреннюю стабильность своего «Я» [9, с. 10].

В психологической литературе, посвящённой изучению личностных факторов регуляции поведения, общепризнанным является положение о главенствующей роли самооценочных и рефлексивных процессов. От того, как человек воспринимает самого себя, какие оценки даёт своим качествам, способностям, своей личности в целом (различная степень осознанности) зависят и характер его взаимоотношений с другими людьми, эффективность его деятельности, а тем самым и дальнейшее развитие его личности [10].

В результате многочисленных исследований отечественной психологии можно сделать вывод, что самоотношение на каждом конкретном этапе развития личности, с одной стороны, отражает уровень развития самопознания и эмоционально-ценностного отношения к себе, а с другой – является важнейшим внутренним условием их развития. Эти характеристики во многом объясняют природу взаимодействия самоотношения и саморегуляции, но недостаточно глубоко раскрывают природу действенной функции эмоционально-ценностного отношения к себе. Остаются неясными реальные причины, в силу которых происходит обеспечение самореализации личности или наоборот – торможение процессов самореализации и самоактуализации.

Эмоционально-ценностное отношение к себе, характеризующееся конгруэнтностью, самопрятием, мы определили как конструктивную самооценку, способствующую самодвижению и саморазвитию личности. Оно возможно, если даже самооценка «занижена, неадекватна, неустойчива» - широко используемые термины, описывающие характеристики самооценки. Тем не менее эти характеристики не становятся барьером для личностного развития человека, поскольку самопринятие как эмоционально интегральная характеристика, выражая в данном случае веру в себя, является своеобразным источником самодвижения и саморазвития личности. Деструктивно-эмоциональное отношение, характеризующееся неприятием себя, внутренним конфликтом с собой становится тем личностным внутренним барьером, который приводит к деформации или блокировке саморазвития и самореализации. То есть деструктивно влияет на общую линию развития личности, а также приводит к конфликтности межличностного взаимодействия субъекта. Такое эмоционально-ценностное отношение к себе мы определили как деструктивную самооценку. При этом надо отметить, что самооценка может характеризоваться как адекватная и устойчивая. Остановимся чуть подробнее на отличии общепринятых характеристик самооценки от предлагаемых – конструктивности / деструктивности. Когда используются термины «завышенная» или «заниженная» предполагается сравнение себя с другим(и). Если использовать слово «сравнение», то оно касается себя с самим собой в контексте своей жизни. Следующим существенным различием является тот факт, что характеристики конструктивности/деструктивности, описывающие интегральное эмоциональное отношение к себе, дают возможность определить их действенную функцию.

Человек с конструктивной системой самоотношения при общении с другими способен воспринимать его индивидуальность, учитывать его мнение, а также принимать себя, осознавать свои мотивы и действия по отношению к другому. По-видимому, особенности системы самоотношения могут рассматриваться в качестве важной составляющей в формировании у человека субъект-субъектного типа взаимодействия с другими, сущностной

характеристикой которого является признание индивидуальности и ценности субъектности другого.

Для эмпирической проверки сформулированных предположений становится очевидной необходимость создания и апробации методик, позволяющих выявить особенности конструктивности/деструктивности самоотношения и коммуникативных способностей педагога. Еще одной причиной создания методического инструментария является тот факт, что существующие методики, нацеленные на коммуникативные характеристики, к сожалению, не ориентированы на специфику профессионально значимых коммуникативных навыков педагогической деятельности.

В эмпирическом исследовании приняли участие 72 педагога (среднее звено и старшее) и 402 обучающихся 7-11 классов этой же общеобразовательной Московской школы. Нами были использованы методики «Особенности самоотношения» для педагогов и для школьников – «Удовлетворенность обучающихся отношением педагогов».

Методика с рабочим названием «Особенности самоотношения» состоит из следующих шкал: вера в себя, осознанность, самоуважение, аутосимпатия и самоуправление. Психометрические показатели методики «Самоотношение»: Альфа-Кронбаха по всей методике 0.803; по шкалам от .732 до .813. Показатели асимметрии, эксцесса и Колмагорова-Смирнова обосновывают использование коэффициента Спирмена.

Другой методикой, с результатами которой мы провели корреляционный анализ с целью изучения возможных связей особенностей самоотношения и профессионально значимых коммуникативных характеристик, является методика «Коммуникативные качества педагогов» [7].

Методика состоит из четырех шкал: 1. Принятие другого таким, каков он есть. 2. Создание доверительного отношения в ситуации взаимодействия. 3. Пробуждение у обучающихся чувства веры в свои возможности – один из ключевых аспектов, который целенаправленно создается педагогом в рамках образовательной деятельности. 4. Способность профессионала воздерживаться от вмешательства и давления на другого – уважение к свободе выбора ребенка, отказ от манипулирования предполагают: быть рядом с ребенком, со-действовать, со-трудничать, со-проводать его, особенно при решении затруднительных жизненных ситуаций [7].

Выявлено, что в эмоциональном плане у педагогов доминируют негативные состояния, кроме ситуации поддерживающего отношения, которое получило позитивный результат и на поведенческом уровне. Важная составляющая профессионально значимого коммуникативного качества – способность не давить на другого, в данном случае на обучающегося, – не получила положительных оценок как в эмоциональном, так и в поведенческом компонентах. В целом полученные результаты свидетельствуют о доминировании деструктивной эмоциональной составляющей коммуникации педагогов. По методике «Особенности самоотношения» выявлено, что высокий уровень конструктивного самоотношения среди педагогов представлен низким процентом, в среднем около 7% опрошенных, осознанность – 4,2%, аутосимпатия – 8,4%. Надо отметить, что самоуважение и самоуправление получили более высокие показатели (14,1 и 18,3%).

Результаты корреляционного анализа с использованием коэффициента Спирмена между принятием других и: самоуважением (.399); верой в себя (.344); самоуправлением (.382); самоуправлением (.407) при $p < 0,001$. Отказ от давления на другого: самоуважение (.411); вера в себя .294 при $p < 0,05$.

Обучающимся этой же школы предлагалась методика, одна из шкал которой направлена

на выявление степени удовлетворенности учащихся отношением педагогов к ним. Оценивалось отношение педагогов к подросткам, связанное не с выставлением отметок ученикам на уроках, а в целом с восприятием ребенка как личности. Показатели дескриптивной статистики по шкале: асимметрия = 0.146 (при ошибке асимметрии 0.122); эксцесс = 0.420 (при ошибке эксцесса 0.243); внутри шкальная согласованность – Альфа Кронбах соответствует 0.701. Выявлено, что более трети обучающихся школы испытывают неудовлетворенность отношением к ним со стороны учителей, которое связано с пренебрежительным отношением учителей к личным чувствам, воспринимаемым как капризы, бунт или как нечто несерьезное. По словам подростков, такое отношение «отбивает желание что-либо вообще делать или стараться». С другой стороны, считают обучающиеся, когда взрослые доверяют, верят, и «вообще видят в нас личность и уважают», то «хочется еще лучше подготовить домашнее задание и лучше себя вести».

Результаты проведенного исследования показывают, что профессионально важные коммуникативные качества педагога имеют связь с характеристиками самооотношения. Выявлена тенденция, выражающаяся в том, что конструктивные характеристики самооотношения могут предопределять проявление, реализацию следующих коммуникативных качеств педагогов: принятие личности другого такой, какова она есть (безоценочное отношение к личности); создание доверительных отношений с обучающимися; пробуждение у другого чувства уверенности в своих возможностях; умение педагога воздерживаться от давления на другого и отказ от манипулирования.

Полученные эмпирические данные о влиянии эмоциональной составляющей самооотношения педагога на тип взаимодействия с обучающимися позволяет констатировать необходимость введения в практику психологического сопровождения деятельности педагогов. Традиционно психологическая служба ориентирована в большей степени на обучающихся и их родителей, а личность педагога, являясь, безусловно, одним из важных субъектов в образовании, остается пока без должной психологической поддержки.

Библиографический список

1. Бердникова Д.В., Печеркина А.А., Сыманюк Э.Э. Модель профессиональной активности педагога // Наука – образование – профессия: системный личностно-развивающий подход / Под общ. ред. Л.М. Митиной. М.: Перо, 2019. С. 423-426.
2. Белова И.М., Парфенов Ю.А., Сологуб Д.В., Нехвядович Э.А. Структурные и динамические характеристики компонентов самосознания: системный подход // Фундаментальные исследования. 2014. № 3. С. 620-628.
3. Бодалев А.А., Столин В.В. Общая психодиагностика. СПб.: Речь, 2000.
4. Мохова Ю.А. К вопросу о структуре самосознания личности // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2012. № 1. С. 157-160.
5. Мясищев В.Н. Психология отношений / Под ред. А.А. Бодалева. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1995.
6. Субъект-средовые взаимодействия: эконсихологический подход к развитию психики (Коллективная монография) / Под. ред. М.О. Мдивани. М.: Перо, 2017.
7. Суннатова Р.И. Субъектность педагога как субъекта универсальных учебных действий // Перспективы науки и образования. 2020. № 1. С. 312-328.
8. Федоров А.А., Илалтдинова Е.Ю., Фролова С.В. Педагогическая одаренность: психолого-педагогические решения выявления, отбора и сопровождения // Перспективы науки и образования. 2019. № 1. С. 262-274.

9. Хватова М.В. Самоотношение в структуре психологически здоровой личности // Гаудеамус: психолого-педагогический журнал. 2015. № 1. С. 9-17.

10. Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977.

Sunnatova R.I.

Psychology Institute, Russian Academy of Education
Moscow

PERSONAL AND COMMUNICATIVE QUALITIES OF A TEACHER THAT DETERMINE SUBJECT-SUBJECT INTERACTION

Abstract. The purpose of the research is to study the personal qualities of teachers that determine the features of their interaction with students. The formation of professionally significant communicative characteristics and constructive characteristics of teachers' self-attitude determine the formation of the "subject-subject" type of interaction. Empirical data on the emotional component of self-evaluation of the teacher and the type of interaction with students, allow us to state the necessity of introducing psychological services school support and teaching staff.

Keywords: subject – subject interaction, communicative and personal qualities of teachers.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20-013-00667 A.

ПРОКРАСТИНАЦИЯ КАК ФЕНОМЕН И ОБРАЗ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА, ОСОБЕННОСТИ КОРРЕКЦИИ

Аннотация. В статье анализируются подходы к пониманию феномена прокрастинации и ее последствий: трудности обучения, проблемы самореализации, нарушения профессиональной идентичности и т. д. Приведено описание эксперимента по коррекции академической прокрастинации студентов педагогического профиля, направленного на снижение уровня общей прокрастинации, повышение уровней учебной мотивации и волевого потенциала личности. Подчеркивается эффективность применения просветительских методов в комплексе с методами морально-эмоциональной поддержки, активизирующих игр и элементов психотренинга.

Ключевые слова: прокрастинация, академическая прокрастинация, коррекция, профессиональное становление.

Прокрастинация (англ. procrastination, от лат. procrastinatus: pro- (вместо, впереди) и crastinus (завтрашний) – понятие в психологии, обозначающее склонность к постоянному «откладыванию на потом» выполнение своевременных, уместных действий, приводящее к ухудшению качества работы и отрицательным эмоциональным реакциям. Так определяет прокрастинацию К. Лэй – известная исследовательница данного феномена [1, с. 125].

Прокрастинация представляет собой комплексный, неоднородный в психологическом плане феномен, включающий в себя поведенческие, эмоциональные и когнитивные компоненты, тесно связанный с мотивационной сферой личности. Он проявляется, прежде всего, в поведении: в задержке выполнения необходимой деятельности, в откладывании принятия решения. Человек, осознавая необходимость выполнения вполне конкретных важных дел (например, своих должностных обязанностей), игнорирует эту необходимость и отвлекает свое внимание на бытовые мелочи или развлечения. Также прокрастинация может являться психологической особенностью характера человека, который способен продуктивно работать лишь в состоянии стресса из-за недостатка выделенного на работу времени. Обычно у таких людей, страдающих прокрастинацией, всегда возникает желание отложить выполнение дела или принятия какого-либо решения на поздний срок. Эту точку зрения защищают зарубежные психологи У. Симпсон, Т. Пичил и Дж. Феррари. Они описывают «возбуждающую прокрастинацию» – осознанное откладывание дел на потом с целью получения острых ощущений от выполнения задачи непосредственно перед наступлением крайнего срока. Но эта позиция является дискуссионной, так как возбуждающая прокрастинация может быть всего лишь частным случаем самооправдания, вызванного классической прокрастинацией [2, с. 28]. Прокрастинация способствует возникновению ряда проблем: потеря продуктивности выполняемой работы; отсутствие точно поставленных целей; страх перед новыми задачами; постоянное отлынивание от дел.

Но существует и другая интерпретация данного явления. Нейл Фьоре определяет прокрастинацию как форму поведения, выработанную для борьбы с тревожностью, возникающей в начале работы и в попытках завершить дело. Он пишет, что прокрастинация – не причина проблем, а скорее попытка разрешить другие основные проблемы, например, низкая самооценка, перфекционизм, страх допустить ошибку или боязнь успеха, нерешительность, неумение

распоряжаться временем или неэффективное целеполагание. «Прокрастинация – это механизм совладания с тревогой, сопряженной с началом или завершением задания или принятием решения». Исходя из этого определения, Н.Фьоре утверждает, что больше всех подвержены прокрастинации люди, которым сложно начать работу, которые боятся критики, ошибок [3].

Эта проблема за последнее время стала одной из самых распространенных во всем мире, и перед психологической наукой встает важная задача изучения причин и предпосылок возникновения прокрастинации. Феноменология прокрастинации достаточно обширна. Эта проблема может затронуть любую сферу деятельности человека: учебную (откладывание домашних работ, подготовки к экзаменам), трудовую (неспособность сдать работу в срок), социальную (откладывание встреч, звонков и т. д.), бытовую (откладывание ремонта, откладывание домашних обязанностей). Все это обуславливает высокую актуальность и практическую значимость исследования феномена прокрастинации.

Высшее образование ставит перед современными студентами задачу выполнения достаточно объемных работ, что требует высокого уровня самоорганизации и активности. В студенческом возрасте очень актуальна «академическая прокрастинация», которая касается несвоевременной сдачи контрольных и курсовых работ, отчетов, домашних заданий, написания эссе, откладывания подготовки к экзаменам на последнюю ночь и т. п. Академическая прокрастинация приводит к трудностям в освоении специальных знаний в процессе профессиональной подготовки, нарушению профессиональной идентичности и самореализации, а также затрудняет осуществление планов профессионального развития. Об этих и других особенностях проявления прокрастинации на этапе профессиональной подготовки свидетельствуют результаты исследований как зарубежных психологов (Дж. Бурка, В. Кнаус, К. Лэй, Т. Пичил, П. Рингенбах, У. Симпсон, П. Стил, Дж. Феррари, А. Эллис и Л. Юэн и др.), так и российских авторов (Я.И. Варваричева, М.В. Зверева, Н.Н. Карловская, С.Б. Мохова, А.Н. Неврюев, О.О. Шемякина и др.).

Теоретический анализ проблем прокрастинации выявил противоречия между потребностью студентов в коррекции прокрастинации и недостаточным уровнем организации этой коррекции в условиях вуза, а также малым количеством научных разработок данного феномена у студентов педагогического профиля. Представляется, что такого рода исследования позволят повысить уровень подготовленности студентов к успешному осуществлению своей будущей профессиональной деятельности. Кроме того, на сегодняшний день остается актуальным вопрос о способах и методах предупреждения, коррекции и профилактики данного явления среди студентов.

Это противоречие легло в основу исследования особенностей прокрастинации обучающихся, в ходе которого было необходимо обосновать и экспериментально апробировать коррекционную программу по преодолению академической прокрастинации студентов педагогического профиля. В качестве участников выступили 62 студента в возрасте от 17 до 19 лет, обучающихся на 1 курсе факультета педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» г. Майкопа, Республики Адыгея. Из них были сформированы экспериментальная и контрольная группы. Исследование состояло из трех этапов: первичной диагностики уровня академической прокрастинации студентов, реализации экспериментальной коррекционной программы «Как перестать откладывать всё на завтра» и контрольной итоговой диагностики.

Исходный уровень прокрастинации студентов и его изменения по завершению эксперимента определялись с помощью методик: «Опросник общей прокрастинации (шкала TGPS)» (Б. Такман); «Шкала академической прокрастинации для студентов» (С. Лэй); «Шкалы

академической мотивации» (авторы Т.О. Гордеева, О.А. Сычев, Е.Н. Осин); «Диагностика волевого потенциала личности» Н.П. Фетискина, В.В. Козлова, Г.М. Мануйлова.

Организационно коррекционная программа рассчитана на 20 часов, осуществлялась на протяжении 10 недель, с кратностью 1 раз в неделю, каждое занятие длилось 2 академических часа. Содержательно направлена на обеспечение:

- благоприятных условий коррекции академической прокрастинации студентов педагогического профиля;
- снижение уровня общей прокрастинации, повышение учебной мотивации, развитие у студентов волевых качеств;
- формирование внутренней готовности студентов к осознанному и самостоятельному построению, корректировке и реализации перспектив индивидуально-личностного развития и самосовершенствования.

Для коррекции прокрастинации использовались группа методов:

- просветительские методы: познавательные лекции по теме борьбы с прокрастинацией, фильмы-демонстрации методов достижения успеха в учебной деятельности, занятия по повышению учебной мотивации;
- методы индивидуальной и групповой психодиагностики: беседы-интервью закрытого и открытого типа, использование игровых и тренинговых ситуаций с учетом индивидуальных особенностей студентов;
- методы морально-эмоциональной поддержки студентов по коррекции академической прокрастинации: создание ситуаций, мотивирующих раскрытие индивидуально-личностных особенностей студентов, активизирующие методы (игры) с элементами психотренинга;
- методы оказания помощи в выборе путей коррекции академической прокрастинации: построение цепочки основных ходов, системы различных вариантов действий студентов для достижения цели, использование различных схем альтернативного выбора, тренинги коррекции академической прокрастинации, повышения внутренней мотивации и учебы, уверенности в себе, снижения уровня тревожности.

Участники коррекционной программы «Как перестать откладывать всё на завтра», в отличие от членов контрольной группы, познакомились с общей информацией о прокрастинации как психологическом явлении, ее видах, причинах возникновения и проявлениях в повседневной жизни, сформировали представление об особенностях академической прокрастинации студентов. Затем они узнали закономерности развития волевой сферы личности и получили практический личный опыт развития своих волевых качеств на тренинговых занятиях. Далее они рассмотрели мотивационную сферу как фактор возникновения академической прокрастинации и перешли к анализу проблемы ответственности личности за события собственной жизни и учебной деятельности, закрепили полученные знания в личном опыте через тренинговые упражнения. Таким образом, теоретически и практически были проработаны основные причины возникновения и проявления академической прокрастинации.

В результате внедрения коррекционной программы «Как перестать откладывать всё на завтра» в экспериментальной группе сократился уровень общей прокрастинации: высокий уровень сократился (с 56% до 35%), средний увеличился (с 31% до 47%), низкий уровень повысился (с 13% до 18%). В контрольной группе отмечается рост числа респондентов с высоким уровнем сформированности общей прокрастинации с 50% до 56%.

Также у студентов экспериментальной группы было зафиксировано снижение и академической прокрастиции. Высокий уровень сократился с 50% до 25%, средний укрепился

с 31% до 37%, благодаря чему низкий уровень увеличился с 19% до 38%. У испытуемых контрольной группы существенных изменений не наблюдалось.

После проведения коррекционной программы у студентов экспериментальной группы повысился уровень учебной мотивации. Познавательная мотивация изменилась с 19% до 31%, мотивация достижения – с 19% до 38%; мотивация саморазвития – с 25% до 44%; мотивация самоуважения – с 38% до 58%. Уровень интроецированной мотивации снизился с 31% до 25%; экстернальной мотивации – с 56% до 44%; амотивация сократилась с 19% до 12%. Среди испытуемых контрольной группы, напротив, отмечено усугубление сложившейся ситуации: уровень интроецированной мотивации возрос с 38% до 44%, что говорит об актуальности и эффективности коррекционной программы по преодолению академической прокрастинации.

Также выявлена более высокая положительная динамика уровня развития волевого потенциала студентов экспериментальной группы по сравнению с контрольной: низкий уровень сократился с 50% до 31%, средний повысился с 38% до 44%, высокий возрос с 12% до 25%. В контрольной группе количество студентов с высоким уровнем развития волевого потенциала увеличилось незначительно (с 11% до 17%).

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что у участников эксперимента, студентов педагогического профиля, преобладает высокий уровень общей прокрастинации, низкие уровни учебной мотивации, и волевого потенциала личности. Это обосновывает актуальность и необходимость разработки и реализации коррекционной программы по оптимизации академической прокрастинации у испытуемых.

Коррекция академической прокрастинации студентов будет эффективной при условии применения в программе комплекса просветительских методов, методов индивидуальной и групповой психодиагностики и методы морально-эмоциональной поддержки студентов с использованием активизирующих игр с элементами психотренинга.

Библиографический список

1. Варваричева Я.И. Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии. 2010. № 3. С. 121-131.
2. Мохова С.Б., Неврюев А.Н. Психологические корреляты общей и академической прокрастинации у студентов. // Вопросы психологии. 2013. № 1. С 24-35.
3. Фьоре, Н. Легкий способ начать новую жизнь. Как избавиться от стресса, внутренних конфликтов и вредных привычек / Пер. с англ. В. Кузина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014.

Yurina A.A.
Adyghe State University
Maykop

PROCRASTINATION AS PHENOMENON AND LIFESTYLE OF A MODERN STUDENT: CORRECTION PECULIARITIES

Abstract. The article analyzes different ways in understanding the phenomenon of procrastination and its consequences: learning difficulties, problems of self-realization, violations of professional identity, etc. The article describes an experiment on correction academic procrastination of pedagogical students, aimed to reduce the level of general procrastination, increasing the levels of educational motivation and volitional potential of the individual. The effectiveness of using educational methods in combination with methods of moral and emotional support, activating games and elements of psychotraining is emphasized.

Keywords: procrastination, academic procrastination, correction, professional development.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алдашева Айгуль Абдулхаевна, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии труда, эргономики, организационной и инженерной психологии, Институт психологии РАН, (Москва).

Аполлонов Иван Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и психологии, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар)

Аранова Светлана Владимировна, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник, НИИ педагогических проблем образования Института педагогики, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург).

Арчакова Татьяна Олеговна, эксперт Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко, психолог-методист Благотворительного детского фонда «Виктория», Благотворительного фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам» (Москва).

Асламазова Лилия Артуровна, кандидат психологических наук, доцент, Адыгейский государственный университет (Майкоп).

Багадирова Сусанна Кимовна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии, Адыгейский государственный университет (Майкоп).

Бафанова Валентина Евгеньевна, студент, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар).

Берберян Ася Суреновна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, Российско-Армянский университет, Институт гуманитарных наук, председатель Армянского отделения Профессиональной психотерапевтической лиги, руководитель Армянского отделения Международной академии психологических наук (Ереван, Армения).

Богомолова Екатерина Ильинична, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности и общей психологии, Кубанский государственный университет (Краснодар).

Борисов Георгий Игоревич, старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии, Уральский федеральный университет (Екатеринбург).

Босенко Марина Вилоровна, старший преподаватель кафедры психологии личности и общей психологии, Кубанский государственный университет (Краснодар).

Бубнова Ирина Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления, Кубанский государственный университет (Краснодар).

Бурлаченко Лариса Сергеевна, аспирант кафедры истории, философии и психологии, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар).

Вартанова Ирина Ивановна, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник факультета психологии Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва).

Вержибок Галина Владиславовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, ЧУО «БИП-Институт правоведения» (Минск, Беларусь).

Воронцов Дмитрий Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону).

Воронцова Татьяна Алексеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

Гапченко Елена Александровна, кандидат психологических наук, Государственное бюджетное учреждение Ростовской области Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи (Ростов-на-Дону).

Гарифулина Эльвира Шамильевна, кандидат социологических наук, доцент, Московский государственный психолого-педагогический университет, руководитель программ Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко (Москва).

Горская Галина Борисовна, доктор психологических наук, профессор заведующая кафедрой психологии, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма (Краснодар).

Грушевская Вероника Юлдашевна, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет (Екатеринбург).

Гудзовская Алла Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института изучения общественных явлений (Самара).

Гусейнов Александр Шамильевич, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета (Краснодар).

Дёмин Андрей Николаевич, доктор психологических наук, профессор, Кубанский государственный университет (Краснодар).

Дожер Мэри, Университет Делавэр (Ньюарк, США).

Дроздова Ирина Ивановна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону).

Евстафеева Евгения Александровна, кандидат психологических наук, декан, Челябинский государственный университет (Челябинск).

Жаде Зуриет Анзауровна, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории, истории государства и права и политологии, ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» (Майкоп).

Зеленова Марина Евгеньевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии труда, эргономики, организационной и инженерной психологии, Институт психологии РАН (Москва).

Зинурова Раушания Ильшатовна, доктор социологических наук, профессор, директор Института управления инновациями, заведующий кафедрой менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет (Казань).

Знаков Виктор Владимирович, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии РАН (Москва).

Ивлев Виталий Юрьевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия», Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Москва).

Ивлева Марина Левенбертовна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии, Российский университет дружбы народов (Москва).

Ильинова Надежда Александровна, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социологии, Адыгейский государственный университет (Майкоп).

Иноземцев Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры «Философия», Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Москва).

Иноземцева Юлия Владимировна, аспирант кафедры «Философия», Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Москва).

Карабущенко Наталья Борисовна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов (Москва).

Кимберг Александр Николаевич, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии, Кубанский государственный университет (Краснодар).

Ковалева Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, научный руководитель Центра социально-психологических проблем НИИ комплексных проблем, Адыгейский государственный университет (Майкоп).

Коропец Ольга Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом и психологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

Котлярова Любовь Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (Москва).

Куква Елена Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии, Адыгейский государственный университет (Майкоп).

Куликов Леонид Васильевич, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург).

Кумпилов Тагир Маратович, аспирант, Адыгейский государственный университет (Майкоп).

Кувряк Елена Владимировна, доктор психологических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (Москва).

Лабунская Вера Александровна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

Лихтенштейн Татьяна Николаевна, бакалавр, Кубанский государственный университет (Краснодар).

Лупенко Наталья Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой психологии личности и общей психологии, факультет управления и психологии, Кубанский государственный университет, (Краснодар).

Лушпаева Ирина Игоревна, кандидат психологических наук, доцент, Институт развития образования Республики Татарстан (Казань).

Макаревская Юлия Эдуардовна, кандидат психологических наук, доцент, декан социально-педагогического факультета, Сочинский государственный университет (Сочи).

Маленов Александр Александрович, заведующий учебно-научной лабораторией факультета психологии, зам. декана по общим вопросам, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск).

Маленова Арина Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск).

Маркина Наталья Юрьевна, педагог-психолог, ГБОУ Образовательный центр «Протон» (Москва).

Маркина Ольга Александровна, кандидат психологических наук, педагог-психолог, ГБПОУ КК «Краснодарский технический колледж» (Краснодар).

Матвеева Александра Сергеевна, студентка магистратуры, Кубанский государственный университет (Краснодар).

Мухамедрахимов Рифкат Жаудатович, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

Мухаметзянова Флёра Габдульбаровна, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт международных отношений, Казанский федеральный (Приволжский) университет (Казань)

Нещеретняя Мария Сергеевна, магистр психологии, Сочинский государственный университет (Сочи).

Никитина Дарья Алексеевна, аспирант, Институт психологии Российской академии наук (Москва).

Никитина Татьяна Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет (Казань).

Ожигова Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии, Кубанский государственный университет (Краснодар).

Панченко Ольга Львовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры всемирного культурного наследия Института международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань).

Петросьян Светлана Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогического и психолого-педагогического образования, Сочинский государственный университет (Сочи).

Погонцева Дарья Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, Академия психологии и педагогики Южного Федерального Университета (Ростов-на-Дону).

Поленц Илона Артуровна, кандидат экономических наук, доцент, научный консультант кафедры управления персоналом и психологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

Помазан Игорь Александрович, аспирант, Кубанский государственный университет (Краснодар).

Понамарева Елена Александровна, кандидат психологических наук, психолог в социальной сфере, ГБУ Центр «Детство» (Москва).

Прохоров Александр Октябринович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии института психологии и образования, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань).

Рева Галина Вячеславовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры музыкально-исполнительских дисциплин института искусств, Адыгейский государственный университет (Майкоп).

Рябикина Зинаида Ивановна, доктор психологических наук, профессор, Кубанский государственный университет (Краснодар)

Сергиенко Елена Алексеевна, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт психологии РАН (Москва).

Сериков Геннадий Витальевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону).

Скрипниченко Людмила Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, Кубанский государственный университет (Краснодар).

Суннатова Рано Иззатовна, доктор психологических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник Психологического института РАО (Москва).

Тарасова Валерия Витальевна, ассистент, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар).

Титова Ольга Ивановна, кандидат психологических наук, доцент, Красноярский государственный университет им. В.П. Астафьева, Сибирский юридический институт МВД России (Красноярск).

Ткаченко Ксения Анатольевна, заведующий отделом воспитательной работы УЭТК, Сочинский государственный университет (Сочи).

Туманьян Карина Георгиевна, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург).

Тучина Оксана Роальдовна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории, философии и психологии, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар).

Федорова Алена Эдуардовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления персоналом и психологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

Федотова Елизавета Евгеньевна, студентка факультета психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск).

Хайрутдинов Рамиль Равилович, кандидат исторических наук, доцент, директор института международных отношений, Казанский федеральный (Приволжский) университет (Казань).

Харламенкова Наталья Евгеньевна, доктор психологических наук, профессор, заместитель директора Института психологии РАН (Москва).

Цергой Тереза Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Адыгейский государственный университет (Майкоп).

Чемулова Алена Валерьевна, студент, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар).

Черного Дарья Ивановна, кандидат психологических наук, младший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург).

Шабалина Екатерина Владимировна, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург).

Шадже Асиет Юсуфовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии, Адыгейский государственный университет (Майкоп).

Шакирова Алла Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань).

Шаталова Надежда Евгеньевна, ведущий специалист, Институт психологии Российской академии наук (Москва).

Шиповская Виктория Владимировна, кандидат психологических наук, докторант, Кубанский государственный университет (Краснодар).

Штырев Михаил Михайлович, аспирант кафедры психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов (Москва).

Юрина Алла Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогической психологии, Адыгейский государственный университет (Майкоп).

Ярьско Ирина Вадимовна, магистрант, направление «Психология», Факультет управления и психологии, Кубанский государственный университет (Краснодар).

Ясько Бэла Аслановна, доктор психологических наук, профессор, Кубанский государственный университет (Краснодар).

Carole Shauffer, M.Ed. J.D., Senior Director Strategic Initiatives, Youth Law Center (San Francisco, California, USA).

Kevin Williams, B.Ed [Hons], MA CQSW, CEO, The Fostering Network (London, The United Kingdom).

Liis Saarna, Master's Degree, Board member and Pride trainer, NGO Oma Pere (Tallinn, Estonia).

**ЛИЧНОСТЬ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОБЛЕМ
РАЗЛИЧНЫМИ НАУЧНЫМИ ШКОЛАМИ**

Подписано в печать 07.09.2020 г. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Формат 60 x 84 ¹/₈.
Печать цифровая. Усл. п. л. 40,5. Уч.-изд. л. 45,5. Тираж 300. Заказ № 093.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ИП Магарин О.Г.
385008, г. Майкоп, ул. 12 Марта, 146. Тел. 8-906-438-28-07. E-mail: olemag@yandex.ru